

Кэтрин Куртц Дебора Харрис

Ложа рыси

Аннотация

Сэр Адам Синклер носил множество имен и прожил много жизней, но всегда его миссией было защищать слабеющую силу Света от крепнущей силы Тьмы. И теперь его помощь нужна как никогда. Возродившаяся из небытия зловещая Ложа Рыси, вооруженная древним магическим артефактом друидов, готова нанести удар в сердце Британского королевства.

Кэтрин Куртц, Дебора Харрис

Ложа рыси

*Нашим тетям и дядям:
Стивену и Джейни Картер,
А также светлой памяти
Гретхен и Маршаллу Фишер*

Пролог

В прохладном ночном воздухе затаилась настороженная тишина, но старик чувствовал, что высоко над островерхой крышей башни начинает собираться гроза — слабое электрическое поле шевелило волосы у него на затылке, а по голым рукам бегали мурашки. Сначала она казалась не более чем отголоском в безмолвии, легким, как шорох крыльев летучей мыши, однако с каждым мгновением ее пульсация усиливалась, и вскоре энергия, удерживаемая лишь силой воли того, кто призвал грозу, заметалась над башней, словно огромный крылатый хищник, отчаянно пытающийся освободиться от пут.

Управление этой силой требовало совершенного самоконтроля, приобретаемого долгими годами учения и лишений. Малейшего колебания воли, секундного отвлечения внимания хватило бы, чтобы с трудом сдерживаемая энергия освободилась и обрушилась на

башню, где призвавший ее сидел в окружении двенадцати избранных. Но дряхлый Верховный Мастер давно привык к такому риску. Избранные работали в двенадцатигранной башне, возвышающейся над затерянным среди водопадов и утесов Кэйрнгормских гор домом, похожим на старинный замок. Его построили во времена королевы Виктории, фундаментом же послужил брох¹ еще «железного века», и необтесанные камни прежних строений пошли на воздвижение башни и самого дома.

Древнее происхождение камней было особенно заметно в верхней комнате башни. Массивные, с узкими прорезями окон стены здесь покрывал толстый слой штукатурки, а потолок, разделенный сходящимися в одну точку балками из черного дуба, напоминал колесо. Хотя в дом электричество было проведено, в этой комнате единственным источником освещения оставался газ. По углам комнаты торчали четыре медных фонаря с колпаками из темно-красного стекла — газовые рожки. В их мерцающем оранжевом свете люди в длиннополых одеяниях, что сидели вдоль стен, отбрасывали лишь неясные тени. Тени эти не вторгались в центр комнаты, откуда управлял Силой облаченный в белое Мастер. Он восседал на горе алых подушек в позе лотоса, положив руки на колени ладонями вверх, склонив безволосую голову и закрыв глаза; его худое морщинистое лицо походило на обтянутый высохшей кожей череп.

Перед Мастером на коврике из шкуры черного барана лежала стопка пергаментов, пожелтевших и сделавшихся хрупкими от времени. Поверх этих манускриптов покоился кельтский торк² — дуга шириной в ладонь, выкованная из черного метеоритного железа и искусно украшенная узором с изображениями животных. Среди серебряных фигурок и завитушек орнамента зловеще, словно глаза змеи, сверкали дымчатые топазы. На дуге и было сосредоточено внимание старика. Старик протягивал к древнему украшению руки, зябко поводя ладонями, словно согревая их над невидимым огнем. Скрытая энергия, едва сдерживаемая заклинанием, покалывала пальцы. Даже с закрытыми глазами он ощущал, как могучее магнетическое влияние торка воздействует на стихии, собирающиеся вокруг башни и жаждущие вырваться на свободу.

Укрепив волю для завершающего акта, старик поднял дрожащей рукой торк и надел его на свою тощую шею. Прикосновение холодного металла к горлу погрузило Мастера в еще более глубокий транс, древняя энергия торка смешалась с его собственной. Он откинул голову назад и воздел руки с вздувшимися венами, что было жестом одновременно и умоляющим и повелевающим.

* * *

В сорока милях к востоку тихо дремал под ясными, морозными брызгами ноябрьских звезд королевский замок Балморал. Королева и ее семья вернулись на зиму в Лондон, и потому ответственные за безопасность поместья шотландские гвардейцы несколько расслабились, как бывает с людьми, у которых нет причин ожидать серьезных неприятностей. Однако ночные дозорные в черных беретах и полевой форме, вооруженные новейшими энфилдскими винтовками «булл-пап», регулярно патрулировали территорию замка.

Капрал Арчи Бьюкенен только что закончил ежечасный обход южной лужайки и возвращался к своему посту, привычно поправляя винтовку на плече, когда какое-то движение в небе заставило его посмотреть вверх. Плотный вал черных туч накатывался на замок с запада, двигаясь необычайно быстро. Густые клубы бурлили, как смола в котелке, словно перемешиваемые беспорядочными вспышками зарниц, и всего за несколько секунд тучи закрыли половину неба.

¹ Разновидность круглого, каменной кладки сельского дома или укрепления, покрытого торфом и похожего на ровный холм, встречающаяся в древних пиктских местностях Шотландии. — Примеч. пер.

² Торк (торквес) — шейная гривна, сплетенная из нескольких прядей или из массивного либо полого стержня с печаткообразными или шарикообразными концами. — Примеч. пер.

— Что за черт? — пробормотал Арчи.

Первый раскат грома глухо прокатился над лужайкой, сопровождаемый более отчетливым треском разряда в клубящихся тучах. Короткая вспышка выхватила еще две фигуры в форме — гвардейцы торопились выйти на лужайку, чтобы получше рассмотреть, что творится наверху.

— Эй, Арчи! Видал? — закричал один из них. — Откуда взялись эти тучи?

Не успел Арчи ответить, как слепящая стрела молнии разорвала небо над крышей замка и ударила в торчащую на крыше большой квадратной башни декоративную башенку. Фонтаном взметнулись камни и черепица. Сотрясение почвы швырнуло Арчи на землю. Не вставая на ноги, капрал ползком ринулся под защиту ближайшей ограды, пытаясь прикрыть голову от сыплющихся камней. В голове его, заглушая голос рассудка, крутилось одно слово — «бомба!» Когда барабанный стук падающих обломков наконец затих, Арчи расслышал прерывистый вой сигнала тревоги. С разных концов поместья доносились крики и топот армейских ботинок. Арчи осторожно поднял голову и зажмурился, ослепленный лихорадочно скачущими лучами ручных фонарей.

— Арчи! Ты в порядке, приятель? — Голос раздался совсем близко, и чья-то рука грубо сжала его плечо.

— Ага, дай только дух перевести, — пробормотал Арчи, переворачиваясь на спину. У обоих его товарищей вид был ошеломленный, а лица перепачканы землей.

— Иисусе, что это было? — спросил тот, кто окликнул капрала.

Другой солдат крепче сжал винтовку и тревожно огляделся.

— Похоже на бомбу, так ее растак.

Арчи при помощи товарища сел, осторожно ощупывая себя, но, кроме неизбежных в таких случаях синяков, никаких повреждений не обнаружил. В ушах все еще звенело. Капрал неловко поднялся... и ахнул, поглядев на баронскую башню.

Там, где всего несколько минут назад была изящная башенка, торчал лишь обугленный пенек.

* * *

По другую сторону гор костлявый старик удовлетворенно вздохнул, наслаждаясь мгновением триумфа. Подтверждения придется ждать до утра, когда службы новостей, несомненно, будут только об этом и говорить, но он не сомневался, что цель достигнута.

Мастер медленно, обеими руками снял торк и осторожно положил его на стопку пергаментов. Потом опустил руки на колени и почтительно склонил голову, отдавая дань признательности Силе, что вложила в его руки молнию. Двенадцать служителей склонились вместе с ним, когда они коснулись лбами пола, их тени смешались. Мрачная, торжественная тишина царила в комнате, когда служители выпрямились и склонились снова — на этот раз перед Мастером. Сухо улыбнувшись, старик небрежным кивком ответил на поклоны своих клевретов, потом отпустил их. Оставшись в одиночестве, он устало прилег на подушки, размышляя о том, что предстоит еще сделать.

Глава 1

Стояло чудесное ноябрьское утро. Трензеля серебристо, как колокольчики, позванивали в морозном воздухе. Два всадника поднимались на гребень лесистого холма, возвышающегося над Стратмурн-хаусом. Чистокровный серый, принадлежащий сэру Адаму Синклеру, наострил уши и тихо фыркнул. Он явно почуял запах конюшни и попытался перейти на рысь, но всадник с ласковой твердостью осадил его.

— Спокойно, Халид. Шагом.

Смирный поводьями мерин перешел на степенный шаг, словно между ним и всадником и не возникало разногласий. Второй всадник, светловолосый молодой человек в

золотых очках, заметил с улыбкой:

— Сразу видно настоящего мастера! — и добавил: — Этот серый — чудесное животное, Адам, вы должны позволить мне запечатлеть вас обоих на холсте... Что-нибудь вроде того этюда в гостиной, где изображен ваш отец на своем гунтере. — Он окинул старшего товарища оценивающим взглядом. — Ну как? Хотите конный портрет к Рождеству?

Адам улыбнулся.

— Думаете, ваша рука уже готова к работе? Если да, то о лучшем подарке я и не мечтаю!

Перегрин Ловэт бросил поводья гнедой кобылы и несколько раз демонстративно сжал и разжал пальцы правой руки.

— О, на этот счет не беспокойтесь, — сказал он. — Рука практически как новенькая, и все благодаря вашему строгому надзору за ходом заживления. В сущности, я вернулся к мольберту уже почти неделю назад, и рука разве что изредка побаливает.

— Тем не менее я бы на вашем месте не переутомлялся, — предостерег его Адам. — Рана была очень скверная и могла раз и навсегда положить конец вашей карьере художника. Мне бы очень не хотелось, чтобы нетерпение толкало вас на излишний риск.

Перегрин подобрал поводья, внезапно остро ощутив под перчаткой защитную повязку, которую продолжал носить, когда занимался чем-то связанным с напряжением или грязью. Обстоятельства ранения все еще вызывали у него дрожь. Раны от шпаги не часты в наше время. Но именно воспоминания побудили его взяться за работу, как только сняли швы и он почувствовал, что в состоянии держать кисть.

Перегрин задумчиво покусал губу, пытаясь подобрать слова.

— Это не нетерпение, — сказал он Адаму. — Боюсь, я немного поторопился, но... мне показалось, что медлить нельзя. Ведь наброски, которые я сделал, всего лишь попытка запечатлеть то, что произошло тогда у Лох-Несса.

Адам исподлобья остро взглянул на него.

Они встретились чуть больше месяца назад, и это короткое светское знакомство, начавшееся с профессионального интереса Синклера, переросло в сотрудничество, настолько же желанное для обоих, насколько оно было неожиданным. Молодой художник, возможно, многого еще не понимал, но учился с каждым днем... и явно увлеченнее, чем ожидал от него Адам.

— Я еще не приступал к автопортрету, который вы советовали мне написать, — сказал Перегрин, догадавшись, о чем думает наставник. — Сейчас важнее зарисовать все, что я могу вспомнить о той ночи на берегу Лох-Несса. Тем более что воспоминания о ней каким-то образом связаны с ранением. Сразу после того, что случилось, картинки, возникавшие в моем воображении, были исключительно четкими, различимыми до мельчайших подробностей. Но с тех пор, как рука начала заживать, образы потускнели. Я все еще вижу их, однако теперь это требует гораздо больше усилий.

Теперь Адам смотрел на него во все глаза.

— Интересное предположение, — сказал он. — Почему вы уверены, что дело в вашей ране?

Перегрин поморщился.

— Ну, вы, наверное, смогли бы добраться до воспоминаний, используя гипноз или что-то в этом роде, я же способен добиться этого лишь в случае, если сосредоточу внимание на ране. А поскольку она заживает, я подумал, что мне лучше бы поторопиться с рисованием, пока воспоминания окончательно не стерлись.

В темных глазах Адама зажглась искорка.

— Вы учитесь быстрее, чем я ожидал. Мне бы хотелось поглядеть на ваши работы.

— Почему-то я так и думал, — промолвил Перегрин с легкой усмешкой, которая всего месяц назад была бы невозможна на его губах. — Сегодня я привез их с собой.

Звон стальных подков по булыжникам конюшенного двора привлек внимание Джона, отставного солдата кавалерии Ее Величества, ухаживавшего за лошадьми сэра Адама.

Ухмыляясь, он вскинул руку, словно бы отдавая честь, и поспешил принять поводья у спешившихся.

— Надеюсь, прогулка удалась, сэр?

— Да, великолепно, — не сразу ответил Адам, занятый упряжью Халида. — Мы пустили коней легким галопом на верхнем лугу, а мистер Ловэт даже выполнил несколько несложных прыжков, и надо сказать, успешно. Если так пойдет и дальше, к Рождеству он вполне окрепнет для участия в охоте.

Перегрин закатил глаза в комическом ужасе.

— Боюсь, в этом случае слово «успешно» не совсем точное, но я и в самом деле ухитрился не свалиться!

Лошадей увели в денники, а наездники прошли к дому. Перегрин ненадолго отлучился, чтобы взять папку с заднего сиденья зеленого «моррис-майнор-тревеллера». Когда он вернулся в прихожую и повесил свой шлем рядом со шлемом Адама, тот уже сменил ездовые сапоги на бархатные тапочки, украшенные геральдическим фениксом с герба Синклеров, и вытирал руки.

— Я отнесу это в утреннюю гостиную. — Адам забрал у Перегрин папку. — Хэмфри оставил вам вторую пару тапочек. Если мы наследим на полу, мисс Г. долго не будет разговаривать с нами.

Ухмыляясь, Перегрин снял ездовые перчатки и при помощи особого крючка грязные сапоги, потом сунул ноги в тапочки. Заглянув в умывальню, чтобы сполоснуть лицо и руки, он последовал за хозяином, пройдя по служебному коридору в обитую золотистым дамасом утреннюю гостиную.

Хэмфри, дворецкий, служивший Адаму больше двадцати лет, накрыл завтрак в залитом солнцем эркере. Как всегда, стол украшали накрахмаленная скатерть из ирландского льна, китайский фарфор, хрусталь и антикварное серебро. Адам пил апельсиновый сок из бокала уотерфордского стекла, просматривая заголовки на первой полосе утренней газеты. Хэмфри разливал чай. Когда вошел Перегрин, Адам отсалютовал молодому человеку бокалом, а дворецкий немедленно наклонил свой серебряный чайник над чашкой гостя.

— Доброе утро, мистер Ловэт. Налить вам чаю?

— Доброе утро, Хэмфри. Да, спасибо.

— Сэр Адам сказал, что вы перенесли в сторожку у ворот последнюю из ваших коробок, — продолжал дворецкий. — Надеюсь, новое помещение вам нравится?

Перегрин отодвинул старинное, времен королевы Анны, кресло и сел, изящно подоткнув салфетку. Прошло меньше двух недель, как он принял приглашение Адама пожить в пустой сторожке, что у задних ворот, и уже находил, что она определенно лучше тесной студии на чердаке, которую он снимал в Эдинбурге.

— Более чем нравится, Хэмфри, — ответил с улыбкой молодой человек. — Знаете, я думал, мне будет не хватать суеты и городского шума, но, как ни странно, я очень легко освоился с жизнью сельского джентльмена. Здесь свободнее дышится.

Это экспансивное замечание дало Адаму повод многозначительно улыбнуться, ибо он знал, что Перегрин имеет в виду вовсе не размеры помещения. Если говорить откровенно, Синклер подозревал, что вновь обретенным чувством свободы Перегрин обязан не только изменениям в окружающей обстановке, но и в мировоззрении. Как психиатр Адам, конечно, хорошо знал этот феномен, но в случае Перегрин действовали факторы, представляющие для него особый интерес. Поначалу замкнутому и скрытному, оцепеневшему, как сокол в клетке, художнику теперь предоставлялась возможность расправить крылья. Хотя сам Перегрин не вполне осознавал это, но он уже мог присоединиться к Охоте. И очень скоро, если Адам Синклер правильно истолковал предзнаменования.

— Попробуйте их, Перегрин, — сказал он с улыбкой, когда Хэмфри предложил молодому человеку выстланную льном корзинку с ячменными лепешками. — Мисс Гилкрист привезла их сегодня утром, специально для «славного мистера Ловэта». Вы ей явно приглянулись.

— Охотно попробую, — согласился художник. — Не хотелось бы, чтобы мисс Г. считала меня неблагодарным. Хорошие домоправительницы сейчас на вес... свежих лепешек!

— О да, лучше ее не найти во всей стране, — рассмеялся Адам. — Она приходит ко мне три раза в неделю на полдня и делает при этом больше, чем многие ухитряются сделать за неделю. Не знаю, как бы мы с Хэмфри обошлись без нее. Если она пожелает присматривать за вашей сторожкой, не упускайте случая!

— Ни за что!

Беседа постепенно перешла к обсуждению утренней прогулки, потом к тучам, собирающимся на севере. Лепешки потихоньку исчезли. Хэмфри принес из соседней гостиной складной карточный столик розового дерева и поставил его возле большого стола, за которым завтракали джентльмены.

— А не посмотреть ли нам то, что вы принесли? — сказал Адам, когда Хэмфри удалился на кухню.

Перегрин, проглотив последний кусочек лепешки, поспешно вытер пальцы салфеткой и передвинул кресло к карточному столику. Расстегнув папку и порывшись в ней, он вынул несколько акварелей разных размеров.

— Когда я начинал, мне еще трудновато было держать в руке карандаш, а масло слишком долго сохнет, — объяснил художник, — но даже акварелью я сумел многое запечатлеть. Кроме того, мне всегда казалось, что акварель — лучшая техника для передачи ощущений от промозглой погоды.

На первом рисунке были изображены трое съездившихся под проливным дождем людей. Те, что походили на Адама и самого Перегрина, были едва намечены и почти неузнаваемы, но третья, с полицейским фонарем, совершенно точно принадлежала старшему инспектору Ноэлю Маклеоду, давнему коллеге Адама. Дождь забрызгал его очки в проволочной оправе и стекал по коротко подстриженным седым усам.

— Да уж, — пробормотал Адам, прочитав на обороте подпись «Охотники-специалисты и дилетант». Улыбка исчезла с его лица, когда Перегрин передал ему второй рисунок.

Исхлестанный дождем берег Лох-Несса, зловещее зеленоватое свечение на пологих волнах. Озаренная вспышками молний процессия, состоящая из четырех мужчин в темных балахонах с капюшонами. Двое в середине маленькой колонны, видимо, с трудом тащат небольшой, но тяжелый сундук архаичного вида. Тот, кто замыкает шествие, несет над головой что-то вроде картины в раме, закрываясь ею, как щитом. Четвертый, предводитель странной процессии, в маске, похожей на капюшон палача, держит наготове шпагу. На тяжелом серебряном медальоне, висящем у него на шее, и кольцо на правой руке лежит блик, не позволяющий подробно разглядеть их. Повсюду, над ними и вокруг них, Перегрин нарисовал зловещего вида шары, от которых и исходило зеленоватое свечение. Внутри каждого шара виднелись крылатые гомункулы с широко разинутыми острозубыми пастьми. На обороте рисунка автор нацарапал: «Ярость сидов».

— Кто бы подумал, что такие крошки могут быть столь смертоносными? — Художник смотрел на свою работу, удивленно качая головой. — Следующий кажется еще фантастичнее, если, конечно, не верить в чудовищ по-настоящему.

Он передал Адаму третью акварель. На этом, еще более темном, рисунке двое мужчин съезжились на корме мощного быстроходного катера, скачущего на штормовых волнах. Над катером нависала тень огромного змееподобного существа, поднявшегося из воды по правому борту. Глаза василиска горели тем же зеленым огнем. Посторонний зритель принял бы это изображение за эскиз к обложке романа ужасов, но Адам своими глазами видел чудовище, стоя на берегу возле замка Уркхарт... Однако на рисунке Перегрина было больше, чем Адаму удалось тогда разглядеть. Ибо Перегрин Ловэт обладал даром видеть то, что было недоступно взору других людей. Когда он писал портреты, его кисть фиксировала не столько физическую наружность, сколько духовную сущность модели. До своего знакомства с Синклером Ловэт не знал, как ему применить эту редкую способность. Теперь же, учась

принимать свой талант как дар, а не проклятие, он начал постигать то, что уже было известно Адаму — порой истина лежит за пределами опыта, и доказательства ее не всегда принимают человеческий суд.

Причастность к истине может быть опасной. Последние два рисунка Перегрину свидетельствовали об этом. На одном из них опять можно было видеть человека в капюшоне со шпагой, вернее, богато украшенной итальянской рапирой. Ею он как раз наносил удар, ранивший Перегрину. Правая рука и эфес рапиры были нарисованы подробно, а кольцо с красным камнем — расплывчато.

— Вот кольцо и медальон жоака в деталях. — Перегрин подал Адаму последний рисунок. — Мне пришлось много думать, но в конце концов я понял, что на них изображено.

Рисунок вполне годился в качестве эскиза для заказа ювелиру. Непрозрачный камень в золотом гнезде кольца был искусно превращен в оскаленную морду большой кошки с кисточками на ушах и бакенбардами. На диске медальона рисунок повторялся. При виде его Адам поджал губы, ибо он будил в нем не самые приятные воспоминания.

— Вы видели такое раньше, верно? — спросил Перегрин, заметив, как сузились темные глаза друга.

— Да, — спокойно ответил Адам. — Собственно говоря, изображенное вами кольцо было найдено полицией на берегу озера. Маклеод показал его мне, когда мы вернулись из больницы, где вам наложили швы.

— И что все это значит?

Адам невесело усмехнулся. У Лох-Несса они с Маклеодом постигли правду, хотя и не поделились открытием со своим молодым товарищем. Однако если Перегрину предстоит присоединиться к Охоте, он должен понимать, с кем им пришлось столкнуться.

— Вы видели кольца, которые мы с Нозлем носим во время работы. А это знак Ложи Рыси. — Он постучал по рисунку ухоженным пальцем. — Проще говоря, Ложа Рыси — наш старый враг.

Карие глаза Перегрину изумленно расширились, но он промолчал.

Адам продолжал:

— В последний раз мы сталкивались с ними лет пятнадцать назад, тогда их главой был человек по фамилии Тюдор-Джонс. Мы потеряли трех членов Команды Охотников, прежде чем сумели остановить врага, и я надеялся, что мы схватили большинство главарей.

Перегрин слегка побледнел.

— Схватили? — прошептал он.

Адам коротко улыбнулся замешательству молодого коллеги.

— Простите, Перегрин, было бы точнее сказать, что мы... арестовали их. Возможно, вы помните наш разговор в машине, в то утро, когда я сказал вам, что мы с Нозлем что-то вроде оккультной полиции? Ну-с, аналогия сохраняется на нескольких уровнях. Как и наши более мирские коллеги, мы участвуем в поддержании Закона... в данном случае Закона Внутренних Миров. Члены организаций вроде Ложи Рыси, как и прочие преступные группировки, стремятся к тому, на что не имеют права, и ради желаемого не останавливаются ни перед чем. Наша работа — задерживать таких людей и отдавать их в руки правосудия, прежде чем они причинят вред человечеству. Бывают потери, причем с обеих сторон, — продолжал он. — Большинство приверженцев Тюдора-Джонса погибли. Вопреки нашему желанию, ведь мы полицейские, а не палачи. Наше дело — не допускать серьезных нарушений Закона. Когда нас вынудили прибегнуть к силе, мы лишь обратили меч против поднявших его.

Он, возможно, сказал бы больше, но в этот момент раздался стук в дверь, и в комнату вошел Хэмфри с переносным телевизором.

— Прошу прощения, сэр, — бросил дворецкий через плечо, поспешно направляясь к ближайшей розетке, — но одна из утренних новостей, возможно, заинтересует вас. Прямой репортаж должен начаться уже через несколько секунд.

Он поставил телевизор на столик и включил в сеть. Почти немедленно экран заполнил зубчатый силуэт серых башенок на фоне еще более серого неба.

— ...Грампинская полиция расследует причину таинственного взрыва, прогремевшего сегодня рано утром в Балморальском замке, — произнес голос репортера, пока камера демонстрировала мокрый сад и истоптанную лужайку. — Взрыв, причинивший серьезный ущерб баронской башне замка, произошел вскоре после полуночи. Пострадавших нет. Начальник полиции Уильям Макнаб отказался комментировать возможные причины взрыва, заявив, что подробности станут известны только после досконального осмотра руин. В настоящее время бригада полицейских экспертов из Абердина, а также военные тщательно обследуют обломки в поисках улик.

Оператор показал панораму разрушений — обугленные остатки каменной кладки там, где должна была быть декоративная башенка. Несколько военных и полицейских копались в камнях, разбросанных по траве у подножия здания. Камера отъехала, сфокусировавшись на фигуре невозмутимого на вид диктора в непромокаемом плаще и твидовой кепке.

— Источник в Букингемском дворце подтвердил, что во время инцидента в Балморальском замке не было никого из членов королевской семьи, — веско сообщил он. — Власти изучают версию взрыва газа, однако не исключается и возможность террористического акта. Есть несколько неподтвержденных сообщений местных жителей, будто бы в крышу замка ударила молния. К настоящему моменту официального заявления еще не последовало. Так что пока власти не будут готовы предложить разумное объяснение этому взрыву, причина его останется тайной. Алан Кэффerti, Би-би-си-ньос, из Балморальского замка.

Репортаж завершился крупным планом разрушенной башенки, от груды почерневших камней все еще поднимались клубы дыма. Когда начались новости деловой жизни Лондона, Адам попросил Хэмфри выключить и унести телевизор.

— Все это очень странно, — прошептал он. Дотянувшись до телефона, он набрал номер старшего инспектора Ноэля Маклеода, ветерана, за плечами которого было немало таких «неразгаданных тайн». Трубку взяли на третьем гудке.

— Эдинбург 7978, — громыхнул знакомый бас на другом конце провода.

Лицо Адама слегка просветлело.

— Ноэль? Это Адам. Вы, часом, не слушали сейчас новости?

— Насчет Балморала? Ага, слушал. Я как раз брился, когда Джейн позвала меня смотреть.

Адам улыбнулся, представив себе, как Маклеод спешит в гостиную с пеной на подбородке.

— Тогда вы вряд ли знаете об этом больше меня. Ваше мнение?

— Первой моей мыслью было поблагодарить небо за то, что это случилось не на моей территории, — ответил Маклеод. — И только упоминание о молнии подкинуло мне вторую.

— И мне, — сказал Адам. — Хотелось бы знать, кто эти неназванные свидетели.

— Ага, — сказал Маклеод, силясь понять его намек. — Полагаю, ничего дурного не будет, — продолжал он спустя минуту, — если мы заглянем туда одним глазком, раз уж пресса отступилась... просто спокойствия ради.

— Вот и я так думаю, — сказал Адам. — Если вы выкроите время, мы смогли бы подъехать в Балморал в начале следующей недели.

— Нет проблем. Я позвоню. Кстати, сэр, вам не приходила мысль приобщить к этому делу молодого Ловэта?

— Если он захочет. — Адам бросил вопросительный взгляд на Перегрину, который жадно вслушивался в их разговор. — Ловэт сейчас со мной. Мы ездили утром на прогулку. Мне кажется, он жаждет приключений.

Маклеод хмыкнул.

— А пока, — продолжал Адам, — почему бы вам не насладиться спокойными выходными. Буду ждать вашего звонка через несколько дней. Передавайте Джейн привет от меня.

С этими словами Синклер дал отбой. Однако не успел он положить трубку, как телефон

зазвонил снова.

— Стратмурн. Синклер слушает.

— Адам? Господи, вы сами отвечаете на звонки!.. Это Кристофер, — произнес музыкальный тенор, столь же лакомый слуху Адама, как и скрипучий бас Маклеода. — Превосходно, что вы дома! Видели утренние новости?

— Если вы об инциденте в Балморале, то я только что обсуждал его с Ноэлем, — сказал Адам.

— Значит, вам тоже показалась странной эта история, — продолжал собеседник Синклера с веселым благодушием. — Что ж, поговорим при встрече. Вы по-прежнему намерены ехать?

— Разумеется, как только закончу завтрак и приведу себя в порядок, — сказал Адам. — Насколько я понимаю, после нашего последнего разговора ничего не переменялось?

— Насколько мне известно, нет.

— В таком случае действуем, как планировали. Кстати, — добавил Адам, — со мной сейчас некий молодой человек, и он может быть нам полезен. Его зовут Перегрин Ловэт.

— А, художник?

— Верно. Не возражаете, если я привезу его с собой?

— Возражаю? Господи, нет!

— В таком случае, спрошу, не возражает ли он.

Адам повернулся к Перегрину, который мужественно старался скрыть любопытство.

— Ну как? Есть у вас другие планы?

— На самом деле я собирался провести нынешний восхитительный денек, распаковывая коробки с книгами, — сухо произнес Перегрин, озорно поблескивая карими глазами. — Но если вы приглашаете, то книги подождут!

— Он говорит, что сможет уделить нам немного времени, — сказал Адам в трубку. — Встречаемся у вас, как и планировали.

— Великолепно! До скорого.

Когда Адам положил трубку, Перегрин жадно подался вперед.

— Итак, во что вы меня впутали?

— О, ничего серьезного, — сказал Адам. — Джентльмен, который сейчас звонил, отец Кристофер Хьюстон, священник епископальной церкви и мой добрый друг. Одна его бывшая прихожанка жаловалась на засилье привидений в своей новой квартире. Он просил меня приехать, поглядеть что да как.

Когда Адам произнес слово «привидения», на сияющем лице Перегрина появилось сомнение.

— Ну, зачем так, — укоризненно промолвил Адам. — Я ни секунды не верю, что в квартире действительно водятся привидения — в готическом смысле этого слова. Кристофер уже посещал этот дом и не считает, что там требуется нечто вроде формального экзорцизма. С другой стороны, молодой женщине, живущей там, каждую ночь снятся кошмары. Остается установить причину — психическую или психиатрическую.

— В чем вы можете быть полезны, — сказал Перегрин.

— В чем я могу быть полезен, — согласился Адам. — Подойдем к ситуации непредвзято. Упомянутая молодая леди, возможно, просто испытывает сиюминутный стресс. Или в атмосфере дома есть что-то нездоровое. В обоих случаях мы не оставим проблему неразрешенной.

— А чем же могу быть полезен я? — спросил Перегрин.

— Ну, когда мы с Кристофером в первый раз обсуждали этот случай, — небрежно продолжал Адам, — я упомянул вас как человека, обладающего необычной художественной проницательностью. Кристофер очень заинтересовался вашими дарованиями и выразил искреннее желание увидеть некоторые ваши работы. Мне пришло в голову, что это удобный случай: мне — представить вас человеку, чью дружбу я ценю, а вам — использовать свой талант в благих целях.

— Вы хотите, чтобы я зарисовал то, что окажется в квартире?
Адам кивнул.
— Полагаю, там будет что рисовать.
Оба понимали, что говорят не о мебели или дизайне помещения.
— Логично, — ухмыльнулся Перегрин. — Скажите только, когда надо быть готовым к отъезду.
— Кристофер живет в Кинроссе, — сказал Адам. — Он ждет нас около десяти.
Перегрин посмотрел сначала на часы, потом на свою одежду.
— Господи Боже! Адам, я не знаю другого человека с таким плотнейшим расписанием! Хватит мне времени принять душ и переодеться?
— Если поторопитесь, — хмыкнул Адам. — Я-то успею.
Перегрин одним глотком допил чай и начал поспешно запихивать акварели обратно в папку.
— Не знаю, как вы ухитряетесь!.. Какова на сегодня форма одежды — для встречи с викарием и исследования квартиры с привидениями?
— Одевайтесь как угодно, но обязательно повяжите галстук, — ответил Адам, когда молодой художник направлялся к двери. — Я подберу вас у сторожки через полчаса, — смеясь, крикнул он вслед Перегрину. — И не забудьте прихватить этюдник.

Глава 2

Ритмичный гул несущих винтов вертолета, немного приглушенный припорошившим вершины снегом, разносился над гранитными пиками Кэйрнгормских гор. Три белохвостых оленя, спокойно ошипывающих листья, помчались по прихваченным морозом вереску и папоротникам, когда винтокрылая машина скользнула ко дну долины. Внизу косые лучи утреннего солнца осветили голубоватый шифер и готические окна викторианского дома, застывшего над пенящимся потоком. Перед самым водопадом «вертушка» прынула вверх, облетела большую центральную башню и легко, как оса, опустилась на траву обнесенного стеной внешнего двора.

Поджарый, экононый в движениях пилот остановил двигатели и вылез из кабины. На нем была коричневая кожаная летная куртка и неряшливый остроконечный колпак, какие полвека назад носили военные летчики, но на солнце сверкнули вполне современные солнцезащитные очки. Слегка пригибаясь под замедляющими вращение лопастями, он обошел машину и открыл дверь пассажиру. На пассажирском сиденье сидел довольно бледный и стройный человек с зачесанными назад, редкими на макушке светлыми волосами. Судя по одежде, он мог быть кем угодно, от преуспевающего адвоката до профессора университета, однако костюм под добротным, академического вида пальто выдавал в нем скорее завсегдатай Савилл-Роу, нежели академических аудиторий. На самом деле этот человек пытался заниматься и тем, и другим, и не преуспел ни в том, ни в другом. Если кто-то начинал интересоваться источниками его весьма значительного состояния, он, как правило, только загадочно улыбался и неопределенно намекал на благоразумные инвестиции и наследство. Светло-серые глаза мужчины были даже более непроницаемы, чем обычно, когда он неподвижно стоял на лужайке, молча разглядывая готический декор дома.

Пилот у него за спиной достал из кабины дорожную кожаную папку и почтительно подал хозяину.

— Что-то еще, мистер Ребурн?

Человек, названный Ребурном, рассеянно покачал головой и сунул папку под мышку; его внимание было сосредоточено на верхних этажах башни.

— Не сейчас, мистер Барклей. Пока вы свободны, но не уходите слишком далеко. Можете спуститься на кухню и узнать, не припасла ли кухарка что-нибудь для вашего желудка;

В ответ пилот ухмыльнулся и сделал вид, будто отдает честь.

— Слушаюсь, мистер Ребурн!

Пилот снова заглянул в кабину вертолета, чтобы убедиться, все ли выключено, а Ребурн быстро пошел через лужайку к дому. Парадная дверь открылась при его приближении, и человек, одетый в нечто вроде монашеской рясы, приветствовал гостя кивком, больше похожим на поклон. Не говоря ни слова, «монах» почтительно провел прибывшего через вестибюль в длинный коридор, обшитый дубовыми панелями. По левой стороне коридора в одной из панелей была дверь, ведущая в маленькую раздевалку, где рядом с большим зеркалом висел белый балахон. Ребурн сбросил пальто и пиджак, передав их ожидающему служителю, и присел на маленький табурет, чтобы снять ботинки и носки. Он надел балахон поверх рубашки и брюк, взял папку, и служитель вновь вывел его в коридор. Крутая винтовая лестница привела их на круглую площадку, куда выходили две двери. Служитель постучал в одну из них, подождал ответа и впустил Ребурна в помпезную викторианскую библиотеку.

Южную стену библиотеки занимал большой эркер, верхние секции которого были сделаны из витражного стекла и гризайли с серым узором. Солнечный свет, льющийся в окно, бросал цветные пятна на пол, застланный богатыми восточными коврами. Там, где стены не были загорожены книжными полками, узорчатые красно-золотые обои вторили обрамлявшим эркер портьерам из тяжелой, старинной парчи. В центре комнаты темным силуэтом на фоне окна выделялся большой библиотечный стол в стиле Буля, из красного дерева с витыми ножками. За столом в глубоком уютном кресле сидел обложенный мягкими подушками старик.

— Верховный Мастер, — прошептал Ребурн, коротко наклонив голову.

Окинув прибывшего пронизательным взглядом, старик указал искривленным пальцем на кресло справа.

— Садись, — проскрежетал он, слабым и резким от старости голосом. — Докладывай.

Ребурн опустился в кресло, расправив складки одеяния и прислонив папку сбоку к ножке кресла.

— Вам не понравится то, что я скажу. Наши худшие опасения касательно Геддза и прочих подтверждаются. Они все погибли, а сокровища утрачены.

Суровое лицо старика не изменилось, и Ребурн продолжал:

— Барклей, как вы помните, был в ту ночь в фургоне на другой стороне лоха, где ждал прибытия золота и книги заклинаний. На основании собранных мною фактов можно сделать вывод, что гроза, о которой он рассказал, вызвана Войнством Сидов. Я должен сделать вывод, что это они ответственны за неудачу.

Старик пренебрежительно фыркнул.

— Похоже, Геддз фатально переоценил силу Знамени Фейри Маклеодов.

— Возможно, — сказал Ребурн, — хотя сомневаюсь. Если Знамя не смогло защитить наших людей, это произошло из-за изменения его состояния. Наш агент в эдинбургской полиции рассказал мне, что Знамя Фейри — без рамы — было передано Главе клана Маклеодов другим полицейским из Эдинбурга, инспектором Ноэлем Маклеодом. Это означает, что рама и стекло, видимо, каким-то образом были повреждены, прежде чем Геддз и прочие смогли скрыться. А раз Знамя не было заключено в витрину, оно стало скорее источником опасности, чем защитой.

— Объясни.

— Существует легенда, — продолжал Ребурн, — что любой человек, не принадлежащий к клану Маклеодов, коснувшись Знамени, будет мгновенно испепелен. Полиция говорит, что там взорвалась бомба, но я подозреваю, что на поверку легенда оказалась истиной. Витрина каким-то образом была разбита — возможно, при помощи этого инспектора Маклеода, — но наш человек в панике забыл о легенде. Он попытался снова схватить его и, не будучи Маклеодом, заплатил высшую цену. А когда стало ясно, что прикосновение к Знамени означает неминуемую смерть, уцелевшим не осталось ничего другого, как столкнуться с Войском Фейри; те же разорвали их на куски.

Верховный Мастер долго обдумывал это предположение, потом бросил на Ребурна

острый взгляд.

— Ты уверен, что Геддз был среди жертв?

— О да, — сказал Ребурн, — Совершенно уверен.

Он вытащил из кармана брюк красивое золотое кольцо с кроваво-красным сердоликом, точно такое же, что и сам носил на правой руке. Когда он поднял кольцо, солнечный луч сверкнул на вырезанной в камне оскаленной морде рыси.

— Это кольцо Геддза. Оно еще было на оторванном пальце, когда деятельный инспектор Маклеод приобщил его к доказательствам вместе с другими ошметками человеческой плоти, обрывками одежды, обломками лодки и шпагой Хепберна. Наш агент в эдинбургской полиции смог сравнить отпечаток оторванного пальца с отпечатками Геддза, зафиксированными в нашей картотеке. Они совпали.

Верховный Мастер протянул костлявую, с синими венами руку. Когда Ребурн положил кольцо ему на ладонь, старик сжал его в кулаке и закрыл глаза. Мгновение он сидел неподвижно, словно погрузившись в глубокую задумчивость. Потом открыл глаза и мрачно кивнул.

— Да, это кольцо Геддза.

— Что касается отпечатков пальцев... Надеюсь, полиция не сможет использовать их для установления его личности?

— Исключено, — сказал Ребурн с холодной уверенностью. — Геддз не состоял на учете в полиции. Здесь нам ничего не грозит.

— А его медальон?

— Пропал. Наверное, утонул в лохе.

— А остальные?

Ребурн наклонил голову.

— Барклей утверждает, что двое пытались сбежать на лодке и даже подняли на борт сундук. Он мельком видел, как лодка отплывает от берега у подножия замка, но она явно наткнулась на что-то в воде. Барклей сначала не хотел говорить мне, но ему показалось, что это было пресловутое чудовище, выгнанное магией из глубин Лох-Несса. Во всяком случае, лодка пошла на дно, а люди утонули, их тел так и не нашли.

Лицо Верховного Мастера было непроницаемо.

— Каков же результат полицейского расследования?

Ребурн пожал плечами.

— Полиция выдвинула довольно туманную версию о возможной связи случившегося с деятельностью террористов. Что до лодки, то они теоретически допускают столкновение с затонувшим бревном. Эти объяснения могут казаться надуманными, однако других нет, по крайней мере официально. В конце концов, кто мог бы догадаться об истине?

— Ваш инспектор Маклеод? — предположил Верховный Мастер.

На красивом лице Ребурна промелькнула неприязнь.

— Возможно. Я не забыл о нем. В настоящий момент он оказывает нам услугу, отвлекая внимание властей от некоторых странностей, упущенных следствием, но его мотивы далеко не ясны. Он будет взят под наблюдение.

— Еще бы, — под набрякшими веками старика пылала злоба. — Он слишком часто появляется на нашем пути, сначала в Мелроузе, потом в Дунвегане и, наконец, в Уркхарте. И всегда вместе с теми двумя — Синклером и... молодым художником.

Ребурн поднял светлую бровь.

— Я допускаю, что присутствие Маклеода вполне объяснимо. Он считается в полиции знатоком оккультизма, а Мелроуз бесспорно находится в его юрисдикции. Что до Дунвегана, то можно предположить, что инспектор принадлежит к этому клану, и, вероятно, получил соответствующие полномочия от его главы. Уркхарт, однако, другое дело, поэтому нашему человеку в Эдинбурге приказано держать Маклеода под наблюдением.

— А Синклер?

— Я навел кое-какие справки. Похоже, он довольно известный врач-психиатр, которого

полиция иногда привлекает в качестве консультанта. Остается узнать, ограничивается ли его интерес к оккультизму только профессиональным любопытством.

— Ну а художник?

Ребурн кивнул.

— В известном смысле он производит впечатление самого опасного из этой троицы, именно потому, что непохож на Маклеода или Синклера. Его зовут Перегрин Ловэт, и, несмотря на то, что он протеже Синклера, его присутствие среди них труднее всего объяснить. Будь он вдвое старше, я бы заподозрил в нем главу Команды Охотников, но ведь он еще совсем мальчик.

— Симпатичный мальчик? — Мастер презрительно скривил губы. — Если да, то незачем искать другие причины покровительства Синклера.

Ребурн фыркнул.

— Кое-что это могло бы объяснить, но я сомневаюсь. У титулованного доктора Синклера стойкая репутация дамского угодника. По-моему, истоки его взаимоотношений с Ловэтом надо искать в чем-то другом. И я намерен этим заняться.

— Ловэт не стоит твоего личного внимания, — сказал Верховный Мастер. — Если хочешь, чтобы за ним наблюдали, приставь к нему кого-нибудь другого, без кого легко обойтись. Если у нас все пойдет по расписанию, у тебя найдутся дела поважнее.

— Интересно. — На гладкой коже между светлыми бровями Ребурна наметилась легкая морщинка. — Что, если присутствие этих троих не случайно? И они действительно адепты какой-нибудь логи и представляют реальную угрозу? Они видели эмблему на кольце Геддза и могли догадаться...

Старик фыркнул.

— Мы бы уже знали об этом. Впрочем, если тебе так хочется, держи их под наблюдением. Если они и дальше будут досаждают нам, займемся ими вплотную.

— Но если они в ответе за наши потери в Уркхарте...

— Наши потери в Уркхарте в конечном счете незначительны, — отмахнулся Верховный Мастер. — Что мы, в сущности, потеряли? Золото? Прискорбно, конечно, но у нас есть другие источники. Книга заклинаний? Кто может сказать наверняка, что содержащиеся в ней заклинания были так могущественны, как утверждает предание? Нельзя забывать, что даже неумеха Геддз завлек дух Майкла Скотта в ловушку и заставил выполнять свои приказы. Интересно, сумел бы он это сделать, если бы Скотт действительно обладал теми знаниями и силами, какие приписывает ему легенда? Что до Геддза и его людей, — продолжал старик пренебрежительно, — то стоит ли сожалеть о потере не выполнивших своего предназначения? В Ложе Рыси нет места неудачникам. Без них мы сильнее!

Сжав сердоликовое кольцо в скрюченных пальцах, он с трудом выбрался из кресла и нетвердыми шагами подошел к простому дубовому столу, скрытому в алькове. На столе стоял маленький переносной горн с набором инструментов и свинцовыми формами. Верховный Мастер включил горн. Пока тот нагревался, старик зажал ободок кольца в настольных тисках и взял ювелирный молоточек. Быстрый, резкий удар, и камень разбился на полдюжины осколков, похожих на кристаллизованную кровь. Старик смел их в руку и высыпал в ступку. Под электрическим пестиком они вскоре превратились в алый песок, который был ссыпан в пластиковую бутылочку с плотной крышкой. Потом старик вынул из тисков оправу, бросил ее в крохотный тигель и стал нагревать в горне.

Ребурн наблюдал за этой процедурой со своего места и привстал, когда Мастер, вернувшись к столу, бросил ему пластиковую бутылочку.

— С Геддзом покончено, — заметил Ребурн, когда старик снова сел. — Что делаем дальше?

— Что и намеревались, — раздраженно сказал Верховный Мастер. — Цель остается неизменной. Просто прибегнем к другому средству.

Ребурн вскинул голову.

— Вы говорите о Солиссском торке?

— А почему бы нет?

Мастер выдвинул ящик в торце стола, вытащил продолговатый ларец из полированного ясеня и подтолкнул его к Ребурну. Бросив на старика косой, почти недоверчивый взгляд, блондин открыл защелку на передней части коробки и осторожно поднял крышку. Внутри на алом шелке покоилась тяжелая гривна из метеоритного железа, выполненная в пиктском стиле. Светлые глаза Ребурна расширились от благоговения.

— Впечатляет, не так ли? — прошептал Мастер. — Друиды были великими искусниками. Стихийные силы, которыми насыщен торк, столь же могущественны, как любое из заклинаний, придуманных Майклом Скоттом. Разве я не настаивал с самого начала на том, что нам следует вновь пробудить его дремлющую энергию, используя ее в наших целях?

— Настаивали, — подтвердил Ребурн, — но по прошествии стольких веков... риск...

— Вполне укладывается в приемлемые границы, — сказал Мастер. — Ты ошибаешься, думая, что торком давно не пользовались. Как бы я мог поручиться за его могущество, если бы лично не испытал его?

— Инцидент в Балморале? Так я и думал. Кто же был субъектом?

— Не имеет значения, — равнодушно отмахнулся Мастер. — Мелкая сошка с неподобающими его положению запросами. Однако в следующий раз нам понадобится кто-то более значительный. Надеюсь, ты нашел мне такого.

К Ребурну вернулось самообладание.

— Разве я когда-нибудь разочаровывал вас? — спросил он, потянувшись за папкой.

Под тяжелым взглядом Верховного Мастера Ребурн открыл папку и извлек на свет черно-белую фотографию. Старик мельком глянул на нее, перевернул и прочитал напечатанное на обороте, потом снова, уже внимательнее посмотрел на фотографию и вставил ее в открытую крышку ларца, где хранился торк.

— Великолепно, — прошептал он. — Весьма подходящий выбор. Помощь нужна?

— Не помешала бы, — кивнул Ребурн. — Мои люди готовы сыграть свои роли, когда придет время, но усилий потребуется немало. Если бы я мог рассчитывать на дополнительную поддержку...

Морщинистые губы Верховного Мастера сложились в холодную улыбку.

— Конечно. Возьми шестерых по своему выбору.

Глава 3

Дом священника прихода святого Павла Шотландской Епископальной Церкви в Кинроссе, нелепый викторианский коттедж, располагался по соседству с церковью, в стороне от улицы среди пышных розовых кустов. Когда Адам осторожно завел свой темно-синий «рейнджровер» на покрытую гравием дорожку, объехав розовый трехколесный велосипед, Перегрин бросил унылый взгляд на небо, такое ясное во время утренней прогулки, а теперь затянутое облаками.

— Что может сравниться в непостоянстве с шотландской погодой? — сказал он. — Хорошо, что мы выехали пораньше. Нам повезет, если еще до ленча не начнет лить как из ведра.

Едва Адам заглушил двигатель, из-за выкрашенной желтой краской двери появилась энергичная, прямая фигура в плаще спортивного покроя, надетом поверх одеяния священнослужителя, и с маленьким портфелем в руке. Священник весело помахал им свободной рукой и сошел с крыльца.

— Еще раз доброе утро, Адам! Очень рад, что вы смогли приехать. А это, значит, и есть мистер Ловэт?

— Он самый. Перегрин, позвольте представить вас отцу Кристоферу Хьюстону, моему давнему другу.

Пегрин пожал руку новому знакомому. Кристофер Хьюстон был худощавым и

гибким, с большим добродушным ртом и копной густых каштановых волос, из-за которых он казался растрепанным, как школьник, только что вернувшийся с площадки для игр. Даже в черном костюме священника он выглядел легкомысленным, однако карие глаза над прямым длинным носом проницательно смотрели на собеседника.

Перегрин, стараясь придать себе серьезный вид, сказал:

— Счастлив познакомиться, сэр.

— Нет, «сэр» у нас Адам, а я — просто Кристофер, — дружелюбно отозвался священник.

— Муж хочет сказать, что незачем быть таким официальным, — донесся из-за плеча Кристофера веселый женский голос. — Тот факт, что он носит воротничок, не дает никаких оснований разводить церемонии — тем более, если вы приехали в компании Адама.

Несколько захваченный врасплох, Перегрин повернулся — и встретился взглядом с чудесными серо-голубыми глазами. Лицо, осиянное этими глазами, было скорее привлекательным, чем хорошеньким: с широким гладким лбом и довольно решительным подбородком. С женщиной были две маленькие девочки, старшая лет пяти, а вторая — около двух. Все три были одеты для прогулки.

— Моя жена Виктория и дочери Эшли и Александра, — объяснил Кристофер. — Викки, ты решила познакомиться прямо сейчас?

— Да. — Она улыбнулась, и на щеках показались очаровательные ямочки. — Добро пожаловать в «Розмаунт», Перегрин. Я давняя ваша поклонница... хотя не представляла, что вы столь молоды. Чтобы рисовать так, надо быть лет на двадцать старше!

Адам фыркнул, взял покрасневшего Перегрина под руку и потихоньку увел его к машине, бросив приглашающий взгляд на Кристофера.

— У него старая душа, Виктория, — сказал он мимоходом, — но вам придется подождать нашего возвращения, чтобы обсудить это. Кроме того, судя по вашему и девочек виду, вы тоже собирались уходить.

Виктория бросила нежный взгляд на дочерей. Девочки с любопытством таращились на Перегрина. Дружелюбная невинность их внимания рассеяла напускную серьезность молодого человека. Разом почувствовав себя дома, он улыбнулся им и был вознагражден застенчивыми ответными улыбками.

— Мы только заглянем к маме, — сказала Виктория, — если девочки тотчас же перестанут кокетничать с Перегрином... Вы ведь вернетесь к ленчу, не так ли? — Кристофер кивнул. — Замечательно. Значит, мы еще увидимся. Идемте, девочки. Бабушка ждала нас к десяти, мы уже опоздали.

— Мы тоже опоздаем, если не поторопимся, — сказал Кристофер.

— Ждем только вас, — рассмеялся Адам. — Давайте, приятель, садитесь в машину.

Перегрин решил, что Хьюстоны ему нравятся. Он пересел на заднее сиденье и, взяв у Кристофера портфель, поставил на пол рядом со своим этюдником. Пока все пристегивались и Адам с Кристофером обсуждали, какой маршрут лучше выбрать, у Перегрина мелькнула мысль, что Хьюстоны ему, пожалуй, интереснее того, что может ждать в Эдинбурге.

Он был уверен, что в обоих супругах таится больше, чем видно на первый взгляд. Хотя короткий разговор перед домом священника состоял только из дружелюбных банальностей, поведение Адама было необычно свободным — очевидно, с Хьюстонами он не чувствовал необходимости быть настороже. И эти вроде бы случайные слова о том, что у Перегрина старая душа...

Решив проверить свою интуицию, по крайней мере насчет Кристофера, Перегрин глубоко вздохнул и откинулся на сиденье, смежив веки. Образы физического мира расплылись перед ним цветными, движущимися пятнами. Переключив внимание на затылок Кристофера, молодой человек сделал еще один долгий глубокий вздох и приготовился изучить священника глубинным зрением...

Но не успел он зафиксировать первое впечатление, как в его сознание ворвался мягкий голос Адама.

— Итак, друг мой, — обратился тот к Хьюстону, — прежде чем мы встретимся с вашей юной леди, не скажете ли вы что-нибудь еще, что, по вашему мнению, мне следует знать о ней?

Выванный из своего близкого к трансу состояния, Перегрин увидел отражение задумчивого лица Кристофера Хьюстона в ветровом стекле.

— По-моему, я уже все рассказал вам. Хелена Прингл — здравомыслящая девушка, совсем не из тех, кто дает волю полету фантазии. Вот почему я насторожился, когда она позвонила мне и сказала, что с ее квартирой что-то не так.

— Она утверждала, что видела наяву нечто потустороннее? — спросил Адам.

— Слава Богу, нет. Но с тех пор, как я навестил ее, у нее снова были кошмары — настолько неприятные, что она опасается ложиться спать. Я говорил вам, что не вижу необходимости в формальном экзорцизме, хотя вам следует знать, что я взял с собой кое-что — просто на всякий случай.

С этими словами он указал на портфель.

Употребление слова «экзорцизм» неприятно поразило Перегрин. Он резко поднял голову и неожиданно встретился с удивленным взглядом Адама в зеркале заднего обзора.

— Не беспокойтесь, — сказал Адам. — Не ожидая никаких осложнений, Кристофер предпочитает быть готовым ко всему, и я тоже. Чем бы мы ни собирались заняться сегодня, вряд ли нам придется изгонять демонов при помощи колокола, книги и свечи. Просто держите глаза открытыми и будьте готовы нарисовать все, что придет в голову...

На Николсон-стрит жили в основном студенты Эдинбургского университета. Квартира Хелены Прингл находилась на втором этаже большого стандартного дома напротив ряда мелких магазинчиков. Кристофер провел спутников по двум пролетам лестницы и постучал в дверь слева от площадки. Почти сразу же из-за двери раздался тихий, неуверенный девичий голос:

— Отец Хьюстон?

— К вашим услугам, дорогуша, — весело отозвался Кристофер. — Я привел с собой подкрепление на случай, если придется проводить серьезное обследование и мне понадобится помощь.

Хелена Прингл открыла дверь. Это оказалась пухленькая и белокурая девушка с хорошим цветом лица и роскошными светло-рыжими волосами. Проводя их в гостиную, она старалась улыбаться, но Адам успел заметить залегшие под большими голубыми глазами тени.

— Это доктор Адам Синклер, — представил Кристофер. — Он психиатр, специалист по гипнотерапии. А это мистер Ловэт. Общими усилиями мы как-нибудь уладим вашу проблему.

Хелена, стоящая у окна гостиной, тревожно перевела взгляд с Кристофера на Адама.

— Психиатр? — пробормотала она. — Значит, я психически больна?

— Отнюдь, — сказал Адам с успокаивающей улыбкой. — Из рассказа Кристофера я понял, что вам снились какие-то исключительно беспокойные сны. Нам обоим пришлось в голову, что не мешало бы внимательнее присмотреться к этим снам, дабы понять, что их вызывает. С вашего разрешения, я мог бы попробовать гипноз, чтобы помочь вам вспомнить детали, которые вы, возможно, пропустили.

— Вы хотите загипнотизировать меня? — прошептала девушка нерешительно.

— Уверяю вас, здесь нет ничего общего с тем, что показывают поздно ночью в фильмах ужасов, — сказал Адам, стараясь ободрить ее. — Я еще никогда не кусал пациенток за шею.

Он ласково улыбнулся в ответ на испуганный взгляд и продолжал:

— Если говорить серьезно, то процедура совершенно безопасная и вполне клиническая. Вы все время будете сознавать ситуацию. Я ведь просто консультант. Кристофер будет рядом; если хотите, он может даже держать вас за руку.

Несмотря на явные усилия сдержаться, короткая, застенчивая улыбка промелькнула на губах Хелены.

— Я... понимаю, — прошептала она. — Наверное, глупо, что я так испугалась. —

Взгляд ее голубых глаз остановился на Перегрине, неловко топтавшемся на заднем плане. — Вы тоже психиатр?

— Нет, я...

— Мистер Ловэт — художник, — вмешался Адам. — Он помогал мне и раньше. У него дар переводить психические ощущения в конкретные образы. Бояться вовсе не глупо, но когда вы поймете, что вас пугает, то сразу почувствуете, что страх уходит. Мистер Ловэт сделает кое-какие наброски, когда вы будете рассказывать о ваших снах.

— Отец Хьюстон? — Хелена повернулась к Кристоферу. Тот ободряюще потрепал ее по плечу.

— Я бы не привел их, если бы сомневался, что они могут помочь, — твердо сказал он ей. — Почему бы вам не попробовать?

Хелена сделала глотательное движение, потом кивнула.

— Хорошо, — робко промолвила она. Затем расправила плечи и посмотрела на Адама. — Меня еще никогда не гипнотизировали, доктор Синклер. Что мне делать?

Адам уже успел осмотреть уютную комнату. Старомодный чугунный камин был со вкусом стилизован под современный, свет из-за решетки тепло играл на цветастой обивке мягкой мебели. Среди мелких украшений в комнате было полдюжины маленьких кристаллических призм, висящих на правом окне на прозрачных нейлоновых нитях.

— Во-первых, предлагаю всем устроиться поудобнее. Можно называть вас Хеленой?

— Да, конечно.

— Спасибо. Думаю вам, Хелена, будет удобно сесть в кресло справа от камина, и я попрошу одолжить одну из этих прелестных призм на окне. Да, вот эта подойдет.

Наблюдая, как Адам обустраивает сцену для предстоящей работы, Перегрин вспомнил о своем первом опыте гипноза. Как и Хелену Прингл, его терзали страхи и дурные предчувствия, пока Адам не помог ему разглядеть в них проявление дара. Он надеялся, что проблемы Хелены разрешатся так же успешно, как и его.

Адам взял призму и повесил ее на подсвечник, стоящий на каминной полке.

— Теперь мы просто задернем занавески. Вы увидите, что при приглушенном свете расслабиться намного легче.

Хелена внимательно смотрела на него, вся съежившись от волнения, и Кристофер пододвинул свое кресло поближе.

— Ну-ну... Бояться нечего, уверяю вас.

Он взял маленькую напряженную руку Хелены и крепко сжал ее в своих ладонях, при этом придвинувшись еще ближе, так что они с девушкой почти касались друг друга коленями.

Тем временем Перегрин выбрал стул с прямой спинкой, стоящий между окнами, где, как он знал, свет будет падать на бумагу лучше всего. К тому же он выпадал из поля периферического зрения Хелены и меньше отвлекал бы ее. Молодой человек готовил этюдник и карандаши, когда увидел нечто, что сразу привлекло его внимание — на правой руке священника отблескивало золотое кольцо с квадратным сапфиром. Не с овальным, какие иногда носили Адам и Маклеод, и, пожалуй, меньшего размера, но, без всякого сомнения, служившее той же цели. Раньше кольца у Хьюстона не было, художник наверняка заметил бы его.

«Отец Небесный, он один из них! — подумал Перегрин. — Он делает то же, что Адам, помогает ему ввести девушку в гипнотический транс. И они не впервые работают вместе!»

Священник легко прижал два пальца к пульсу на запястье Хелены и говорил с ней так тихо, что Перегрин не мог разобрать ни слова. Выражение лица Кристофера было спокойно-отстраненным, словно он прислушивался к далекой музыке.

В тот миг, когда просветление снизошло на Перегрину, перед его глазами словно появилась сероватая пленка. Он будто смотрел сквозь какую-то тяжелую полупрозрачную ткань, похожую на занавеску в душе. Шесть недель назад такое помутнение зрения перепугало бы. Однако теперь, благодаря Адаму, он знал, что это означает и что ему нужно

делать.

Моргнув разок, он откинулся на стуле, глядя словно бы сквозь Хелену. После нескольких медленных, глубоких вздохов от вуали перед глазами стал отделяться призрачный верхний слой. Не обращая пока внимания на подробности, художник начал фиксировать на бумаге зрительные ассоциации, вызванные резонансами прошлых событий...

Свет в комнате был приглушен. Заметив краем глаза, что Перегрин рисует, Адам вернулся к камину и бросил вопросительный взгляд на Кристофера. Священник слегка кивнул, Хелена тоже поглядела на него; выглядела она гораздо менее встревоженной, чем раньше.

Плавным движением, выработанным долгой практикой, Адам взял призму с подсвечника на каминной полке и опустил ее в кресло напротив пациентки. Он протянул руку так, чтобы призма висела чуть выше уровня глаз Хелены. Многочисленные грани поймали отсвет огня в камине, преломляя мерцающие янтарные блики в радугу красных, желтых и зеленых вспышек. Игра цветных огоньков притягивала взгляд Хелены, как магнит.

— Это ваш собственный кристалл, Хелена, и вы знаете — в нем нет ничего таинственного или пугающего, — тихо сказал Адам, двигая нитку между пальцами, чтобы она слегка вращалась. — Просто это поможет вам сфокусировать все внимание в одной-единственной точке. Так мы отвлечем ваше сознание, чтобы подсознание, откуда приходят сны, постепенно смогло приблизиться к поверхности и продемонстрировать все, что нам надо увидеть. Поэтому я хочу, чтобы все свое внимание вы сосредоточили на кристалле. Смотрите, как он поворачивается и искрится, смотрите, как он ловит свет... Теперь вы будете видеть только кристалл и слышать только мой голос, а все прочие внешние звуки отступят. Вы сосредоточитесь на кристалле и на том, что я говорю.

Адам наблюдал за движениями ее взгляда, уже захваченного неуловимым мерцанием кристалла.

— Прекрасно, Хелена. Позвольте себе расслабиться. Вам спокойно и уютно. Кристофер рядом... Вы ведь последнее время не отдыхали? Вы, наверное, очень устали. Так устали... Думаю, больше всего на свете вам сейчас хочется поспать. Почему бы не позволить себе вздремнуть? Пусть ваши веки опустятся... вот так. Вам тепло, вы в безопасности, вас тянет в сон... вы вялая, сонная...

Постепенно Хелена расслабилась. Глаза закрылись, дыхание стало медленным и ритмичным. Удостоверившись, что пациентка вошла в транс, Адам направил силу внушения на цель их исследования.

— Вы молодец, Хелена. Все прекрасно. Вы слышите меня совершенно отчетливо, не так ли?

— Да, — прошептала девушка.

— Очень хорошо, — сказал Адам тем же ласковым, но уверенным тоном. — Теперь вы, в определенном смысле, проснетесь — полностью сознавая окружающее. Но в другом смысле вы будете вроде зрителя в кинотеатре, собирающегося посмотреть кино. Фильм — это видеозапись сна, который вы видели прошлой ночью. Мне бы хотелось, чтобы кино началось через мгновение. Хотите посмотреть фильм и рассказать мне, что вы видите?

— Да, — раздалось после секундного колебания.

— Великолепно, — сказал Адам с мягким одобрением. — Сейчас я начну обратный отсчет от «пяти», как иногда бывает на экране перед началом картины. Когда я доберусь до цифры «один», это будет знаком к началу вашего фильма, и вы начнете описывать все, что видите на экране. Пять... четыре... три... два... один.

Веки Хелены дрожали. Через мгновение она глубоко вздохнула, не открывая глаз.

— Это комната, но какая-то другая. На окнах иней. Ковер не голубой, а тускло-красный, у кресел простые деревянные подлокотники. Люди уже ушли, однако их тени остались. Тени появляются и исчезают, как призраки...

Она вдруг умолкла, на лице отразился ужас.

— Это только кино, — тихо напомнил Адам. — Вы в любой миг, когда захотите, можете

выключить его, но, поверьте, вы не увидите ничего, что могло бы повредить вам. Кристофер и я здесь, рядом. Вы ведь не боитесь, правда?

— Н-не... немножко, — пробормотала девушка.

— Ну же, возьмите и меня за руку, — сказал он, беря ее свободную руку в свои, как уже сделал Кристофер. — Вот, теперь вы в полной безопасности. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы, когда будете готовы, вернулись к фильму и продолжили рассказывать. Вы сделаете это для нас?

Она робко кивнула, и он успокаивающе потрепал ее по руке.

— Храбрая девочка. Ну-с, так вы упомянули о тенях. Можете сказать, что в этих тенях вас так пугает?

Хелена прикусила губу.

— Они... такие темные... словно вырезаны из черного целлофана. И не держатся стен. Они все время появляются в середине комнаты. Я слышу, как они шепчутся. Они жестоки. Они хотят сломать то, что не могут иметь...

На этот раз ее голос дрогнул от страха.

— Пока довольно, — сказал Адам, оглядываясь на Перегрину, который усердно рисовал. — Пора выключить фильм. Когда зажжется свет, вы словно бы перейдете в другую комнату — туда, где вы чувствуете себя в безопасности. В какой комнате вам хотелось бы оказаться?

— В моей комнате дома, у мамы и папы.

— Значит, там и окажетесь, — уверенно произнес Адам. — Свет включился. Что вы видите?

Хелена снова улыбалась.

— Мою кровать с пледом, который спряла мне бабушка. Все мои куклы выстроены вдоль изножия кровати.

— Похоже, это чудесное, уютное место, Хелена, — одобрительно сказал Адам. — Почему бы вам не прилечь на кровать и не вздремнуть чуток? Вас ничто не потревожит. Через некоторое время я дотронусь до вашего лба и позову вас по имени. В этот момент вы проснетесь, чувствуя себя посвежевшей.

Хелена вздохнула, глубже осела в кресле, свернувшись, как ребенок под одеялом. Убедившись, что ей удобно, Адам высвободил руки и выпрямился, вопросительно поглядев на Кристофера. Священник также отпустил руку девушки и покачал головой.

— Шепчущие черные тени... — пробормотал он. — У меня создалось впечатление, что в атмосфере этого места действительно есть что-то мрачное. Интересно, что бы это могло быть.

— Мне тоже интересно, — задумчиво кивнул Адам. — Хотя сомневаюсь, что мы сможем вытянуть из Хелены что-нибудь существенное. Если бы я считал, что она одна из них, я бы воспользовался более агрессивными методами, медикаментозной поддержкой и тому подобным, но не думаю, что в ее случае это обосновано. Я подозреваю, что ее психика срезонировала с тем, что происходило в этой квартире задолго до того, как она переехала сюда. Такой вывод подсказывает нам несколько интригующих возможностей. К счастью, в нашем распоряжении есть и другие источники, кроме ее снов.

Он показал взглядом на окно. Перегрин все еще рисовал, карандаш быстро и уверенно порхал по странице. По выражению лица молодого художника было видно, что он забыл обо всем, полностью сосредоточившись на своей задаче.

Пораженный Кристофер поднял бровь.

— Он видит, что происходит? И научился этому всего за месяц?

Адам кивнул.

— На самом деле даже быстрее. Я с первой нашей встречи подозревал, что у него задатки Охотника. В Мелроузе мои сомнения рассеялись. Теперь понимаете, почему я так хотел, чтобы вы с Викторией при случае пообщались с ним?

— Да уж, — признался Кристофер с мимолетной улыбкой. — жду не дождусь, когда он

покажет свои рисунки.

В это время Перегрин сделал еще несколько решительных движений карандашом и откинулся на стуле. Вздых, и светло-карие глаза художника вернулись к действительности. Молодой человек слегка встряхнулся, прежде чем оторваться от бумаги.

— Адам! — воскликнул он. — Вы только поглядите!

Адам быстро подошел. Кристофер последовал за ним, предварительно удостоверившись, что их пациентка по-прежнему спит. Перегрин передал свои рисунки, и Адам повернулся к свету, напряженно вглядываясь. Кристофер заглянул ему через плечо.

На рисунке была изображена комната Хелены, увиденная с места, где сидел Перегрин. Кое-что изменилось, особенно кресла и диван — они стали более строгими, чем нынешняя мебель. Кроме того, в комнате были рождественская елка в эркере и большой экран, загораживающий другое окно. Внимание, однако, привлекали две человеческие фигуры на переднем плане. Больше всех бросался в глаза молодой человек с длинными темными волосами. В покоем на сутану одеянии с откинутым на плечи капюшоном он стоял на коленях, протягивая скрепленные запястья человеку в подобном же облачении, но постарше, который словно бы связывал запястья юноши красной веревкой. За процедурой наблюдал третий человек на заднем плане, стоявший немного в стороне. Хотя черты его больше напоминали написанное импрессионистом пятно, на шее можно было вполне ясно разглядеть медальон на цепочке.

— Поглядите сюда, — указал карандашом Перегрин. — Где вы видели подобный медальон раньше?

Глава 4

Застывшее лицо Адама было достаточно красноречивым ответом Перегрину, но Кристофер явно чего-то не понимал. Ошеломленный, он переводил взгляд с Синклера на художника и обратно.

— Боюсь, я запутался. Где вы видели такой медальон?

— Последнее время слишком во многих местах, — процедил Адам, — если я правильно понял, что значит этот набросок. — Художник молча кивнул, и он продолжил: — Последний раз — в серии рисунков, которые Перегрин показал мне сегодня утром. С прискорбием сообщая вам, что Ложа Рыси, похоже, снова действует.

Кристофер тихо выдохнул через сжатые губы.

— Ангелы Господни, обороните нас! Только этого нам не хватало. Но кто бы мог подумать, что мы наткнемся на их следы здесь, в студенческой квартире в Эдинбурге?

Адам даже челюсти сжал от негодования.

— Им же надо где-то вербовать новых членов. Почему бы не среди молодых и впечатлительных?

Перегрин так внимательно следил за разговором, что ему не сразу пришло в голову, что Кристофер — человек, сведущий в этом деле. Он прищурился и внимательнее пригляделся к священнику. С лица последнего спала маска неунывающего школьника, и внезапно Кристофер Хьюстон стал в высшей степени серьезным человеком, шутки с которым так же плохи, как с Адамом или Маклеодом. Юноша украдкой бросил взгляд на кольцо, которое носил священник.

— Вижу, вы, Перегрин, пришли к верному умозаключению, — сказал его наставник с легкой улыбкой. — Я все думал, сколько вам понадобится времени, чтобы понять... Да, Кристофер и его жена — члены той же правоохранительной группы, что и мы с Ноэлем. В прошлом они уже не раз помогали в Охоте.

— Но еще никогда в деле, в котором была бы замешана Ложа Рыси, — вставил несколько растерянно Кристофер. — Понимаете, это было до меня. Я-то, честно говоря, надеялся, что наши предшественники остановили их раз и навсегда. — На миг его мальчишеское лицо исказила гримаса. — Мы были излишне оптимистичны.

Перегрин, прищурившись, еще раз посмотрел на свой набросок, теперь сознательно сравнивая нарисованную комнату с настоящей. Мысленно похвалив молодого художника за сообразительность, Адам тоже быстро оглядел ее.

— Интересно, когда квартира была так обставлена, как на рисунке...

Кристофер нахмурился, возвращаясь к практическим нуждам.

— Помнится, Хелена говорила, что квартиру отремонтировали перед ее переездом, — сказал он беззаботно, возвращаясь к своей обычной манере. — Перед уходом я побеседую с мисс Битон — хозяйкой. Она, конечно, сможет рассказать, кто были предыдущие наниматели.

— А пока, — промолвил Адам, — остается проблема самой квартиры. — Он снова взял набросок и рассеянно его разглядывал. — То, что Перегрин нарисовал именно эту сцену, означает, что перед нами кульминация обряда. Похоже, парня со связанными руками еще не убили. Смерть оставляет совсем другие следы.

Когда Перегрин утвердительно кивнул, Кристофер взял набросок и изучил его повнимательнее.

— Значит, мы можем забыть о привидениях, которых я подозревал вначале?

Адам кивнул.

— Да, мне так кажется, хотя в подобной ситуации ничего нельзя утверждать наверняка. Одно то, что за этим стоит Ложа Рыси, само по себе отвратительно и достаточно, чтобы обеспокоить нашу Хелену почти год спустя. Что бы ни было причиной, нам нужно разобраться с последствиями. Что вы порекомендуете, Кристофер?

С самой первой их встречи Перегрин принимал руководство Адама как должное. На мгновение он даже удивился, услышав, что Адам спрашивает совета у Кристофера, но потом напомнил себе, что один из самых ценных талантов Синклера — это умение доверять знаниям других.

— Раньше бы я сказал, что здесь требуется просто проветрить — в духовном смысле, — то есть общее благословение для улучшения атмосферы, — ответил Кристофер, подумав. — Теперь же, зная о причастности к этому Ложи Рыси, я считаю, не помешало бы что-нибудь более похожее на экзорцизм. Не официальный церковный обряд, разумеется — бедную Хелену он напугал бы не меньше бестелесных духов, — нет, я попробую что-нибудь другое... что-то, в чем Хелена сама могла бы участвовать. Очень важно, чтобы она верила в то, что мы делаем, а это лучше всего достигается участием в работе.

Церемония, которую он предложил, была и изящна, и проста, в ней не было ничего явно наводящего на мысль о жутковатом обряде изгнания нечистого. Когда Кристофер закончил, Адам одобрительно кивнул.

— По-моему, это прекрасно отвечает нашей цели. Давайте разбудим юную леди и ознакомим ее с вашим планом.

Хелена легко проснулась от заранее условленного прикосновения Адама. Кристофер снова держал ее за руку.

— Привет, дорогуша. — Священник улыбнулся и поднес ее руку к своим губам. — Как вы себя чувствуете?

— Я... Лучше, — признала она с робкой улыбкой. Потом на ее лицо набежала тень тревоги. — Вы... смогли что-то узнать?

Адам присел в кресло, поигрывая кристаллом, который взял, прежде чем разбудить ее.

— Да, узнали. И вы были очень хорошей помощницей. Теперь мы с уверенностью можем сказать, что ваши кошмары обязаны своим происхождением причинам, лежащим за пределами вашей психики.

Хелена захлопала ресницами, не зная, верить ли ему.

— Так, значит, дело не во мне!

— Ничуть, — кивнул Адам, — если не принимать в расчет обычную женскую интуицию. Известно, — продолжал он под внимательным взглядом озадаченной Хелены, — что физические объекты — даже целые дома — могут действовать как психометрические

рецепторы, сохраняя эмоциональные резонансы событий прошлого. Любой, кто оказывается чувствительным к таким вещам, способен ощутить их неблагоприятное влияние, что и произошло в вашем случае.

Видя, что Хелена по-прежнему ничего не понимает, Кристофер сочувственно пожал ей руку и улыбнулся.

— Хелена, доктор Синклер имеет в виду, что ваши кошмары связаны с людьми, которые когда-то жили в этой квартире. Плохие воспоминания, если хотите — вроде неприятного запаха. Когда вонь пропитывает дерево, то обычно остается в помещении, пока его хорошенько не проветрят. Именно этим мы сейчас и займемся, — продолжал он решительно. — Устроим здесь метафизическую уборку. Только вместо нашатырного спирта используем духовную силу.

Хелена невольно хихикнула.

— Как раз то, что нужно, дорогуша, — сказал Кристофер. — Ну-с, я знаю, что у вас есть и Библия, и требник. Не одолжите их мне?

Он открыл портфель и достал церковную епитрахиль из зеленого шелка и пластиковую бутылочку — со святой водой, как предположил Перегрин. Хелена взяла с полки требуемые книги и села рядом со священником. Кристофер надел епитрахиль на шею и начал перелистывать Священное Писание в кожаном переплете. Пока внимание девушки было сосредоточено на духовном наставнике, тихо объяснявшем ей, какие места следует читать, Адам отвел Перегрин в сторону.

— Стойте здесь и смотрите. Вы единственный способны увидеть того, кого мы преследуем. Надо убедиться, что с ним покончено.

— Но как...

— Просто смотрите. — Адам покачал головой, чтобы прекратить дальнейший спор. — Вы узнаете, когда мы закончим.

Они оба были вне поля зрения Хелены. И все же Адам постарался незаметно вытащить из кармана пальто то, что сам называл каменным зубом — темный, похожий на кривой волчий клык кусок железняка, не только магнетически, но и духовно поляризованный для отвода неблагоприятной психической энергии.

Перегрин уже видел, как им пользовались в Мелроузском аббатстве, чтобы рассеять следы темного воздействия, оставленные теми, кто вызвал из могилы дух Майкла Скотта. Перегрину не было страшно, но сердце заколотилось в груди, когда к нему повернулся Адам, темные глаза которого уже приобрели сверхъестественную глубину. Синклер наклонил голову, коснувшись губами стиснутого кулака, потом поднял глаза.

Перед Перегрином стоял некто гораздо более могущественный, нежели доктор Адам Синклер, психиатр, или сэр Адам Синклер, баронет. Он, казалось, стал на несколько дюймов выше, когда глубоко вздохнул и кончиком каменного зуба указал сначала на себя, потом на Перегрин, делая охранительный знак. Перегрин словно бы ощутил след каменного зуба в воздухе перед собой и представил, что рисует вокруг себя символ, похожий на защитный покров. Адам едва заметно улыбнулся, кивнул и совершил вроде бы бесцельный круг по комнате — по часовой стрелке, — ритуально запечатывая ее, чтобы зло не смогло сбежать из ловушки.

Тем временем Кристофер предложил Хелене вместе помолиться. Они опустились на колени перед камином. Адама загораживала мебель — на случай, если бы Хелена подняла голову, — хотя, повинаясь ласковым наставлениям Кристофера, она смежила веки и закрыла лицо руками.

Когда Адам закончил круг, на миг выйдя из гостиной в короткий коридор, чтобы не пропустить спальню и ванную комнату, он вернулся к началу круга у двери и зажал каменный зуб между большим, указательным и средним пальцами правой руки. И твердым стремительным движением очертил стены гостиной всего в нескольких дюймах от поверхности.

Перегрин молча наблюдал, как призраки событий прошлого исчезают, будто пыль в

пылесосе.

Зло исчезло, осталась только какая-то неуютная пустота. Сам воздух был спертым и затхлым. В тот момент, когда Перегрин посмотрел на Адама, ожидая объяснений, Кристофер нарушил молчание.

— Думаю, можно начинать, — сказал священник, поднимаясь на ноги. Он отступил на шаг назад и перекрестил коленопреклоненную Хелену, произнося нараспев: — Во имя Отца, Сына и Святого Духа, давайте помолимся. Отче наш...

Затем последовало чтение отрывков из Священного Писания и других молитв, некоторые из которых читала сама Хелена, умоляя Провидение защитить от зла и восстановить в доме покой. Слушая, хоть и не все понимая, Перегрин чувствовал, как пустота комнаты начинает уступать новой свежести жизни. Комната казалась чем-то вроде чашки. Адам опустошил чашку, избавился от яда и вымыл ее, а теперь Кристофер наполнял ее радостью, успокаивающей душу и разум, как искристое вино.

Но священник был просто посредником, распорядителем на пиру, а не Хозяином. Настоящая Власть была выше и вне его, хотя Она и облекла его Своей силой. Когда Кристофер начал обрызгивать углы комнаты святой водой, Перегрин осознал, что действия священника понятны ему еще меньше, чем то, что делал у него на глазах Адам. Религия была для него загадкой. В детстве он научился христианским обрядам, но суть всегда ускользала от него. Со временем он пришел к заключению, что сути никакой нет. Хотя события последнего времени поколебали эту уверенность.

Наконец, Кристофер завершил эту внешне простую службу. Хелена улыбалась, все ее прежние тревоги явно улеглись; гнетущая атмосфера квартиры рассеялась. Кристофер с веселым благодушием отмахивался от благодарностей.

— Это все в рамках служебных обязанностей, дорогуша, — весело сказал он. — Сейчас мне пора идти, но я обязательно загляну на будущей неделе, поглядеть, как вы поживаете. И сразу же звоните, если что-то еще вас потревожит.

Они попрощались у порога и спустились в цокольный этаж, к квартире хозяйки. Мисс Битон, по-матерински добрая вдова, приветствовала Кристофера с радостью, к которой примешивалось облегчение.

— Так уж рада вас видеть, отец Хьюстон! Последние две недели я тревожилась о нашей бедной овечке, но, коли вы заглянули, ей, глядишь, станет полегче.

Хозяйка с готовностью ответила на вопросы Кристофера относительно прежних обитателей квартиры. Когда наконец Адам и его товарищи простились с ней, у них имелся короткий список имен — и факт, что косметический ремонт в квартире Хелены был всего несколько месяцев назад.

Тем временем погода стала сырой и ветреной. До машины добрались под жалящими брызгами холодного дождя.

— Полагаю, дело только во времени, — безропотно сказал Кристофер, тщетно смахивая с плеч капли.

Адам быстро прочитал список, полученный от мисс Битон, потом аккуратно убрал его в нагрудный карман куртки.

— Я передам имена Ноэлю. Он сумеет разыскать всю имеющуюся у них информацию. Мы не опаздываем, Кристофер?

Священник посмотрел на часы.

— Викки надеется, что мы вернемся к часу, поэтому поостережемся строить планы на ленч. А что?

— Вчера я получил записку от Рэндалла, он сумел найти книгу, которую я уже давно искал, — сказал Адам, включая зажигание. — Не возражаете, если мы заедем к нему в магазин?

— Ничуть, раз уж мы здесь, — кивнул Кристофер. — Хотя не воображайте, что у вас есть шанс найти парковку в такую-то погоду, да еще в субботу.

Синий «рейнджровер» влился в поток машин. Упомянутый книжный магазин стоял в

дальнем конце узкого ступенчатого прохода, ведущего от Ройял-Майл. Сама улица была озарена фарами машин и грузовиков, упрямо ползущих под усиливающимся дождем. Дважды проехав по улице, Адам отчаялся найти место для парковки и остановился у тротуара под знаком зоны погрузки.

— Придется так, — с сожалением произнес он. — Я не надолго. Кристофер, можно уговорить вас остаться и последить за «желтой опасностью»? Даже самый педантичный инспектор дорожного движения вряд ли оштрафует человека духовного звания.

— Преимущество духовенства, а? — Кристофер лукаво ухмыльнулся соседу, потом старательно расстегнул ворот плаща, чтобы «клерикальный» воротничок был лучше виден. — Так и быть, язычники! Я останусь здесь, в тепле и сухости; надеюсь, мне не придется переставлять машину.

— Хорошо бы, если и придется, вы вернулись за нами, — улыбнулся Адам. — Пойдемте, Перегрин. Возможно, вас это место заинтересует.

В книжном магазине «Парнас» было жарко и тихо, как в настоящей пещере Аладдина, где книжные полки битком набиты томами разнообразных размеров, форм и переплетов. В воздухе чуть пахло пылью; Перегрин вспомнил коллекцию рукописей в библиотеке Оксфордского университета. Почти сразу же его взгляд привлекло полное собрание волшебных сказок Эндрю Лэнга; золотое тиснение на обложке свидетельствовало, что это первое издание. Пока он остановился полюбоваться им, из-за прилавка в глубине магазина появилась стройная девушка с копной длинных, темных кудрей и с улыбкой подошла к Синклеру.

— Вам помочь, сэр? — начала она, и вдруг ее лицо осветилось узнаванием. — О, это вы, Адам! Как приятно вас видеть. Папа не говорил, что вы заглянете сегодня. Вы привели с собой друга?

Она кивнула на Перегрин; ее темные глаза были яркими, как у крапивника.

— Миранда, если ты забудешь меня и начнешь кокетничать с этим негодником, я буду безутешен! — пригрозил Адам. — Однако я сам виноват в том, что привел его. Он не только мой друг, но и уникального дарования художник. Познакомься: портретист Перегрин Ловэт.

— Портретист? — заинтересовалась Миранда. — Вы рисовали каких-нибудь знаменитостей, мистер Ловэт?

Перегрин залился краской, но ответил:

— Ну, я как-то сделал набросок портрета королевы-матери. Правда, с фотографии, так что, пожалуй, его можно не считать.

— Не обманывайся его ложной скромностью, Миранда, — весело сказал Адам. — Он не рисовал членов королевской семьи — пока, — зато у него были самые выдающиеся клиенты. Перегрин, это Миранда Стюарт, дочь моего друга Рэндалла.

Перегрин уже обратил внимание на пикантное личико девушки и на то, как она набрасывает шелковую, в цыганском стиле, шаль на узкие плечи, но теперь посмотрел на нее с новым интересом.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Стюарт. Должен сказать, что самые знаменитые лица не обязательно самые интересные.

Миранда бросила на молодого человека косой взгляд из-под длинных темных ресниц.

— Ну, не знаю, какой я предпочла бы быть: знаменитой или интересной. А вы все равно написали бы мой портрет?

— С удовольствием, — заверил Перегрин и добавил опрометчиво: — Во всяком случае, не понимаю, почему бы вам не быть и той, и другой.

Миранда засмеялась, и Адам не без сожаления вмешался.

— Как бы мне ни хотелось продолжать эту веселую беседу, но Кристофер ждет на улице в зоне погрузки, а мне еще надо поговорить с твоим отцом. Он дома?

— На складе, — сказала Миранда. — Сейчас позову.

По-цыгански крутанув темной юбкой, девушка исчезла за дверью в глубине магазина. Через несколько минут она вернулась в сопровождении худощавого пожилого человека в

очках.

— Адам! — воскликнул он. — Какой приятный сюрприз в такое мрачное субботнее утро!

— Вы избалуете меня подобными приветствиями, Рэндалл, — хмыкнул Адам. — Наверное, мне следовало бы предварительно позвонить, но, должен признаться, визит получился слегка импровизированным.

— Это не имеет ни малейшего значения, — сказал пожилой книготорговец. — Вы же знаете, вам всегда здесь рады. Он обратил кроткий взгляд голубых глаз на Перегрину.

— А это кто? По-моему, мы не знакомы.

— Мистер Перегрин Ловэт, — представил Адам, сделав Перегрину знак подойти. — Перегрин, это мой большой друг Рэндалл Стюарт.

Перегрин внимательно смотрел на отца Миранды, обмениваясь с ним рукопожатием. У Рэндалла Стюарта, такого же худощавого, как и дочь, были серебристые волосы и четко очерченное лицо стареющего ученого. Его мягкая, старомодная вежливость напоминала о более утонченных временах.

— Перегрин Ловэт, — задумался старик. — Знакомое имя... А, вспомнил! Вы портретист, не так ли? Тот самый, на чьи работы были такие благосклонные отзывы в «Скотсмене».

Перегрин, как и положено в таких случаях, покраснел.

— Критики очень великодушны, сэр.

— А вы слишком скромны, — ответил Рэндалл. — Я видел выставку ваших работ в Национальной галерее. Похвалы критиков вполне заслуженны, и я счастлив познакомиться с вами лично.

Прежде чем Перегрин смог найти подходящий ответ, старик обернулся к Адаму.

— Простите, чуть не забыл. Вы ведь насчет Бартоломеуса? Он заперт у меня в столе. Пойдемте наверх, и я достану его... Вы тоже, мистер Ловэт. Миранда присмотрит за магазином, пока мы поболтаем, не так ли, дорогая?

Они поднялись на два пролета лестницы в большую мансарду под крышей дома. Кроме тяжелого дубового стола у окна, в комнате были два удобных, сильно потертых кресла по обеим сторонам газового камина, раковина и встроенный сервант в углу.

— Мой дом вне дома, — с улыбкой объяснил Рэндалл Перегрину. — Адам, вы с вашим юным другом не хотите чаю?

— Боюсь, у нас очень мало времени, — извиняющимся тоном сказал Адам. — Я оставил Кристофера присматривать за машиной, с указанием использовать преимущества духовенства, если попадется несговорчивый инспектор дорожного движения, а Виктория будет ждать нас на ленч. Кроме того, мы явно отрываем вас от работы.

Он указал на стол, на котором громоздилась старинная механическая пишущая машинка. Над кареткой торчал лист бумаги, наполовину заполненный текстом.

— Это вполне может несколько минут подождать, — чуть заметно улыбнулся Рэндалл. — Письмо к редактору «Санди таймс». Все равно в выпуск этой недели не попадет.

— Еще одно письмо? — Адам удивленно изогнул бровь. — Меня восхищает ваше усердие, Рэндалл. Ваша статья в «Таймс» на прошлой неделе была изящной апологией института Вольных Каменщиков.

Книготорговец просиял.

— О, благодарю вас. Это высокая похвала от человека, не являющегося членом Ложи... хотя я знаю, что вы из сочувствующих. — Потом его лицо посерьезнело. — Должен признаться, меня тревожат недавние нападения на наших собратьев. Не так давно какие-то вандалы вломились ночью в Дом Масонов на Джордж-стрит и причинили ущерб нескольким помещениям. Были и другие инциденты...

Он умолк и покачал головой.

— Не знаю, куда идет мир. Очевидно, что общественность не всегда понимает природу нашей организации. Хулители не доверяют тому, что считают скрытностью. Но только

благодаря скрытности мы можем гарантировать, что знаниями, доверенными нам, не злоупотребят люди с корыстными амбициями. И потому мы должны оберегать наши обряды, одновременно надеясь, что сами наши труды послужат доказательством наших благих намерений.

Адам кивал.

— Если цитировать святого Матфея: «Не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они увидели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного». Вы очень искусный адвокат, Рэндалл. Я буду с нетерпением ждать публикации вашего письма в «Санди».

— В таком случае, — сказал Рэндалл, — я считаю себя обязанным закончить его. Ну-с, позвольте показать вам Бартоломеуса.

Поманив Адама за собой, он подошел к столу, отпер нижний ящик в левой тумбе. Перегрин всмотрелся через плечо Адама, когда пожилой книготорговец вынул толстую книгу в тисненном кожаном переплете.

— Это просто викторианское факсимиле издания Винкена де Ворда 1495 года, — объяснил Рэндалл, — но, думаю, вы убедитесь, что оно точно воспроизводит оригинал.

Адам открыл титульный лист, потом поднял книгу, чтобы и Перегрин мог прочитать: «De Proprietatibus Rerum».

— «О свойствах вещей», — произнес он вслух, машинально переводя с латыни.

Пока Адам листал дальше, Перегрин понял, что сама книга написана не на латыни, а на среднеанглийском.

— Это энциклопедия позднего средневековья, — сказал Адам, отвечая на незаданный вопрос. — Ее составил на латыни Бартоломеус Англикус — Варфоломей Английский¹, — и впоследствии перевел Джон из Тревизы. Для читателей того времени — настоящая сокровищница знаний, и потому она представляет немалый интерес для любого, кто интересуется эволюцией представлений о мире.

Закрывая книгу, Адам улыбнулся Рэндаллу Стюарту.

— Спасибо, что нашли ее для меня, Рэндалл. Я знаю, задача была нелегкой, и надеюсь, что вы не преуменьшите свои усилия, назначая цену. Не называйте сейчас цифр! — предупредил он, протягивая руку и решительно качая головой. — Я настаиваю, чтобы вы на следующей неделе приехали в Стратмурн, и мы обсудим это за бокалом вина.

— С удовольствием, — улыбнулся Рэндалл. — Так получилось, что завтра мне надо съездить в Стерлинг — произвести оценку. Коллекция большая, так что мне может понадобиться несколько дней. Давайте я позвоню вам, когда закончу? Если окажется, что вы дома, я загляну к вам по пути в Эдинбург.

Внизу Адам и Перегрин подождали, пока Миранда завернет книгу, потом сердечно простились с девушкой и Рэндаллом.

«Рейнджровера» на прежнем месте не оказалось. Слегка перепуганный Перегрин поднял воротник и окинул испытующим взглядом поток машин. Тут внимание Адама привлек знакомый гудок.

— Вон он. Бежим, пока мы оба не промокли насквозь.

У дома священника они оказались скорее к двум, чем к часу. Виктория встретила их в дверях и загнала внутрь.

— Господи, просто адский холод, верно? — заметил Кристофер, когда все трое вылезли из мокрых пальто. — Прости, что мы опоздали, Викки. Если погода не изменится, думаю, снег пойдет еще до темноты.

— Не беда, — сказала Виктория. — Чайник на огне, суп тоже. Идите в столовую, и я начну подавать.

Вскоре все четверо сидели за тарелками с горячим перловым супом, затем последовали омлет и тосты с маслом. За едой Кристофер и Адам рассказали о том, что произошло в квартире. Наконец, по просьбе Адама Перегрин достал свои наброски. Виктория долго и

¹ Францисканский монах, составивший около 1230-1240 гг. 19-томную энциклопедию «О свойствах вещей».

серьезно изучала их, на миг задумавшись, прежде чем вернуть. Художник заметил, уже почти не удивившись, что ее обручальное кольцо украшено сапфиром.

— Подозреваю, нам крупно повезло, мы наткнулись на то, что может оказаться важным ключом, — заметила она. — По-вашему, есть шанс, что Ноэль найдет молодого человека с рисунка?

— Если не сумеет он, не сумеет никто, — сказал Адам. — Сам юноша скорее всего лишь новообращенный. Но он мог бы рассказать нам кое-что полезное о человеке на заднем плане.

— Человек с медальоном? — Кристофер потер длинный нос. — Думаете, этот тип мог быть замешан в событиях у Лох-Несса?

Адам нахмурился.

— Я не исключаю такой возможности.

Виктория задумчиво покачала головой.

— Что бы ни было в книге заклинаний Майкла Скотта, она настолько нужна им, что они готовы рискнуть ради нее жизнью. Что, по-вашему, они собираются сделать?

— Хотел бы я знать, — проговорил Адам. — Что бы это ни было, они ни перед чем не остановятся, чтобы добраться до нее.

— А как та малышка? — спросил Кристофер. — Нынешняя личность Скотта... как там ее, Толбэт?

— Джиллиан Толбэт, — кивнул Адам. — Еще слишком рано говорить. Когда я видел ее в больнице, она была в плохом состоянии, ее личность разрушена на всех уровнях. Я дал ее матери свою карточку, пока все. Если я не услышу ничего обнадеживающего до конца следующей недели, то подумаю, как восстановить контакт.

— А нельзя просто позвонить? — спросила Виктория. Адам поморщился.

— Было бы несколько затруднительно объяснить мой интерес. Кроме того, можно найти способ и получше. В конце месяца мне надо поехать в Лондон — матушка приезжает на праздники. Если позволит расписание, я посету больницу.

Окно у него за спиной задребезжало под порывом ветра. Кристофер покосился на часы и прищелкнул языком.

— Боже, неужели пора? Простите, Адам, но мне надо ехать. Через полчаса у меня крестины.

— Нам тоже пора, — сказал Адам, поглядев на Перегрину. — Спасибо за великолепный ленч, Виктория. Надеюсь, я увижу вас обоих завтра вечером?

— Визит к вам, дружище, я не пропустил бы даже в буран, — усмехнулся Кристофер. — Перефразируя девиз почтальонов: «Ни дождь, ни снег, ни гололед, ни град не остановят гостей, спешащих на званный ужин...»

Глава 5

Заросшие густым лесом холмы к северу от Блэргаури были укрыты свежеснеженным снегом. Перебирая в памяти двадцать семь лет службы лесничим, Джимми Макардль мог вспомнить всего несколько случаев, когда снег ложился так рано. До первого декабря оставалось еще две недели. В этом году олени раньше обычного выйдут из чащи. Нужно позаботиться, чтобы не переводилось сено, кормушки были выставлены на обычных местах, и следить за браконьерами, которых привлечет уязвимость оленей.

Стоя на побелевшей тропинке, Джимми глубоко вдохнул острый запах сосновой смолы и посмотрел на темный круговорот звездного света над головой. Потом снял с плеча винтовку, чтобы в оптический прицел полюбоваться великолепием Сириуса, мигающего красным, зеленым и белым огнем, как маяк. Безлунная, но белая от выпавшего снега ночь была просто предназначена для браконьеров. Он вздохнул, и на фоне россыпи звезд появилась густая струйка пара. Джимми опустил ружье, жадно впитывая ночные звуки, наслаждаясь тишиной и одиночеством.

Джимми любил эти леса и холмы, особенно зимой. Однако теперь, когда погода наладилась, озноб начинал пробираться до костей. Пройдет еще несколько лет, и он станет слишком стар для такой работы. Не зря в последнее время он больше обращает внимания на холод... Почувствовав болезненные укусы мороза, Джимми опустил на землю красный лесной факел, который всегда носил, но редко использовал, и нашарил под паркой плоскую фляжку с бренди, прекрасным согревающим средством. Неуклюжими в толстых перчатках пальцами отвинтил крышку и поднес фляжку к губам.

В тот миг, когда бренди обожгло язык, тишину окрестных лесов нарушил приглушенный звук, весьма похожий на крик. Он донесся с вершины холма, откуда-то справа. Непохоже на рев оленя. Мгновенно насторожившись, Джимми склонил голову набок и прислушался. Немошеная частная подъездная дорога к лесным угодьям шла с другой стороны холма, в этот час ею никто не должен был пользоваться, тем более без ведома Джимми. Поспешно спрятав фляжку, лесничий сунул винтовку под мышку и поднял факел. Его предупреждали, чтобы он не связывался с браконьерами самолично, ибо в последнее время на Северном нагорье случались неприятные инциденты и даже несколько убийств, но если бы он смог подобраться достаточно близко, оставаясь незамеченным, то по крайней мере получше рассмотрел бы правонарушителей в оптический прицел.

Увязая в рыхлом снегу по щиколотку, Джимми начал пробираться к источнику звука, укрываясь за укутанными снегом деревьями. Он был почти у цели, когда негромкий монотонный вопль, разнесшийся по окрестным лесам, заставил его замереть. Едва стихло эхо, раздался тихий хор голосов — какое-то жуткое пение, становившееся то громче, то тише. От этих звуков по телу Джимми поползли мурашки. Мгновение он был не в силах двинуться с места. Потом крепче сжал винтовку и заставил себя шагать быстрее.

За деревьями показался тусклый красный свет. Двигаясь вперед почти против воли, Джимми добрался до гребня холма и заглянул в неглубокую ложину, внезапно показавшуюся незнакомой, хотя он знал ее всю жизнь.

Примерно дюжина фигур в белых балахонах с капюшонами выстроились кругом на большой поляне. В центре ее, на плоском сером камне, во времена юности Джимми часто служившем столом на пикниках, закинув назад голову в капюшоне и воздев руки, возвышался еще один человек в белом. Перед ним, у края камня, стоял на коленях человек с обнаженной седой головой. Зловещие огни делили круг на четыре четверти, от них поднимались тяжелые спирали густого черного дыма. Трепещущее пламя отбрасывало жуткие тени на коленопреклоненного человека. Приглядевшись, лесничий понял, что руки у него связаны за спиной.

Объятый гипнотическим ужасом, Джимми не мог отвести взгляда от этого сборища. Пение резко оборвалось.

* * *

Старик не сопротивлялся, когда похитители тащили его по свежавыпавшему снегу на холм, да и не мог сопротивляться — об этом позаботились. С того мгновения, как его схватили — набросившись сзади и зажав пропитанной хлороформом салфеткой нос и рот, — старик был полностью во власти похитителей. Он даже не знал, сколько времени прошло, ибо ему ни разу не позволили прийти в себя. Следующие одна за другой инъекции держали несчастного в полубессознательном состоянии. Он помнил, как пару раз его приводили в чувство, но лишь для того, чтобы он мог воспользоваться туалетом, а несколько часов назад покормили черствой овсяной лепешкой и напоили неприятным красным вином. Вскоре после еды ему сделали еще один укол, перед тем как запихнуть в закрытый кузов большой машины. Потом его долго везли, небрежно укрытым на полу клетчатым ковриком. Как ни старался он не заснуть, но все-таки продремал большую часть пути, и скоротечные сны его были полны кошмаров.

Пленник очнулся, только когда его вытащили из машины. Ноги не держали, голова

гудела от наркотиков и страха. Похитители остановились под деревьями в лабиринте тесно переплетенных зеленых ветвей, чей резкий запах был разлит в морозном ночном воздухе. Старик понятия не имел, что они намерены делать, но понимал, что жизнь его в смертельной опасности, а сил для борьбы у него нет.

На заснеженной лесной поляне единственным источником света служили электрические факелы: один человек шел впереди, один сзади, чтобы осветить дорогу остальным. Старик казалось, что их не меньше дюжины, но уверен он не был. Они шли слишком быстро, и все были одеты в одинаково безликие, длинные белые балахоны, похожие на облачение каких-то странных священников, с низко надвинутыми капюшонами. Это давало ему надежду, что в конце концов его отпустят, ведь он наверняка не сможет никого опознать.

Больше всего пленника беспокоило, что и на него надели белый балахон. Наверное, это сделали в машине, пока он плавал в наркотическом забытии. Сейчас на балахон натянули пальто, а на босые ноги — высокие резиновые сапоги; он чувствовал, что под балахоном никакой одежды не осталось. Даже замутненный наркотиками рассудок подсказывал ему, что будущее не сулит ничего хорошего. У него забрали очки, однако, вглядываясь вперед, он смутно видел, что они приближаются к вершине холма.

Перевалив через гребень, процессия спустилась в окруженную деревьями лощину. Поляна словно была укрыта белым одеялом, вся, кроме плоского серого камня размером с автомобиль, что торчал посередине. Ледяной воздух был неподвижен, как в могиле, призрачные охранники не произносили ни слова. Страх сжал похищенного, будто тисками; старик вскрикнул и попытался вырваться. Сторожа ничуть не встревожились и легко преодолели его слабые усилия, вытолкнув в центр поляны. Там с несчастного грубо сорвали пальто и завели голые, замерзшие руки за спину, связав их тонкой веревкой, пока другие стаскивали сапоги. От ледяного прикосновения снега к босым ногам у пленника перехватило дыхание, а веревка мучительно врезалась в запястья. Он подавил всхлип боли и недоумения, когда его заставили встать на колени у самого края огромного гладкого камня.

Ноги старика начали неметь от холода, снег промочил тонкий балахон, холодя кровь, угрожая парализовать последние остатки рассудка. Он тупо смотрел, как похитители обводят выбеленную снегом поляну широким кольцом пепла. В темноте вспыхнуло красно-золотое пламя маленьких костров, за каждым из которых следил один из людей в белом. По знаку предводителя в костер бросили пригоршню порошка. Порошок вспыхнул, как порох, затем испустил темные клубы ядовитого дыма.

Запах дыма, приторного, тяжелого, словно опиум, дразнил ноздри. Ужас вытеснил холод, ибо старик, казалось, внезапно начал постигать намерения похитителей. Когда двое сторожей попятились от него, а предводитель властно ступил на плоский камень, пленник сделал последнюю, героическую попытку встать. Увы, замерзшие ноги отказались ему повиноваться. Усилие это чуть не опрокинуло его, и он закачался на онемевших коленях, пока один из сторожей не наклонился на миг, чтобы поддержать старика. Когда сторож отстранился, предводитель воздел обе руки над головой и начал декламировать гортанное заклинание на языке, полном вибраций и гласных, вроде бы знакомом, но не совсем узнаваемом. Прочие, стоящие в кругу, присоединились, их негромкие голоса были полны угрозы. Речитатив сменился горловым пением, резким, как удар камня о камень. Вонючий дым от костров наполнил ноздри старика. Парализованный этим пением, он балансировал на грани обморока.

Внезапно пение поднялось до крещендо и оборвалось. Предводитель скрестил руки на груди и отвесил поясной поклон, затем вытащил из-под балахона что-то темное и металлическое и грациозно опустился на колени перед стариком, поднеся ему предмет на вытянутых руках, словно для осмотра. Это был торк из черного металла, покрытый примитивным серебряным рисунком и украшенный темно-желтыми камнями. Старик уставился в полном непонимании, съежившись, когда чьи-то руки схватили его за плечи, а другие сдавили голову, зажав нос и рот. Резкий запах нашатыря прочистил голову, и он

внезапно понял, что именно должно произойти. Потом что-то обрушилось на старика сзади. Боль взорвалась в затылке, однако проснувшееся сознание продержалось еще несколько мгновений, пока дыхание внезапно не пресеклось в горле и что-то не обожгло шею под правым ухом.

Трясущийся Джимми, наблюдая за всем этим в оптический прицел, подавил крик ужаса, когда сверкнул металл. Яркая кровь хлынула из шеи старика, пролившись дымящимся потоком на предмет, который держал на вытянутых руках коленопреклоненный предводитель. Тело старика дернулось, рот распахнулся в немой агонии, спина изогнулась, несмотря на усилия державших его сторожей... но никто не проявил милосердия. За несколько секунд кровь промочила балахон, сторожей и снег вокруг — темно-красная в свете костров. Потом конвульсии ослабли, ибо вместе с кровью уходили силы. Способный двигаться не более чем жертва, по-прежнему поддерживаемая безжалостными убийцами, Джимми продолжал в ужасе смотреть, как кровь заливает сложенные чашей ладони предводителя и течет по рукам, испаряясь на темном металлическом предмете. Предводитель торжественно поднял его, и тогда палачи позволили наконец безжизненному телу старика рухнуть на пропитанный кровью снег.

Абсолютная безжалостность убийства наконец разрушила чары и освободила Джимми от столбняка. Настолько же разъяренный, насколько перепуганный, он попытался передернуть затвор, но механизм заклинило в трясущихся руках. Щелчок прозвучал почти как выстрел. Белые фигуры в лощине застыли, скрытые капюшонами лица повернулись на звук. Повинуясь короткому жесту вожака, трое отделились от круга и, рассыпавшись веером, направились в сторону Джимми.

Перепуганный лесничий упал на живот и пополз назад с наивозможнейшей скоростью, таща за собой винтовку и молясь, чтобы его не заметили. Добравшись до звериной тропы внизу, он вскочил на ноги и пустился наутек, как человек, спасающий свою жизнь.

Глава 6

Воскресный ночной кинофильм по каналу Би-би-си закончился в третьем часу ночи. Показывали черно-белую классику, «Морской ястреб» 1940 года с участием Эррола Флинна, Клода Рейнса и массы других знаменитостей. Старший инспектор Ноэль Маклеод (Эдинбургское отделение) досмотрел титры в конце фильма, заслушавшись героической музыкой Корнголда, потом выключил телевизор, подумав о том, что старые фильмы были лучше. Рядом с ним на диване спали жена и кошка. Он с улыбкой вспомнил, как вечером Джейн мужественно вызвалась составить ему компанию и задремала во время одной из романтических интерлюдий между морским боем и поединком на шпагах. Большая же серая кошка у нее на коленях засыпала всегда, когда хозяйка оказывалась в ее распоряжении.

В отличие от них Маклеоду не спалось, его снедало странное беспокойство. Весь вечер он пытался отвлечься то одним, то другим. Сначала решил раскрасить новые утки-манки, которые дюжинами сидели на полых карнизах над окнами гостиной — что по крайней мере освобождало Джейн от обязанности регулярно стирать с них пыль, — потом занялся оригами. Он научился ее основам у японского коллеги, с которым вместе занимался в финансируемой ФБР Национальной Академии в Квантико. С тех пор Маклеод много работал и стал настоящим профессионалом в этом искусстве.

Сегодня вечером ему не удалось как следует сосредоточиться даже на оригами. Кофейный столик был завален разноцветными кусочками тонкой рисовой бумаги, но все у инспектора валилось из рук. Что-то не давало ему покоя, а он не мог даже понять, что именно. Когда он подумывал, не выйти ли подышать свежим воздухом, зазвонил телефон. Джейн вскинулась, потревожив возмущенно мяукнувшую кошку. Маклеод потянулся за трубкой, размышляя, какая беда свалилась на него в такой час.

— Эдинбург 7978, Маклеод слушает.

— Инспектор Маклеод? — Мужской голос на том конце провода был совершенно бодр,

несмотря на поздний час, укрепляя подозрения о служебном характере звонка. Хотя голос был незнакомый.

— Угу, — проворчал он. — С кем я говорю?

— Сержант Келлум Керкпатрик из полицейского участка Блэргаури. Возможно, вы помните меня, инспектор, я из Хантингтауэрской Ложи, что в Перте. Мы встречались в прошлом году на собрании большого совета. Простите, что тревожу вас в такой час, брат Маклеод. У нас здесь, кажется, возникла проблема, и нужен человек с вашим опытом.

После этих слов Керкпатрика Маклеод вспомнил, как его представили полицейскому сержанту из Хантингтауэра, приятному, начитанному парню, страстному любителю американских ковбойских фильмов и меткому стрелку, чемпиону Тейсайдской полицейской спортивной команды. Но дрожь предчувствия в нервных окончаниях вызвало обращение Керкпатрика к нему не только как к коллеге-полицейскому, но и как к собрату-масону. Маклеод был масоном почти всю сознательную жизнь и хорошо знал, что Керкпатрик не воззвал бы к братским узам без серьезной причины.

— Незачем извиняться, брат Керкпатрик, — сказал он, переходя на профессиональный тон. — Рассказывайте.

На том конце провода произошла заминка, словно Керкпатрик не знал, с чего начать. Потом поспешно заговорил:

— У нас тут в участке один человек по фамилии Макардль — работает лесничим в поместье Балтэрни. Он клянется... это, конечно, полный идиотизм... клянется, будто видел в лесу Балтэрни что-то вроде человеческого жертвоприношения. Говорит, черная магия.

Керкпатрик умолк, словно извиняясь, и Маклеод заставил себя глубоко вдохнуть и медленно выдохнуть.

— Весьма серьезное заявление, — пробормотал он, спрашивая себя, не это ли не давало ему покоя весь вечер. — Вы проверили его рассказ?

— Нет еще. — Керкпатрик явно чувствовал себя неуютно. — Эти места ужасно труднопроходимы, так что все равно придется подождать до рассвета. Должен сказать, что всегда считал Макардля надежным свидетелем. Он служит у лорда Балтэрни больше сорока лет и лет двадцать был главным лесничим. В городе его очень уважают.

— Хотя когда Макардль пришел, от него здорово пахло спиртом, — продолжал Керкпатрик. — Дежурный офицер — новичок в Блэргаури и не знал Макардля. Он подумал, что это просто пьяная болтовня, и посоветовал ему пойти домой и проспать. Но Макардль продолжал настаивать на своих показаниях — мол, видел то, что видел, и только потом глотнул чуточку для успокоения нервов, прежде чем идти в полицию. Он так разволновался, что дежурный в конце концов согласился сделать тест на содержание алкоголя в крови.

— И? — подтолкнул Маклеод, когда сержант умолк.

— Абсолютно ничего; трезв, как камень, если верить аппарату.

— Ясно, — пробормотал Маклеод.

— Вот тогда дежурный вызвал меня, — продолжал Керкпатрик. — Он рассказал по телефону, что тут заявлено и кем, и я, когда пришел туда, заставил Макардля повторить историю дважды.

Он вздохнул.

— Инспектор, я знаю Джимми Макардля почти десять лет. Не думаю, что он лжет. Но если он прав... если на его участке действительно убили человека при помощи черной магии... то у нас в Блэргаури, конечно, нет специалистов для такой работы. Наши обычные клиенты — взломщики, буяны в пабах, даже браконьеры, но не убийцы... и уж тем более не психи, балующиеся черной магией. Я вспомнил, как кто-то говорил мне, будто в полиции Лотиана и Пограничья именно вы занимаетесь подобными случаями. Поэтому позвонить вам показалось лучшей идеей, чем пытаться лезть в это дело самим.

— Понимаю, сержант, — сказал Маклеод, — но прежде чем дать совет, мне не помешало бы еще немного информации. Почему ваш человек так уверен, что видел какой-то оккультный обряд?

— По его словам, преступники носили белые балахоны с надвинутыми на лица капюшонами. Он утверждает, будто слышал, как они бормотали над жертвой какую-то песню, прежде чем убить. — Помолчав, Керкпатрик нерешительно добавил: — Вероятно, все это мистификация... университетская шуточка, что ли.

— Угу, возможно, — сказал Маклеод, — но вряд ли мы рискнем исходить из этого предположения. Ваш свидетель кажется серьезным. Пожалуй, мне лучше приехать в Блэргаури самому.

— Я надеялся на это, — откровенно признался Керкпатрик, — и был бы очень благодарен, если бы вы приехали. Мне страшно не хочется вытаскивать вас из дому в такую ночь, однако... когда вы сможете быть здесь?

— Постараюсь выбраться за полчаса. Как дороги?

— Вчера после восьми вечера выпало дюймов четыре-пять снега, но главные дороги проходимы. Когда вы приедете, возьмем полноприводную машину, чтобы добраться до места. Что еще мы можем сделать до вашего приезда?

Маклеод рассеянно нахмурился.

— Постарайтесь не дать прессе пронюхать об этом, пока мы не поймем, с чем имеем дело. Сомневаюсь, что у вас есть специалист по убийствам.

— Боюсь, что нет, инспектор.

— Ну, сейчас это не имеет значения. Если ваш свидетель прав, — продолжил он мрачно, — то ради жертвы спешить уже незачем, а самих преступников давно и след простыл.

Он подумал еще минуту.

— Мне хотелось бы привезти с собой еще одного человека, если он согласится поехать. Это мой друг-психиатр с большим опытом в подобных делах. Фактически именно ему я звоню, когда мне нужен эксперт. Я много раз работал с ним и ценю его мнение.

— Если, по-вашему, он может помочь, то я не возражаю.

— Сначала мне надо связаться с ним... но это моя проблема, а не ваша, — сказал Маклеод. — Бог даст, я буду у вас в Блэргаури часа через три. До встречи.

С этими словами он положил трубку и повернулся к жене. Джейн тихо сидела на диване, рассеянно поглаживая кошку. Она подняла рыжеватую бровь с многострадальным смирением.

— Можешь не говорить. Тебе надо уезжать. Сделать термос кофе?

— Ага, — уныло кивнул Маклеод, — неплохо бы. — Он ласково обнял ее за плечи и добавил веселее: — Ты храбрый солдатик, Дженни, девочка моя. Обещаю наверстать, когда попаду домой.

— Да уж, Ноэль Маклеод, наверстаешь, — согласилась она с некоторой суровостью. Но темные глаза блестели. Маклеод обнял ее крепче, потом с трудом отпустил. Когда она встала и ушла на кухню (кошка поспешила следом), он снова поднял трубку и набрал номер Стратмурн-хауса.

* * *

Пока инспектор Маклеод разговаривал по телефону с Керкпатриком, Адам Синклер давал официальный прием для нескольких дюжин коллег-патронов «Societas Musica Escotia», общественной организации, занимающейся развитием и поддержкой музыкального искусства Шотландии. Это был официальный прием: мужчины облачены в одежду горцев или по крайней мере жилеты цветов клана, а женщины в вечерних платьях, многие также с клетчатыми шарфами и другими аксессуарами. По ходу долгого вечера гости съели великолепный обед, украшенный такими шотландскими кулинарными деликатесами, как сваренный на пару дикий лосось, жареный фазан в овсяной каше и «Creme Auld Alliance», тяжелая, сладкая смесь верескового меда, виски и сливок. Потом президент Общества пригласил всех в гостиную для кофе и музыкальной программы (последнюю представили,

как обычно, добровольцы из числа членов общества). Закругленный конец зала был превращен в сцену, и несколько гостей занимались последними приготовлениями, пока остальные, в том числе и Адам, входили и рассаживались на приготовленных для зрителей местах.

Леди Дженет Фрейзер наклонилась вперед и ласково положила стройную, унизанную драгоценными камнями руку на плечо Адаму.

— Мой дорогой Адам, ты действительно устраиваешь великолепнейшие званые обеды! — прошептала она. — Истинное гостеприимство, конечно, должно считаться формой искусства, вы не согласны, Кэролайн?

Вопрос был обращен к похожей на сильфиду блондинке, сидевшей рядом с Адамом. Леди Кэролайн Кемпбелл ответила трепетом длинных, искусно накрашенных ресниц.

— О да, — сказала она, бросив на Адама шаловливый взгляд, — просто не представляю, как вы сумели все устроить. Наверное, это очень трудно, когда, кроме Хэмфри, некому помочь с приготовлениями.

Адам мысленно поморщился. После вечера, проведенного в обществе этой леди, он всей душой желал, чтобы Дженет оставила наконец попытки найти ему супругу, хотя леди Кэролайн была, конечно, красавицей. Кожа, как тонкий фарфор, фигура балерины, а изумруды на молочно-белой шее лишь немного светлее платья из бархата бутылочно-зеленого цвета, стоимости которого хватило бы для перестройки всего восточного крыла Стратмурн-хауса. Однако, несмотря на броскую красоту, в ее смехе ему слышалась легкая нотка визгливости и даже отчаяния, казалось, что она выжимает смех ради него — и не просто из желания доставить ему удовольствие. С такой реакцией Синклер встречался слишком уж часто. Он прекрасно сознавал, что считается превосходной добычей на брачном рынке. Не то чтобы он винил Дженет. Она старалась. Она и ее муж Мэттью, лучшие друзья его детства, идеально подходили друг другу по интересам и симпатиям; достигнув такого совершенства в своем браке, Дженет Фрейзер всем сердцем стремилась помочь Адаму найти такую же подходящую невесту.

Адам уже начинал уставать от игры в словесные кошки-мышки с леди Кэролайн. Вежливо отвечая на ее последнее остроумное замечание, он с нетерпением ждал музыки, которая вскоре положит конец беседе.

В северо-западном углу гостиной стоял клавесин, принадлежавший бабушке Адама, очень красивый инструмент: крышка из дерева медового цвета, инкрустированная узорами из тонкой золотой фольги. Несколько стульев с прямыми спинками были расставлены полукругом справа от клавесина, перед каждым — нотный пюпитр. На полу возвышалась кельтская арфа, все еще укрытая зеленым бархатным чехлом.

На плечо Адама упала тень — Перегрин Ловэт присел рядом на корточки, придерживаясь одной рукой за спинку стула.

— Господи, Адам, я не играл на публике со школы, — простонал молодой человек, ослабляя шелковый галстук-бабочку над элегантным воротничком. — Не знаю, почему я дал Джулии уговорить меня!

Адам улыбнулся замешательству Перегрина и, окинув взглядом комнату, нашел стройную девичью фигурку в атласном белом платье с боа цветов клана на плечах и такими же лентами, вплетенными в распущенные рыжевато-золотистые волосы. Перегрин познакомился с Джулией Барретт около месяца назад, и с тех пор их роман расцвел, что тоже оказало благотворное влияние на неуклюжего, подавленного молодого человека, запомнившегося Адаму по первой встрече.

— Просто все время напоминайте себе, что это общество любителей музыки, а не собрание критиков, — подбодрил он. — А теперь расслабьтесь и помните, что вы среди друзей.

Перегрин закатил глаза, однако вышел на сцену и сел за клавесин, поправив складки килта с неосознанной небрежностью, невозможной еще два месяца назад. Через мгновение к нему присоединилась Джулия в сопровождении дяди, сэра Альфреда Барретта — крепкого,

изысканного джентльмена с блестящими голубыми глазами.

— Друзья и коллеги, — начал сэр Альфред с шуточной официальнойностью, — как старшему члену трио мне доверили сообщить вам, что в нашей части программы мы исполним избранные места из «Нотных тетрадей» Анны-Магдалены Бах. Прежде чем мы начнем, мне хотелось бы заверить вас, что мы приложим все усилия, чтобы соответствовать нотам.

Это забавное заверение вызвало смешки по всей комнате. Комически поприветствовав друзей среди слушателей, сэр Альфред сел на стул напротив клавиесина и поднял свой инструмент — итальянскую виолончель из мастерской ученика Страдивари. Джулия, тайком улыбнувшись Перегрину, осталась стоять на импровизированной сцене; перед ней была нотная тетрадь в черном переплете. Выжидательная тишина воцарилась в комнате, когда члены трио приготовились начать. Выбранные ими три песни были одни из самых любимых Адама. Хрустальный звон клавиесина и мягкое звучание виолончели составляли изысканный контрапункт светлому и чистому, как у мальчика, сопрано Джулии. Все члены трио были безупречны. Их выступление вызвало взрыв восторженных аплодисментов.

— Да, Дженет, — сказал сэр Мэттью Фрейзер, когда приветственный шум затих и исполнители начали менять реквизит на сцене. — Похоже, теперь очередь твоя и Кэролайн.

Они с Адамом встали, а дамы с нотами в руках приготовились занять свои места. Кэролайн бросила довольно хмурый взгляд на сцену, где Перегрин помогал Джулии установить арфу.

— Надеюсь, у этой девочки есть опыт аккомпаниатора, — заметила она («из ревности не меньше, чем из беспокойства», заподозрил сидящий в Адаме психиатр). — Если она не справится, это совершенно испортит впечатление.

— Не бойся! — засмеялась Дженет. — Я слышала, как играет Джулия, и уверяю тебя, я совершенно уверена в ее способностях.

Поглядев на ноты на коленях у Дженет и Кэролайн, Адам понял, что дамы выбрали серию дуэтов, основанных на стихотворениях Роберта Бернса. Но, несмотря на нежную любовь к творчеству великого шотландского барда, первая песня его несколько разочаровала. Дженет, не строившая иллюзий насчет своих способностей, выступала весьма похвально, приятный отпечаток накладывала ее искренняя любовь к музыке. Со своей стороны, Кэролайн, казалось, нападала на музыку, исполняя партию сопрано скорее агрессивно, чем технично. Вспоминая лирическую нежность чистого голоса Джулии Барретт, Адам поморщился. Он собрался с духом, чтобы высидеть до конца выступления, когда почувствовал легкое, уважительное прикосновение к рукаву.

— Прошу прощения, сэр, — прошептал Хэмфри, — вас к телефону. Инспектор Маклеод.

Адам постарался незаметно выскользнуть из гостиной. Что могло вынудить Маклеода позвонить так поздно, около трех ночи?.. Он быстро прошел в библиотеку и сел за стол, ожидая, когда Хэмфри переведет звонок. Телефон зазвонил, и он поднял трубку.

— Алло, Ноэль, я слушаю. Что случилось?

— Я не совсем уверен, — произнес скрипучий бас Маклеода. — Простите, что отвлек вас от гостей, но у меня только что был чертовски странный звонок от сержанта полиции Блэргаури по фамилии Керкпатрик. Несколько часов назад один местный лесничий заявился в участок, утверждая, что оказался свидетелем ритуального убийства где-то в лесу на севере поместья Балтэрни.

Адам с растущим интересом выслушал подробности.

— Я сказал сержанту Керкпатрику, что приеду в Блэргаури и постараюсь помочь, — закончил Маклеод. — Хотел пригласить вас, но я не знал, что у вас гости.

— О, не стоит извинений, — сказал Адам. — По нескольким причинам я даже рад вашему звонку. В свете последних событий мы не можем позволить себе беспечность. У меня еще не было случая рассказать вам о том, что мы с Кристофером обнаружили вчера в Эдинбурге. Сейчас это уже довольно слабый след, но, похоже, наши ребята-рысятки

порезвились там около года назад.

— Да ну? — сказал Маклеод. — Тогда, может, вы все-таки съездите со мной в Блэргаури, а по пути расскажете о вчерашнем.

Вспышка вежливых аплодисментов из гостиной напомнила Адаму о леди Кэролайн и ее хищном кокетстве. Что бы ни скрывалось за рассказом лесничего, перспектива ночной поездки в Блэргаури неожиданно показалась ему соблазнительной, вроде глотка свежего воздуха.

— Собственно говоря, это неплохая идея, — сказал он твердо. — Гости все равно скоро отправятся по домам. Когда вы будете здесь?

— Минут через тридцать-сорок — если дороги на север еще не слишком плохи.

— Прекрасно. Мне хватит времени, чтобы переодеться. Мы можем взять «рейнджровер». Подъезжайте к гаражу, Хэмфри вас впустит.

С этими словами Адам положил трубку и, дав по внутреннему телефону необходимые инструкции Хэмфри, вернулся в гостиную. Джулия, Дженет и леди Кэролайн как раз раскланивались, когда он появился в дверях и учтиво подошел к ним, едва они сошли с импровизированной сцены.

— Дамы, покорнейше прошу простить меня за то, что был вынужден пропустить финал вашего выступления, — сказал Адам, потом обернулся к остальным собравшимся: — Минуточку внимания, пожалуйста!

Негромкий, ясный голос проник в самые дальние углы комнаты. Когда головы повернулись в его направлении, Адам сложил руки у груди в изящном жесте сожаления.

— Простите, что прерываю чудесный концерт, леди и джентльмены, но, боюсь, произошло кое-что, требующее моего профессионального участия. Вы все можете оставаться, сколько пожелаете. Я прошу извинить меня.

Ропот разочарования встретил это объявление. Поклонившись, Адам направился к дверям, уловив взгляд Перегрин с другого конца переполненной комнаты. Художник слегка кивнул в знак того, что намерен присоединиться, и, наклонившись, шепнул что-то на ухо Джулии. Через минуту он догнал Адама в коридоре. Светло-карие глаза юноши были широко раскрыты от любопытства.

— Мне только что позвонил Ноэль Маклеод. — Адам перешел прямо к делу. — Полиция Блэргаури получила сообщение от лесничего, который утверждает, будто видел в лесу человеческое жертвоприношение. Мы с Ноэлем едем в Блэргаури, чтобы проверить этот рассказ. Мне пришло в голову, что вы тоже захотите поехать.

— Человеческое жертвоприношение! — прошептал Перегрин. — Господи, конечно, я поеду, если, по-вашему, от меня может быть толк.

— Пока слишком рано говорить, — ответил Адам. — Сам Ноэль признает, что это может оказаться преувеличением. Но если нет... если лесничий говорит правду, то ваши особенные таланты могли бы очень пригодиться. Хотя должен предупредить, улики будут далеко не приятными.

Он выжидательно замолчал, и Перегрин решительно расправил плечи.

— Пытаетесь оставить мне элегантный выход из положения? Ценю, — спокойно произнес художник. — Однако вы внушили мне, что я способен внести весьма серьезный вклад в ваше с Ноэлем дело... и брезгливость едва ли хороший предлог для попытки уклониться от ответственности. Это не означает, что я не упаду в обморок или меня не вырвет, если будет много крови, но физическая слабость не помешает мне приложить все старания.

Шесть недель назад он ни за что не сказал бы подобных слов.

— Молодчина, — тепло промолвил Адам. — Надеюсь, нам не придется подвергать вашу стойкость испытанию. Во всяком случае, я буду рад вашему обществу. — Он перешел к практической стороне предстоящего. — Ноэль едет из Эдинбурга и будет здесь минут через сорок. Это дает нам обоим время переодеться и помириться каждому со своей дамой.

Перегрин скорчил унылую гримасу.

— Я даже не подумал о Джулии. Мне надо немедленно поговорить с ней и попросить сэра Альфреда, чтобы он проводил ее домой...

Через полчаса Перегрин натягивал тяжелые ботинки в прихожей сторожки, когда послышался шум подъезжающего автомобиля. Натянув синюю спортивную куртку на толстый свитер, молодой человек схватил этюдник и выскочил на улицу. У ворот рокотал на холостом ходу «рейнджровер» Адама. Грубоватый профиль человека на пассажирском сиденье принадлежал, несомненно, Ноэлю Маклеоду. В его очках отражался свет, усы ошетинились.

Перегрин захлопнул дверь сторожки и, спрыгнув с крыльца, залез на заднее сиденье. На полу стоял медицинский саквояж Адама, а рядом — нейлоновая сумка на молнии с надписью «ПОЛИЦИЯ» с обеих сторон. Маклеод повернулся, приветствуя его.

— Добро пожаловать на вечеринку, мистер Ловэт. Вы с вашей девушкой расстались друзьями?

— Более или менее. — Перегрин пристроил этюдник на сиденье рядом с другими сумками. — Она, конечно, была недовольна, но я объяснил, что делаю кое-какие судебные рисунки для Адама и что сегодня он попросил меня поехать с ним. Кажется, она не очень возражала.

— Это больше, чем можно сказать о некоторых женщинах, — проворчал Маклеод, когда они отъезжали от сторожки. — Если вам выпадет шанс жениться на вашей мисс Барретт, советую воспользоваться им.

Глава 7

Адам вел «рейнджровер» по шоссе М90 на север в сторону Перта. Хотя колеса растоптали снег на дороге, мостовая была скользкой. По полосе, ведущей на юг, изредка громыхал грузовик, и тогда слепящие фары бросали в темноту конусы света; попутных машин было мало. Вскоре снова повалил мокрый снег, порой переходящий в дождь. Маклеод сердито смотрел в темноту сквозь равномерный шелест дворников.

— Боже, что за мерзкая ночь, — пробормотал он. — Если так пойдет и дальше, то к месту преступления нам придется пробираться по грязи.

— Лишь бы свидетель оказался хорошим проводником и сумел снова найти то место, — сказал Адам. — Иначе поездка будет напрасной.

— Да уж, не говоря о том, что пропадут все улики, — согласился Маклеод.

После этого все замолчали. По совету Адама Перегрин откинулся на сиденье, пытаясь уснуть, Маклеод тоже задремал. Голова Адама была ясной, вина он за вечер выпил совсем немного, но пожалел, что предпочел пост обеду из пяти блюд. Более тонкие чувства казались притупленными по сравнению с телесным ощущением здоровья, хотя, по его подсчетам, ко времени, когда они доберутся до места преступления, он почти полностью восстановится.

Часы на приборной доске показывали почти пять, когда Адам притормозил, въезжая в предместья Блэргаури. Изменение скорости разбудило задремавшего Маклеода. Полицейский выпрямился на сиденье и, подавив зевок, начал вертеть головой.

— Как раз перед выездом на городскую площадь будет резкий правый поворот на Лесли-стрит. Вот он. — Они повернули. — Теперь ищите еще одну узкую улочку справа — она ведет прямо на Эрхт-лейн, к участку прямо вперед и налево.

На последнем повороте Перегрин тоже зашевелился. Протирая глаза и пристраивая на нос очки, он смотрел в левое окно. Полицейский участок Блэргаури располагался в двухэтажном здании из красного кирпича, парадную лестницу освещали два фонаря, стилизованных под старинные газовые. Парковка, по большей части пустовавшая, находилась на другой стороне улицы, справа от них.

Адам втиснул «ровер» в зазор между белой полицейской машиной и заляпанным грязью желтым джипом, к шасси которого пристали веточки и промокшие листья. Все трое окинули джип пристальными взглядами.

— Как, по-вашему, это машина лесничего? — спросил Перегрин.

— Если да, то, похоже, дорога была нелегкой, — сказал Маклеод. — Давайте познакомимся с ним и послушаем, что он нам скажет.

Друзья вышли из «рейнджровера», пересекли покрытую снежной коркой улочку и поднялись по обледелым ступенькам. Дверь участка была заперта. Топая ногами, чтобы стряхнуть снег, Маклеод потянулся и нажал кнопку звонка.

— В этих маленьких полицейских участках обычно никого не бывает от закрытия пабов и часов до шести, — объяснил он через плечо. — Патрульные машины на улицах, конечно, есть, но... Ага!

Раздались лязг, глухой стук, и тяжелая дверь качнулась внутрь. За дверью стоял высокий худой человек с коротким ежиком рыжеватых волос и торчащим носом горца. На эполетах форменной куртки было три шеврона сержанта полиции.

Ширококосулое лицо полицейского просветлело от явного облегчения.

— Инспектор Маклеод! Добро пожаловать в Блэрггаури. Рад, что вы благополучно добрались, несмотря на погоду.

— Бывало и хуже, — сказал Маклеод многозначительно, когда Керкпатрик отступил в сторону, пропуская их. — Адам, Перегрин, это сержант Келлум Керкпатрик. Сержант, это доктор Синклер, консультант, о котором я вам говорил по телефону, а это его коллега, мистер Ловэт. Он что-то вроде судебного художника.

Керкпатрик пожал руки новоприбывшим.

— Признаться, джентльмены, я надеюсь, что вызвал вас зря, — сказал он, нерешительно качая головой. — Если то, что рассказывает мой человек, правда, то в ближайшие несколько часов не жди ничего хорошего.

— А где ваш человек? — спросил Маклеод. — Макардль? Так его зовут?

— Ага. Внизу, в камере. Там сейчас пусто, а он был похож на выжатый лимон, вот я и разрешил ему поспать на койке, пока вы не приедете. Хотите взглянуть его заявление, прежде чем спуститься вниз?

Маклеод покосился на Адама, тот молча покачал головой.

— Давайте сначала поговорим с мистером Макардлем, — предложил инспектор. — Посмотрим, не расскажет ли он нам что-нибудь в дополнение к своему заявлению.

Керкпатрик быстро кивнул.

— Тут вы специалист. Как считаете нужным. Следуйте за мной.

Без дальнейших разговоров он провел их из вестибюля по примыкающему коридору к лестнице, ведущей в подвальный этаж. За столом справа от двери крепкий молодой констебль лениво листал компьютерный журнал. При виде Керкпатрика он отложил журнал и поднялся, голубые глаза его с откровенным любопытством смотрели на Маклеода.

— Это констебль Форсит, который любезно согласился на дополнительную работенку, чтобы выручить нас, — объяснил Керкпатрик. Переведя взгляд на молодого подчиненного, он спросил: — Как Макардль?

— Прикорнул, сержант.

— Что ж, растолкайте его и скажите, что приехали специалисты из Эдинбурга. Мы подойдем через минуту, как только джентльмены смогут раздеться. И, Дэви...

— Да, сэр?

— Погляди, не сможешь ли выжать из этого несчастного автомата кофе на всю компанию.

— Слушаюсь, сэр. Приложу все силы.

В подвальном этаже хорошо топили. Адам без сожаления снял тяжелый бараний полушубок. Он и его спутники повесили верхнюю одежду в соседнем чулане, после чего последовали за Керкпатриком через другую дверь в короткий коридор.

Констебль Форсит встретил их и ткнул большим пальцем на дверь первой камеры.

— Он не спит, сэр, и такой же сварливый, как раньше. Пойду займусь кофе.

Макардль сидел на краю койки, на полу валялись его сапоги. Это был крепкий

лысеющий мужчина лет пятидесяти с курносом носом, живыми карими глазами и густой каштановой бородой. Его манеры во время процедуры знакомства были далеки от безупречных. Узнав, что Адам врач, он сделал сердитую гримасу и буркнул:

— Не надо мне никакого доктора, как и тому бедолаге, что лежит там в снегу... Почему никто мне не верит?

— Никто не хочет верить вам, — строго сказал Маклеод, — потому что, если ваши слова правда, то... это ужасно. Но если бы у сержанта не было оснований верить вам, он бы не позвонил мне. А если бы я не верил вам обоим, меня бы клещами не вытащили сюда в такую ночь. Доктор Синклер, чтобы приехать, даже бросил гостей.

Слегка смягченный отповедью Маклеода, Макардль угрюмо глянул на свои ноги.

— Он, верно, психиатр или в этом роде...

Адам улыбнулся, взял стул, принесенный Керкпатриком из коридора, и поставил его напротив Макардля. Перегрин скромно приткнулся в коридоре, но так, чтобы быть полностью на виду, а Маклеод сердито топтался у двери, имея вид резонера, не одобряющего действий врача.

— Ну что же, Макардль, вот вы и разгадали мою страшную тайну, — весело сказал Адам. — Инспектор Маклеод иногда приглашает меня как технического консультанта в случаях, касающихся оккультизма. На самом деле я гораздо чаще имею дело с подозреваемыми и жертвами, чем, со свидетелями... хотя мне случалось помогать свидетелям вспомнить, что они видели.

Макардль слегка выпрямился.

— Так вы не считаете, что я рехнулся?

— Ничего подобного, — сказал Адам (Керкпатрик тихо выскользнул из комнаты, чтобы оставить их наедине). — Напротив, боюсь, вы имели несчастье столкнуться с чем-то действительно опасным, и надеюсь, что теперь вы попытаетесь вспомнить больше, чем уже рассказали сержанту. Мне бы хотелось помочь вам в этом.

Говоря, он как бы ненароком вытащил из кармана брюк серебряные карманные часы и стал медленно раскачивать их на цепочке. Они словно притянули взгляд лесничего. Адам начал говорить задумчивым тоном, постепенно понижая голос по мере того, как невольный пациент постепенно попадал под его влияние.

— События сегодняшнего вечера сильно потрясли вас, Макардль. Они потрясли бы любого. Я знаю, вы не спали почти всю ночь. Сейчас вам нужно расслабиться.

Взгляд Макардля не отрывался от ритмично покачивающихся часов на цепочке, он моргнул, набрал воздуха, чтобы заговорить. Чуть улыбнувшись, Адам как бы невзначай убрал часы в карман, ни разу не замедлив потока слов.

— Поэтому я хочу, чтобы вы сделали несколько глубоких вдохов и прислонились к стене, — продолжал Адам. — Когда выдохнете, попробуйте выпустить весь воздух.

Он протянул слово «весь», так что сама модуляция слова помогла лесничему выполнить инструкцию.

— Вот так. Глубокое дыхание помогает расслабиться. Вам это необходимо, после всего, что вы пережили сегодня!

— Ага, — прошептал Макардль.

— Сделайте еще один глубокий вдох... медленно выдохните... Еще раз... И еще... Теперь вы спокойны?

Макардль кивнул.

— Хорошо. Вспомните все, что вы видели в лесу. Поверьте, вы в силах все вспомнить, и ничто вас не потревожит. Все равно что рассматривать картинки в книжке. Скажите мне, когда почувствуете, что готовы.

Лесничий кивнул лысеющей головой, грубые руки его расслабленно лежали на коленях, дыхание было спокойно.

— Келлум, верно, говорил вам, что я главный лесничий у лорда Балтэрни...

— Да, говорил, — ответил Адам. — Вы — один из лучших в округе.

— Ну, мне приятно так думать. — Макардль снова глубоко вздохнул. — В общем, нынче вечером я обходил северные леса поместья Балтэрни, как уж почти сорок лет делаю это, когда услышал вдалеке какой-то шум: эдакий хриплый крик... что-то среднее между кашлем и карканьем.

— Может быть, олень?

Макардль покачал головой.

— Никогда не слышал, чтоб олени так кричали, — сказал он уверенно. — Вот браконьеры... Сначала я подумал о них. В той стороне проходит лесовозная дорога, но там никого не должно быть... без разрешения и уж тем более в такой час...

— А когда это, по-вашему, произошло? — спросил Адам.

— По-моему, ближе к двенадцати. У меня была с собой винтовка, и я полез на холм — поглядеть что да как. Там было довольно темно, луны-то не было, но я привык работать в такие ночи при свете звезд. И как-то почувствовал, что нельзя пользоваться факелом. Когда проведешь в лесу столько времени, сколько я, появляются всякие инстинкты... и хорошо, что я их послушался.

— Почему?

— Они б увидели меня! — ответил Макардль. — Повезло мне, что у них были костры, и они не могли ничего разглядеть в темноте. Но это я забегаю вперед... Я еще не добрался до вершины, когда услышал пение.

— Пение? — Адам словно бы поддерживал разговор.

— Ну, уж не знаю, как это еще назвать. Жуткое дело — вроде как шепотом. Ни словечка не смог разобрать, но у меня волосы встали дыбом...

Лесничий резко замолчал, дыхание ускорилось, взгляд сосредоточился на чем-то видимом только ему.

— Не позволяйте воспоминаниям тревожить вас, — тихо проговорил Адам, бросив взгляд на Маклеода, который жадно вслушивался, прислонившись к стене. — Я понимаю, что вы пытаетесь описать. Сейчас вы в безопасности. Просто глубоко вздохните и выпустите напряжение вместе с воздухом.

Когда лесничий немного расслабился, Адам сказал:

— Продолжим. Вы слышали пение. И, совершенно естественно, испугались. Вы убежали?

На лице Макардля мелькнула гневная гримаса.

— Нет, не убежал!.. Во всяком случае, тогда. Кто бы они ни были, чем бы ни занимались, они находились в имении его светлости без разрешения. К тому времени я был совершенно уверен, что это не браконьеры — они распугали бы всю дичь на много миль! — но мой долг был посмотреть, чем они там занимаются.

— И вы решили подойти поближе?

— Ага. Я добрался до вершины холма — тихохонько. За деревьями были костры, в лощине в сотне ярдов внизу. Я не хотел, чтобы меня заметили, пение меня крепко напугало, так что я держался за деревьями и подкрался так, чтобы поглядеть в оптический прицел винтовки. Не знаю уж, чего я ждал увидеть...

Он снова умолк, и Адам коротко глянул на Маклеода и Перегрину. Инспектор был мрачен, голубые глаза за стеклами очков потемнели. Лицо Перегрину было бледнее его арранского свитера.

— Что же вы увидели? — настаивал Адам. Макардль слегка вздрогнул.

— Их там было с дюжину, — прошептал он, — все в таких длинных белых балахонах с капюшонами, навроде монахов, Один стоял посерединке с задранными руками, а остальные ходили по кругу... нечестивый круг, знаете?

— Да, против солнца. Продолжайте.

— Ну, они вдруг остановились, и я заметил еще одного, у большого плоского камня. Только он-то не стоял; потому-то я его сначала и не приметил. Он весь скорчился, будто его тошнило или что еще, потом я заметил, что у него руки связаны за спиной. Вот тогда-то я и

уразумел, что творится что-то неладное!

— Что произошло потом? — Голос Адама был едва слышен.

— Тот, что стоял посередке, подошел к тому, со связанными руками, и тоже встал на колени. У него что-то было в руках — может, миска, я не разглядел, — и он протянул эту штуку другому. А потом один такой из круга вроде как взвыл и рванул вперед. По-моему, он стукнул того мужика кастетом по голове. А потом сверкнул металл — какой-то ножик, по-моему, — и полилась кровь! Все залила!

Макардль тяжело сглотнул. Звук в напряженной тишине заставил всех вздрогнуть.

— Этот, со связанными руками, брыкался и отбивался, но они даже не дали ему упасть, — прошептал Макардль. — Его кровь все лилась и лилась на ту штуку, которую тот, другой, держал в руках — из шеи, по-моему. Когда они наконец дали ему упасть, я... я знал, что он мертв.

Адам некоторое время не сводил взгляда с пациента.

— Что вы сделали потом? — спросил он нейтральным голосом.

Лицо лесничего скривилось.

— Я... я не говорил сержанту, но не из-за сломавшейся ветки я слинял оттуда. Я так разъярился, что выстрелил бы в них, если б смог. Да винтовку заело, когда я пытался стрельнуть, — причем ахнуло, что твоя пушка! Я не стал проверять, услышали ли чудики в капюшонах. Просто пустился наутек. Не останавливался, пока не добрался до джипа!

Лесничий тяжело дышал. Адам, наклонившись, легко положил руку ему на плечо.

— Успокойтесь, Джимми, — пробормотал он успокоительно. — Теперь вы в безопасности. Сядьте и переведите дыхание. Закройте глаза, если хотите. Вы заслужили отдых. Больше не о чем беспокоиться.

Лесничий затих, когда Адам убрал руку.

— Они убили его прямо у меня на глазах, — пробормотал он. — Я должен был что-нибудь сделать...

— Вы ничего не могли сделать, — твердо сказал Адам. — Я хочу, чтобы вы помнили это и верили. К тому времени, когда вы поняли, что происходит, дело было сделано. Вы хорошо поступили, что сообщили в полицию.

— Но они не поверили...

— Они поверили настолько, чтобы послать за инспектором Маклеодом и мною, — твердо ответил Адам. — Как я уже говорил, они просто не хотели верить, что такое может произойти здесь, в Блэргаури. К вам лично это не имеет никакого отношения. И никто не винит вас в том, что произошло.

Видя, что его слова возымели желаемый успокоительный эффект, Адам снова начал задавать вопросы:

— Можете вы вспомнить, где произошло убийство?

Макардль кивнул.

— По-вашему, сумели бы вы отвести нас туда?

— Да. — В голосе лесничего звучала твердая уверенность.

— Хорошо, — сказал Адам. — Так мы и поступим. Как только рассветет, вы отведете нас на холм, о котором говорили. До тех пор мне бы хотелось, чтобы вы закрыли глаза и попытались немного отдохнуть.

Он усилил внушение, одной рукой крепко взяв Макардля за плечо, а другой легко проведя над уже закрывающимися глазами.

— Ложитесь и спите, — сказал он, с помощью Маклеода осторожно укладывая лесничего на койку. — Расслабьтесь и крепко спите без тревожных снов. Проснетесь, когда я назову вас по имени, свежим и отдохнувшим.

Еще мгновение его рука оставалась над глазами лежащего человека, чтобы удостовериться, что пациент действительно крепко спит. Потом доктор выпрямился и поглядел на Маклеода, знаком велев ему выйти из камеры.

— Боюсь, что все это правда, — спокойно сказал он. Маклеод мрачно кивнул.

— Я тоже.

— Но откуда вы знаете, что он не придумал все это? — прошептал Перегрин.

Адам снисходительно посмотрел на него.

— Во-первых, этот человек не оккультист. Ему не хватило бы знаний, чтобы выдумать такую историю, даже если предположить, что у него есть склонность к мистике. И вы видели: он так разволновался, описывая убийство, что едва не вышел из транса. Я не сомневаюсь, что он был в трансе и что он говорил правду... по крайней мере, как он ее понимает. Даже выложил нам, что хотел стрелять в преступников и остановился из-за осечки... Этого он, похоже, Керкпатрику не рассказал.

— Человеческое жертвоприношение, Адам... — Лицо Перегрин было бледно. — Если он действительно видел именно его, что это означает?

— Это означает, паренек, что кто-то приступил к исполнению очень опасных планов, — мрачно сказал Маклеод. — И нам лучше бы поторопиться, чтобы узнать, кто они и чего хотят.

Он бросил взгляд на храпящего Макардля и покачал головой.

— Поговорю с Керкпатриком. Куда бы это расследование нас ни привело, пока мы в юрисдикции Керкпатрика. Пусть начнет официальное следствие.

Глава 8

К северу от Блэргаури находятся лучшие лыжные районы Шотландии, но две машины, отправившиеся из полицейского участка Блэргаури вскоре после наступления утра, не собирались так далеко. Впереди ехал Керкпатрик на белом полицейском «лендровере», рядом с ним сидел Джимми Макардль, указывающий дорогу, а на заднем сиденье два полицейских офицера из утренней смены. Синий «рейнджровер» Адама ехал следом. Двое его пассажиров помалкивали в предутренней темноте, каждый наедине со своими мыслями.

В этот ранний час снежный пейзаж к северу от Блэргаури местами скрывал тяжелый туман. Если повезет, они съедут с дороги как раз с первыми лучами солнца. Но сейчас вести было трудно, и Адаму пришлось сосредоточить все внимание на дороге. Первые пятнадцать миль поездки к Балтэрни он не раз совершенно терял из виду «лендровер», мчавшийся впереди, как гончая, ведущая охоту. С точки зрения Адама, это сравнение звучало зловеще. Они еще не опознали добычу, хотя, услышав рассказ лесничего, он не сомневался, что они выслеживают что-то темное и беспощадное. Ему не хотелось делать поспешные выводы о причастности Ложи Рыси, но не учитывать такой вероятности было бы нелогично. Или он становится параноиком?

— Надеюсь, чертов туман рассеется раньше, чем мы прибудем на место, — проворчал Маклеод, вытягивая шею, чтобы не потерять из виду габаритные фонари «лендровера». — В противном случае я бы не сильно удивился, если бы Макардль не нашел поворот на Балтэрни, не говоря уже о трупе в лесу.

К тому времени, когда они достигли нужного перекрестка и повернули направо, туман начал подниматься и редеть. Унылую ленту дороги покрывала серая снежная жижа. К счастью, лед растаял, хотя ели по обеим сторонам все еще были украшены тяжелыми белыми гирляндами, на открытых местах сохранился снег, а в лощинах даже громоздились сугробы.

Наконец выехали к немощенной дороге, уходящей в лес. Еще через сотню ярдов обе машины остановились перед воротами в проволоочной ограде. Въезд преграждала запертая на висячий замок тяжелая цепь. Поеживаясь в теплой парке и дуя на пальцы, чтобы согреть их, Макардль выбрался из полицейского «лендровера» и открыл замок ключом с кольца на поясе. Пропустив машины, он хотел было запереть ее снова, но Маклеод, высунувшись из окна, когда они проезжали мимо, сказал:

— Лучше оставьте так, мистер Макардль. Если нам придется вызвать подкрепление, я хочу, чтобы дорога оставалась открытой.

Макардль нахмурился, однако сделал, как велено. Обе машины отправились дальше.

Узкая лесная дорога в две прорезанных среди деревьев колеи все время петляла. Они проехали почти две мили, миновав несколько поворотов, пока наконец не замедлили ход и не свернули направо, на земляную площадку, вполне пригодную для парковки. По обеим сторонам поднимались холмы. Адам заметил тропинку, змеившуюся вверх по склону, шириной немногим более звериной тропы.

Пассажиры несколько минут натягивали сапоги, надевали тяжелые куртки, шапки и перчатки. Когда они собрались в начале тропинки, Перегрин заметил, что у одного из констеблей висит на плече камера и что все трое офицеров из Блэргаури вооружены пистолетами. Маклеод также вооружился — вытащил из сумки на молнии браунинг, загнал магазин в рукоятку и засунул оружие за пояс брюк, прежде чем застегнуть молнию на черном анораке. Адам прятал под овчинным полушубком средства защиты скорее эзотерические. Сам Перегрин был вооружен лишь этюдником.

— Вы совершенно уверены, что это то место, Джимми? — спросил Керкпатрик.

Лесничий слегка рассердился.

— Я надзираю за этими лесами больше лет, чем вы прожили, Келлум Керкпатрик! Сейчас сами увидите. Лощинка, о которой я говорил, скрывается как раз за этим склоном. Идите за мной, да смотрите под ноги.

Начало тропинки было залито жидкой грязью. Повсюду звенела капель. Эти звуки действовали на нервы Перегрину, пробирающемуся следом за Адамом и Маклеодом вверх по топкой тропинке. Холодный узел страха начал затягиваться где-то в груди, но молодой человек крепко сжал губы и заставил себя поторопиться. Он не знал, что его дурное предчувствие в полной мере разделялось Адамом. Отнюдь не в первый раз Синклер с Маклеодом имели дело со случаями насильственной смерти, но почти никогда у них не было столь острого ощущения личной причастности к происходящему.

Когда отряд выбрался на гребень холма, сквозь холодную дымку тумана пробилося солнце. Внизу, на северном склоне холма росло несколько дубов, их голые ветви сухо поскрипывали под легким ветерком. Маклеод внезапно замер на месте, пробормотав проклятие. Керкпатрик вполголоса выругался. Адам застыл. В середине круга деревьев, лицом вниз на тающем снегу ничком лежал человек. Даже на таком расстоянии было видно темно-красное пятно, окружающее тело.

— Ладно, сержант, — спокойно сказал Маклеод, глубоко вздохнув. — Это в вашей юрисдикции, так что командуйте, но, по-моему, нам понадобятся специалисты из Бригады тяжких преступлений.

— Ага. И «скорая», — рассудительно согласился Керкпатрик. — Мистер Хериот!

— Да? — Констебль с камерой шагнул к нему.

— Оставьте камеру мне, возвращайтесь к машине и радируйте на базу, — велел Керкпатрик. — Расскажите им, что мы нашли и что нам нужно, и пусть кто-нибудь вызовет из Перта полицейского патолога.

— Слушаюсь, сэр.

Хериот отдал камеру и быстро ретировался. Маклеод смотрел ему вслед с каким-то дурным предчувствием.

— Нам повезет, если к полудню на нас не свалится половина шотландской прессы. Однако, пока этого не произошло, предлагаю осторожно спуститься и осмотреть место преступления, сделав предварительные фотографии на тот случай, если какие-то улики пропадут, когда растает снег.

— Верно, инспектор. Мистер Джеймисон? — Керкпатрик поглядел на второго констебля. — Попрошу вас обойти поляну. Ищите следы; позовите меня, если найдете. И еще. Макардль говорил, что с другой стороны холма есть лесовозная дорога; возможно, именно по ней и ушли преступники, поскольку через запертые ворота они не проходили. Поглядите, не найдется ли там чего-нибудь, особенно следов шин.

Молодой констебль кивнул и ушел в направлении, указанном начальником, а Керкпатрик снова повернулся к эдинбургскому коллеге.

— Что-нибудь еще, инспектор?

Маклеод покачал головой.

— Давайте посмотрим на месте.

Керкпатрик жестом предложил Маклеоду идти первым, и инспектор осторожно двинулся по незатоптанному снегу к опушке. Сержант пошел за ним, стараясь ступать след в след.

Адам двинулся за сержантом. Перегрин следовал за Адамом по пятам, а замыкал шествие Макардль. Лесничему явно не хотелось приближаться к этому месту, но в то же время его необъяснимо влекло к нему. Даже с опушки зрелище казалось жутким, о чем Адам и предупреждал художника.

Мертвец будто припал к гладкому плоскому камню, покрытому коркой замерзшей крови. Под тонким, запятнанным кровью балахоном он был совершенно гол. Из-под запачканного грязью подола торчали босые ноги, а руки были крепко связаны за спиной темно-красным шнуром. Голова трупа была вся в крови, седые волосы слиплись над зловещей впадиной в затылке.

— Я ж говорил им, говорил, — хрипло прошептал Макардль Перегрину. — Они-то думали, я сочиняю... будто такое можно сочинить!

Перегрин не слушал. Стоя в кольце древних дубов, сержант Керкпатрик то и дело щелкал фотоаппаратом. Когда молодой человек посмотрел на выцветающий круг в снегу с грязно-серыми остатками золы, черное отчаяние обрушилось на него, как физический удар. Он вдохнул вонь пролитой крови, смешанную с приторным запахом ладана, в котором был какой-то непонятный оттенок. И в тот же миг уловил остаточные токи ужаса, распространяющиеся от жертвы. Внезапно поляну заполнили призраки. Полупрозрачные образы наложились на реальные фигуры Маклеода и Керкпатрика. Остолбеневший от ужаса Перегрин насчитал чертову дюжину балахонов, танцующих в смертельном хороводе в снегу вокруг лежащего на снегу человека. И, глядя на них, он вдруг понял, кто этот мертвец.

Откровение было столь внезапным и болезненным, что Перегрин громко ахнул и отшатнулся, слепо вцепившись в ближайшую ветку, чтобы не упасть. Встревоженный его криком, Адам оглянулся. Молодой художник привалился к стволу дерева, лицо его побелело как снег, светло-карие глаза за стеклами очков расширились.

Адам метнулся к нему и подхватил раньше, чем тот упал.

— Держитесь, я помогу вам, — тихо сказал он, схватив молодого человека за плечи и ловя его взгляд. — Сделайте глубокий вздох, расслабьтесь и скажите мне, что вы видите. Мистер Макардль, пожалуйста, не могли бы вы оставить нас одних?

Когда Макардль отошел, что-то бормоча себе под нос, Перегрин вздохнул и крепко зажмурил глаза. На мгновение он замер. Потом сумел сделать еще один глубокий вздох, содрогнувшись выдохнул, с видимым усилием беря себя в руки.

— Простите, Адам... Я только что понял, кто лежит там, на поляне. Это ваш друг — старик из книжного магазина.

— Рэндалл? — одними губами произнес Адам. Открытие вызвало в нем вихрь плохо контролируемых чувств. Он невольно оглянулся через плечо на ничего не подозревающего Маклеода, еще не подошедшего к замерзшему телу, потом почувствовал, что молодой художник слегка покачнулся.

— Спокойно! — прошептал он, обращаясь к Перегрину. — Вы же не собираетесь упасть в обморок, а?

Перегрин помотал головой и выпрямился.

— Не беспокойтесь обо мне, — сказал он хрипло. — Я сейчас приду в себя. — Он бросил на Адама виноватый взгляд и добавил: — Возможно, я ошибаюсь, Адам. Очень надеюсь на это.

Адам заставил и себя осторожно сделать глубокий вдох. К несчастью, он не сомневался в правоте Перегрина.

— Что бы ни произошло, вина лежит на тех, кто совершил преступление. Подождите

здесь, мне надо предупредить Ноэля.

Лицо Перегрина все еще было белым от потрясения, но он сумел кивнуть. Собравшись с духом, Адам отпустил молодого человека и пошел вниз, догонять Маклеода и Керкпатрика. Полицейские с двух сторон наклонились над телом — Маклеод слева, Керкпатрик справа, — сосредоточенно отмечая видимые повреждения. Сержант фотографировал. По профессиональной отстраненности Маклеода Адам понял, что тот еще не узнал мертвеца.

Подойдя ближе, он и сам увидел кровавые ссадины на затылке, указывающие, что жертве нанесли несколько ударов сзади. Много крови вытекло из-за глубокой раны в шее под правым ухом.

Адам молча опустился на колени напротив Маклеода, осматривая труп, как положено по официальным медицинским правилам. Он пошевелил тело, потом осторожно поднял и повернул голову, чтобы можно было взглянуть в лицо мертвеца.

— Господи Боже, да ведь я его знаю, — пробормотал Адам, осторожно подбирая слова из-за Керкпатрика, но так, чтобы подготовить Маклеода. — И вы тоже, Ноэль.

Он подкрепил свое предупреждение многозначительным взглядом. Голубые глаза Маклеода сузились от удивления и понимания. Инспектор наклонился вперед, вглядываясь в лицо, которое Адам обхватил обеими руками. Потом тяжело осел на корточки.

— Иисусе, — прохрипел он. — Да ведь это Рэндалл!

Керкпатрик открыл рот, словно собираясь заговорить, но посмотрел на Маклеода и промолчал. Адам мягко опустил голову Рэндалла на землю и вытащил из-за пазухи носовой платок, чтобы вытереть кровь с пальцев.

Стояла оглушительная тишина. Через мгновение осунувшийся Маклеод рывком встал, присел на край плоского камня, снял очки и в полном недоумении постучал костяшками пальцев по лбу.

— Простите, — хрипло пробормотал он. — Дайте мне минутку, чтобы перевести дыхание.

Адам сжал ему плечо, затем поманил к себе Керкпатрика.

— Наверное, кому-то из нас лучше формально опознать жертву. Это Рэндалл Стюарт. Букинист... был букинистом в Эдинбурге.

— Из Эдинбурга? — переспросил Керкпатрик. — Иисусе Христе, как он здесь оказался?

— Не знаю, — откровенно сказал Адам, — хотя не думаю, чтобы у него был выбор. Рэндалл вдовец, у него осталась дочь, Миранда. Они жили в Мэйфилде...

Качая головой, Керкпатрик угрюмо записал продиктованную Адамом информацию об имени погибшего, его адресе, роде деятельности и семье. Мгновение полицейский таращился в блокнот, дуя на застывшие пальцы, чтобы согреть их, потом охнул и снова посмотрел на тело.

— Рэндалл Стюарт... это имя кажется мне знакомым. Он был историком масонства, не так ли?

— Точно, — ответил Адам. — Последнее время писал статьи для нескольких газет. Возможно, вы недавно читали его довольно полемическое письмо в «Таймс». Он вел священную войну в защиту Вольных Каменщиков как института...

Его голос прервался.

— Вы же не думаете, что беднягу могли убить из-за этих работ? — сказал Керкпатрик.

— Откровенно говоря, сейчас я не знаю, что и думать, — ответил Адам. — В личной жизни Рэндалл Стюарт оставался тихим ученым — не из тех, кто обычно наживает врагов. Но он был человеком принципов и мог привлечь к себе враждебное внимание.

— Угу, — согласился Керкпатрик, — но, по-моему, это уже чересчур. — Он посмотрел на Адама, склонив голову набок. — Вряд ли вы его собрат по Ложе, доктор Синклер?

Адам выдавил строгую улыбку, ибо он был собратом и Маклеода, и Рэндалла по Ложе, хотя и не масонской.

— Да, я не причастен к Мастерству, сержант, хотя, конечно, почитаю и уважаю его. И

отец мой, и дед были Мастерами.

— Тогда вы по крайней мере понимаете, какие споры ведутся вокруг нашего Братства. К несчастью, в последние годы произошло несколько громких скандалов, посыпались обвинения в коррупции и тому подобное. Причины — низость нескольких отдельных личностей. Это не имеет ничего общего с реальными устремлениями организации.

— Именно это Рэндалл и пытался объяснить своими статьями и письмами в газеты, — сказал Адам, вздохнув. — Все организации, включая институт церкви, созданы людьми, даже если вдохновлены Богом. И пока люди создают организации и управляют ими, всегда найдутся те, кто испытывает искушение употребить во зло преимущества членства в обществе избранных.

Из разведки вернулся констебль Джеймисон.

— Не нашел ничего полезного, сержант, — крикнул он с опушки. — Дорога действительно есть, но она хуже свиной лужи, а таяние снега и вовсе превращает ее в месиво. Машины там и вправду проезжали, но четких следов не осталось.

Керкпатрик закатил глаза.

— Ладно, — крикнул он подчиненному. — Возвращайтесь к машине, погрейтесь... и пришлите мистера Хериота сменить меня. Будем стеречь посменно, пока сюда не доберутся парни из БТП.

Он махнул молодому человеку рукой, потом снова повернулся к Адаму, передернув плечами, словно пытаясь стряхнуть промозглую сырость. Маклеод уже встал и, похоже, немного пришел в себя.

— Вы, джентльмены, тоже могли бы вернуться, — сказал Керкпатрик. — Подкрепление прибудет лишь через несколько часов. Заберите с собой Макардля и вашего мистера Ловэта. В «лендровере» есть кофе, попросите у мистера Джеймисона. Я присоединюсь к вам через несколько минут.

Замечание было обращено в основном к Маклеоду. Инспектор будто внезапно постарел.

— Хорошо, что напомнили, — мрачно сказал он. — Где мистер Ловэт?

— Здесь! — отозвался слабый голос.

Они обернулись. Перегрин все еще стоял возле одного из окружающих поляну дубов, но уже с блокнотом и карандашом в руках. Губы молодого художника по-прежнему были белыми, однако на лице застыла упрямая решимость.

— Я полагал, что вам в конце концов понадобятся мои услуги, — сказал он с хорошо разыгранной бравадой, — вот и решил начать, пока руки не слишком замерзли. Мне надо еще минут пятнадцать — двадцать. Вы меня не ждите.

— Вы уверены? — спросил Адам.

Перегрин пожал плечами и снова занялся рисованием, хотя Адам заметил, что он по-прежнему избегает смотреть на труп Рэндалла Стюарта.

— Идите-идите. Пока здесь побудет сержант, а потом констебль Хериот. Я приду, когда закончу.

Глава 9

Макардль ушел вперед. Теперь, доказав свою правоту, он был рад избавиться от жуткого зрелища и стремился вернуться в относительное тепло кабины. Адам и еще не до конца пришедший в себя Маклеод шли медленнее. Адам бросил последний, задумчивый взгляд на Перегрин, а потом они поднялись на гребень холма и начали спускаться, потеряв художника из виду.

То, что Перегрин начал рисовать, явно намереваясь присмотреться к видениям, чуть не лишившим его чувств при первом взгляде на место преступления, было единственным воодушевляющим событием за все это омраченное трагедией утро. Как ни нужна была Адаму информация, которой, возможно, мог бы снабдить Перегрин, он не хотел торопить младшего товарища. Первые ощущения Перегрин были ужасающими, гораздо более

мощными и ошеломительными, чем все, что он уже испытал, оказавшись под опекой Адама, и прошлый опыт показал, что молодой художник охотно выполняет все, о чем может попросить его наставник. Но Перегрин, очевидно, решил выдержать психическую нагрузку. Что говорило не только о его растущей приверженности делу, но и о личном мужестве.

Тем временем, поскольку Макардль уходил все дальше и дальше вперед, обстоятельства наконец позволили Адаму поговорить с Маклеодом наедине. Взвешивая кишащие в уме вопросы, Адам искоса поглядел на инспектора.

Маклеод поймал его взгляд и нахмурился, как грозовая туча.

— Мне бы такое не привиделось даже в самых страшных снах. Чтобы одного из нашей же Охотничьей Ложы забили, как барана, и никто из нас ничегошеньки не почувствовал!

Он взбешенно прикусил нижнюю губу и покачал головой.

— Правда, мне вчера весь вечер было тревожно... так, ничего конкретного. Даже когда позвонил Керкпатрик, я не заподозрил беды.

— Не ваша вина, — сказал Адам. — Кристофер и Виктория были у меня, и ни один из нас не ощутил и тени тревоги.

— Вот этого-то я и не понимаю. — Маклеод покачал головой. — Рэндалл был одним из нас, опытным оккультистом. Почему он не подал астральный сигнал тревоги?

— Подозреваю, что он находился под сильным воздействием наркотиков, — произнес Адам. — Возможно, убийцы держали его в бессознательном состоянии. По свидетельству лесничего и другим признакам, смерть Рэндалла планировалась как ритуальное жертвоприношение. В таком случае убийцы не стали бы рисковать.

— Проклятые ублюдки! — Маклеод выплюнул слово, словно в нем был привкус желчи. Когда он повернулся к Адаму, его голубые глаза потускнели. — Кто они, черт побери? Даже если Рэндалл был слишком накачан наркотиками, чтобы звать на помощь, такое убийство должно было бы само по себе вызвать взрывную волну. Почему мы не почувствовали ее?

— Не знаю, — уныло ответил Адам. — Возможно, сами убийцы были необученными исполнителями и лишь разыграли ряд предписанных ритуалов, не пробудив никаких сил. Или точно знали, что делают, и были достаточно сведущи, чтобы защитить себя во время работы. Пока нам не хватает доказательств.

— Но почему Рэндалл? — упорствовал Маклеод.

— Об этом я спрашиваю себя с самого первого момента, — мрачно сказал Адам, — и пока не нашел удовлетворительного ответа. Но в одном я уверен: Рэндалл не был случайной жертвой. Наоборот, несчастного тщательно выбирали те, кто взял на себя немалый труд выманить его из-под защиты семьи и друзей.

— Выманить? — Маклеод остановился. — Вы хотите сказать, что у вас есть версия?

— Да, есть, — сказал Адам, — хотя она только сейчас пришла мне в голову. В субботу я был у Рэндалла, привез Перегрина, чтобы они могли познакомиться. Мы уже уходили, когда Рэндалл упомянул, что в воскресенье собирается в Стерлинг, произвести оценку собрания редких книг. Теперь я думаю, не могло ли все это быть подстроено.

— По крайней мере, хоть какой-то след, — горько промолвил Маклеод. — Не так уж, черт побери, у нас много других вариантов. Как только вернусь в Эдинбург, поставлю на отработку этой версии пару своих людей. Видит Бог, бедный Рэндалл не очень-то доверял письменным приглашениям, — добавил он, мрачно покачав головой. — Может, Миранда вспомнит имя и адрес «коллекционера», если, конечно, потрясение не окажется для нее слишком сильным.

— Кстати, кто-то должен сообщить ей, прежде чем она услышит эту новость от чужих, — сказал Адам. — Кристофер или Виктория были бы идеальным вариантом, если бы я сумел добраться до них. Вы, часом, не захватили с собой сотовый телефон?

— Конечно, но Хьюстоны не смогут попасть туда вовремя, ведь им придется ехать из самого Кинросса, — заметил Маклеод. — Давайте я пошлю Джейн. Мне все равно надо позвонить ей. Услышав, что произошло, она решит, что делать.

Уже возле машин им встретился констебль Хериот, направляющийся на место

преступления. Джеймисон, устроившийся на водительском месте «лендровера», настойчиво говорил с кем-то по радио и делал заметки. Макардль сидел на заднем сиденье, обхватив обеими руками пенопластовый стаканчик с кофе, вид у него был уставший и мрачный.

— Идите в машину и позвоните из нее, — прошептал Адам. — А я попробую достать нам кофе, ваш мы выпили по пути сюда.

Маклеод что-то проворчал и пошел к машине. Он просто рухнул на пассажирское сиденье, только через минуту собравшись с силами, чтобы вытащить телефон из сумки за сиденьем. Джейн ответила почти немедленно. Он постарался говорить кратко и умышленно неясно; в подобных случаях он особенно ясно осознавал, что сотовый не защищен от прослушивания. Джейн заплакала, узнав, что произошел несчастный случай, приведший к гибели Рэндалла Стюарта, но пообещала немедленно отправиться к Миранде. Маклеод, в свою очередь, дал ей слово сообщить больше подробностей, когда вернется домой, хотя и предупредил, что, возможно, будет очень поздно. Если Джейн запомнила что-то из его первого разговора с Керкпатриком, она сможет сложить два и два и о многом догадаться. Впрочем, на нее можно положиться, она не потревожит Миранду без нужды. Лучше, чтобы кто-нибудь другой рассказал ей, как умер ее отец... хотя ему отчаянно хотелось, чтобы об этом вообще никому не пришлось рассказывать.

Внезапно почувствовав себя несказанно усталым, Маклеод завел двигатель, чтобы прогреть салон; кожаные сиденья «рейнджровера» были холодны как лед. Он подержал руки над вентиляционными отверстиями, откуда дул теплый воздух, и пальцы его потихоньку начали отогреваться — но не душа.

Через некоторое время вернулся Адам с двумя дымящимися стаканчиками и известием, что подкрепление ожидается в течение часа. Пока они пили то, что Маклеод объявил худшим кофе, какой он когда-либо пробовал, пришел усталый Керкпатрик, помахав им рукой по пути к своей машине. Перегрин с ним не было.

Прошло еще полчаса, с тех пор, как они покинули место убийства, а Перегрин все не показывался. Адам с Маклеодом начали беспокоиться.

— Его нет уже долго, — пряча заботу за раздражением, сказал Маклеод, поглядев на часы. — Вы не думаете, что наш молодой мистер Ловэт взял на себя больше, чем может справиться?

Адам поморщился.

— Если не вернется через пять минут, пойду посмотрю.

И тут на тропе появился сам Перегрин, бледный, опустошенный, но торжествующий. Он спотыкался от слабости, таща за собой этюдник, словно тот был нагружен кирпичами. Оказавшись в салоне, художник крепко прижал этюдник к груди и рухнул на сиденье, на мгновение закрыв глаза.

— По-моему, мои рисунки удовлетворят любое судебное расследование, инспектор, — прохрипел он.

Голос его замер, юноша буквально падал от изнеможения. Тревожно переглянувшись с Маклеодом, Адам стянул перчатку и полез под полушубок за маленькой серебряной фляжкой, которую всегда брал с собой в подобные экспедиции. Он ловко откупорил ее и поднес Перегрину жестом, не допускающим отказа.

— Вот. Глотните хорошенько.

Пегррин кротко принял фляжку и поднес к губам трясущимися руками. От первого глотка он задохнулся, но на его лицо начали возвращаться краски.

— Теперь еще разок, — сказал Адам. — Вот так. Стало лучше?

Пегррин кивнул, переводя дыхание, и вернул фляжку Адаму.

— Я в порядке, — сказал он окрепшим голосом. — Рисунки я спрятал в этюдник, те, что предназначены для ваших глаз, на самое дно, потому что не был уверен, все ли можно показывать полисменам.

Адам убрал фляжку в карман и взял у Перегриня этюдник. Художник подался вперед, положив локти на спинку сиденья. Адам раскрыл этюдник на приборной панели и начал один

за другим доставать из него рисунки.

Первые несколько набросков были настоящими судебными этюдами, как и обещал Перегрин, воспроизводящими место убийства под несколькими углами с клинической точностью фотографий. Адам быстро проглядел их, сжав губы в тонкую линию, но когда он добрался до двух последних набросков, его темные глаза широко открылись от потрясения и смятаения.

Рэндалл, стоящий на коленях со связанными за спиной руками в окружении нескольких людей в белых одеяниях, лица которых скрывают большие капюшоны. Перед Рэндаллом некто коленопреклоненный, протягивающий жертве что-то невидимое зрителю. Другие люди, теснящиеся вокруг них. Их лица сильно затенены, словно густым черным туманом. Такое экранирование само по себе было достаточным подтверждением, что убийцы — черные адепты. Но даже больше ужаса на лице Рэндалла взгляд Адама притягивали медальоны на шее у каждого из людей в балахонах и кольца на пальцах — знаки Ложи Рыси. Второй рисунок подтвердил подозрения Адама, а также заставил его ощутить весь ужас убийства. Перегрин стал слишком уж хорошим художником. Адам надеялся никогда больше не увидеть, даже в воображении, смертельную муку, запечатленную им на лице старика.

Когда они внимательнее пригляделись к Рэндаллу и его убийце, наносящему смертельный удар, то заметили, что в руке с кольцом зажата рукоятка того, что при более тщательном осмотре оказалось хирургическим скальпелем. Руки его помощников жестоко вывернули голову жертвы назад, открывая горло. Нельзя было разглядеть, есть ли на шее убийцы медальон, но на кольце явственно различалось изображение головы рыси.

Маклеод издал горловой звук, похожий на предостерегающее рычание бульмастифа.

— Так, — сумел пробормотать он. — Ложа Рыси снова поднимает свою мерзкую башку. Думаю, они решили отомстить за то, что произошло у замка Уркхарт.

— Интересно, — медленно произнес Адам. Он с трудом перевел взгляд с лица Рэндалла на руку, держащую скальпель.

— Что тут интересного. — В раздраженном голосе Маклеода слышалось недоверие. — Ясно же, что это их визитная карточка.

— Да, но месть едва ли была мотивом, — ответил Адам, с усилием возвращаясь к более бесстрастному мышлению. — Рэндалл даже косвенно не участвовал ни в одном из событий, связанных с противоборством у Лох-Несса. С какой стати Ложа Рыси признала его одним из нас?

— Наши имена фигурировали в большинстве газетных сообщений — по крайней мере мое, — сказал Маклеод. — Если Ложа Рыси начала исследовать наше окружение, кто-нибудь вполне мог узнать и о Рэндалле...

— В таком случае еще более невероятно, чтобы его убили в порядке воздаяния, — возразил Адам. — Подумайте, Ноэль. Если наши противники теперь знают о нас достаточно, чтобы догадаться, как и почему мы вмешались в их дела, зачем им вообще возиться с Рэндаллом, когда мы — более очевидные мишени? Кроме того, если бы они просто хотели взять жизнь за жизнь, есть гораздо более легкие и более мирские способы уничтожить неприятеля, чем ритуальное убийство. И все же они пошли на него, значит, ритуал важен им сам по себе. Если бы враги догадались, что Рэндалл один из нас, его бы никогда не коснулись из опасения встревожить остальных.

— А Рэндалл, упокой, Господи, его душу, ни за что не выдал бы себя или нас, — хмуро сказал Маклеод, — даже если бы это стоило ему жизни.

— Если бы у него был выбор, — поправил Адам. — Готов поспорить на что угодно, вскрытие покажет высокую концентрацию наркотиков в его организме. Если боги были добры, он так и не осознал происходящего.

Однако Адам содрогнулся, рассматривая последний набросок, явно не веря в собственные слова. Перегрин, безусловно, в них не верил. Весь сжавшись, дрожа от холода, не имеющего никакого отношения к погоде, он думал о том, что испытывал Рэндалл Стюарт в последние мгновения своей жизни.

— Что до того, кто убийца, — продолжал Адам решительнее, указывая на рисунок, — уже одно то, что Перегрин вместо лиц увидел лишь расплывшиеся пятна, наводит на мысль о присутствии по крайней мере одного адепта, обладающего силами, которые вполне могут соперничать с тем, что есть в нашем распоряжении. Кем бы ни был убийца, он достаточно владеет своим ремеслом, чтобы оставаться безнаказанным.

Перегрин, охваченный внезапным сомнением, моргнул и посмотрел на старших товарищей.

— Может быть, дело во мне, — уныло прошептал он, — просто я не знаю, что искать.

— О, вы знали, что искать, — сказал Адам, собирая рисунки и укладывая их в этюдник. — Иначе не смогли бы ничего нарисовать. — Он выразительно постучал по крышке этюдника. — Нет, мы имеем дело с профессионалами. И мне не нравится их профессия!

Это заявление было встречено молчанием. Лишь через несколько напряженных секунд Маклеод откашлялся и сказал:

— Хорошо. Мы почти разобрались в том, кто виноват в случившемся, и в том, как было совершено преступление, но я по-прежнему хочу знать почему. Почему Рэндалл?

Адам вздохнул и покачал головой, слепо уставившись на девственный снег за окном.

— Хотелось бы мне найти ответ. Если мы не принимаем в расчет мотив мести, то, следовательно, Рэндалла выбрали потому, что в нем было нечто, сделавшее его подходящей жертвой для... того, что намеревались сделать убийцы. Знай мы о них больше, могли бы догадаться, почему именно Рэндалл стал мишенью. А так...

Перегрин с тревогой переводил взгляд с Адама на Маклеода и обратно.

— Итак, что же дальше?

— То, что орудием убийства стал скальпель, наводит на мысль об участии медика. Но все это лишь предположение. Купить скальпель может кто угодно. Без новых данных наши усилия сведутся к поиску иглы в стоге сена.

Никогда раньше Перегрин не слышал в голосе товарища такого раздражения. После неловкой паузы Маклеод тяжело вздохнул и сложил руки на груди.

— Все-таки кое-что у нас есть, — пробормотал он. — Вскрытие и предварительные результаты официального расследования тоже могут помочь нам.

Адам поднял голову. В его темных глазах вспыхнуло что-то, чего Перегрин был не способен истолковать. Но прежде чем старший друг заговорил, в окно со стороны Маклеода постучали. Когда инспектор нажал на кнопку электрического привода, чтобы чуть-чуть приоткрыть окно, к нему наклонился констебль Джеймисон.

— Прошу прощения, инспектор, но БТП на пути сюда. Они только что проехали ворота и сообщают, что замечены и выслежены журналюгами. Сержант Керкпатрик подумал, что вам следует знать, сэр.

Маклеод глубоко вздохнул и расправил плечи с агрессивным видом борца, готового схватиться с сильным противником, известным своей склонностью к грязным трюкам.

— Спасибо за предупреждение, мистер Джеймисон, — кивнул он. — Скажите сержанту, чтобы он не беспокоился. Пока он будет работать с БТП, я прослежу за прессой.

Джеймисон махнул рукой, словно отдавая честь, и отошел. Маклеод поморщился и застегнул молнию на куртке, потом надел перчатки.

— Что ж, пора нам начать снова действовать как профессионалам. Пресса любит такие случаи. Люди Керкпатрика сумеют держать языки за зубами, но, пожалуй, стоит переговорить с лесничим. Охотникам за новостями сильно повезет, если он начнет делаться впечатлениями.

Инспектор вылез из машины, громко хлопнув дверью. Перегрин снял очки, протер стекла носовым платком и задумчиво посмотрел на Адама, пытаясь изобразить профессионализм, которого требовал Маклеод.

— Сколько времени обычно требуется, чтобы получить отчеты, о которых упоминал инспектор?

Адам пожал плечами и поглядел в зеркало заднего обзора.

— От трех-четырех дней до недели, в зависимости от того, сколько других дел ждут внимания полицейского патологоанатома. Мы, конечно, сделаем все, чтобы ускорить процесс... А, вот и подкрепление.

Когда первая полицейская машина остановилась, Перегрин обернулся, чтобы взглянуть на них в заднее стекло, потом снова задумчиво посмотрел на Адама, который натягивал перчатки.

— Адам, я понимаю, сейчас это немного некстати, — решил он, — но вы упомянули вчера вечером... Мы не так уж далеко от Балморала. Вы по-прежнему считаете, что следует съездить посмотреть на ту башню, что повредила молния?

Адам вздохнул.

— Возможно, следовало бы. Но, откровенно говоря, не думаю, что мы в подходящей форме для еще одного путешествия. Это дело можно отложить еще на несколько дней. Сейчас важнее попасть домой. Нужно рассказать коллегам, что произошло.

— Хьюстонам? — спросил Перегрин.

— Им в том числе, — хмуро сказал Адам. — Даже будь жертвой не Рэндалл, все равно нам стало известно, что Ложа Рыси опять пришла в движение. Теперь нужно быть настороже. Наверняка это только начало.

Глава 10

В полдень Маклеод решил, что можно уезжать из Балтэрни. Они с Адамом и Керкпатриком снова сходили к месту убийства, когда прибыла «скорая», чтобы забрать тело. Перегрин остался в машине, решив, что на сегодня нагляделся более чем достаточно. Адам и Маклеод отнесли вниз носилки с бренными останками Рэндалла Стюарта, уложенными в черный пластиковый мешок на молнии, и передали его на попечение медиков. После стандартных процедур тело доставят в морг пертской Королевской лечебницы, где будут осуществлены вскрытие и прочие судебные исследования. Пройдет по меньшей мере неделя, прежде чем тело передадут семье для похорон.

Когда фельдшер задвинул носилки в «скорую», Синклер произнес несколько прощальных слов на гэльском языке, столь любимым убитым:

*Милость великого Бога да пребудет с тобой,
Рэндалл, друг мой.
Покой Бога,
покой Христа,
покой Духа.
Да укроет тебя Михаил в тени крыльев своих,
дабы быстро препоручить тебя Царю Царей,
дабы защитить тебя Троицей всепобеждающей любви...*

По дороге в Стратмурн все молчали. Адам и Маклеод ушли в свое горе; Перегрин, устало сгорбившийся на заднем сиденье, чувствовал себя одиноким и ненужным. Практически не зная Рэндалла Стюарта, он мог только предполагать, о чем думают друзья на пути домой сквозь тоскливые ноябрьские сумерки. Через некоторое время его одолела усталость, и молодой человек погрузился в беспокойный сон. Он проснулся, когда «рейнджровер» затормозил у задних ворот Стратмурна. Адам высадил его возле сторожки, почти выгнал из машины, и Перегрин обиделся бы, если бы не понимал, что за резкостью друга кроется с трудом сдерживаемая боль. Сознывая свою неспособность помочь, юноша уныло смотрел, как задние габаритные огни машины исчезают в темноте.

Маклеод заметил тоску в глазах художника и бросил на Адама осуждающий взгляд.

— Адам, я не уверен, что вы правильно оцениваете меру его понимания, — тихо сказал он. — И если вы действительно собираетесь ввести мистера Ловэта в Охоту, вряд ли стоило

оставлять его в недоумении.

— Думаете, я не сознаю этого? — В обычно мягком голосе Адама слышалась резкая нота. — Теперь, когда Рэндалла нет, Перегрин нужен нам даже больше, чем прежде. Я знаю, сегодня у него был трудный день. Но объяснения придется отложить до лучших времен. Сейчас у меня дела поважнее.

— Я мог бы остаться и помочь... если бы вы позволили.

Адам покачал головой.

— Спасибо, не стоит. Вас тоже ждет работа, и вы должны отдохнуть, если намерены эффективно поработать. Мне, как Повелителю Охоты, предстоит связаться с другими членами Охотничьей Ложи, чтобы известить их о приключившейся трагедии. Если я не могу дать ответы, то я по крайней мере должен проинформировать...

* * *

Перегрин помедлил в крохотной прихожей, чтобы освободиться от верхней одежды, потом устало потащился на кухню. Ему едва хватило сил поставить чайник на огонь. Он рухнул на ближайший стул, стараясь ни о чем не думать, и согнулся, чтобы расшнуровать ботинки трясущимися от усталости пальцами.

В тот день художник был готов проклясть свой дар, сделавший его невольным свидетелем жестокого убийства. Душа все еще сжималась при воспоминании о том, что лежит в этюднике... оставшемся, как он вдруг вспомнил, в машине Адама. Но каким бы тревожным, даже отвратительным ни был этот опыт, утешала мысль, что его искусство все же помогло разобраться в обстоятельствах смерти Рэндалла Стюарта. Вспоминая свое поведение, Перегрин мысленно ругал себя за то, что едва не поддался слабости. Он надеялся лишь, что не поколебал веру Адама в свои способности, ибо понимал: к добру ли, к худу ли, он уже взял на себя некоторые обязательства. Юноше только хотелось придумать что-нибудь дельное... В конце концов, слишком усталый, чтобы попытаться разобраться в себе, Перегрин выключил чайник и рухнул в постель. К счастью, он не видел снов.

* * *

На следующее утро молодой человек проснулся на час позже, чем обычно, чувствуя себя вполне отдохнувшим и немного отстраненным от вчерашнего. Страхнув оцепенение, он сумел принять душ, побриться и одеться, совершенно ни о чем не думая, однако проснулся по-настоящему, лишь когда вынырнул на крыльцо, чтобы забрать утренний выпуск «Индепендента». Бросившийся ему в глаза заголовок внезапно воскресил весь ужас предыдущего дня, показав смерть Рэндалла Стюарта под иным углом зрения.

«Преступление сатанистов в шотландских охотничьих угодьях» — вопила первая полоса, набранная черными жирными буквами в добрый дюйм высотой. И меньшим шрифтом, но не менее черными буквами: «Масонское убийство?»

Потрясенный, Перегрин уставился на зловещие заголовки, затем поспешно опустил взгляд на статью. На сопроводительной фотографии был только общий план с начерченными на снегу линиями и полицейскими офицерами в анораках. Автор статьи с омерзительным смаком живописал место убийства. Еще более сенсационными выглядели мрачные намеки на то, что смерть Рэндалла Стюарта демонстрирует ясную связь между Вольными Каменщиками и практикой черной магии.

Прочитанного оказалось достаточно, чтобы Перегрин метнулся в дом за пальто и ключами от автомобиля. «Моррис-майнор» стоял в гараже за сторожкой. Художник дал задний ход, и маленькая машина умчалась в брызгах воды и гравия. Через несколько минут он с визгом затормозил у двери западного крыла и выскочил, зажав мерзкую газетенку под мышкой. Поднятый им трезвон вызвал степенного и несколько удивленного Хэмфри.

— Он вряд ли ожидает меня, — выпалил Перегрин, — и все-таки могу я поговорить с

сэром Адамом?

Адам стоял у окна эркера в утренней гостиной, когда услышал шаги в коридоре. Быстрая, порывистая походка сразу же указала на личность гостя. Перегрин даже не успел постучать, как Адам отвернулся от окна и тихо окликнул:

— Входите, Перегрин.

Дверная ручка с треском повернулась, и молодой художник почти ввалился в комнату, размахивая свернутой газетой.

— Доброе утро, — произнес Адам с безрадостной улыбкой. — Насколько я понимаю, «Индепендент» разделяет ту же фантастическую версию убийства в Балтэрни, что и «Таймс», и «Скотсмен».

Это сухое замечание заставило Перегрина остановиться на месте. Он глубоко вздохнул и молча кивнул, краем глаза заметив газеты, развернутые на столе среди остатков почти нетронутого завтрака.

— Я как раз собирался послать Хэмфри в деревню, посмотреть, что могут предложить другие ежедневники, — продолжал Адам, — но, похоже, все основные газеты согласны насчет мотивов, лежащих в основе убийства Рэндалла Стюарта.

К возмущенному Перегрину вернулся дар речи.

— Как им хватает наглости нести такую беспардонную ложь? Ведь то, что масоны предпочитают совершать свои ритуалы втайне, вовсе не причина полагать, будто они балуются сатанизмом. Нет никаких доказательств для подобных голословных утверждений. Это все куча вздора!

— Вы это знаете, и я знаю, — пожал плечами Адам. — Но сдержанность не способствует тиражам.

Перегрин нахмурился и бросил газету на стол.

— И вы ничего не в состоянии сделать, чтобы внести ясность?

— В такой короткий срок — нет, — ответил Адам. — Надеюсь, в конце концов нам удастся раскрыть реальный заговор, стоящий за этим.

Он старался говорить холодно и спокойно, однако разум и душа все еще были в смятении после долгой, полной боли ночи. С усилием оторвавшись от воспоминаний, Адам пристальнее посмотрел на бледное, напряженное лицо Перегрина.

— Вы что-нибудь ели сегодня утром?

Молодой человек покачал головой.

— В таком случае, — Адам потянулся за телефоном, — попрошу Хэмфри принести вам несколько тостов и свежего чая. Вы можете поесть, пока я позвоню Ноэлю и узнаю, было ли что-то новое с тех пор, как мы расстались вчера вечером.

Как и надеялся Адам, Маклеод сидел в своем кабинете в Главном управлении полиции. Инспектор взял трубку почти немедленно.

— Ага, я видел чертovy газеты, — прорычал он в ответ на вопрос Адама. — Если вы не смотрели утренних передач, то они ничуть не лучше — только вместо черной магии говорят о коррупции в правительстве. Следовательно, они вообще ничего не знают. Хотя я далеко не уверен, что мы намного умнее — судя по тому, как обстоят дела на данный момент.

— Значит, никакого прогресса?

— Никакого... если не считать таковым хождение по кругу. Хуже того, мне приказано прибыть в Перт, чтобы связаться со следователями — у них в пять дня встреча с журналистами. Я только надеюсь, что с Божьей помощью к тому времени мы хоть что-то раскопаем. Иначе пресса и дальше будет перемалывать слухи.

Он порывисто вздохнул.

— А пока я посылаю пару людей в книжный магазин Рэндалла, вдруг узнают там что-нибудь полезное. Хорошо бы нашли ежедневник Рэндалла, валяющийся где-нибудь на конторке, хотя готов поспорить, он хранился у Рэндалла в машине... где бы она сейчас ни была.

— Поговорили с Мирандой? — спросил Адам.

— Нет, она все еще в шоке. Вчера Джейн привезла ее к нам домой, после того как пара шакалов из какой-то бульварной газетенки объявились у дверей Мэйфилд-террас. К тому времени девушка уже знала, что это не несчастный случай, что ее отца убили — полиция заглянула, чтобы официально уведомить об этом, — но ни она, ни Джейн не слышали подробностей. Бедная девочка по-настоящему обезумела после этого, поэтому Джейн вызвала нашего семейного врача, чтобы ей дали успокоительное. Она еще спала, когда я уходил утром. У меня не хватило духу разбудить ее.

— Так Миранда у вас? — спросил Адам, мысленно аплодируя отважной жене Маклеода.

— Угу. Сегодня днем поездом из Абердина приедет ее тетушка, чтобы забрать Миранду до похорон. А пока неплохо бы побережь ее. По крайней мере, когда она спит, она не может горевать.

Адам взглянул на запястье. Часы показывали двадцать минут девятого: молчаливое напоминание, что сам он проспал немногим более пяти часов после возвращения в Стратмурн. Когда вошел Хэмфри со свежим чаем и тостами для Перегрина, Адам пошевелил ноющими плечами и попытался забыть об усталости — впереди ждало много дел.

— Ладно. Обход в больнице начинается в десять, а я вчера пропустил его, так что поеду сегодня, но когда я там закончу, постараюсь заехать к вам, чтобы повидать Миранду.

— Я знаю, что вам придется сильно выложиться, — откровенно сказал Маклеод, — но, думаю, ваш визит сейчас поможет больше, чем все остальное.

— Тогда договорились. Я позвоню перед выездом из Джорданберна.

— Господи Боже, — пожаловался Маклеод, — меня ждут два входящих звонка по двум различным линиям! Не репортеры ли?.. Даю отбой, постараюсь перезвонить вам сегодня днем.

— Да. Спасибо, Ноэль.

Адам рассеянно повесил трубку и повернулся к Перегрину, который слушал с широко раскрытыми глазами.

— Что ж, боюсь, долг зовет меня в Эдинбург. Придется предоставить вас самому себе, пока я буду готовиться к отъезду.

Перегрин поспешно проглотил кусок тоста и залил его большим глотком чая.

— Хотите, чтобы я поехал с вами? — хрипло спросил молодой человек.

— Не сегодня. — На лице Адама промелькнула тень улыбки. — Помнится, вы собирались работать над портретом бывшего мэра Эдинбурга.

— Он мог бы и подождать...

— Нет, — твердо заявил Адам. — Что бы ни случилось, я по-прежнему психиатр, которому надо заниматься пациентами, а вы по-прежнему художник, которому надо выполнять заказы. Не волнуйтесь, когда вы мне понадобится, то сразу узнаете об этом.

Это заверение успокоило Перегрина, и он смог воздать должное чаю и тостам Хэмфри, охотно приняв предложение дворецкого позавтракать. Когда молодой человек набросился на тарелку дымящейся овсянки с медом и орехами, аромат шипящего на кухне бекона напомнил ему, сколько прошло времени после вчерашних черствых бутербродов. Он жадно проглотил овсянку и наполовину расправился с полной тарелкой бекона с омлетом, когда заглянул, чтобы проститься, переодевшийся наверху Адам. Вид Перегрина, с явным удовольствием уничтожающего завтрак, вызвал у владельца Стратмурна улыбку. Теперь он был уверен, что с гостем все в порядке.

Когда шаги Адама затихли, Перегрин решил, что если съест еще одно яичко и парочку ломтиков бекона, он будет готов снова взяться за бывшего мэра Эдинбурга, портрет которого, как ни странно, получался неплохо.

Поскольку «рейнджровер» был все еще весь в грязи после поездки в Балтэрни, Адам сел за руль более резвого обитателя своей конюшни — блестящего темно-синего «ягуара». Он прибыл в госпиталь заблаговременно, чтобы совершить ежедневный обход, скрывая озабоченность с умением, рожденным долгой практикой. К счастью, все постоянные

пациенты были в стабильном состоянии, появилось несколько новичков, а студенты-медики сумели сдержать любопытство и не расспрашивали о вчерашнем. Корреспонденты какой-то бульварной газетки узнали Адама на месте убийства и упомянули его имя в сопроводительной статье.

Вскоре после полудня Адам вернулся к делам, которые оставались для него главными. Он быстро перекусил, позвонил Джейн и вызвал такси, чтобы отправиться к уютному дому Маклеодов на Ормидейл-террас.

Джейн открыла дверь раньше, чем гость успел постучать. Бросив быстрый взгляд вслед удаляющемуся такси, она впустила Адама и крепко закрыла за ним дверь. Автоматический засов громко щелкнул в прихожей, когда гость наклонился, чтобы поцеловать рыжеволосую хозяйку в щеку.

— Итак, вы снова отражали атаки журналистов?

— Благодарение Богу, нет, — сказала Джейн, воинственно блестя глазами. — К счастью, они пока не обнаружили нас. Но, должна признаться, вы сейчас напугали меня, приехав на такси. Я ожидала, что вы будете на одной из своих машин.

— Простите. Мне казалось, что такси не привлечет внимания. Вы приняли меня за журналиста?

— Вроде того, — кивнула Джейн, — теперь это не важно. Дайте-ка мне ваше пальто...

Они перешли из прихожей в холл.

— Как Миранда? — спросил Адам. Джейн махнула рукой.

— Наверное, неплохо, учитывая обстоятельства. Я уговорила ее съесть немного супа, но она все еще ужасно слаба. Хуже того, — Джейн поморщилась, — утром бедняжка проснулась и пошла бродить по дому. Я не слышала ее, пока она не прошла в гостиную, а к тому времени было уже слишком поздно. Ноэль перед уходом выбросил сегодняшние газеты, но я не успела вынести мусор.

— Значит, она видела по меньшей мере заголовки, — мрачно сказал Адам.

— Я знаю, что мы не смогли бы бесконечно скрывать это, — вздохнула Джейн, — однако мне хотелось хоть немного подготовить ее. Надеюсь, вы сумеете ее успокоить.

— Постараюсь, — ответил Адам. — Где она сейчас?

— В гостевой спальне наверху, — сказала Джейн. — Пойдемте, я отведу вас.

Миранда Стюарт сидела на большой, старомодной латунной кровати, натянув до подбородка кружевное покрывало. Когда Адам вошел, она слегка вздрогнула, потом расслабилась, узнав его. С белым лицом и большими, обведенными темными кругами глазами она была больше похожа на замерзшую коноплянку, чем на цыганку-танцовщицу, какой она показалась Перегрину. Адам сел в кресло у кровати и крепко сжал ее нервные ручки.

— Привет, Миранда, — ласково сказал он. — Не могу выразить, как я сожалею о твоём отце. Это был самый добрый и благородный человек, какого только я имел честь знать.

Бледное лицо Миранды исказилось.

— Газеты пишут совсем другое.

— Да, — кивнул Адам, — но то, что пишут газеты, ничего не значит для тех, кто был знаком с твоим отцом лично. Не терзайся из-за глупостей, написанных по невежеству. Помни, что там, где затронуты честь и репутация твоего отца, есть люди, радеющие о восстановлении правды.

— Во всем этом нет никакого смысла, — сказала Миранда тихим, напряженным голосом. — Зачем кому-то убивать отца, когда он за всю жизнь никому не причинил вреда?

— Тут мы можем только гадать. Сейчас полиция пытается установить обстоятельства, сопутствующие поездке твоего отца в Стерлинг. Ты не помнишь, упоминал ли он имя человека, который связался с ним по поводу оценки книги?

Миранда вздохнула и покачала головой.

— По-моему, он не говорил. Но...

— Что «но»?

— Мне... кажется, — неуверенно промолвила Миранда, — что это был кто-то знакомый.

— Ты хочешь сказать, друг? — Адам склонил голову набок.

— Не-е-ет... — Миранда задумчиво нахмурилась. — Просто знакомый.

— Почему ты так считаешь?

— Из-за того, как папа говорил по телефону. В четверг днем, — продолжала девушка, ободренная молчаливым вниманием Адама, — мы были в магазине вместе. Примерно за час до закрытия зазвонил телефон. Я что-то искала на верхней полке, поэтому трубку взял папа. — Наморщив лоб, она старалась вспомнить точные слова. — Он еще сказал: «В самом деле... очень хорошая конференция» — или что-то в этом роде. Я подумала, что звонит кто-то из папиных коллег по бизнесу. Если б только я догадалась тогда спросить его...

Голос Миранды задрожал и прервался, в темных глазах показались слезы, Адам сжал ей руку и ободряюще улыбнулся.

— Тебе не в чем себя винить. Наоборот, ты только что дала мне очень ценную информацию.

— Правда?

— Правда, — сказал Адам. — Разве ты не понимаешь, что это дает полиции серьезный ключ для расследования? Инспектор Маклеод будет очень тобой гордиться.

Адам покинул Миранду в заметно более светлом настроении, чем нашел ее.

В гостиной внизу Джейн наливала чай приятной стройной женщине, явно похожей на Рэндалла Стюарта. Адам понял, что это тетушка Миранды, еще до того, как Джейн должным образом представила их. Мириам Маклеллан приняла его соболезнования со стоическим самообладанием и выразила трогательную благодарность за заботу о племяннице. Выдав несколько профессиональных советов насчет того, как следует успокаивать Миранду в будущем, Адам попросил Джейн вызвать ему такси, убежденный, что дочь Рэндалла в хороших руках. Когда приехало такси, Джейн проводила гостя до двери.

— Еще раз спасибо, что приехали, — тихо промолвила она.

— Это было нужно мне самому, — сказал Адам. — Кстати говоря, когда будут известия от Ноэля?

— Хотела бы я знать, — сказала она уныло. — Сомневаюсь, что он попадет домой раньше полуночи. — Тут Джейн снова осмотрела на Адама, и ее глаза расширились. — Значит, у вас есть новости для него?

Адам выдавил улыбку.

— Миранда считает, что ее отцу звонил из Стерлинга кто-то профессионально связанный с книготорговлей. Передайте Ноэлю, что его людям стоило бы просмотреть телефонный справочник и составить список тамошних букинистов...

* * *

Такси доставило Адама на стоянку джорданбернской больницы, где он взял свой «ягуар» и устало направился домой. Наступили морозные ноябрьские сумерки, когда мощная машина подъехала к Стратмурскому аэродрому. Адам поставил автомобиль в гараж и быстро дошел до парадной двери. Дворецкий появился как раз, когда он снимал пальто и шарф.

— Привет, Хэмфри. Есть новости?

— Только одна, сэр, — ответил Хэмфри, принимая у Адама пальто. — Ваша матушка звонила около половины четвертого: подтверждает, что прибудет в Лондон, как и собиралась, в следующий вторник, но другим рейсом. Номер рейса 311, время прибытия 9.14 утра.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Да, сэр. Леди Синклер просила сообщить вам, что она планирует «рабочий визит».

Аккуратное ударение, сделанное Хэмфри на два последних слова, сказалось Адаму, что дворецкий повторяет сказанное точно тон в тон. Вероятно, Филиппа Синклер уже знает о

сгущающихся над головой сына неприятностях.

Осведомленность матери не удивила Адама. Таланты Филиппы, как и самого Адама, были незаурядны в профессиональном и эзотерическом планах. Именно она, сама посвященная в высшие Таинства, привела сына к духовному пробуждению, освободившему в нем спящие силы разума и души. В свои семьдесят пять лет леди Синклер в основном отошла от активной эзотерической работы, хотя по-прежнему содержала процветающую психиатрическую практику в родном Нью-Гемпшире. Поскольку теперь Охотничья Ложа подверглась прямой угрозе, Адам понимал, что присутствие матери усилит их защиту. В то же самое время он не испытывал никаких иллюзий. Теперь главным источником неприятностей было для них неведение. Он отвечал на вопрос Хэмфри о чае, но по-прежнему был занят множеством вопросов, окружающих смерть Рэндалла Стюарта. Неведение заставляло его чувствовать себя соколом в клетке и с колпачком на голове. Где-то, невидимо для него, рыскала на свободе законная добыча, а он и его товарищи не могли присоединиться к охоте.

Мягкий перезвон прервал его мысли. Большие дедовские часы на лестничной площадке отбивали каждые полчаса. Сверив с ними карманные часы, Адам убедился, что сейчас половина пятого.

— Хэмфри, я выпью чай в передней гостиной, — сказал он, успев поймать дворецкого, когда тот направлялся на кухню. — Хочу посмотреть «Новости Шотландии».

Убийство Рэндалла было одним из первых упомянуто в анонсе новостей в начале программы. Подавшись вперед, Адам совершенно забыл о чае на столе.

— Продолжается расследование смерти эдинбургского масона Рэндалла Стюарта, — спокойно произнес диктор. — Считается, что Стюарт, изуеченное тело которого увезли вчера с лесистого холма в поместье Балтэрни, к северу от Блэргаури, стал жертвой экстравагантного ритуального убийства. Убийству был свидетелем в воскресенье ночью местный лесничий, совершавший обычный обход. До сих пор это происшествие сопровождалось самыми разнообразными слухами, но полиция скоро должна выступить с версиями касательно возможной личности преступников и их мотивов. Сейчас мы приглашаем вас в Перт, где наш корреспондент Джордж Гуэрдлей освещает первую официальную пресс-конференцию по этому убийству.

Вместо студии Би-би-си на экране появился вход в пертширский полицейский участок. Мрачный Маклеод, защищаемый с флангов двумя офицерами в форме, стоял на скользких от дождя ступенях в окружении журналистов.

— Нет, больше я ничего не могу сказать о причинах смерти, — терпеливо отвечал он на вопросы. — Мы ожидаем обычные судебные рапорты и результаты вскрытия через несколько дней. До прибытия этих бумаг я не вправе делать официальные заявления.

Прилизанный молодой человек пробился вперед и сунул микрофон в лицо Маклеоду.

— Инспектор, вы, кажется, прибыли из Эдинбурга, не так ли. А убийство произошло в юрисдикции Пертшира. Как вы оказались вовлечены в это дело?

Усталое терпение Маклеода сменилось легкой настороженностью, словно он почуял скрытую ловушку.

— Когда поступило заявление, сержант Келлум Керкпатрик из Блэргаури пригласил меня помочь с расследованием.

— Почему же он обратился к вам, а не уведомил вышестоящего офицера в Перте?

— Вышестоящий офицер был уведомлен, — кратко ответил Маклеод. — Но случай представлялся как ритуальное убийство, а сержант Керкпатрик знал, что у меня есть опыт подобной работы в Лотиане и Приграничье.

— Значит, вы и сержант Керкпатрик были знакомы друг с другом еще до этого происшествия? — Прилизанный молодой человек, казалось, наслаждался своей сообразительностью. — Разве не правда, что вы, как и некогда Рэндалл Стюарт, состоите в обществе Вольных Каменщиков? — добавил он, нарочито сверившись с записями в блокноте.

«Так вот куда ведут все эти расспросы!» — подумал Адам.

— Признаться, я не понимаю, какое отношение...

— Пожалуйста, ответьте на вопрос, инспектор. Вы, сержант Керкпатрик и жертва — масоны?

— Да, — согласился Маклеод сквозь стиснутые зубы, ожидая неизбежного *coup de grace*¹ — и тот не замедлил.

— Крайне любопытно, инспектор, — сказал молодой человек. — Один полицейский-масон выходит за пределы своей юрисдикции, чтобы пригласить другого полицейского-масона для расследования жестокого убийства третьего члена масонского братства. Не будете ли вы любезны прокомментировать эти совпадения?

Маклеод выпрямился во весь рост, его голубые глаза сверкали.

— Если вам нужны доказательства какого-то заговора, то придется поискать в другом месте. Во-первых, ни сержант Керкпатрик, ни я не были уверены, что кого-то действительно убили, пока не оказались на месте происшествия... и только тогда мы обнаружили, кто именно убит. И сержант Керкпатрик, и я делаем все возможное, согласно долгу офицера полиции, чтобы задержать преступников. Если бы я считал, что от этого будет какой-то толк, я бы предложил представителям прессы проявить такую же степень профессионализма.

С этими словами он шагнул вперед так решительно, что интервьюеру пришлось отскочить в сторону. Пока камера прослеживала путь Маклеода к машине, телерепортер кратко обобщил только что сказанное.

Когда на экране снова появилась студия и пошло сообщение о демонстрациях против подушного налога, Адам выключил телевизор и, крепко сжав губы, долго смотрел невидящим взглядом на пустой экран, стараясь справиться с раздражением.

Мало того, что хороший человек умер ужасной смертью, так еще обстоятельства его гибели послужили поводом для очернения благотворительной организации, которую он преданно поддерживал всю свою сознательную жизнь! Только теперь Адаму пришло в голову, что весь этот грязный словесный поток мог быть специально подстроен, чтобы скрыть истинную цель убийства, хотя приходилось признать, что это мнение, как и все остальные, не основано на серьезных фактах. Не в первый раз он пожалел, что Рэндалл не смог сообщить о своем похищении Охотничьей Ложке до того, как враги заставили его замолчать. Физическое тело, содержавшее благородный разум и дух Рэндалла Стюарта, ныне было пустой оболочкой, однако сам дух бессмертен. По Законам Внутренних Миров с ним можно найти связь. Возможно, Адам сумел бы это сделать, чтобы хоть немного изменить баланс сил в пользу высшей справедливости.

Он взял трубку внутреннего телефона и позвонил Хэмфри на кухню.

— Мне очень жаль, но, боюсь, сегодня я обедать не буду. Было бы замечательно, если бы вы разожгли камин в библиотеке. И, пожалуйста, сделайте все, чтобы меня не беспокоили.

Глава 11

Надо было восстановить силы — ночью предстояла работа, требующая безмятежного спокойствия и сосредоточенной решительности. Адам не спеша принял горячий душ, надел серые фланелевые брюки и накрахмаленную белую рубашку, сверху накинул любимый халат из голубого стеганого бархата. Бесшумно ступая в тапочках с гербом, он соскользнул по главной лестнице в библиотеку.

В отсутствие хозяина Хэмфри разжег в камине большое полено и включил пару подходящих по стилю медных ламп, располагающихся по обе стороны каминной полки, чтобы создать у огня островок уюта. Еще одна лампа сияла на баре в углу комнаты, обеспечивая дополнительное освещение на заднем плане. Поблагодарив в душе Хэмфри, Адам тихо закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке. Не из-за Хэмфри, конечно. Получив инструкции, преданный дворецкий и мысли не допустил бы о том, чтобы мешать

¹ Завершающий смертельный удар (фр.). — Примеч. пер.

хозяину.

Меньше всего Адама заботило физическое вторжение, хотя всегда необходимо учитывать и такую возможность. Все еще стоя лицом к двери, он залез в правый карман халата и вытащил кинжал — миниатюрное подобие шотландского дирка, черные кожаные ножны отделаны серебром с гравировкой, черная рукоятка украшена замысловатой резьбой и усеяна крохотными серебряными гвоздиками в точках пересечений узора. От кончика ножен до прозрачного синего камня размером с голубиное яйцо на головке рукоятки было всего семь дюймов длины. Такое оружие вполне подходило для того, чтобы прятать его в кармане или в рукаве. Когда Адам надевал килт, то носил кинжал, заткнув за чулок. Непосвященному он мог показаться всего лишь милым пустячком для любителя изображать из себя горца, но в руках Адама кинжал представлял весьма серьезное оружие. И многоцелевой инструмент.

Взяв левой рукой ножны, а правой — рукоятку, выдохнув почти беззвучное заклинание, Адам вынул кинжал и легко прикоснулся губами к клинку, одновременно пряча ножны в карман. Трепет едва уловимой силы пробежал по руке. Кончиком клинка он нарисовал в воздухе невидимую пентаграмму — сверху вниз от центра двери, наискосок, снова вниз и опять вверх. Потом сосредоточился на центральной точке, запечатлев свое желание на начертанном таким образом знаке. Завершив манипуляции, Адам вновь поцеловал клинок и прижал его к левой стороне груди, склонив голову перед Источником Сил. Подойдя к камину, он запечатал и его, ибо дымоход тоже мог послужить входом. Последним был запечатан большой эркер в западной стене.

Хэмфри предусмотрительно задернул занавески, так что они образовали роскошный парчовый задник для красивого рабочего стола и кресла из красного дерева. Отсалютовав в последний раз, Адам убрал кинжал в ножнах в карман и подошел к готическому книжному шкафу. На одной из верхних полок стояло изящное, размером с кулак, пресс-папье из кейтнесского стекла фирмы «Солтэйр». В его прозрачных глубинах таился просвечивающий бело-золотой водоворот, похожий на заледеневший экзотический колокольчик; самый вид его уже успокаивал и притягивал. Лаская руками прохладную шелковистую тяжесть, Адам снял пресс-папье и отнес к огню.

Любимое кресло было на привычном месте, слева от камина. Передвинув его поближе к огню, Адам положил пресс-папье на маленький столик розового дерева, после чего выключил лампы на каминной полке и сел. Не спеша, он устроился так, чтобы, сидя прямо, но не напряженно, мог бы видеть, как танцующее пламя отражается в выпуклых изгибах сферы, словно в хрустальном шаре гадалки. Сосредоточив внимание на сердцевине шара, Адам поднял ладони жестом мольбы, глубоко вздохнул, задержал на миг дыхание и почти беззвучно прошептал слоги древнего гимна Всевышнему:

*Хвала Тебе,
Творец Света.
Дневное светило небес,
Будь мне вождатым и защитой...*

Молитва была одновременно знаком служения Божественному и обетом безграничной преданности, который он уже приносил бесчисленное количество раз на протяжении многих жизней. В кульминационный момент молитвы Адам сложил ладони и коснулся губ кончиками пальцев в благоговейной благодарности Тому, Кому служил. Потом, еще раз глубоко вздохнув, он легко опустил руки на колени и сосредоточился на освещенном огнем шаре, ставшем теперь фокусной точкой для входа в транс.

— Что Наверху, то и Внизу. Что Вовне, то и Внутри...

Шар принял и усилил яркий свет камина. Сверкающие пылинки взяли у пламени жар и цвет. Адам вглядывался в глубины стекла... и вот спираль заколебалась перед его мысленным взором, сделав обычное физическое зрение ненужным. В глубине его существа внезапно зазвучали голоса, похожие на далекий звон разбившегося стекла, и неожиданно Адам

оказался вне своего тела, в прозрачной ночи Внутренних Миров, глядя сверху на спиральную звездную туманность. Только здесь звезды не были неподвижны, а двигались в мерцающем круговороте космического танца. Адам дал увлечь себя в гущу этого танца, балансируя на сверкающей серебряной нити — нити собственной жизни, искрящейся, словно паутинка. Как смытый за борт моряк ощупью поднимается по якорной веревке, так и он следовал за тонкой серебряной линией вниз, погружаясь в сердце звездной спирали.

При переходе во Внутренние Миры леденящее чувство потери ориентации охватило его сильнее обычного. Восстановив равновесие, Адам понял, что стоит в начале сияющей тропы перед дверями немыслимой высоты, поддерживаемыми колоннами из огня и туч, света и тьмы. Его астральная форма казалась облаченной в ниспадающее белое одеяние, а ноги оставались босыми из почтения к святости земли, на которой он стоял. Глубоко вздохнув, Адам поднял взгляд, ибо при этом зрелище сердце его почти всегда замирало. В прошлом он много раз отваживался на путешествия сюда, но чувство благоговейного страха было неизменно свежим и новым.

Благочестиво сложив руки на груди, Адам приблизился к порогу и произнес Слово Верховного Адепта. Едва оно прозвучало, огромные двери медленно отворились. За ними простиралась громада Залов Хроник Акаши, непреходящие анналы всего мироздания — прошлого, настоящего и грядущего. Залы были бесконечны, как сознание Абсолюта, и лишь немногие из них были доступны тем, кто еще привязан к смертной плоти. Если будет дозволено, Адам найдет зал, содержащий хроники души, которую он знал как Рэндалла Стюарта.

Рэндалл Стюарт. Само имя, став для Адама путеводной звездой и стрелкой компаса, безошибочно вело его по изогнутым пространствам светящегося лабиринта. Залитые жемчужным светом коридоры снова и снова разветвлялись, в то же время оставаясь неизменными. Полная тишина царила повсюду — неподвижная, но не статичная, — однако, скользя по изогнутым спиралью коридорам, Адам сознавал усиливающийся динамизм, пронизывающий самый воздух.

Впереди показалась арка. По магнетическому давлению на чувства Адам понял, что приближается к месту, которое ищет. Несмотря на эту уверенность, или благодаря ей он двинулся вперед с продуманной осторожностью, словно готовясь вступить в святилище, ибо это и было святилище — хранилище нетленных записей, где все жизни души Рэндалла Стюарта были объединены, как главы книги. Поскольку Адам представлял себе Хроники в таких образах, то и записи жизней Рэндалла, когда он переступил порог, появились перед его внутренним взором именно в такой форме. Толстый том покоился на рельефном аналое из белого мрамора, переплет его был усеян драгоценными камнями и финифтью, что свидетельствовало о богатстве содержания.

Когда Адам благоговейно приблизился к аналою, в неподвижном, торжественном воздухе комнаты пронесся порыв свежего ветра. Невидимые руки подняли обложку. Одновременно комнату наполнило ощущение присутствия Рэндалла. Адам стоял, складывая в уме все вопросы, которые собирался задать. Словно в ответ, страницы Книги начали переворачиваться, быстро пролистывая жизни ушедших веков, пока не открылись на отчете о последних днях Рэндалла Стюарта. Это была не вереница слов, а череда ярких образов.

Замешательство... слабость... захлестывающая волна страха. Темный сон... белый снег... Осознание... задыхающийся ужас... слепящая боль... мучительный удар сверкающего клинка... темно-красная река крови...

Внезапно из неразберихи ощущений и эмоций возник новый образ, смутный, но различимый. Размытое изображение напоминало какое-то древнее шейное украшение из черного металла. Торк? Да, несомненно! Адам прикинул, что шириной он был, пожалуй, с пядь и при этом покрыт более бледным сложным узором, который Синклер не мог полностью разобрать. Вид торка говорил о его кельтском или пиктском происхождении. И Адам, и то, что было прежде Рэндаллом, бесспорно, опознали в торке вместилище Силы. Фигуры на узоре, сплетающиеся на черной поверхности, казалось, двигались и менялись,

словно жили собственной темной, стихийной жизнью. Кровь Рэндалла Стюарта активизировала скрытые силы торка. Оживший торк был готов к использованию.

Душа, которую Адам знал, как Рэндалла, не могла назвать хозяина торка или кого-то из убийц. Не представляла она, и почему ее носитель был избран для жертвоприношения.

На этот счет Хроники оставались немые. Сместив фокус запроса, Адам спросил о личности того, кто пригласил Рэндалла в Стерлинг. Миранда считала, что отец знал этого человека. На странице начали проступать буквы, однако внезапно, прежде чем написанное стало возможно разобрать, ее закрыла волна тени. Словно пролитые чернила, она залила надпись, и Адам ничего не смог прочесть. Источник тьмы, как он понял, был не в Хрониках, ибо они неподвластны осквернению, а в памяти самого Рэндалла. Эффект тени служил еще одним свидетельством вмешательства черного адепта, обладающего немалой силой. Кто-то явно не хотел, чтобы его имя стало известно.

Вместе с доказательствами, собранными Перегрином на месте убийства, все говорило о том, что если черный адепт и таинственный собеседник Рэндалла и не были одним и тем же человеком, то все равно оба они тесно связаны с Ложей Рыси. Так. Если преступник или преступники ухитрились скрыть свои следы на астральном уровне, возможно, земное расследование даст ключ, который поможет выследить Ложу Рыси. Джейн Маклеод сумела передать супругу весточку Адама, что, по мнению Миранды, отцу звонил антиквар или книготорговец, и полиция уже сейчас составляет список подходящих имен. Дневник Рэндалла был еще одним потенциальным источником ценной информации... если бы его удалось найти. Меж тем было и новое открытие: таинственный торк... возможно, именно его видел лесничий.

Поразмыслив, Адам уверился, что природа торка связана с нанесенными на него неясными узорами. Синклер пожалел, что не знал о существовании торка, когда они были на месте убийства, поскольку тогда попытался бы направить взгляд Перегрин в нужную сторону. Это возможно и теперь, но пока молодой художник оставался на периферии Охоты, существовали пределы, до которых Адам осмеливался пользоваться его даром. Да, необходимо как можно быстрее полностью ввести Перегрин в Охотничью Ложу, ибо в приверженности ей художника он не сомневался. Однако властью утвердить молодого человека в таком призвании были облечены другие — не он.

Адам на миг замер, признавая превосходство тех, перед кем он сам отвечал во Внутренних Мирах. И прежде чем он сознательно облек в слова свое намерение, это признание непрошено превратилось в немую просьбу об аудиенции.

Сердце замерло, словно время на миг остановилось. Потом неожиданно Хроники залило летящим мерцанием света. Легкий, как ртуть, свет принес с собой острое ощущение приближения Владыки. Адам склонил голову и простер руки жестом благодарного принятия.

Владыка явился не в человеческом облике, а как светящийся столб света, столь яркого, что он затмил даже величие зала. Свет заколебался на миг перед ослепленным Адамом, потом нахлынул, заключая его в искрящуюся колонну белого огня.

В его разуме зазвучал голос, пенный и прохладный, как весенний ручеек.

— Голодный хищник рыщет в овчарне, Повелитель Охоты. Что же удерживает тебя ?

В вопросе звучала некоторая колкость, словно бы Владыка испытывал его.

— Потеря Охотника, — ответил Адам, — и след, скрытый тьмой.

— Чтобы поймать ночную тварь, иногда надо охотиться по ночам, — сказал Владыка.

— Это верно, — признал Адам. — Но верно и то, что сама тьма — такой же наш враг, как любой противник-человек. Оставшиеся Охотники рвутся на Охоту, однако наши ряды поредели.

Едва дыша, он ждал ответа Владыки. И тот пришел — завуалированный, умышленно загадочный. Адам без слов понял, что должен сам объяснить свою точку зрения — без помех, но и без поддержки извне, сверх его собственных сил понимания и проницательности. Быстро вспомнив свои размышления, он собрался с духом, чтобы сформулировать вопрос.

— Не так давно, Господин, моим заботам был доверен некий едва оперившийся сокол.

Это охотничий сокол с редким даром зрения и проницательности, но крылья его были повреждены грубым обращением. Мне позволили заняться исцелением и обучением. Я взялся за работу, едва надеясь на быстрый успех. Но птенец устремился к исцелению и превзошел все ожидания. Его крылья почти отросли. Хотя он по-прежнему прикован к земле, его провидческий дар стал очевидным, а стремление летать растет с каждым днем — истинная природа заявляет о себе. Я не раз испытывал его, как он сам начинает теперь испытывать себя, и убедился в его призвании. И потому я прошу дозволения провести его через порог посвящения, дабы он мог быть допущен в Ряды Охотничьей Ложи.

Молчание, казалось, длилось вечно, и сердце Адама билось, как напуганная птица в клетке.

— Дозволение не может быть дано, — прозвучал в душе пронзительно-ясный голос Владыки. — Птенец еще не волен присягнуть на верность Охоте. Сначала должно исполнить долг перед другим.

Адам был поражен. Слегка поколебавшись, он спросил:

— Дозволено ли мне узнать, кто этот другой?

— Дозволено, — спокойно ответил Владыка. — Это тот, кто был Майклом Скоттом, а ныне во Внешней жизни отзывается на имя Джиллиан Толбэт.

Майкл Скотт или Джиллиан Толбэт. На первый взгляд, второе открытие было даже более потрясающим, чем первое. Но когда Адам вспомнил октябрьские события, то понял, что ожидал чего-то подобного. В Мелроузе дух Майкла Скотта именно Перегрин выбрал медиумом, через которого сообщил о местонахождении сокровищ и книги заклинаний.

Тогда Адам предположил, что Перегрин был просто пассивным приемником информации. Теперь же неожиданно оказалось, что Скотт выбрал не просто первого попавшегося, и участие Перегрин было каким угодно, но только не пассивным. Перегрин в нынешней своей инкарнации необучен, однако его бессмертная душа посвящена. На более глубоком, чем сознание, уровне Скотт попросил помощи у собрата-адепта; а Перегрин, со своей стороны, принял вызов. Никто лучше Адама не понимал нерушимую природу таких священных уз. Способен ли Перегрин осознать природу своей миссии и действовать в соответствии с ней?

— Я понял природу уз, которые могут связать их, — рассудительно сказал Адам Владыке. — Но Перегрин Ловэт еще только постигает свои возможности. Позволено ли мне спросить, что потребуется от него, если обет будет исполнен?

— Разбитые мозаики нужно восстановить, а Храм света — отстроить заново.

Владыки Внутренних Миров редко выражались прямо. Их простые слова были ключом к чему-то безмерно более сложному, разгадка чего требовала времени и размышлений. Пока Адам обдумывал загадочное откровение, Владыка заговорил снова совершенно иным тоном:

— Берегись, Повелитель Охоты, ибо силы Хищников растут. Они рыщут в поисках не только овец, но и самих Охотников. Один Охотник уже убит, и они будут выслеживать другого. Проследи, чтобы он не был потерян прежде, чем будет действительно найден.

Сияние стало невыносимо ярким. Ослепленный, Адам вскинул руку, чтобы прикрыть глаза, зависнув на миг между видением и слепотой.

Когда зрение вернулось, он был один в Зале Хроник. Еще вздох — и стены Зала растаяли. Через мгновение Адам взмыл из глубин жемчужного моря, как исстрадавшийся без воздуха ныряльщик, слегка задыхаясь от психического шока, сигнализирующего о воссоединении души с телом. Мгновение он сидел неподвижно, чтобы дать физическим чувствам время восстановить контакт с окружающим. Потом, слегка дрожа, открыл глаза.

Огонь в камине погас, лишь едва тлели угли. Взгляд на настольные часы подсказал, что прошло почти два часа с тех пор, как он погрузился в транс. Теперь, очнувшись, Адам чувствовал себя замерзшим, как всегда после долгого путешествия во Внутренние Миры. Он неловко встал, снял защиту, привычно проделав обратные движения, и отпер дверь. Потом позвонил Хэмфри, попросив принести бутерброды и горячее какао, и снова рухнул в кресло, чтобы обдумать результаты ночной работы.

Подробности произошедшего уже тускнели, погружаясь в ненанесенные на карту моря подсознания. Два факта, однако, остались неизгладимо четкими в пробуждающемся разуме.

Во-первых, Рэндалла убили ради таинственного торка, и некто, заманивший старика в смертельную ловушку, был адептом, отслеживающим Охотников.

И во-вторых, будущее Перегринна Ловэта как члена Охотничьей Ложи каким-то образом зависит от судьбы Джиллиан Толбэт.

Глава 12

Спал Адам в ту ночь без сновидений, значит, подсознание тщательно обрабатывало возможное значение откровений Владыки. Проснулся точно в восемь, впервые с ночи убийства Рэндалла Стюарта свежий и с ясной головой. Через полчаса он завтракал в утренней гостиной, уже одетый в темный костюм-тройку. Хэмфри наливал чай, а Адам только взялся за утренний выпуск «Скотсмена», когда зазвонил телефон.

Хэмфри поставил чайник на подставку и неторопливо подошел к телефону, слегка нахмурившись из-за того, что хозяина тревожат до окончания завтрака.

— Стратмурн-хаус... О, это вы, инспектор. — Немного просветлев, он посмотрел на Адама и вопросительно поднял бровь. — Минутку, сэр.

— Инспектор Маклеод? — Адам отложил газету и протянул руку. — Конечно, я возьму.

Слегка поклонившись, Хэмфри кивнул и перенес телефон на стол.

— Это я, Ноэль. Что случилось?

— Никаких новых катастроф, на этот счет можете успокоиться, — загремел на том конце провода низкий голос Маклеода. — Только что позвонила с докладом одна из наших мобильных групп. Нашли пропавшую машину Рэндалла.

— Где?

— В пруду примерно в миле к востоку от Богхолла. Фермер искал отбившуюся от стада овцу и заметил, что из воды торчит железяка, которой несколько дней назад там не было. Когда оказалось, что это задний бампер брошенного автомобиля, он позвонил в полицию. В данный момент машина еще под водой, но мы идентифицировали ее по заднему номерному знаку. Я еду туда, вдруг в машине что-то осталось, какие-нибудь улики... Погодите минуту.

Кто-то задал Маклеоду вопрос, на который инспектор раздраженно ответил:

— Что ж, отлично. Пропусти через компьютер и посмотри, что получится. Откуда мне знать? Напряги воображение!

Через мгновение он вернулся к разговору.

— Простите. Сегодня утром здесь прямо паломничество!.. Кстати, спасибо, что передали информацию, которую смогли узнать у Миранды. Я свалил это дело на молодого Кохрейна. Велел разыскивать имена коллекционеров, живущих в районе Стерлинга, всех, кто имеет отношение к букинистике — либо торгует, либо собирает. Когда у нас будет этот список, я намерен нанести несколько визитов и задать много вопросов.

Снова раздался назойливый звонок, отвлекший инспектора.

— Так и не оставят в покое. — Маклеод раздраженно вздохнул. — Лучше убраться отсюда, пока кто-нибудь из начальства не вынудит меня сидеть на месте. Какое у вас на сегодня расписание?

— В десять лекция в госпитале с последующим обходом, а днем я должен вернуться, — ответил Адам. — Если нет, Хэмфри будет знать, где меня найти.

— Не беспокойтесь, я разыщу вас... будем надеяться, с хорошими вестями. Поговорим позже.

После завтрака, который ему дали закончить без дальнейших помех, Адам сложил конспект лекции в кожаный портфель с монограммой и отправился в Эдинбург. Лекция прошла удачно: студенты задавали гораздо более разумные вопросы, чем обычно, и утро пролетело довольно быстро. Домой он вернулся к позднему ленчу в библиотеке и как раз допил вторую чашку чая, когда зазвонил телефон.

— Инспектор Маклеод звонит из Богхолла, сэр, — произнес голос Хэмфри.

— Я так и думал. Переведите звонок сюда, пожалуйста.

— Да, сэр.

Как только щелчок в трубке подтвердил переключение, Адам сказал:

— Это вы, Ноэль?

— Ага, но новости разочаровывающие, так что не особо надейтесь. От машины Рэндалла остались одни обломки. Внутри все сожжено. Судейские еще обшаривают округу, хотя, откровенно говоря, не думаю, что они что-то найдут. Похоже, придется вернуться за рабочий стол.

«Вернуться за рабочий стол»... Это натолкнуло Адама на мысль.

— Кстати говоря, как насчет того списка, который я передал вам... ну, с именами предыдущих нанимателей «квартиры с привидениями»?

— Квартира с привидениями? — Маклеод был озадачен.

— Та, которую сейчас снимает одна из прихожанок Кристофера. Мы с Перегрином рассказывали вам о ней по дороге в Блэргаури.

— Вот же черт, совсем забыл! — воскликнул Маклеод. — что же я сделал с вашей запиской?.. Наверное, она в другом пиджаке.

— Я не говорю, что здесь обязательно есть связь, — Адам осторожно подбирал слова, — но сейчас мы не можем себе позволить игнорировать даже слабый след.

— Угу, — согласился Маклеод. — На обратном пути заверну домой и возьму ее. Перезвоню позже.

Послышались гудки. Вешая трубку, Адам мрачно отметил, как мало они еще знают о тех, кто убил Рэндалла Стюарта или даже об обстоятельствах его смерти.

«Где-то должен быть ключ ко всему этому, — твердо сказал он себе. — Может, даже в самой его смерти».

И тут ему в голову пришла новая идея. Повинуясь внезапному порыву, Адам открыл правый верхний ящик стола, вытащил телефонную книжку и, быстро проглядев ее, нашел нужный номер.

— Королевская лечебница? Здравствуйте, — сказал он, услышав приятный голос с выговором Гебридских островов. — Это доктор Адам Синклер. Вы не могли бы сказать мне, работает ли сегодня доктор Дэвид диКапуа?

Не прошло и часа, как Адам осторожно поставил синий «ягуар» на стоянке пертской Королевской лечебницы. Он получил удовольствие от короткой поездки из Стратмурна, хотя мелкий дождик заставил его поднять верх машины.

Огромный медицинский комплекс пертской Королевской лечебницы включал в себя разросшиеся современные пристройки, привитые к первоначальному зданию из серого камня. Судебная секция была приписана к патологическому отделению: сравнительно новая, в неплохом санитарном состоянии пристройка на северной стороне больницы. Следуя соответствующим указателям на стенах, Адам прошел по зигзагам лестниц и коридоров, в конце концов добравшись до двойных дверей с табличкой «Патологическое отделение. Только для медицинского персонала».

Адам открыл двери и вошел. Коридор был выложен зеленой ковровой плиткой; стены выкрашены той бледно-горчишной краской, которая, кажется, была установленной нормой для больниц по всей Шотландии. Воздух в этой части здания был на несколько градусов холоднее, чем в других местах, и пропитан едким запахом стойких дезинфектантов. Привычный к больничной воню, Адам прошел по коридору до Т-образного перекрестка.

В это время из-за угла вынырнула тощая молодая лаборантка в мешковатом зеленом комбинезоне; в руках девушка несла поднос с украшенными ярлыками банками. Вздвогнув, она едва избежала столкновения с Адамом, который уже приготовился спасти поднос, если случится несчастье. Лаборантка отшатнулась и с опаской поглядела на него, но он обезоружил ее улыбкой.

— Привет, я доктор Синклер из Эдинбурга. Мне надо поговорить с доктором диКапуа.

Не подскажете, где его найти?

Манеры молодой женщины стали ощутимо дружелюбнее перед лицом присущей ему редкой смеси властности и обаяния.

— Простите. По-моему, доктор как раз заканчивает вскрытие, — сказала она несколько застенчиво. Указала остреньким подбородком на левый коридор и добавила: — Анатомический театр вон там — вторая дверь направо.

— Большое спасибо, — сказал Адам.

Дюжина быстрых шагов привела его к порогу указанной двери. В верхней части двери было стеклянное окошко, через которое Адам заметил жилистого энергичного человека, в котором даже со спины узнал Дэвида диКапуа.

Фамилия его была, конечно, не шотландской. Отец диКапуа, капитан итальянской армии, во время Второй мировой войны попал в плен на Сицилии и впоследствии был отправлен в лагерь для военнопленных в Шотландии. Когда война закончилась, кое-кто из пленных итальянцев решил не возвращаться на разоренную нищую родину, а остаться в Шотландии, что и объясняло широкое распространение итальянских фамилий в Пертшире, Тейсайде и Файфе.

Сам диКапуа был маленьким и худощавым, с прямыми темными волосами и чисто выбритым лицом, что напоминало профили, отчеканенные на римских монетах. Адам привык видеть ДиКапуа в смокинге удивительно изящного покроя, ибо более обычным местом их встреч была Шотландская национальная опера, преданными поклонниками которой они оба являлись.. Однако судебный эксперт умудрялся каким-то образом казаться почти равно франтоватым и в зеленом халате. Сейчас он согнулся над прикрытым простыней трупом мужчины, трудясь со свойственной ученым аккуратностью швейцарского часовщика и, очевидно, забыв об унылом окружении.

Когда Адам постучал по стеклу, диКапуа выпрямился и сверкнув приветственной улыбкой, приглашающе махнул посетителю рукой в хирургической перчатке.

Синклер открыл дверь и погрузился в атмосферу формалина.

— Адам, какая приятная неожиданность! — воскликнул патологоанатом. — Я не ждал увидеть вас раньше, чем на «Травиате» в следующем месяце! — Возможно, профиль и выдавал в нем сына Рима, но акцент был чисто шотландским.

— Привет, Дэвид.

ДиКапуа стянул перчатку с правой руки и выключил диктофон, прежде чем обменяться с посетителем рукопожатием.

— Итак, — сказал он добродушно, — рассказывайте, что привело вас в пертские дебри.

— Хочу попросить о профессиональном одолжении.

— Ага, — диКапуа глубокомысленно кивнул, — буду счастлив угодить вам. Позвольте мне угадать. Это связано со вскрытием Рэндалла Стюарта?

Адам кивнул.

— Совершенно верно. С вашего разрешения, мне хотелось бы увидеть предварительный отчет о вскрытии.

— А, — диКапуа внезапно задумался, — ну что же, официальный отчет не будет готов до завтрашнего утра: мне еще надо подвести итог, увязанный с результатами анализов, но, думаю, расшифровка того, что я надиктовал, уже сделана.

— Мне совсем не обязательно нужен законченный отчет, — сказал Адам. — Откровенно говоря, я бы вполне удовлетворился расшифровкой и анализами.

ДиКапуа внимательно посмотрел на него, потом пожал плечами.

— Пожалуй... тем более ваша подпись стояла на свидетельстве о смерти. — Он оглянулся на труп. — Мне тут работы еще минут на десять. Почему бы вам не подняться в комнату отдыха для персонала и подождать меня там? Я принесу вам досье, как только смогу закончить.

Адам поднялся в комнату отдыха, где пара интернов спорили о намеченном лечении для ортопедического пациента. Заметив посетителя, молодые люди, смутившись, прервали спор

и ушли. Кофе из автомата и Хэмфри, и мисс Гилкрест забраковали бы как «крепкий разве что для мыши». Попробовав разок, Адам отставил чашку и набрался терпения.

Через двадцать минут диКапуа прошел через вращающуюся дверь и подошел к столу, где сидел Адам. Он сменил зеленый халат и сапоги на элегантный серый костюм и блестящие кожаные итальянские ботинки. Когда патологоанатом сел напротив, Адам внутренне оценил небольшое чудо: холеный диКапуа ухитрился не принести с собой остаточного дуновения анатомического театра.

— Прошу. — ДиКапуа подал ему картонную папку. — Не слишком приятное чтение, но вряд ли это вас очень удивит.

Записанные черным по белому холодные медицинские факты, окружающие убийство Рэндалла Стюарта, создавали клиническую отстраненность, за которую Адам был благодарен. Пролом черепа явился результатом двух-трех ударов. ДиКапуа предполагал, что, возможно, орудием был молоток. Как заметил сам Адам на месте преступления, правая яремная вена была вскрыта почти с хирургической точностью. Однако, по мнению диКапуа, ни удары по голове, ни рана не являлись непосредственной причиной смерти. К удивлению Адама, Рэндалла Стюарта еще и задушили.

Нахмурившись, он читал дальше со все более острым интересом. Использовались две струны — возможно, скрипичные или гитарные — с тремя узлами. Удавка сломала шейные позвонки и порвала спиной мозг. ДиКапуа теоретически допускал, что надрез яремной вены был сделан, когда жертва умирала от двойного действия удушения и сломанной шеи, оставив время для пульсации умирающего сердца, чтобы выкачать большое количество крови из слабеющего тела. Три удара по голове, удушение, выпускание крови, вдобавок к тому, что рассказал очевидец... все это походило на практику зловещего ритуала. Испытывая тошноту, Адам все же заставил себя дочитать, надеясь обнаружить улики, которые могли бы помочь установить, в частности, почему жертвой был избран именно Рэндалл.

Увы, дополнительные подробности так и не дали необходимого ключа. ДиКапуа отметил присутствие там и сям несущественных синяков вместе с признаками предварительного обморожения на руках и ногах. Следы уколов на руках жертвы вместе с высокой концентрацией барбитуратов в крови указывали, что его все время держали под воздействием наркотиков. Следы наркотиков были найдены также и в содержимом желудка, что указывало, что еще одну дозу успокоительного Рэндаллу дали вместе с последней трапезой.

Его последняя трапеза...

Тут Адам выпрямился, слегка вздрогнув; его темные глаза сузились с внезапным, напряженным интересом. Последняя трапеза Рэндалла состояла из красного вина и лепешки из овсяной муки. Лепешка подгорела, а в вино подмешали омелу? Сожженная овсяная лепешка и подмешанная в вино омела... Это сочетание, соединенное с причиненными травмами, казалось смутно знакомым, словно колокольчик звенел на краю памяти. Он попытался вспомнить, но усилие только приглушило звоночек.

Решив заняться этим позже, Адам сложил заметки патологоанатома в картонную папку и молча протянул ее через стол хозяйину. ДиКапуа взял ее, вопросительно подняв бровь.

— Ну? — спросил он, видя, что Адам не хочет комментировать. — Что-то из этого имеет для вас смысл?

— В данный момент ничего вразумительного, — честно признал Адам. — Дайте время, и я, возможно, смогу придумать... Сейчас я так же теряюсь в догадках, как и вы.

— Я боялся, что вы так скажете. — ДиКапуа бросил любопытный взгляд на Адама. — Простите, если я сую нос не в свое дело, но что именно в данном случае интересует вас? Я, хоть убей, не пойму, почему именно вы оказались первым квалифицированным врачом, прибывшим на место преступления?

Адам коротко улыбнулся.

— Это не тайна. Ноэля Маклеода вызвали на полицейскую экспертизу, а он позвонил мне. Ему была нужна профессиональная поддержка специалиста, имеющего опыт работы с

психологией ненормальных. Как вы знаете, я время от времени консультирую полицию.

— Н-да, «ненормальный» здесь самое подходящее слово! — фыркнув, согласился диКапуа, — За все пятнадцать лет, что я связан с судебной медициной, никогда не сталкивался ни с чем подобным. Это, наверное, были настоящие сумасшедшие... но, видимо, поэтому вы и участвуете, не так ли?

Адам пожал плечами. ДиКапуа вздохнул и продолжил:

— Что ж, я рад, что вам, а не мне, отныне придется заниматься этим. Завтра пертский уголовный розыск получит официальные копии отчета о вскрытии, и я пошлю авторский экземпляр инспектору Маклеоду. Где вы будете искать того, кто совершил подобное?

— Под камнями, — рассеянно ответил Адам. — Когда, по-вашему, отдадут тело? Дело в том, что я был знаком с убитым, и уверен, что его дочь захочет похоронить отца как можно быстрее.

— Просто невероятно! — ДиКапуа покачал головой. — Прокурор наверняка потребует оставить тело на все время, что потребуется, чтобы разыскать и арестовать преступников.

— Что, возможно, означает недели и даже месяцы.

— Ну, суду приходится защищать плохих парней тоже, Адам, — легкомысленно сказал диКапуа. — Как вы знаете, любой официально обвиненный в убийстве имеет право назначить повторное обследование останков жертвы — одна из восхитительных причуд шотландских законов.

— Да, — мрачно пробормотал Адам. — А закон, если цитировать Диккенса, иногда настоящий осел! — Он невесело улыбнулся. — Впрочем, жалобы на проблемы с законом не помогут быстрее похоронить Рэндалла. Кроме того, — добавил он, поглядев на часы рядом с кофейным автоматом, — мне лучше откланяться, иначе из-за меня вам придется отложить все свои планы. Передайте привет Катрионе... и большое спасибо за помощь. Если до завтра у меня появятся мысли, которые могли бы вам пригодиться, я обязательно позвоню.

Глава 13

Адам так ни до чего и не додумался ко времени возвращения в Стратмурн; не пришло озарение и за ужином, на котором настояла мисс Гилкрист. Он забрал поднос в библиотеку и за едой разглядывал книжные полки, пытаясь вспомнить, где ему встречалось описание подробностей ритуала, открывшиеся при чтении отчета диКапуа.

Библиотека Адама была не только хранилищем редких и ценных книг, но и прибежищем ученого. И его отец, и дед были выдающимися коллекционерами и накопили весьма приличный фонд. Адам пошел по их стопам, при нем библиотека стала более эклектичной, отражая энциклопедический размах его личных интересов. Она по-прежнему содержала редкие фолианты, первые издания и даже непереплетенные рукописи на пергаменте, ибо Адам редко продавал что-либо, однако теперь рядом с древними томами в переплетах из тисненой кожи компанейски устроились современные тексты в глянцевого суперобложках и даже в мягких переплетах.

Адам плохо представлял себе, что ищет, но ему понадобился почти час, чтобы найти искомое. Наугад вытаскивая отдельные тома и ставя их на место, он вдруг наткнулся на недавнее издание по археологии. Ему смутно помнилось, что несколько лет назад он пробежал глазами выдержку из «Санди таймс»: что-то насчет тела, найденного торфяной фрезой в Линдау-мосс возле Манчестера. Сначала тело приняли за жертву недавнего убийства, да только «Человек из Линдау» оказался принесенным в жертву более 2000 лет назад. Быстро пролистав пролог, Синклер отнес книгу к любимому креслу у камина, включил лампу и погрузился в чтение. Следующий час он провел за книгой, то и дело взволнованно останавливаясь, чтобы что-то записать или вложить закладку. Когда он наконец перевернул последнюю страницу, часы били десять.

Тяжело вздохнув, Адам закрыл книгу и отложил ее, рассеянно шевеля плечами, пока мысленно резюмировал суть только что прочитанного. Потом, подумав минуту, встал и

подошел к столу, чтобы позвонить домой Маклеоду. К телефону подошел сам инспектор.

— Я тут провел кое-какие изыскания, — сказал Адам после обмена приветствиями. — И обнаружил кое-что, возможно, имеющее отношение к смерти Рэндалла. Это касается схемы самого убийства. Как по-вашему, сумеете выкроить время и завернуть ко мне в больницу завтра днем?

* * *

Джорданбернская психиатрическая больница, ныне часть комплекса Королевской эдинбургской лечебницы, находится в Морнингсайде, фешенебельном районе Эдинбурга, ввиду Блэкфорд-хилла. На следующий день, вернувшись после ленча с двумя студентами в больничной столовой, Адам обнаружил Маклеода, основательно устроившегося в его кабинете. На столе стояла фигурка-оригами: лебедь, сделанный из бланка больницы.

— Привет! Не думал, что вы приедете так рано. — Адам с улыбкой поглядел на лебедя, обошел стол и сел. — Надеюсь, вы не долго ждали.

— Пришлось кое-чем заняться, чтобы провести время, — сказал Маклеод, — но пробыл я здесь недолго. — Он откинулся в кресле и, склонив голову набок, посмотрел на Адама. — И это хорошо, потому что, просто сидя здесь, я бы умер от любопытства. Что вы узнали?

Адам ласково потрогал лебедя указательным пальцем, потом откинулся в кресле.

— Сначала ответьте на вопрос: вы видели отчет о вскрытии Рэндалла Стюарта?

— Ага, — кивнул Маклеод. — Курьер привез сегодня после одиннадцати.

— Вы его прочитали?

— Угу.

— И что вы там поняли?

Маклеод сжал челюсти.

— Чертовски страшная смерть. Особенно для друга.

— Согласен, — спокойно промолвил Адам, — но я имел в виду не это.

Этим заявлением он заслужил острый взгляд Маклеода.

— Ладно. Что же вы имели в виду?

— Вчера днем я ездил в пертскую Королевскую лечебницу, — сказал Адам. — Главный патологоанатом, мой знакомый, позволил мне взглянуть на предварительное заключение. Меня поразило, что некоторые черты ритуала мне смутно знакомы. Омела в вине, удавка... И вот вчера вечером я нашел аналог.

Продолжая говорить, он выдвинул левый ящик стола и вытащил книгу в твердом переплете и красной суперобложке.

— Взгляните.

Маклеод молча взял книгу и надел очки в золотой оправе, чтобы прочитать заглавие на обложке: «Жизнь и смерть друидического принца: история археологической сенсации».

Адам наклонился вперед, темные глаза блестели, как молнии, отражающиеся в зимнем лохе.

— Они либо знали об этой книге, либо работают в той же традиции, Ноэль, — сказал он тихо. — Его убили точно, как «человека из Линдау». Посмотрите. Я отметил относящиеся к делу места и сделал сноски на полях.

Пока Маклеод взволнованно пролистывал книгу, быстро пробегая отмеченные и подчеркнутые абзацы, Адам вспоминал то, что читал инспектор.

— Вряд ли возможно точнее повторить жертвоприношение «Человека из Линдау», — сказал Синклер. — Последней трапезой жертвы были сожженная овсяная лепешка и вино с подмешанной омелой, как и у Рэндалла. «Человека из Линдау» трижды ударили по голове, чтобы оглушить, удавили, и он истек кровью из-за надреза яремной вены справа. Так поступили и с Рэндаллом. Потом «Человека из Линдау» положили лицом вниз в лужу воды. Рэндалла оставили лицом вниз в снегу, но это всего лишь мелкое отклонение. Оба случая

соответствуют классическому профилю «тройной смерти» — тройного жертвоприношения трем главным кельтским богам, — продолжал Адам. — Авторы говорят о друидической системе. Таранис был кельтским Тором, или Громовержцем; Эсус, супруг и повелитель, равнозначен Одину, Всеобщему Отцу, а Тевтат — всеобщий бог народа или племени... и каждому полагалось совершать жертвоприношение особым способом. Три удара по голове означали жертву Таранису, напоминание о силе его молнии и волшебного молота. Отчет допускает, что удары по голове могли быть нанесены молотком. Сожженная лепешка также связана с огненным аспектом Тараниса. Эсус предпочитал, чтобы жертву повесили на дереве — тут намек на Одина — или закололи, или и то и другое. Тевтат связан с жертвоприношениями в воде. Связь с водой «Человека из Линдау» более очевидна, но обе жертвы были уже мертвы ко времени, когда попали в воду или в снег.

Маклеод даже перестал читать, только слушал с растущим ужасом. Когда Адам умолк, инспектор медленно покачал головой, вид у него был слегка оглушенный.

— Боже мой, эти ублюдки действительно хорошо подготовились, а? — пробормотал он. — Но зачем? — Он нахмурился. — Эта книга помещает жертвоприношение «Человека из Линдау» в специфический контекст... и, конечно, исторические параллели не требуют такого жертвоприношения в наше время. Я хочу сказать, зачем бы Ложе Рыси идти на то, чтобы казнить современного масона по древнему друидическому ритуалу?

— Меня это тоже беспокоит, — признался Адам, — но, кажется, я придумал то, что сойдет за правдоподобную теорию.

— И?

— Некоторые историки теоретически допускают историческую связь между друидами и масонами, говоря об определенной преемственности между двумя традициями. Если допустить, что историки правы и масоны — современные наследники тайн друидов, то это помогло бы объяснить, почему Мастер Каменщик был выбран подходящей для жертвоприношения личностью.

— Никогда не сталкивался с этой теорией, а ведь я — Мастер Каменщик, — сказал Маклеод и постучал по лежащей перед ним книге. — Кроме того, авторы утверждают, что жертва была принцем.

— В некоторых культовых ситуациях принадлежность к королевской семье — вопрос не столько происхождения, сколько посвященности в соответствующие таинства, — заметил Адам. — Можно доказать, что различные степени масонских посвящений высшего уровня выполняют эту функцию. Что до подоплеки...

Он на миг прервался, подбирая слова, затем продолжил:

— Я не упоминал об этом до сих пор, потому что не хотел обсуждать это по телефону, но вчера вечером я совершил путешествие во Внутренние Миры, намереваясь обратиться к Хроникам Акаши и надеясь на какое-нибудь откровение касательно личностей убийц Рэндалла. Вместо этого я получил видение об участии некоего артефакта, который, как мне кажется, видел, но не смог описать наш свидетель. Кроме того, я имел неожиданную беседу с Владыкой о Перегрине. Но об этом позже.

— Ага, и что за артефакт? — спросил Маклеод.

— Ну, я не смог разглядеть его четко. Кажется, какой-то торк, что подкрепляет нашу теорию о связи убийства с друидизмом. У меня возникло впечатление пиктского стиля работы. Мы знаем, что пиктское искусство проникло к друидам, а пиктская религиозная система была гораздо кровожаднее той, что практиковали они. Если такой артефакт попал к Ложе Рыси, то смерть Рэндалла предназначена пробудить силу этого артефакта посредством кровавого жертвоприношения. Вот что такое, по-моему, убийство Рэндалла.

— Господи, бедный Рэндалл! — прошептал Маклеод, качая Головой и поднимая очки на лоб, чтобы помассировать переносицу. — Думаете, они преуспели?

Адам мрачно пожал плечами.

— Если да, то очень скоро они попытаются применить новообретенную силу. Если нет, то, несомненно, они захотят совершить новое жертвоприношение. В любом случае кто-

нибуть пострадает, если мы их не остановим.

Маклеод хмыкнул.

— Нелегкая задача: у нас нет ни единой надежной улики, что за этим стоит Ложа Рыси. О, мы с вами знаем, в общих чертах, но нет ничего, на что я мог бы опереться в юридическом смысле. И нет ключа к установлению их личностей.

— Знаю. — Адам не сумел скрыть раздражение в голосе. — Хотелось бы мне, чтобы мы как-то смогли выманить наших противников на свет божий. Сражаться с безымянным врагом всегда труднее.

Маклеод долго молчал, потом, посмотрел на Адама, склонив голову набок.

— У меня есть предложение. Но сомневаюсь, что оно вам понравится.

— Все равно скажите.

— Может быть, пора предложить нашим друзьям какую-нибудь наживку.

Инспектор сопровождал это предложение лукавым взглядом, что немедленно вызвало у Адама кислую гримасу.

— Надеюсь, вы не собираетесь выступить в роли наживки?

Маклеод только пожал плечами.

— У вас есть идея получше?

— Нет!

— Так и думал. Вот что у меня на уме... Дональд закончил составлять список книготорговцев и букинистов в районе Стерлинга. По-моему, есть неплохой шанс, что один из них — Рысь, или по крайней мере как-то связан с Рысью. Предположим, во время беседы я проведу небольшой психологический эксперимент, сознательно приоткрыв защиту? Если там окажется некто, связанный с Ложей Рыси, он не преминет этим воспользоваться. Когда противник сделает ход, мы найдем след, который ищем.

— То, что вы предлагаете, слишком рискованно, — ответил Адам. — Мы уже потеряли Рэндалла и не можем позволить себе новых потерь.

— Но мы не можем себе позволить и сидеть сложа руки! — воскликнул Маклеод. — Вы только что сами сказали, что Рысь наверняка нанесет новый удар. По крайней мере, вызвав огонь на себя, мы получим шанс отвлечь их от тех, кто менее способен защититься.

Видя, как упрямо Маклеод выпятил челюсть, Адам произнес:

— Поверьте мне, Ноэль, я не меньше вашего беспокоюсь о результатах... но еще слишком рано играть в открытую. Конечно проводите свои расспросы — только, ради Бога, не уменьшайте защиту ни на миг. Это приказ!

Маклеод тяжело вздохнул, потом кивнул, признавая поражение.

— Ладно. Сыграем пока по-вашему. — Он взял бумажного лебедя и покрутил его в пальцах. — Возвращаясь к вопросу о тех, кто менее способен защититься... Вы упомянули мистера Ловэта... Надеюсь, Владыка не передумал.

— Нет, совсем наоборот. Пожалуй, он подталкивает к более быстрому прогрессу... по крайней мере, мне так кажется. Хотя иногда трудно истолковать его двусмысленные заявления.

Адам кратко обрисовал суть аудиенции у Владыки, выразив уверенность, что дальнейшее продвижение Перегриня зависит от успешного разрешения проблемы Джиллиан Толбэт.

— Он сказал: «Разбитые изваяния нужно восстановить, а Храм света — отстроить заново». Насколько я понимаю, Перегрин должен каким-то образом участвовать в восстановлении личности малышки Толбэт. Я попробую связаться с ее родителями на следующей неделе, когда поеду в Лондон встречать Филиппу. Не представляю, как все это устроить — собрать их где-то, где никто не помешает...

— Как говорят у нас, мы знали, что работа опасна... — Маклеод вздохнул, поглядел на часы и выпрямился. — Иисусе, у меня через полчаса пресс-конференция! Я буду на связи, Адам. Звоните, если наткнетесь на что-нибудь еще.

Следующий день принес только одну новость, которую можно было условно считать хорошей. После долгих консультаций с полицией прокурор наконец разрешил выдать тело Рэндалла Стюарта семье для похорон. Маклеод рассказал об этом Адаму, и Адам с Кристофером помогли семье Рэндалла сделать необходимые приготовления. Поскольку у Рэндалла было множество друзей и знакомых, Кристофер сумел обеспечить на следующий вторник Епископальный собор святой Марии вместо маленькой приходской церкви, где он служил ближе к дому. Шестеро братьев-масонов были избраны нести покров, и члены Ложы также приготовились помянуть убитого собрата в Ложе Скорби¹ в пятницу вечером.

— Позже в этом месяце Братство также организует вечер в Мелроузском аббатстве для ежегодного Шествия Масонов, — сказал Адаму Маклеод, когда они окончательно договаривались о похоронах. — Это канун дня святого Иоанна, на следующий день после Дня Подарков.² Мы с Джейн определенно пойдем и будем рады, если вы присоединитесь.

— Обязательно, — кивнул Адам. — Рэндаллу такое поминовение понравилось бы.

Однако, договорившись обо всем, он решил не тратить больше время и энергию на размышления о застопорившихся поисках убийц Рэндалла. Скрупулезный самоанализ убедил его, что он не пропустил ничего по-настоящему ценного, поэтому Адам обратился к более доступной, хотя и не менее трудной тайне Перегрин Ловэта и его нынешней роли во всем происходящем. В том, что Перегрин — ключевая фигура в общей стратегии борьбы против Рыси, Адам не сомневался, но сначала Перегрин должен доказать свою ценность в космическом масштабе, совершив то, что ему предназначено совершить касательно Джиллиан Толбэт или Майкла Скотта. Возможно, ключом был именно Скотт, поэтому Владыка и связал принятие Перегрин в Охотничью Ложу с успехом в восстановлении разрушенной души.

Адам планировал связаться с родителями Джиллиан на следующей неделе, если они не позвонят первыми. Тем временем можно было сделать кое-что еще, чтобы подготовить почву для будущего вступления Перегрин в Охотничью Ложу. До сих пор Перегрин встретился лишь с тремя «эзотерическими» коллегами Адама. Пора ему познакомиться с четвертым.

Глава 14

— Думаю, леди Джулиан вам понравится, — говорил Адам Перегрину, когда в субботу утром они ехали из Стратмурна на юг под зябким и изменчивым ноябрьским небом. — Я знал ее с тех пор, как был двенадцатилетним мальчишкой. Это вроде любимой тетушки. Ее покойный муж, бизнесмен, занимался торговлей с Индией и Дальним Востоком; за многие годы они собрали невероятную ориенталистскую коллекцию. Многие сейчас отправлено в музеи, однако некоторые лучшие образцы Джулиан сохранила для себя. На самом деле они с Майклом были сначала друзьями моих родителей, а с моей матерью они по-прежнему близки. А еще Джулиан — искусный ювелир, вот почему я попросил ее починить мое кольцо. Вам понравится ее дом... и ее работа.

— Вы меня заинтриговали, — сказал Перегрин.

Но он не упомянул, поскольку сам Адам не заговорил об этом, о своих подозрениях. Леди Джулиан скорее всего не просто старый друг семьи, оказавшийся заодно и ювелиром-любителем, а упомянутое кольцо не просто обыкновенная безделушка. Ведь именно оно в ту страшную ночь возле замка Уркхарт спасло ему — Перегрину — жизнь. Неудивительно, что отдать такое кольцо в ремонт Синклер мог только человеку, которому полностью доверял.

Они продолжали болтать о том, о сем, пока Адам вел «рейнджровер» по шикарным окрестностям Нью-тауна и свернул наконец на спокойную улицу, уводящую прочь от суеты Квин-стрит. На полпути вдоль ряда эдвардианских особняков он остановился у обочины; они

¹ «Ложы скорби» — специальное собрание ложи, посвященное прощанию с умершим братом. — Примеч. пер.

² 26 декабря. — Примеч. пер.

вышли, и Адам указал на дом на другой стороне улицы. За коваными железными воротами, слегка позеленевшими от времени, каменные ступени вели к ярко-алой двери, охраняемой парой свирепых гранитных собак.

Пока Адам звонил в дверь, Перегрин на миг наклонился, чтобы поближе разглядеть одну из них, восхищаясь также и вделанной в камень у двери необычной скребницей в форме китайского дракона. Через мгновение дверь открыла живущая в доме компаньонка леди Джулиан — полная, практичного вида женщина лет пятидесяти с небольшим, с румяными щеками и огоньком в глазах.

— Доброе утро, мисс Файви, — улыбнулся Адам. — Полагаю, леди Джулиан ожидает меня... а это мистер Ловэт.

Мисс Файви просияла и отступила от двери, приглашая их войти.

— Уж и верно, ждет, сэр Адам! Да входите же оба и давайте ваши вещи.

По-прежнему радостно улыбаясь, она провела гостей через крошечную прихожую в широкий коридор, оклеенный светло-зеленым дамастом с рельефными цветами лотоса. Пол был устлан ковром, два лакированных китайских шкафа возвышались друг против друга, а из-под позолоченного средневекового балдахина на них безмятежно смотрела Гуанинь почти в натуральную величину. Пока мужчины снимали пальто и шарфы, из-за большого горшка с папоротником в углу величественно выплыл гималайский кот и подошел потереться о ноги Перегрин. Мисс Файви, вешавшая их пальто, шуганула его.

— Эй, там, брысь отсюда, а то у молодого джентльмена все брюки будут в шерсти, — выбрала она кота, хотя и улыбалась, поворачиваясь к гостям. — Пожалуйста, леди Джулиан в солнечной гостиной, если желаете пройти за мной.

Солнечной гостиной называлась просторная, выходящая на юг комната в задней части дома. Полукруглое французское окно открывало беспрепятственный вид на уединенный сад камней с декоративным прудом посередине, хотя сам сад тусклым ноябрьским днем выглядел каким-то съезжившимся. По контрасту комната поражала буйством красок, материалов и форм, вместе создающих эффект сказочной роскоши. Восточные ковры в ярких оттенках изумрудного, рубинового и золотого покрывали почти весь прекрасный паркет. Стены, обитые желтым шелком с еле различимым узором, служили фоном для вееров, вышивок и бледных акварелей, в которых тренированный взгляд Перегрин безошибочно определил стилистические особенности периода Эдо. Каждая полка и столешница демонстрировали коллекции курьезов и произведений искусства. Древние эмали, замысловатая резьба по кости, стеатиту и нефриту, хрупкие сосуды из тонкого, прозрачного фарфора... Лакированные шкатулки, инкрустированные драгоценными камнями и перламутром, были наполнены пряным ароматом сандала и корицы. Перегрину, с растущим восхищением глазеющему по сторонам, начало казаться, что он из обыденного мира попал в волшебный дворец из восточной сказки.

Дух-повелитель этой сказки, сама леди Джулиан, удобно устроилась в старомодном плетеном инвалидном кресле в центре комнаты — сторбленная фигурка в индийском платке на голове; второй платок лежал на коленях. При виде гостей ее тонкое лицо цвета слоновой кости озарилось приветливой улыбкой.

— О, Адам, дорогой мой! — воскликнула она и протянула ему обе руки с музыкальным звоном браслетов. — Я так рада, что вы смогли прийти, осветить тоскливый, серый день. Вижу, — добавила она с огоньком в глазах, — что вы наконец привезли с собой вашего мистера Ловэта.

— Разве я не сказал, что привезу? — рассмеялся Адам. Он поднес одну из унизанных кольцами рук к своим губам с видом нежной галантности, затем поманил своего спутника поближе. — Перегрин, позвольте представить вас леди Джулиан Броуди.

Застенчиво улыбаясь, Перегрин шагнул вперед и оказался под дружеским, испытующим взглядом сияющих черных глаз, мудрых и искренних, как у ребенка. Освободившись от обычных сомнений, ибо было в этой женщине что-то, что вынуждало ответить, юноша посмотрел на нее — и неожиданно заглянул глубже, чем намеревался. Леди

Джулиан, по его оценке, было где-то около семидесяти, но он смутно, словно из-под кальки, видел девушку, какой она была когда-то: хрупкое создание с черными, как вороново крыло, волосами и смеющимися темными глазами. Она сохранила прозрачность кожи и изящные разлетающиеся брови, однако какие-то нотки в смехе были потеряны в жизненном пути, приглушены болью и трагедией, о которой можно только догадываться. Склонившись над протянутой рукой, Перегрин неожиданно сравнил ее с китайской ивой, изящной и вместе с тем искривленной временем.

— Леди Джулиан, — пробормотал он.

Леди Джулиан задумчиво улыбнулась, словно каким-то образом узнала о его мысленной аналогии, и наложенный образ замерцал и растаял. Ее лицо снова просветлело, словно солнечный луч пробил облака.

— Мистер Ловэт, у меня, к сожалению, еще не было случая Увидеть ваши работы, но по отзывам я сделала вывод, что мы можем ожидать от вас великих дел в сфере искусства.

Перегрин, как и положено, покраснел.

— Если вы говорите о той статье в «Скотсмене» месяц назад, то, боюсь, мистер Макколлум был чрезмерно великодушен... хотя я, конечно, признателен за комплименты и его, и ваши.

— Я думала не о мистере Макколлуме, — невозмутимо промолвила леди Джулиан. — Я думала о том, что говорил мне в прошлый раз Адам. И нечего краснеть. Я полностью ему доверяю.

Дама дружески похлопала Перегрину по руке, затем повернулась к Адаму:

— Он очарователен... Я как раз собиралась попросить Грейс принести нам закуски. Вам чаю или кофе?

— Чаю, если не возражаете, — сказал Адам. — Вряд ли Перегрину случалось пробовать что-то подобное тому великолепному зеленому чаю, который вам присылают из Гуанчжоу?

Рекомендованный Адамом чай оказался цвета бледнейшего нефрита и слабо отдавал жасмином. Вместе с ним подали хрупкие бисквиты, глазированные медом и кунжутными семечками, и экзотические конфеты, благоухающие анисом, имбирем и померанцем. Дружелюбный разговор затрагивал различные темы: от растущего признания акупунктуры западной медициной до происхождения бронзового Будды, присматривающего за комнатой с угловой полки, и изощренности японской техники писания картин. Перегрин совсем забыл, зачем они с Адамом приехали, пока Грейс Файви не пришла забрать чайный поднос.

Леди Джулиан оживленно вернулась к делу.

— Адам, дорогой мой, вы были восхитительно терпеливы, но вам наверняка не терпится получить свое кольцо. Дайте минутку, и я принесу его.

Прежде чем любой из двоих мужчин смог предложить ей помощь, она развернула кресло и подъехала к богато инкрустированному бюро у стены. Когда дама вернулась, у нее на коленях была инкрустированная медью деревянная шкатулка с китайским драконом, что свернулся в кольцо вокруг большого лунного камня, вставленного в крышку. Леди Джулиан остановила кресло и открыла шкатулку. Золото и сапфир светились между пальцами, когда она вынула красивое золотое кольцо с овальным сапфиром и подала Адаму грациозным движением. Он с улыбкой принял кольцо и поднес его к свету.

— Ах, Джулиан, какая мастерская работа! Если бы я не знал, никогда бы не догадался, что оно вообще было повреждено.

— Камень, к счастью, не пострадал, — сказала леди Джулиан, когда Адам надел кольцо. — По счастью, обошлось без переделки всей оправы. Однако в будущем постарайтесь быть аккуратнее.

В ее голосе прозвучало мягкое неодобрение, и Перегрин неловко заерзал, потому что повреждено кольцо было из-за него, а не из-за Адама.

— Пожалуйста, не сердитесь на Адама, — произнес он. — Виноват, собственно, я.

Леди Джулиан посмотрела на него с изумлением, которое ему трудно было понять.

— Нет, он рассказал мне. Вот почему мы с ним решили, что в будущем вам понадобится вот это.

Она снова полезла в шкатулку. Перегрин моргнул — и увидел второе кольцо. Камень — большой, изумрудной огранки сапфир почти такого же размера, как у Адама, — глубоко сидел в золотом гнезде, на широком ободке рельефно выступали китайские драконы. Хотя внешне дизайн отличался от кольца Адама, его психическая «сила» была очень сходной. Перегрин отшатнулся, светло-карие глаза широко открылись.

— Нет, это не для меня...

— Именно для вас, — сказал Адам. — Подарок. Подарок, несущий с собой некую ответственность.

Он подчеркнул это заявление взглядом, значение которого Перегрин прекрасно понял. Леди Джулиан по-прежнему молча протягивала ему кольцо. Собравшись с духом, молодой человек взял его.

— Оно прекрасно. Я... Спасибо.

— Вы не хотите примерить? — спросил Адам, внутренне забавляясь.

— О, — пробормотал Перегрин. — О да, конечно.

Он надел кольцо на средний палец правой руки. Совершенно впору.

— Удивительно! — воскликнул художник и уставился на леди Джулиан. — Каким образом вы сумели сделать его по размеру?

— О, это кольцо я не делала, дорогой, — сухо сказала она. — Камень новый, но оправа... очень старая. Что до размера, то я работала под опытным руководством Адама.

— А откуда узнали вы? — спросил Адама Перегрин.

Адам фыркнул с искренним изумлением.

— Право же, Перегрин, вам здесь чудится какое-то волшебство. Я позволил себе прикинуть, пока занимался раной на руке, которую вы получили в Уркхарте. Вы тогда очень старались смотреть куда угодно, только бы не на руку... за что, полагаю, вас нельзя осуждать.

Перегрин вздрогнул, но и ухмыльнулся немного пристыженно.

— Наверное, я был немного озабочен... — Он посмотрел на кольцо. — Ваших умений, похоже, не счесть.

— Искренне надеюсь на это, — сказала леди Джулиан. Ее слова прозвучали так серьезно, что Перегрин задумался. Кольцо было впору, однако казалось странно тяжелым для своих размеров, и он снял его, чтобы рассмотреть внимательнее. Хвосты драконов переплетались внизу ободка, а завитки чешуек и крыльев тянулись вверх и окружали гнездо изящным узором.

— Это кольцо... — промолвил он нерешительно. — У него есть какая-то... какая-то...

— Сила? — закончил Адам. — Какими силами оно будет наделено, зависит от вас.

— А что мне надо сделать?

— Я уже говорил вам раньше: важно не делать, а стать... и у вас это уже хорошо получается. Но если нужны указания... Джулиан?

Леди Джулиан глубокомысленно кивнула.

— Я подозревала, что он захочет чего-то более необычного, — сказала она. — Если Перегрин желает, я вполне готова читать.

Перегрин перевел взгляд с Джулиан на Адама и обратно.

— О каком чтении вы говорите? — спросил он. — Какое-то гадание?

Леди Джулиан снисходительно рассмеялась, и на долю секунды в ней проступила юная девушка.

— Наверное, непосвященный назвал бы это именно так. Предлагаю посоветоваться с «И Цзин».

— «И Цзин»?

— Название переводится приблизительно как «Книга перемен», — объяснил Адам. — По преданию, легендарный китайский император Фу Си создал ее где-то в третьем тысячелетии до Рождества Христова. Для некоторых людей она служит священным

писанием, но, если отбросить философские изыски, это один из самых древних и полезных способов предсказания — или гадания. Вопрошающий советуется с оракулом, подбрасывая монетки или ветки тысячелистника. Падая они образуют гексаграмму, называемую так потому, что монеты или ветки бросают шесть раз. Истолкования гексаграмм изложены в «Книге перемен».

Леди Джулиан кивнула и продолжила объяснение с того места, где Адам остановился.

— Как оракул, «И Цзин» уникальна, ибо не пророчит нам, что должно произойти то-то и то-то. Скорее, она обращает внимание вопрошающего на альтернативы, обусловленные имеющимися в его распоряжении вариантами выбора. — Она улыбнулась Перегрину и добавила: — Я научилась искусству толкования «И Цзин», когда мы с мужем жили в Гонконге. Доверите ли вы мне направлять ваше чтение?

Она встретила взглядом с Перегрином. В этот краткий миг молодой человек ощутил, что у нее нет секретов, которыми она не была бы готова поделиться с ним, буде появится нужда. Это доверие было заразительно.

— Конечно, — сказал он. — Скажите мне, что надо делать.

Леди Джулиан улыбнулась.

— Во-первых, позвольте мне представить вам монеты. — Она сунула руку под шарф цвета пейсли, покрывающий ее колени, и достала затянутый шнурком мешочек из тяжелого неокрашенного шелка. — В принципе подойдут любые, но я предпочитаю эти.

Распустив шнурок, дама перевернула мешочек и вытряхнула три золотых диска размером с десятипенсовик, с вырезанными в центре квадратными дырками. Приглядевшись, Перегрин заметил, что каждый диск с одной стороны гладкий, а на другой стороне нарисованы китайские иероглифы.

— Такие монеты чеканились в царствование последнего маньчжурского императора, — сказала леди Джулиан, лаская одну из них между большим и указательным пальцами. — Уже много лет я храню их именно для этого. Они были верными друзьями.

Когда она подала их Перегрину, монетки тихо зазвенели.

— Жажмите монеты в ладонях, пока будете формулировать вопрос, который хотите задать. Чем конкретнее вопрос, тем лучше. И еще вы должны обратиться к вещему духу «И Цзин», помня, что тот же дух одновременно обитает и в вас. Когда почувствуете себя полностью в согласии с оракулом — «сконцентрированным», как назвал бы это Адам, — шесть раз бросьте монеты на стол. Я запишу символы и потом истолкую их.

Перегрин понимающе кивнул. Отложив кольцо, он зажал яркие золотые монеты между ладонями, откинулся назад и закрыл глаза, стараясь успокоить дыхание, как учил Адам. На него снизошло ощущение умиротворения, сознание отступило, пробуждая внутренние способности. Молодой человек продолжал глубоко дышать, сосредоточенный и невозмутимый, и вопрос словно выкристаллизовался: «Как могу я послужить моим друзьям?»

Он помедлил, размышляя о возможных других вопросах, но любые варианты все равно приводили к той же главной проблеме. Очевидно, именно этот вопрос был для него главным.

Придумать обращение к «духу книги», о котором говорила леди Джулиан, оказалось еще труднее, поскольку Перегрин не был уверен, представлять ли себе его индивидуальным или анимистическим. Он попытался посмотреть на это понятие с разных точек зрения, затем отбросил сомнения и просто предложил свою готовность быть ведомым.

«Вот он я. Покажи мне мое предназначение».

Он открыл глаза и кивнул, готовый бросить монеты. Адам пододвинул ближе боковой столик, и они с Джулиан наклонились вперед, наблюдая, как Перегрин шесть раз бросает монетки. Джулиан записывала каждую комбинацию узорчатых и гладких сторон на листке рисовой бумаги. Когда молодой человек закончил, она протянула бумагу и показала рисунок — гексаграмму из сплошных и прерывистых линий.

Потом она откинулась в кресле с невидящим взором, обдумывая результат, и наконец неторопливо заговорила, указывая на индивидуальные аспекты гексаграммы.

— Ваш ответ находится вверху, в небе — Цянь, и внизу, в болоте — Дуй. Вместе эти триграммы составляют Лу, что означает «ступай осторожно». Этот великий знак указывает на опасность на пути к достижению желанной цели. «Книга перемен» гласит: «Вы дергаете тигра за хвост. Незаурядный человек отличает высокое от низкого и согласовывает стремления людей».

Леди Джулиан помолчала.

— Вам предстоит выполнить некую задачу, рискуя собой. Способность различать и согласование — вот ключи к успешному исходу. Различать — значит распознавать различия среди неразберихи. Согласовывать — значит действовать как судья, присуждая возмещение там, где имело место правонарушение.

Она снова помолчала, словно обдумывая дальнейшее вдохновение. Под ожидающим взглядом Перегринна ее лицо превратилось в маску из слоновой кости.

— Больше я ничего не вижу, — пробормотала она. — Остальное прояснится, когда придет пора судить. Но берегитесь. Тигр здесь далеко не самое страшное.

— Ложа Рыси? — выпалил Перегрин, не успев остановиться. Леди Джулиан вздрогнула.

— Это служители Тени, они не уважают законы ни людей, ни Природы. Нет ничего, на что бы они не осмелились ради власти...

Она содрогнулась и умолкла, крепко зажмурив глаза. Приглядевшись, Перегрин был потрясен, заметив предательские серебристые слезы на щеках.

Не говоря ни слова, Адам наклонился и ласково сжал руку леди Джулиан. Она накрыла его руку своей и глубоко вздохнула. Через мгновение дама открыла глаза и, увидев выражение лица Перегринна, вымученно улыбнулась.

— Простите, дорогой, — тихо сказала она. — Некоторые раны никогда не заживают полностью.

— Джулиан потеряла мужа в нашей последней кампании против Ложи Рыси, — пояснил Адам.

— И часть меня тоже умерла, — добавила она, глядя мимо Перегринна на что-то, видимое только ей. — Почти пятнадцать лет назад. Я всегда говорила себе, что Майкл заплатил эту цену, чтобы скрепить нашу победу. Но теперь они убили Рэндалла, и борьба начинается снова...

Она снова посмотрела на Перегринна.

— Когда Адам попросил меня сделать для вас кольцо, мы оба думали, что вы, пусть еще необученный, будете для Ложи ценным пополнением. Но, похоже, вы застали нас уже построенными в боевом порядке. Вероятно, ради вашей же собственной безопасности, вам лучше бы отступить, пока есть возможность.

Перегрин сжал зубы и подчеркнуто неторопливо снова взял кольцо и зажал в кулаке.

— Я не отступлю, леди Джулиан. Шесть недель назад я был готов покончить с собой, потому что не мог контролировать свой дар. Если бы не помощь и советы Адама, я бы сейчас был либо мертв, либо заперт в психиатрической лечебнице. Если бы я сказал, что мне не страшно, я бы солгал. Но страх значит меньше, чем шанс сделать со своей жизнью что-то действительно стоящее.

Губы леди Джулиан дрогнули, словно ей хотелось уговаривать дальше, но вмешался Адам:

— Перегрин знает, чего хочет, Джулиан. Он уже испытал серьезные неприятности и внес кое-какой вклад в наше дело. Время и Высшие Силы решат остальное.

Наступила тишина, нарушенная тихим боем часов. Адам рефлекторно посмотрел на свое запястье и вздохнул, а Перегрин воспользовался тем, что перестал быть центром внимания, и спрятал кольцо с драконами в карман.

— Боюсь, нам надо уходить, дорогая, — промолвил Адам. — Сегодня днем в Стратмурн должен приехать человек, чтобы обсудить затраты на настилку новой крыши в Темплеморе. Да, и еще, пока мы не ушли... вы предприняли что-нибудь, чтобы

присутствовать на похоронах Рэндалла?

Леди Джулиан покачала головой.

— Нет. Я знаю, что это во вторник, но, боюсь, я слишком горевала, чтобы уделять внимание практическим вопросам.

— Тогда не беспокойтесь об этом, — сказал Адам. — Я пошлю Хэмфри забрать вас около половины одиннадцатого. Может быть, позднее мы поговорим снова.

Перегрин молчал, прижимая руку к карману, пока они не вышли за ворота.

— Адам, я не буду надевать кольцо, пока вы не решите, что я готов, — сказал он, когда они шли через улицу к «рейнджроверу», — но мне хотелось бы больше знать о нем. Леди Джулиан подчеркнула, что новый только камень. Кому до меня принадлежало само кольцо?

Отпирая дверцу, Адам криво улыбнулся над крышей «рейнджровера».

— Вы ничего не упускаете, да?.. Я-то думал, что вы догадались. Кольцо принадлежало сэру Майклу Броуди, ее мужу.

Глава 15

Дом, называющийся «Нижний Леки», стоял на пологом хребте, частично спрятанном за деревьями. Это был солидный дом из тесаного камня, построенный в викторианскую эпоху преуспевающим промышленником из Стерлинга. Киппен, ближайшая деревня, находилась милях в двадцати к западу от Стерлинга, что делало «Нижний Леки» достаточно уединенным, но и достаточно близким к городу для доступа к коммунальным удобствам. Этот дом его нынешний хозяин, Фрэнсис Ребурн, уже несколько лет находил замечательно подходящим для своих нужд.

В понедельник, на следующий день после представления Перегрин леди Джулиан Броуди, Ребурн уединился в библиотеке «Нижнего Леки», чтобы изучить последнее приобретение, прибывшее по почте: анонимный манускрипт тринадцатого века, озаглавленный «De lapidibus». До немецкой оккупации Парижа в 1940 году манускрипт хранился в парижской Национальной библиотеке и все еще носил карандашные каталожные пометки. Поставщик Ребурна не признался, как манускрипт попал к нему в руки, а Ребурн не спрашивал. Он имел веские причины считать автором ученого книжника, служившего Рыцарям Храма.

Уединившись в библиотеке, Ребурн размышлял о том, что он, вероятно, один из очень немногих, кто в состоянии по-настоящему понять не столько ценность манускрипта как средневекового артефакта, сколько его содержание. Это была исключительно ценная находка, плод долгих поисков, и сейчас он наслаждался обладанием, как знаток, смакующий превосходное вино.

Он нежно погладил страницы, ощущая кончиками пальцев накопленную патину веков. У него за спиной в окно били косые лучи солнца, отражались от стекол больших книжных шкафов и превращали их в зеркала, отражающие ошеломительный вид на Гаргуннокские холмы. Не обращая внимания на зимний свет, Ребурн любовался украшенными миниатюрами полями манускрипта, отмечая утонченность руки переписчика, четкость латинских аббревиатур и маргиналии¹, некоторые из вторых сами по себе заслуживали примечаний.

Он все еще предавался наслаждению обладанием редкостью, время от времени осматривая мелкие подробности через лупу, когда ему помешал стук в дверь. Появление Раджана, юного слуги-индийца, вызвало на лице Ребурна досаду.

— Я, помнится, приказывал, чтобы меня не тревожили, — сказал он холодно.

Голова в тюрбане склонилась почти подобострастно.

— Очень простите, пожалуйста, мистер Ребурн, но два полисмена ждут в холле. Они говорят, что желают поговорить с вами. Я уже проверил их удостоверения. Старший из двоих называет себя старший инспектор Маклеод...

— Маклеод? — Раздражение Ребурна резко сменилось интересом и

¹ Маргиналии — заметки на полях. — Примеч. пер.

подозрительностью. Он небрежно закрыл толстый том. — Хотелось бы, конечно, чтобы служители закона считали нужным договориться о встрече заранее... Ладно, покончим с этим как можно быстрее. Иди и проводи их наверх.

Раджан поклонился и вышел. Ребурн быстро упаковал манускрипт и спрятал в правом верхнем ящике стола. Он как раз задвигал ящик, когда в коридоре послышался приглушенный звук шагов. Почтительный стук в дверь возвестил о возвращении Раджана в сопровождении двоих мужчин в пальто.

— Вот эти джентльмены, мистер Ребурн, — объявил слуга, поспешно пятясь в коридор.

— Добрый день, мистер Ребурн, — сказал старший из посетителей, шагнув вперед и показывая удостоверение. — Я старший инспектор Маклеод из полиции Лотиана и Пограничья, а это мой коллега констебль Кохрейн. С вашего позволения, мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

Ребурн воспользовался этой короткой вступительной речью, чтобы обдумать первое впечатление. Крепким молодым констеблем можно было пренебречь: юнец со свежим цветом лица, лет двадцати пяти или чуть больше, почти мальчик. Инспектор Маклеод, с другой стороны, был небезызвестен Ребурну, по крайней мере по отзывам, и определенно заслуживал дальнейшего размышления. Широкоплечий и плотный, он выглядел точно на свой возраст — по мнению Ребурна, где-то около пятидесяти. Голубые глаза за очками в золотой оправе смотрели удивительно проницательно.

Но это было не все. Ребурн затруднился бы выразить это чувство словами, но он ощутил слабое, не поддающееся определению присутствие чего-то большего. Охваченный любопытством, он встал с кресла и протянул старшему полисмену руку, что для всех, знающих его, было почти неслыханным проявлением дружелюбия.

— Фрэнсис Ребурн. Не имею ни малейшего понятия о цели вашего визита, но, если вы считаете необходимым, я, конечно, отвечу на ваши вопросы.

Рукопожатие инспектора было крепким, а пальцы узловатыми и сильными. Ребурн на миг сжал руку, одновременно расширяя восприятие. К его удивлению и ужасу, он получил слабое, но отчетливое ощущение невидимого кольца на среднем пальце правой руки Маклеода, хотя быстрый взгляд показал, что кольца инспектор не носит. На другой руке сверкал золотой ободок обручального кольца, а на запястье — обыкновенные часы, но единственной драгоценностью, кроме них, была золотая булавка в галстук.

Охваченный любопытством, Ребурн сел, жестом указав на два кресла по другую сторону стола.

— Садитесь, пожалуйста, — предложил он небрежно, — и объясните, чем я могу быть вам полезен.

Полисмены заняли указанные кресла. Без всякого предисловия Маклеод вытащил из внутреннего кармана пальто фотографию и протянул ее через стол.

— Для начала мне хотелось бы, чтобы вы взглядели на снимок и сказали мне, узнаете ли вы этого человека.

Ребурн взял снимок. На нем был изображен худощавый пожилой человек с серебристыми волосами и слегка рассеянным взглядом ученого — определенно тот самый индивидуум, фотографию и досье которого Ребурн показывал Верховному Мастеру от силы две недели назад. Он сделал вид, будто вглядывается в фотографию с некоторой неуверенностью, постепенно позволяя себе слегка нахмуриться.

— Лицо знакомо. Не могу сразу же вспомнить имя, но я, несомненно, где-то уже видел его...

Он помолчал, словно роясь в памяти, затем издал тихий крик торжества.

— Есть! Это было в Эдинбурге... какой-то магазин. Антиквариат?

— Попробуйте книги, — хмуро сказал инспектор.

— Букинист? — Ребурн снова задумался, потом изобразил озарение. — Конечно! Теперь я понимаю, в чем тут дело. Хозяин книжного магазина — тот масон, которого так эффектно убили... когда это было, на той неделе? Так как же его звали? Стэнли? Нет,

Стюарт! Рэндалл Стюарт! Правильно, да?

— Угу, — сказал Маклеод мрачно. — Правильно. — Он глубоко вздохнул. — Мы пытаемся проследить передвижения мистера Стюарта в воскресенье, предшествующее его гибели. По словам дочери, он в то утро выехал из Эдинбурга около девяти утра, предположительно направляясь в Стерлинг, где, по договоренности, должен был произвести оценку собрания редких книг. Похоже, никто не знает, что случилось с ним после этого. Поскольку планируемым пунктом назначения был Стерлинг, мы опрашиваем всех в районе Стерлинга, кто мог видеть его. Ваше имя фигурирует в торговой статистике нескольких местных книготорговцев. Очевидно, вы коллекционер редких книг... как и Рэндалл Стюарт. Мы думали, что стоит спросить, не связывался ли он с вами в течение предшествующей недели.

Инспектор метнул на Ребурна быстрый взгляд поверх очков. Ребурн спокойно выдержал взгляд.

— Боюсь, что нет. На самом деле я никогда не встречался с этим человеком. — Он протянул руку над столом, возвращая фотографию. — Хотя иногда я покупаю кое-что сам, но обычно предпочитаю надеяться на моих постоянных агентов... с одним-двумя из которых вы уже явно встречались. Поймите, джентльмены, торговля редкими книгами — довольно закрытый бизнес. Если ваш мистер Стюарт с кем-то связывался, то, подозреваю, это мог быть кто-то из моих поставщиков, — но не я лично.

— Мы учтем, — сухо произнес Маклеод и поерзал в кресле. — Давайте перейдем к другому вопросу — о собрании, смотреть которое ехал Рэндалл Стюарт. Вы не слышали что-либо о продаже коллекции редких книг? Возможно, продается поместье?

Ребурн вежливо покачал головой.

— Увы, инспектор, ответ снова отрицательный. С другой стороны, как я говорил, я собиратель, а не торговец. Вам надо бы поговорить с теми, кто этим зарабатывает.

— Обязательно, не беспокойтесь.

Маклеод снова нацелился на Ребурна голубыми глазами.

— Еще один вопрос для протокола, мистер Ребурн. Не будете ли вы любезны сказать мне, где вы были и что делали вечером в воскресенье, восемнадцатого ноября?

Ребурн позволил себе поморщиться, словно считал вопрос несколько неуместным. Потом откинулся в кресле и задумчиво поджал губы.

— Восемнадцатого ноября... Давайте подумаем. Предпоследние выходные... Я был в Глазго, навещал друга. И да, — добавил он с иронической улыбкой, — у меня есть несколько свидетелей, которые могут подтвердить это.

— Прекрасно, мистер Ребурн, — кивнул Маклеод. — Будьте добры назвать нам имя и адрес упомянутого друга.

— Если для вас это действительно важно, — Ребурн пожал плечами, — хотя, надеюсь, вы будете сдержанны, поскольку дело касается леди. — Он обратился прямо к молодому Кохрейну. — Мисс Анджела Фицджеральд, Квинс-террас, двадцать три.

Говоря, он украдкой глянул на Маклеода. Инспектор, похоже, удовлетворился ответом Ребурна, однако в глубине голубых глаз трепетало что-то мрачное, говорившее не просто о личном раздражении. Внезапно, неведь откуда, ему пришло в голову, что Маклеод вполне может быть собратом Рэндалла Стюарта по масонской ложе. Более пристальный взгляд на булавку в галстук инспектора подтвердил то, что он, наверное, неосознанно заметил раньше: крохотные угольник и циркуль на декоративном ромбе.

«Итак, инспектор — Вольный Каменщик, — подумал Ребурн. — Интересно, только ли это?»

Молодой констебль, Кохрейн, послушно записал имя и адрес, продиктованные Ребурном, и подал блокнот Маклеоду. Как только Маклеод отвлекся, Ребурн еще раз поглядел на правую руку инспектора и зажмурился. На мгновение внешние чувства расплылись, и ему слабо привиделось кольцо, которое Маклеод сейчас не носил: золотой ободок с темно-синим сапфиром — и на этот раз также бьющийся пульс сдерживаемой мощи, заключенной и

направляемой силой, которую кольцо символизировало.

Этого открытия хватило, чтобы Ребурн мгновенно отступил за стены своей внутренней защиты.

Это было не просто масонское кольцо, хотя и обладало типично масонским резонансом. Оно свидетельствовало о посвящении высокого уровня в какую-то могущественную эзотерическую традицию. Оно могло быть даже знаком членства в одной из ненавистных Охотничьих Лож... что объясняло бы множество до сих пор необъясненных событий особенно в Уркхарте. Так или иначе, Маклеод не простой полисмен.

Сохраняя внешнюю любезность, Ребурн снова поглядел на инспектора. Его исследование заняло доли секунды, и Маклеод как раз поднимал глаза от блокнота и возвращал его коллеге, пока, по-видимому, удовлетворенный.

— Ну, инспектор, еще вопросы есть? — безразлично спросил Ребурн.

— Пока нет, — ответил Маклеод, вставая. — Большое спасибо, что уделите нам время, мистер Ребурн. Вы ведь будете здесь на случай, если нам понадобится дополнительная информация?

Ребурн добродушно фыркнул, потянувшись к звонку, чтобы вызвать Раджана.

— Не беспокойтесь, инспектор. Я не планирую покидать страну. Удачи в вашем расследовании. Слуга проводит вас.

Когда полисмены ушли, Ребурн несколько минут тихо посидел, обдумывая значение своего открытия. Появление Охотника на пороге вызвало массу трудных вопросов... если, конечно, Маклеод — Охотник. Для начала вопрос реального положения Маклеода в его Ложе — ибо ответ отчасти определил бы, как с ним обращаться. По здравом размышлении, Ребурн усомнился, что Маклеод действительно Повелитель Охоты; но это не означало, что он не был потенциально опасным противником. След от кольца достаточное тому доказательство.

Более уместен вопрос индивидуальных способностей Маклеода. Вряд ли он эмпат, телепат или ясновидец, иначе заметил бы, что его оценивают психически. В то же время Ребурн не мог быть совершенно уверен, что не выдал себя каким-то знаком.

Так или иначе, присутствие в полиции человека вроде Маклеода было подобно бомбе замедленного действия с включенным часовым механизмом. Если бомба взорвется слишком быстро, серьезной опасности подвергнется масса тщательно разработанных планов. Убрать Маклеода рискованно — но далеко не так рискованно, как оставить его на воле.

Телефон на столе был под рукой. Ребурн просчитал все предсказуемые варианты и принял решение. Подняв трубку, он позвонил в Эдинбургское отделение полиции Лотиана и Пограничья. После трех гудков ему ответили.

— Добрый день, — сказал Ребурн. — Мне хотелось бы передать кое-что инспектору Нейпиру. Когда он придет, попросите его, пожалуйста, позвонить дяде...

* * *

Звонок раздался через час. Ребурн был в библиотеке, куда вернулся, чтобы почитать новое сокровище.

— Это Нейпир, — сказал резкий тенор на другом конце провода. — Что происходит?

— Да уж кое-что, — мягко ответил Ребурн. — Откуда вы звоните?

— Из телефонной будки, конечно. Откуда, по-вашему, мне еще звонить?

Ребурн не обратил внимания на вопрос.

— У нас проблема.

— Я так и понял. В чем дело?

— Здесь был Маклеод. Есть соображения, почему?

Молчание.

— Мне кажется, это была формальность.

— Очень надеюсь, — произнес Ребурн. — Он сказал, что опрашивает людей, связанных с торговлей редкими книгами, пытаюсь определить, кто видел Рэндалла Стюарта в Стерлинге

в роковое воскресенье. Я склонен верить, что это так, но кое-что другое заставляет меня думать, что на самом деле он — один из наших противников. В сущности, я практически уверен.

Нейпир коротко, но энергично выругался.

— Он что-то подозревает насчет вас?

— Не могу сказать наверняка, — ответил Ребурн с горькой прямоотой. — Но ему нельзя позволить стать проблемой. Не на этом этапе игры. Вы меня понимаете?

На том конце провода помолчали.

— Понимаю. Что я должен сделать? Найти киллера?

— Слишком явно, — отрезал Ребурн. — Нужно что-то менее очевидное.

Снова молчание.

— Что же вы предлагаете?

— Я хочу, чтобы вы добыли несколько необходимых предметов, — промолвил Ребурн, делая карандашом заметки в блокноте. — Что-нибудь с его подписью — оригинал, а не копия... и... м-м... да. Как насчет пенопластового стаканчика, которым пользовался Маклеод? Привезите их сюда завтра вечером, и мы обсудим план более подробно.

Глава 16

Похороны Рэндалла Стюарта состоялись на следующее утро среди готической пышности Епископального собора святой Марии в центре Эдинбурга. Для Перегринна эти похороны были не так тяжелы, как те, на которых он был с Адамом около месяца назад, однако не менее трагичны, ибо оба они слишком хорошо знали о жестоких обстоятельствах смерти Рэндалла, воочию видев ее последствия.

В отличие от леди Лоры Кинтул, долгая и счастливая жизнь которой тихо клонилась к концу, оставив довольно времени для приготовлений и прощания, Рэндалл был безвременно вырван из жизни, и последними его чувствами были ужас и боль. Перегрин видел Рэндалла только один раз, в то субботнее утро в книжном магазине, но он знал, что старик значил для Адама... и что утешатся все, кто знал и любил Рэндалла, нескоро. Найти убийц и предать суду, помешать осуществлению черных замыслов, ради которых они совершили нечестивое жертвоприношение, необходимо, но это не вернет Рэндалла и не заполнит пустоту в жизни его близких.

В ожидании службы Перегрин исподволь блуждал взглядом по церкви, слушая орган — фантазия соль-минор Пахельбеля — и отмечая знакомые лица. Собор был переполнен. Немного раньше Хэмфри привез леди Джулиан, поставив ее кресло в конце ряда, где сидели Адам и сам Перегрин, после чего тихо удалился в боковой придел, чтобы скорбеть в одиночестве. На серебристых волосах леди Джулиан лежала шаль цвета пейсли; дама молча молилась, закрыв лицо шишковатыми старческими руками.

Примерно в то же время прибыл Маклеод в сопровождении привлекательной рыжеволосой женщины в темно-синем; Перегрин решил, что это, должно быть, долготерпеливая и многострадальная Джейн. Склонив головы, они сидели сзади, как раз перед официальными рядами Вольных Каменщиков, братьев Рэндалла, хотя Маклеод не носил регалий Ложы.

Органная прелюдия закончилась; семья Стюартов прошла через боковые двери и села в первом ряду. Виктория Хьюстон сидела рядом с Мирандой и держала ее за руку. Перегрин видел Кристофера у парадных дверей, когда они с Адамом пришли; тот с еще двумя священниками, крестоносцами и двумя мальчиками, державшими факелы, ждал прибытия тела. Миранда держалась храбро, проявляя по крайней мере видимость самообладания, но Перегрину горько было видеть ее такой подавленной; он спрашивал себя, будет ли она когда-нибудь снова той веселой цыганочкой, запомнившейся ему по первой встрече.

— Да не смущается сердце ваше, — раздался сзади голос отца Кристофера Хьюстона, читающего из Евангелия от Иоанна, когда вошли крестоносцы и факелonosцы, знаменуя

начало службы. За ними следовали масоны в передниках, рукавицах и голубых воротничках, несущие гроб, покрытый сине-белым флагом святого Андрея и увенчанный одиноким венком из красных роз. Позади процессии шествовали три священника.

— Веруйте в Бога и в Меня веруйте, — продолжал Кристофер. — В доме Отца Моего обителей много; а если бы это было не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам».

Все встали при приближении процессии. Обителей много... Искоса поглядев на строгий профиль Адама, Перегрин спросил себя, действительно ли для него есть место среди собратьев Адама. И как мог он даже допустить, что сумеет заполнить пустоту, оставленную смертью Рэндалла?... Перегрин пропустил остаток службы, моля Бога о наставлении, прося Его благословить Рэндалла и тех, кто любил его. Молясь, он спрашивал, как стать достойным участия в том деле, которое оставил незаконченным Рэндалл и которому продолжал служить Адам.

Адам не принимал активного участия в заупокойной службе. Хотя Рэндалл Стюарт был для него близким и высокочтимым другом, эту дружбу ни Адам, ни Рэндалл никогда широко не афишировали, ибо Охотничья Ложь, как и Вольные каменщики, имела немало причин считать секретность условием безопасности. Когда декан собора читал заключительную молитву, Адам молился, чтобы он и оставшиеся Охотники смогли сохранить эту безопасность во время грядущей Охоты.

— О Творец всего сущего, мы молим Тебя о тех, кого любим, но не видим больше. Вечный покой даруй им, Господи, и светом вечным озари их; и сообразно премудрости и доброте Твоей сотвори в них благую цель Твоей совершенной воли через Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Последовало благословение. Зазвонили колокола собора, и процессия направилась к выходу. По желанию семьи тело должно было быть кремировано в тот же вечер, а пока шестеро масонов снова подняли гроб Рэндалла на плечи и пронесли между двумя рядами собратьев.

Адам медленно двигался вместе с толпой следом за семьей и гробом, за ним шел Перегрин — не спеша, потому что подозревал, что затор на пороге собора увеличивается из-за изменения погоды. Вытянув шею, чтобы посмотреть через головы стоящих впереди, он разглядел лишь зонтики и пелену дождя, хлынувшего на Палмерстон-плейс.

Бросив взгляд на карманные часы, Адам поглядел на неф, надеясь, что Хэмфри еще не ушел, поскольку по плану он должен был отвезти леди Джулиан домой, а потом встретиться с ними на поминках в магазине Рэндалла. Но Хэмфри, наверное, уже провел леди Джулиан через ближайший задний выход, поскольку его нигде не было видно.

— Хотите, я попробую перехватить его до того, как он уедет? — спросил Перегрин.

— Стоит попробовать, — кивнул Адам. — Я пойду вперед и подожду на крыльце... Попытаюсь поймать такси.

Когда Перегрин ушел по проходу между рядами, Адам снова посмотрел на толпу впереди — и сразу же заметил высокого, пышущего здоровьем человека в военной шинели, немногим старше его самого, который шел по боковому проходу следом за еще одним человеком в мундире. Примерно в то же время высокий военный заметил Адама и, послав спутника вперед, помахал рукой.

Улыбаясь, Адам прошел вдоль ряда кресел к боковой капелле. Красные генеральские петлицы сверкали над воротником шинели, тяжелая тесьма украшала козырек фуражки, засунутой под мышку.

— Привет, Гордон, — сердечно сказал Адам, протягивая руку. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

Они обменялись рукопожатием, и военный улыбнулся из-под серо-стальных усов; серо-стальные волосы обрамляли серо-стальные глаза.

— Я мог бы сказать то же самое. Ты знал Рэндалла по миру книг, не так ли?

— Ага, наследство от отца, — ответил Адам. — Он был одним из постоянных покупателей Рэндалла и «передал» мне знакомство, когда я стал достаточно взрослым, чтобы

оценить его.

— Отец оказал тебе большую услугу, — промолвил Гордон. — Рэндалл Стюарт — упокой, Господи, его душу — был человеком редких принципов. Тебе известно, что во время войны он служил в моем полку? — Адам покачал головой. — Это, конечно, было еще до меня, но мне говорили, что он был хорошим солдатом; и я знаю, что он был добрым человеком. В наше время таких людей очень уж мало. Подобная утрата невосполнима при любых обстоятельствах, — хотя все мы когда-нибудь умрем, — но потерять брата вот так...

Он покачал головой и тягостно вздохнул, дотронувшись до кольца с печаткой на правой руке. Свет, сверкнувший на масонском символе, привлек взгляд Адама. Генерал как-то задумчиво приподнял руку и тоже посмотрел на кольцо.

— Я искренне надеюсь, Адам, что в один прекрасный день ты задашь мне правильные вопросы. Ты повсюду окружен Вольными Каменщиками: Маклеод и его команда, я... да и твой отец и дед были масонами высочайшего уровня.

Во взгляде, сопровождающем это заявление, сквозил дружеский вызов, но также и смирение, ибо они с Адамом уже много раз вели такие разговоры.

— Мне лестно, что ты продолжаешь поднимать этот вопрос, Гордон, — хмыкнул Адам, — но скажи мне, где найти время. С учетом всех обязанностей, уже лежащих на мне, я всегда чувствовал, что допущу по отношению вашего Ордена серьезную несправедливость, если присоединюсь к нему, не принимая полных обязательств.

Гордон грустно усмехнулся.

— Мне кажется, ты требуешь от себя больше, чем мы могли бы ожидать от тебя. Если когда-нибудь передумаешь, сразу же дай мне знать. — Он поглядел на двери. — Ну, надеюсь, мой шофер уже привел машину... Отвратительная погода, верно? Подвезти тебя куда-нибудь, или Хэмфри все организовал?

— На самом деле, — сказал Адам, — боюсь, я сглупил. Договорился, что Хэмфри отвезет леди Джулиан домой, и не сообразил, что когда мы выйдем, будет лить как из ведра. Мы с Перегрином собирались ехать на поминки на такси, а Хэмфри встретил бы нас там. Но если бы ты подбросил нас к книжному магазину... Ты ведь не против встретиться с Перегрином при таких обстоятельствах?

Гордон улыбнулся и покачал головой.

— Я так и думал, что это он сидел рядом с тобой во время службы. Вон он идет.

— Явно не перехватил Хэмфри, — произнес Адам, заметив на лице художника покорность судьбе. — Он будет очень рад, что не придется мокнуть... Перегрин, позвольте представить вас сэру Гордону. Гордон, это один из моих коллег, мистер Перегрин Ловэт. Перегрин, это генерал сэр Гордон Скотт-Браун.

— Здравствуйте, мистер Ловэт, — сказал сэр Гордон, пожимая Перегрину руку.

— Счастлив познакомиться, сэр, — пробормотал Перегрин.

— Гордон подбросит нас к книжному магазину, — весело сказал Адам, увлекая художника к дверям.

Перегрин еще не успел понять, что происходит, а они уже забирались в синий «форд-гранад». Пока машина мчалась по Принсез-стрит, а потом на юг по мосту над Уэверли-стейшн, Перегрин хлопал глазами и молчал, а Адам и генерал обменивались невинными замечаниями о погоде. Через десять минут они были на месте, и Перегрин смотрел вслед отъехавшему автомобилю, пока Адам топал ногами, стряхивая воду перед входом.

— Адам, это тот самый Гордон Скотт-Браун?

— Насколько я знаю, он единственный, — ответил Адам. Перегрин широко открыл глаза и тихонько присвистнул.

— Главный генерал Шотландии, Главнокомандующий! Я видел его портрет в полковой галерее в замке.

— Что ж, он комендант замка, и это его полк, — сказал Адам, словно это все объясняло. — Вот почему он смог подбросить нас: ему по дороге на работу.

Перегрин уже начал привыкать к тому, что Адам знаком с самыми разными весьма

важными людьми, которые всегда оказывались под рукой, когда возникала нужда. Но что-то именно в этом совпадении показалось ему немного необычным даже для Адама. Полная небрежность ответа Адама отвергала дальнейшие серьезные вопросы, однако, когда они уже вошли, Перегрин вдруг задумался, не был ли и сэр Гордон чем-то большим, нежели генералом.

В доме они встретились с Маклеодом, хотя Джейн с ним уже не было. Выразив соболезнования семье, Адам разыскал его и отвел в сторонку, чтобы коротко расспросить о расследовании.

— Мы с Дональдом вчера опросили не меньше дюжины людей, — мрачно проговорил инспектор, — но, хоть и получили кое-какую полезную информацию, можно было и не суетиться. Господи, хоть бы прессу кто-нибудь сбросил с наших плеч! Чего хорошего, если приходится ежедневно делиться добытыми фактами с дюжиной журналюг.

Он свирепо впился в бутерброд.

— Будь я лет на двадцать моложе, бросил бы эту работу и стал бухгалтером. А так я начинаю думать, что мне лучше уйти на пенсию и разводить пчел!

Адам прекрасно знал, что его слова нельзя принимать всерьез, но в полной мере разделял разочарование друга.

Вскоре они расстались. Маклеоду надо было вернуться к расследованию, Перегрину — провести несколько часов за работой над заказанным портретом бывшего мэра Эдинбурга, а Адаму — договориться с молодым врачом, тот заменит его на два дня, которые он собирался провести в Лондоне.

По дороге домой, поскольку было уже поздно, Адам попросил Хэмфри остановиться у закусочной и сходил за тремя завернутыми в бумагу порциями рыбы с жареной картошкой. Они развернули эту изысканную трапезу на ореховых подносах, откидывающихся на спинках передних сидений, и Адам коротко изложил Перегрину и Хэмфри приблизительное расписание поездки в Лондон.

В среду утром он отправился в аэропорт, намереваясь задержаться в Джорданберне ровно на столько, чтобы совершить очередной больничный обход. Однако один из его наиболее тяжелых пациентов выбрал именно это утро, чтобы впасть в почти суицидальную депрессию. В конечном счете прошло почти три часа, прежде чем Адам смог уехать.

К счастью, Хэмфри не сидел сложа руки, пока хозяин разбирался с неожиданным медицинским кризисом. Следующий рейс в Лондон отправлялся в три сорок пять, и Хэмфри сумел перебронировать билет и достать место.

Уже стемнело, когда Адам приземлился в Хитроу; взлетные полосы покрыла изморозь. Оказавшись в аэровокзале, он немедленно направился к ближайшему монитору с информацией о прибытии, поскольку из-за задержки мог не успеть встретить Филиппу. Быстрый взгляд на номера рейсов показал, что ее самолет задерживается на полчаса... чего, учитывая погоду, вполне можно было ожидать.

Воспользовавшись отсрочкой, Адам повесил сумку на плечо и пошел в ближайшее к залу прилета кафе, где заказал большую чашку чая и устроился за столиком. В окне на противоположной стене смутно отражался интерьер кафе. В темноте на улице мелькали огни взлетающих и садящихся самолетов.

Движущиеся огни... темные поля. Мысли Адама вновь устремились к недавнему путешествию во Внутренние Миры и загадочным словам Владыки о работе, ожидающей Перегрин Ловэта.

Разбитые мозаики должны быть восстановлены... Храм света должен быть отстроен заново...

Размышляя, Адам пытался согласовать эти слова с тем, что леди Джулиан прочитала в «И Цзин». «Различать, — сказала Джулиан, — значит распознавать различия среди неразберихи. Согласовывать — значит действовать как судья, присуждая возмещение там, где было правонарушение».

Разбитые мозаики. Неразбериха. Адам не питал сомнений, что оба оракула указывают

на распад всех предыдущих личностей Джиллиан Толбэт. Образ храма, который надо отстроить, был метафорическим напоминанием о цельности личности... но как восстановить такие руины?

Внезапно перед его мысленным взором возникли руины башни Темпльмор, теперь находящейся в процессе реставрации, — и он попытался соотнести это со случаем Толбэт.

«Как восстановить руины? С физическим строением, вроде башни, это очевидно. Начинаешь работать от земли и вверх...»

Он все еще размышлял о возможном значении догадки, когда в его мысли ворвался громкий треск громкоговорителей рапорта, за которым последовало визгливое объявление, что рейс 214 из Бостона только что совершил посадку.

Адам допил чай, зная, что мать задержат необходимые формальности паспортного контроля, а потом получение багажа и таможня. Минут через двадцать он повесил сумку на плечо и, забежав в один из аэровокзальных цветочных магазинов, купил нежный букет тепличных орхидей. К тому времени, как он устроился в зале прилета с видом на двери, первые пассажиры из Бостона начали выплескиваться в зону ожидания, где их встречали друзья и родственники.

Несколько нетерпеливо Адам осматривал толпу. Через мгновение он заметил ее: стройная фигура с платиновыми волосами в алом пальто и шляпке решительно вошла в зал в центре небольшого вихря служащих аэропорта.

В молодости Филиппа Синклер была красавицей. В семьдесят пять она по-прежнему была поразительно красивой женщиной, элегантной и безукоризненно ухоженной, с властным лицом и сверкающими темными глазами. Молодой человек в летной форме вился вокруг Филиппы, пытаясь, судя по жестам, успокоить ее, а позади них человек средних лет в комбинезоне бригадира разговаривал с парой одетых в униформу носильщиков, один из которых толкал тележку с багажом. Сама Филиппа казалась царственно безразличной к любопытным взглядам людей в зале. Даже издали Адам видел ее спокойное, решительное лицо.

Улыбаясь, он двинулся вперед, помахав рукой, чтобы привлечь ее внимание. Как только мать заметила его, ее грозное спокойствие сменилось поразительно теплой улыбкой. Резко повернув, она элегантно прошествовала ему навстречу, предоставив свите семенить следом с неподобающей поспешностью.

Когда они встретились, Адам крепко обнял мать и приветствовал ее поцелуем, потом вручил орхидеи.

— Боже мой, Филиппа, — прошептал он добродушно, — Ты можешь хоть куда-нибудь приехать, не устроив переполох?

Ответом ему была презрительно-ироническая гримаса. С удовольствием вдохнув аромат цветов, мать встала на цыпочки, чтобы поцеловать бронзовую щеку сына, потом оперлась на его руку и оглянулась на свиту.

— Похоже, один из моих чемоданов потерялся где-то между Бостоном и Лондоном, — строго сказала она; в ее выговоре акцент янки смешался с Северным нагорьем. — Розыски идут но пока никто не знает, куда он делся. Надеюсь, что мистер Мартин все выяснит.

Она устремила на мистера Мартина хирургически острый взгляд. Бесконечно сострадательная к истинно несчастным, Филиппа не терпела даже мелкой некомпетентности.

Аэропортовский чиновник виновато поежился и взглядом попросил у Адама пощады.

— Мы прилагаем максимум усилий, леди Синклер, — сказал он. — Я ужасно сожалею о причиненном неудобстве. Уверен, что чемодан очень скоро найдется. Если он не попал на рейс в Бостоне, его привезут следующим. Назовите только ваш отель, и я пришлю его, как только он прибудет.

— Спасибо, я была бы признательна, — отчеканила Филиппа и вопросительно посмотрела на сына.

— До пятницы мы будем в Каледонском клубе, — сказал Адам, подавая чиновнику визитную карточку из футляра с монограммой. — Если к тому времени проблема не решится,

управляющий клуба даст вам мой адрес в Шотландии. Надеюсь, проблем не возникнет.

— Конечно, сэр Адам. Большое спасибо. Мне очень жаль, леди Синклер.

Филиппа удостоила чиновника ледяным кивком и прошествовала к выходу; Адам и носильщик с багажом последовали за ней в кильватере.

Они взяли такси на стоянке перед аэровокзалом. Адам назвал шоферу адрес и проследил, чтобы все чемоданы были погружены в багажник, потом сел в машину и лукаво посмотрел на мать.

— Надеюсь, в потерянном чемодане не было ничего незаменимого? В Париже неостребованный багаж могут уничтожить, заподозрив бомбу.

Филиппа рассеянно кивнула.

— Да, дорогой, знаю. — Она устроилась поудобнее — как птица поправляет перышки — и сказала оживленнее: — Нет, там нет ничего существенного: просто всякие безделушки, без которых я легко могу обойтись. Если я была немного строга с тем молодым человеком, то лишь потому, что в начале он попытался отмахнуться от меня. Чего я просто не выношу, так это лени и пренебрежения служебными обязанностями!

Она покачала головой и рассмеялась своей горячностью.

— Какой ужасной старухой я стала с тех пор, как ты был у меня в последний раз! Нам нужно чаще видеться. Если бы я на минуту поверила, что кто-то в клинике может работать хотя бы вполноту так, как могу я, то удалилась бы в коттедж на острове Арран и провела бы преклонные годы, выращивая петунии!

Адам вспомнил Маклеода и хмыкнул.

— Ну, нет. Ты такой же трудоголик, как я. И кстати, как дела в клинике?

Плечи Филиппы поднялись и опустились в элегантном пожатии.

— Напряженно. На самом деле, напряженнее, чем обычно. Увеличилось количество направлений из больниц за пределами нашего округа. Пусть это дань уважения результатам нашей работы, но увеличивается и нагрузка на персонал. Я приняла трех новых консультантов. Двое из них — компетентные аналитики, а вот третий действительно подает надежды. Мне будет интересно следить за развитием его таланта.

Она внимательно посмотрела на сына.

— Ну а ты? Как дела на домашнем фронте?

— Если ты имеешь в виду больницу, — ответил он, — то все более или менее как обычно, хотя некоторые недавние нововведения министерства здравоохранения породили чертову уйму дополнительной канцелярской работы. Поскольку все остальное касается... — Он понизил голос: — Что ты знаешь о смерти Рэндалла?

— Мне по крайней мере ясно, что с таким делом полиция не справится — если, конечно, не считать твоего инспектора Маклеода. — Точеное лицо Филиппы застыло, она бросила быстрый взгляд на спину шофера и добавила: — Это один из вопросов, которые я хочу с тобой обсудить — позже. Пока достаточно сказать, что я глубоко сожалею о потере такого друга.

* * *

Посещая Лондон, Адам обычно останавливался в Каледонском клубе. Приехав, они с Филиппой велели швейцару присмотреть за багажом, а сами прошли к стойке администратора. Портье сразу узнал Адама и вскочил с места с радушной улыбкой.

— Добрый вечер, сэр Адам!

— Добрый вечер, Том. Это моя мать, леди Филиппа Синклер. Надеюсь, мой слуга заказал для нас смежные комнаты?

— Все верно, сэр Адам. Я сам говорил с ним. Извольте расписаться в книге регистрации, а я принесу ключи. Да, для вас сообщение, сэр. Поступило минут двадцать назад.

Он передал Адаму сложенный листок. Адам развернул записку и поднес к свету.

«Для сэра Адама. Передать по приезду.

Важные новости. Почтительно прошу без промедления позвонить домой. Хэмфри».

Адам молча передал записку Филиппе. Та подняла брови и прошептала:

— Пожалуй, тебе лучше ему позвонить.

— Если это срочно, сэр, — вставил Том, — можете позвонить отсюда.

— Спасибо. — Адам протянул руку к телефону.

— Наберите девятку для выхода на внешнюю линию, сэр.

Адам набрал код и номер Стратмурна. Хэмфри ответил на втором гудке.

— Привет, Хэмфри, — сказал Адам. — Я только что забрал Филиппу и получил сообщение, которое вы оставили в клубе. Что случилось?

— С вами пыталась связаться одна леди, сэр, насчет своей дочери. — Обычная телефонная официальность Хэмфри не могла скрыть его возбуждения. — Она назвалась мисс Айрис Толбэт.

Мать Джиллиан Толбэт!

— Ясно, — промолвил Адам, сдерживая чувства. — Насколько я понимаю, она звонила из Лондона?

— Да, сэр. У меня здесь ее телефон, если вы желаете записать его.

Адам уже тянулся за ручкой на конторке.

— Ваша правда, Хэмфри. Давайте.

Он записал телефонный номер на обороте записки и для проверки прочитал цифры вслух. Повесив трубку, он обернулся к Филиппе. Мать предупреждающе подняла руку.

— Наверняка будет долгая история, а я до смерти хочу чая. Давай я посмотрю, как там наши вещи, и встречу тебя в гостиной, когда ты освободишься.

— Лучше я позвоню из комнаты, — ответил Адам, делая знак швейцару, катившему тележку с их багажом, — чай тебе принесут в номер.

Он думал об Айрис Толбэт, когда они с Филиппой прошли за швейцаром в лифт и потом в комнаты, благословляя силы, подсаживавшие ей выбрать именно этот вечер, чтобы попытаться позвонить ему... хотя этот звонок означал дальнейшее ухудшение состояния Джиллиан. Однако время нельзя было выбрать лучше. Когда швейцар ушел, Адам сбросил пальто и сразу же набрал лондонский номер, продиктованный ему Хэмфри. На третьем гудке ответил обеспокоенный мужской голос.

— Добрый вечер. Это доктор Адам Синклер из джорданбернской больницы в Эдинбурге. Меня просили связаться с мисс Айрис Толбэт...

— Доктор Синклер? — Собеседник не дал Адаму договорить. — О, слава Богу, мы надеялись на ваш звонок! Я Джордж Толбэт, Айрис — моя жена. Мы... насчет нашей дочери, Джиллиан...

— Конечно. Я хорошо помню этот случай, — вежливо произнес Адам. — Чем могу помочь вам, мистер Толбэт?

— Не мне — Джиллиан, — ответил Толбэт. — Месяц назад, разговаривая с моей женой, вы сказали ей... то есть дали ей понять, что если... если состояние нашей дочери не улучшится, то мы могли бы обратиться к вам.

— Очевидно, состояние Джиллиан не улучшилось?

— Нет. В сущности, ей даже хуже. Доктора в Чаринг-Кросс испробовали все, что могли придумать; ничего не помогает. Она просто уходит... Мы беседовали с доктором Огилви, лечащим врачом Джиллиан, и она согласилась, чтобы мы обратились к вашей профессиональной помощи. Я знаю, что прошу слишком многого, но вы... вы могли бы посмотреть ее?

— Конечно, я ее посмотрю, — обнадеживающе сказал Адам. — Так уж получилось, что я в данный момент в Лондоне по личным делам. Почему бы нам не встретиться завтра с вами и мисс Толбэт в больнице? Было бы полезно и присутствие доктора Огилви. Когда она обычно совершает обход?

— Как правило, она заканчивает около десяти. Но если для вас это слишком рано...

— Десять часов? Прекрасно, — кивнул Адам. — Между прочим, мне хотелось бы привести с собой коллегу...

Глава 17

Выйдя в гостиную, Адам обнаружил, что мать уже скинула туфли, устроилась в обитом тартаном кресле, подобрав под себя ноги в чулках, как девочка, и пьет чай из изящной фарфоровой чашки. Она подала ему чаю, и ее улыбка осветила комнату.

— Ну? В чем же там было дело?

Адам опустился в кресло напротив, принял у Филиппы чашку и блюдце и поставил, чтобы добавить молоко и сахар.

— Помнишь, я звонил тебе несколько недель назад насчет девочки, Джиллиан Толбэт, и дела Майкла Скотта?

— Конечно.

— Так вот, со мной наконец связались ее родители, — продолжал Адам. — Они хотят отдать дочь на мое попечение.

Филиппа понимающе подняла бровь.

— Судя по тому, что ты рассказывал, странно, что им понадобилось столько времени.

Адам отпил чаю.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал он. — Я только надеюсь, что ситуацию еще можно спасти.

— Да уж. — Филиппа передернула плечами и сжала руки, словно от внезапного холода. — Бедная душа — прошлая и нынешняя! Надеюсь, что когда это, теперешнее, мое тело будет уже восемьсот лет мертво, никакой негодяй не найдет причины вытащить меня к останкам! — После паузы она добавила: — Как ты собираешься объяснить это родителям?

— Если они будут требовать конкретный диагноз, — сказал Адам, — полагаю, я определю проблему как «расстройство личности». Это в общем-то достаточно верно. — Он пожал плечами. — Кроме того, я хочу уговорить их перевезти Джиллиан в Эдинбург. Мне дали понять, что в разрешении проблемы должен участвовать мой новый специалист, а я не могу просто привезти его сюда для работы... особенно, поскольку мы еще не уверены, какой эта работа будет. Более того, в Эдинбурге есть и другие дела, требующие моего присутствия.

— Это, конечно, верно. Что ж, не думаю, что ты столкнешься с сильным сопротивлением родителей. Насколько я поняла, они уже убедились, что ты — последняя надежда на выздоровление их дочери. — Она помолчала и добавила задумчиво: — Интересно, знает ли Ложа Рыси о существовании Джиллиан.

Адам поставил пустую чашку и пожал плечами.

— Трудно сказать. Надо полагать, команда, которая совершила воскрешение в Мелроузе, знала о ее существовании. Они, конечно, должны были знать, что вытаскивают Скотта из нынешней инкарнации. И если хоть один человек из этой команды уцелел в боине у Уркхарта, он или она вполне могли передать это знание другим агентам организации. Чего бы это ни стоило.

— И чего же это стоило? — спросила Филиппа. Адам поморщился.

— В ее теперешнем состоянии Джиллиан не имеет для них значения — ни как текущая угроза, ни как будущий капитал. Но эта ситуация может быстро измениться, если наши враги заподозрят, что ее можно исцелить. В конце концов, по крайней мере одна из ее прошлых личностей — то есть Майкл Скотт — знает, чего добивается Рысь. Если бы они считали, что мы можем узнать это — а значит, и получить какой-то ключ к их замыслу... конечно, они попытаются ее уничтожить.

— Другими словами, — коротко сказала Филиппа, — чем меньше посторонних знает об этом, тем лучше.

Адам кивнул.

— Меня очень беспокоит ее перевозка в Эдинбург. Она окажется еще ближе к Рыси,

следовательно, станет еще более уязвимой.

— А если поместить ее в частную клинику? — спросила Филиппа. — Это было бы и безопаснее, и спокойнее для твоей работы.

— Мы в Британии, а не в Америке, — напомнил ей Адам. — Наша система, к несчастью, не отличается гибкостью правил. Пока Джиллиан является государственной больной, есть пределы тому, насколько далеко я могу отклониться от стандартных процедур. Даже перевозка ее в Шотландию вызовет немало удивленных взглядов. А когда она будет там, мне надо будет постараться держаться в тени, пока мы не узнаем, что делать.

— В таком случае, — сказала Филиппа, — было бы неплохо кому-нибудь из Охотничьей Ложы взять на себя ответственность за защиту девочки, пока ты занимаешься этим. — она многозначительно посмотрела на сына.

Адам улыбнулся.

— Должен ли я понять, что ты вызываешься добровольцем?

— Почему бы и нет?

— Действительно, почему бы и нет? — Адам усмехнулся со смесью любви и уважения. — Любого отпрыска Рыси, который увидит в тебе легкую добычу, ждет крупное потрясение!

— Хотелось бы думать, что мое оружие не притупилось, — сказала Филиппа с усмешкой, перешедшей в зевок, и с удовольствием потянулась. — Боже мой, уверяю тебя, это не из-за твоего общества. Просто день был долгий, и мне надо поспать.

— Господи, конечно! У тебя, наверное, совершенно сбит суточный ритм. — Адам собрался встать. — Тебе не следовало позволять мне засиживаться. — Он посмотрел на часы. — Я... м-м... не хочу давить на тебя, но интересно, не захочешь ли ты утром пойти со мной в больницу и встретиться с нашей пациенткой. Я договорился быть там в десять. Толбэты уже обрадовались тому, что я приведу с собой коллегу, но решать, конечно, тебе.

— Словно я когда-либо позволяла себе валяться в постели, когда идет такая игра! — Темные глаза Филиппы воинственно сверкнули, противореча седым волосам. — Если уж я решила работать сторожевым псом, то лучше начинать, не откладывая. В Шотландии мы можем сразу оказаться под огнем, и мне, например, хотелось бы убедиться, что мы не оставили ничего на волю случая.

* * *

Не только Адам и Филиппа, хоть они этого не знали, строили в тот ноябрьский вечер далеко идущие планы. В ста пятидесяти милях от шотландской границы, среди покрытых снегом утесов Кэйрнгормских гор, двенадцать облаченных в белое старших служителей Ложы Рыси сидели, скрестив ноги, в самой высокой башне уединенного замка; их вождь восседал в середине. Они ждали гостя.

Верховный Мастер первым расслышал за свистом зимнего ветра пыхтение вертолетного винта. Очнувшись от медитации, он поднял лысую голову и обратил пронзительный взгляд на ближайшего к двери служителя.

Женщина кивнула, молча встала, предупредив о выходе из круга ритуальным жестом, и, поклонившись, покинула комнату. Вскоре она вернулась, приведя с собой Ребурна, босого, в свободном белом одеянии, похожем на монашескую рясу. В руках у женщины было что-то завернутое в кусок белого шелка; она благоговейно поднесла сверток Верховному Мастеру и вложила в его руки. Сложив ладони на уровне груди новоприбывший прошел в центр комнаты и низко поклонился.

— Верховный Мастер, — произнес он. Мастер оглядел гостя с головы до ног; в желтом свете газовых светильников его лицо было желтоватым, как пергамент.

— Мастер-Рысь, — его тон был сух и холоден, — позволь приветствовать тебя на этом памятном событии... хотя ты несколько позже, чем ожидалось.

Слабый оттенок неодобрения вызвал в воздухе потрескивание, похожее на разряд

статического электричества. Ребурн склонил прилизанную голову и учтиво сказал:

— Простите, Верховный Мастер. Управлять шотландской погодой пока не в моей власти.

Это прозвучало безобидно — простая констатация факта, но среди наблюдающих служителей пробежала дрожь. Верховный Мастер склонил голову.

— Теперь, когда ты здесь, представь отчет.

— Конечно, Верховный Мастер. — Ребурн поклонился. Он расправил плечи, сознавая зависть, таящуюся в острых взглядах кое-кого из служителей: у некоторых были личные причины негодовать из-за его успеха. Недавние события указывали, что ему придется ступать осторожно, если он хочет сохранить власть.

— Все присутствующие осведомлены о целях нынешней кампании, — начал он вкрадчиво, пряча руки в широких рукавах. — Посему не вижу причины повторять их здесь. Достаточно сказать, что следующий объект уже определен, вместе со временем и местом его ликвидации. До конца этой недели еще одна колонна Храма падет, и мы приобретем еще одну степень силы для воплощения замыслов нашего Патрона.

Все время, что он говорил, его светло-голубые глаза не отрывались от морщинистого лица Мастера. Тем не менее Ребурн ни на миг не забывал, что лежит на полу между ними: толстая пачка желтых пергаментов, покоящаяся на коврик из шкуры черного барана, а поверх пергаментов — завернутый в алый шелк торк. Его смутная мощь была подобна инфразвуковым раскатам грома — сила, скрепленная печатью крови, которая скоро будет подкреплена новым кровопусканием.

— Короче, наши планы развиваются точно по графику. Однако есть одна сложность.

Лицо Верховного Мастера застыло.

— Объясни.

Ребурн твердо встретил взгляд старика.

— Во-первых, позвольте заверить, что проблема уже решается. Речь идет о некоем полицейском инспекторе из Эдинбурга. Если помните, не так давно мы говорили о нем.

Запавшие глаза старика злобно, по-змеиному, вспыхнули.

— Инспектор Маклеод, — прошипел он.

— Именно, — подтвердил Ребурн. — Два дня назад инспектор оказал мне сомнительную честь, заглянув ко мне домой. Во время нашей беседы — которая, кстати говоря, была совершенно рутинной, просто полицейская процедура, — я взял на себя смелость провести кое-какие... испытания. Теперь я в состоянии подтвердить то, что ранее только подозревалось: инспектор Маклеод наверняка член Охотничьей Ложи.

Это прямое заявление вызвало движение среди служителей, хотя никто не осмелился заговорить. Успокоив шорох пронзительным взглядом, Верховный Мастер вернул внимание Ребурну.

— Ты говоришь, что проверил его. Надеюсь, ты не был настолько глуп, чтобы взамен выдать себя.

— Нет. — Ребурн постарался, чтобы это прозвучало уверенно. — Инспектор весьма силен, но не слишком восприимчив. Его трудно побороть, зато легко перехитрить. По такому случаю, — он тонко улыбнулся, — я уже придумал эффективное средство вывести его из строя — навсегда.

Видя, что овладел вниманием присутствующих, Ребурн продолжил объяснение. Когда он закончил, Верховный Мастер одарил его ледяным взглядом.

— Кажется, ты неплохо владеешь ситуацией, по крайней мере, пока дело касается самого Маклеода. Но он не единственный, кто привлек наше внимание. А что несносный Адам Синклер? Если ты прав насчет Маклеода, то и Синклер почти наверняка Охотник... возможно, даже их предводитель. Как помешать ему вступить за Маклеода?

Улыбка Ребурна была холодна, как его взгляд.

— Я все подготовил, Верховный Мастер. Синклер на несколько дней уехал в Лондон. Даже если Маклеоду хватит сил, чтобы выдержать первый удар, он не сможет без

посторонней помощи долго поддерживать защиту. Даже такой изобретательный человек, как Синклер, не в состоянии преодолеть фактор расстояния.

— А если вмешаются другие Охотники?

— Очевидно, мы не вправе исключать эту возможность, — признал Ребурн. — Но до сих пор Синклер — единственный из известных нам людей, кто выказал необходимые талант и выучку. Могут быть другие... но чтобы вмешаться, им придется проявить себя. А если они проявят себя, мы впредь будем держать их на мушке.

Старик обнажил желтые зубы в улыбке смерти.

— Удовлетворительно. Ты убедил меня, что достоин миссии, которую я намерен возложить на тебя. Готов ли ты быть представленным нашему Патрону?

— Да, — решительно сказал Ребурн, приглушая дрожь предвкушения.

— Так призовем же нашего Патрона.

Подняв руки ладонями наружу жестом приказа, Верховный Мастер окинул комнату холодным взглядом. Тотчас же служители поднялись на колени, потом одновременно простерлись ниц, коснувшись лбами пола. Когда Верховный Мастер медленно встал, Ребурн упал перед ним на колени; лицо его пылало предвкушением. Стоя с воздетыми к сводчатому потолку руками, старик запел хриплым, как у вороны, голосом.

Воздух в комнате словно вскипел. Не прекращая пения, Верховный Мастер торжественно развернул торк и показал его четырем четвертям круга, начиная с севера и поворачиваясь против солнца. Сердце Ребурна неистово колотилось; он низко склонился, благоговейно коснувшись лбом пергаментов, наваленных на бараньей шкуре. Запах древних тайн наполнял его ноздри, когда он снова выпрямился, не сводя взгляда с Верховного Мастера. Прочие служители возвысили гортанные голоса, присоединившись к мольбе предводителя.

Пение достигло крещендо. С хриплым воплем Верховный Мастер выпрямился, подняв торк над головой Ребурна, как корону.

— Приди же, о грозный, долгожданный гость! — произнес он нараспев. — О Громовержец Таранис, заклинаем, услышь нас!

Что-то зашелестело среди пергаментов на бараньей шкуре.

Несколько верхних листов поднялись, словно подхваченные порывом ветра, потом опустились обратно с шелестящим вздохом. Верховный Мастер обошел Ребурна и встал за спиной по-прежнему держа торк у него над головой.

— Снизойди к нам, о грозный владыка, — умолял скрежещущим шепотом Верховный Мастер. — Снизойди и взгляни милостиво на сих слуг твоих. Предаю тебе того, кто жаждет причащения Грозой. Испытай его, прошу тебя, и, буде покажется он угодным тебе, допусти в братство тех, кто повелевает Молнией!

Говоря так, он наклонился и надел торк на шею Ребурна. У Ребурна перехватило дыхание, он вскинулся, лицо его побелело в угасающем газовом свете... В то же мгновение внезапный, низкий грохот раскатился глубоко под землей.

Словно толчок землетрясения сотряс башню от самого фундамента и загромыхал, как раскат грома, швырнув нескольких служителей на пол. Верховный Мастер устоял, широко расставив ноги и раскинув руки в объятии.

— Привет тебе, о Таранис! — возликовал он. — Привет тебе, могучий Громовержец! Удостой слуг твоих знаком расположения!

Мертвая тишина внезапно заполнила комнату, словно из нее вдруг выкачали весь воздух. В следующий миг яростная вспышка голубого света вырвалась из кучи пергаментов, лежащих у колен Ребурна, и изогнулась хищной дугой от рукописей к торку у него на шее. Ребурн подавил крик то ли боли, то ли экстаза, его тело застыло, наполненное силой, почти слишком мощной для своего сосуда.

Мгновение единственным звуком в комнате было сухое потрескивание энергии, парализующей все проявления воли. Потом, так же внезапно, голубая вспышка замерцала.

Ребурн медленно выпрямился, дрожащие руки поднялись к торку. На его лице

смешались удивление и ликование.

— Носитель был принят! — объявил Верховный Мастер, — Восславим Громовержца!

Ребурн быстро приходил в себя. Светлые глаза светились торжеством. Он молча протянул руки Верховному Мастеру ладонями вверх. Старик вложил свои руки в его жестом вознаграждения.

— Строители дерзнули воздвигнуть Храм Света, — прошептал Верховный Мастер. — Ныне отдаю их в твои руки. Уничтожь строителей, и Храм падет сам. В отсутствие Света — да воцарится Тьма...

* * *

Утро четверга выдалось холодное и серое. Адам и Филиппа съели континентальный завтрак: горячий шоколад и свежие рогалики, — и на такси отправились в Чаринг-Кросскую больницу. Филиппа сменила вчерашнее алое пальто на строгий ярко-синий костюм, элегантный, но выглядящий профессионально; Адам был в вездесущем рабочем костюме-тройке.

За стенами Каледонского клуба обычный лондонский запах речной воды и дизельных испарений усиливался морозцем. Пик утреннего пригородного движения уже миновал. Такси объехало Гайд-парк и направлялось по Кенсингтон-хай-стрит к Хаммерсмиту. Адам ожидал предстоящей встречи с пылом, омраченным беспокойством.

Как и на улицах, в вестибюле Чаринг-Кросской больницы кипела жизнь. Взяв Филиппу за руку, Адам провел ее мимо больничной справочной на эскалатор; они легко смешались с толпой совершающих обход консультантов, спешащих по своим делам сестер и специалистов, спустились на первый этаж и влились в поток людей, направляющихся к педиатрическому отделению.

За месяц после посещения Адама отделение подверглось кое-какому необходимому ремонту. Стойка дежурной сестры, как и примыкающий коридор, были разрисованы цирковыми сценами, раскрашены чистыми, веселыми красками. Когда Адам и Филиппа приблизились к столу, миниатюрная темноволосая сестра в светло-голубой форме подняла глаза от груды медицинских карт. Она окинула их быстрым, пронизательным взглядом и улыбнулась, когда Адам вытащил из нагрудного кармана свою карточку и положил на стойку, украдкой посмотрев на ее именную табличку.

— Доброе утро, мисс Рейнольдс, — сказал он весело. — Мы пришли повидать Джиллиан Толбэт. Полагаю, доктор Огилви ждет нас.

Филиппа молча положила свою карточку на стол рядом с карточкой Адама. Дежурная сестра взяла обе карточки, и на ее румянном лице отразилась смесь удивления и уважения, когда она оценила профессиональную компетентность Синклеров.

— Ваш визит большая честь для нас, сэр Адам... и ваш тоже, доктор Синклер, — сказала она, возвращая карточки. — Нас предупредили о вашем приходе... но мы не поняли, что это будут два доктора с одной фамилией.

Адам хмыкнул.

— На самом деле я, по-моему, не упоминал фамилию второго врача, когда вчера вечером говорил с мистером Толбэтом. Сказал только, что намерен привести с собой коллегу. Но уверяю вас, семейное взаимодействие в профессии уже не первый раз вызывает некоторое смущение. Толбэты здесь? И доктор Огилви?

— Доктор Огилви должна подойти с минуты на минуту, сэр Адам, — ответила сестра. — Она как раз заканчивает обход. А мистер и мисс Толбэт пришли около четверти часа назад. Если желаете, можете подождать вместе с ними в палате их дочери. Это дальше по коридору.

— По-моему, — сказала Филиппа, — нам лучше посмотреть карту Джиллиан, если вы не возражаете... и ее историю болезни.

— Да, доктор. — Сестра вытащила картонную папку. — А вот карта.

Поблагодарив, Адам взял папку и откинул клапан. Внутри лежала целая куча бумаг; к верхнему листу была приколотая записка, нацарапанная пресловутым ужасным почерком большинства врачей. Она гласила:

Доктору Синклеру. Вам будет гораздо проще, если Вы ознакомитесь с этим. Э. Огилви.

Подпись еле-еле поддавалась расшифровке. Это добровольное предложение сотрудничества свидетельствовало в пользу лечащего врача Джиллиан. С облегчением обнаружив, что ему не придется тратить время на улаживание расстроенных чувств коллеги-консультанта, Адам занялся просмотром папки. Филиппа, посмотрев карту, читала через его плечо. Беглый просмотр показал, что состояние Джиллиан с его последнего визита в Лондон резко ухудшилось.

— Боюсь, дело плохо, — мрачно сказал он Филиппе. — Спасибо, мисс Рейнольдс. Пожалуй, сейчас мы посмотрим пациентку и встретимся с Толбэтами.

Джиллиан перевели из отделения в отдельную палату. Родители сидели в креслах рядом с кроватью, держась за руки и жадно глядя на дочь. Когда Адам и Филиппа вошли, оба Толбэта вскочили с нервным проворством, рожденным, несомненно, напряжением из-за таинственной болезни Джиллиан.

— Доктор Синклер! Огромное вам спасибо за приезд! — воскликнула Айрис Толбэт, испуганно вцепившись в руку мужа. — Это Джордж, отец Джиллиан. По-моему, вы уже говорили по телефону.

Айрис Толбэт почти не изменилась с их предыдущей встречи: миловидная блондинка лет тридцати пяти — сорока — только ее привлекательность потускнела от прошедших недель бессонницы и тревоги. Ее муж был крепким мужчиной, очки в роговой оправе выдавали в нем ученого; его можно было бы назвать «уютным», не выгляди он таким изнуренным.

— Конечно. Рад встретиться с вами лично, мистер Толбэт, — сказал Адам, протянув руку. — Это моя мать, доктор Филиппа Синклер, научившая меня многому из того, что я знаю. Мы надеемся, что вместе сможем добраться до сути заболевания вашей дочери.

— Я тоже надеюсь, доктор! — горячо воскликнул Джордж Толбэт. Его рукопожатие было твердым, но карие глаза с глубокой тревогой смотрели на неподвижное тело дочери. — Так тяжело видеть, как она увядает...

Он резко умолк, прежде чем его голос дрогнул. Проследив за взглядом отца, Адам прекрасно понял его горе. Хотя Джиллиан уже болела, когда он видел ее месяц назад, тогда она все еще была красивой, румяной девочкой, эдаким сорванцом.

Теперь, распростертая на спине на накрахмаленной больничной постели, она казалась хрупкой и высохшей, круглое личико приобрело восковую бледность, россыпь веснушек выделялась на фоне бледной кожи. Корона золотых кудрей распрямилась, глаза закрывали голубоватые веки. Носовая питательная трубка шла вдоль впалой щеки, трубка для внутривенных вливаний змеилась к капельнице возле кровати... зловещее подтверждение того, что Джиллиан не может даже сама есть.

— Если бы хоть кто-то мог дотянуться до нее, — беспомощно сказала Айрис Толбэт. — Мы с Джорджем старались изо всех сил, приходили каждый день, но...

Она махнула рукой, признавая поражение; было ясно, что и отец, и мать в ужасе из-за несомненной неспособности общаться со своей единственной дочерью.

Отрывистый голос Филиппы прервал их страдальческое молчание, как глоток свежего воздуха.

— Вряд ли любовь способна здесь хоть что-то решить. Будь оно так, проблема была бы решена уже давно. Вы не должны винить себя.

Толбэты переглянулись, словно пораженные прямоотой Филиппы.

— Полностью согласен, — кивнул Адам. — Полагаю, доктор Огилви подробно обсуждала с вами сложности, связанные с лечением аутизма?

— Обсуждала-обсуждала... в такой мере, в какой клинические формулировки можно применить к данному случаю, — раздалось у него за спиной практичное контральто. — И тем больше причин для всех вовлеченных приветствовать вклад специалиста вашего калибра.

Адам и Филиппа обернулись. В дверях стояла высокая, крепко сбитая женщина лет сорока пяти — пятидесяти. Проницательные серые глаза смотрели на Адама и Филиппу с дружелюбной иронией.

— Доктора Синклер, полагаю? Здравствуйте. Я Элен Огилви.

Следующие полчаса были посвящены обсуждению медицинских тонкостей данного случая и краткому неврологическому осмотру. С точки зрения Адама, этот обмен мнениями был полезнее родителям Джиллиан, чем самой девочке. Он и Филиппа и так уже знали истинную природу недуга Джиллиан, однако им было важно завоевать доверие семьи Джиллиан и ее лечащего врача.

Перебрав все вопросы, какие Адам смог придумать, он предоставил Филиппе продолжать разговор с Толбэтами, а сам вышел поговорить наедине с доктором Огилви.

— Я высоко ценю ваше сотрудничество, — сказал он с улыбкой. — Уверен, нам обоим в прошлом приходилось иметь дело с консультантами, от которых не было никакого толку.

Доктор Огилви пожала плечами и дружелюбно улыбнулась.

— Это большая больница в центре города, доктор Синклер. Психиатрические проблемы, с которыми мы ежедневно имеем дело, обычно связаны с наркотиками, алкоголизмом и острыми неврозами на почве стрессов. У большинства попадающих к нам детей имеются все основания для неуравновешенности. Это следствие распавшихся семей, отсутствия родительского внимания, случаев насилия или злоупотребления алкоголем и наркотиками — или всего вышеизложенного вместе. Аутичные дети редки — и это совершенно не моя область специализации. А Джиллиан не подходит и по остальным параметрам. — Она вздохнула. — Поскольку я действительно не понимаю, как помочь Джиллиан, я только рада передать ее на попечение кого-то, у кого есть шансы добиться позитивного результата.

Адам улыбнулся ее прямоте.

— Спасибо за вотум доверия. Обещаю сделать все возможное, чтобы быть достойным его.

— Вы слишком скромны, — сказала доктор Огилви. — Ваша репутация известна даже в Лондоне. — Она заглянула в комнату, где Толбэты все еще были поглощены разговором с Филиппой, и продолжала напрямик: — Откровенно говоря, когда мисс Толбэт рассказала мне, что связывалась ранее с вами по этому поводу, я удивилась, почему она и ее муж не предпочли обратиться к вашим услугам с самого начала. Я — квалифицированный и опытный врач, но не стыжусь признать, что мне этот случай не по зубам.

Адам пожал плечами.

— Ничего удивительного. Когда я впервые увидел Джиллиан, казалось ясным, что все, что может быть сделано, делается — и рядом с домом, где родные и друзья регулярно могли ее навещать. Всегда есть шанс, что контакт с кем-то хорошо знакомым может вывести ее из этого состояния. Но, поскольку этого не произошло, пора пересмотреть нашу стратегию.

— Хотите перевести ее в другую больницу?

— Уверяю вас, только для моего профессионального удобства, — сказал Адам. — Я практикую в Эдинбурге и не могу работать с девочкой здесь. Если мистера и мисс Толбэт удастся уговорить, я намерен рекомендовать перевезти ее в Джорданберн. — Он улыбнулся. — Здесь, в Лондоне, вы, наверное, знаете клинику как королевскую эдинбургскую больницу. Переименовали ее несколько лет назад, но старые привычки отмирают с трудом. В любом случае я и моя мать, у которой тоже немалый опыт со случаями, подобными Джиллиан, сможем уделять ей гораздо больше внимания.

Толбэты, когда Адам объяснил свои намерения, выказали некоторые признаки неуверенности. Выслушав Адама, они попросили оставить их одних, дабы обсудить вопрос, и Адам, Филиппа и доктор Огилви вышли в коридор. Когда через несколько минут Толбэты

присоединились к ним, Джордж Толбэт был бледен, но держался решительно.

— Мы обдумали все, что вы сказали, доктор Синклер, и решили, что хотим, чтобы вы наблюдали Джиллиан. Мы... заложим дом, если понадобится. Важно только, чтобы наша дочь поправилась и смогла вести нормальную жизнь.

Адама озарило.

— Вы беспокоитесь о расходах, мистер Толбэт? Пожалуйста, не тревожьтесь на этот счет. Я позабочусь, чтобы больничные издержки были покрыты из фондов Минздрава. А моя мать и я предлагаем наши профессиональные услуги бесплатно, *gratis pro bonum*. Скажем так: случай вашей дочери представляет собой интересную проблему.

Оба Толбэта выглядели изумленными и заметно успокоенными.

— На редкость щедрое предложение, доктор Синклер, — промолвил Джордж Толбэт. — Мы... я просто не знаю, что сказать...

— Что мы от всего сердца благодарны вам! — выпалила его жена, смеясь и плача одновременно. — У нас наконец появилась надежда.

Филиппа и Адам переглянулись. Вера Толбэтов была трогательна — и вызвала тревогу. Со своей стороны, Синклеры знали, что сражение за жизнь Джиллиан только начинается.

Глава 18

В то же самое утро инспектор Маклеод, ненадолго заглянув в Главное управление полиции в Эдинбурге, отправился в Перт на очередную пресс-конференцию, посвященную убийству Рэндалла Стюарта. Он уехал до прихода утренней почты, и потому некий коллега, весьма заинтересованный передвижениями Маклеода, не смог обнаружить его.

Инспектору Чарльзу Нейпиру перевалило за сорок; это был крупный человек с темными, густыми волосами и лохматыми бровями, придававшими ему нахмуренный вид ротвейлера. У него была репутация молчуна, но на этот раз он казался менее замкнутым, чем обычно: расхаживал по всему управлению, то и дело останавливаясь переговорить с подчиненными. Вот так незаметно он ухитрился оказаться недалеко от кабинета Маклеода, как раз когда появилась секретарша, толкающая многоярусную проволочную тележку с пачками писем, стянутыми резинками.

— Доброе утро, мисс Десмонд. Есть что-нибудь для меня?

— Да, сэр.

Пока она, порывшись среди верхних пачек, вытаскивала аккуратную связку писем, Нейпир смог убедиться, что картонная папка, которую он рано утром засунул в щель почтовой комнаты, действительно попала в пачку Маклеода.

— Пожалуйста, инспектор, — сказала секретарь.

— Спасибо. Прекрасно.

Проглядывая корреспонденцию, Нейпир дождался, чтобы секретарь нырнула в кабинет Маклеода и оставила пухлую связку почты на письменном столе. Потом, убедившись, что капкан успешно поставлен, он ушел в свой кабинет — ждать развития событий.

Но Маклеод в тот день не вернулся в управление. Хотя Нейпир, якобы разбирая бумаги, старался держаться поближе к кабинету своей дичи, во время ленча, а потом и днем Маклеод не пришел. К половине шестого Нейпиру пришлось сделать вывод, что сегодня жертва так и не покажется.

Он без удовольствия подумал о предстоящем звонке. Наконец, отложив бумаги, запер кабинет, расписался за день и спустился по лестнице. В вестибюле бросил монетку в телефон-автомат и набрал номер. Ответил ему кроткий, почтительный голос с акцентом, указывающим на северо-запад Пакистана.

— Это Чарльз Нейпир, — кратко сказал звонивший. — Если мой дядя свободен, я хотел бы поговорить с ним.

Через мгновение в трубке раздался голос Ребурна.

— Ну?

— Все на месте, как вы и приказали, — сказал Нейпир. — К сожалению, желаемого события придется подождать до завтра. Сегодня он не вернулся в управление.

Молчание.

— Ладно, — сказал холодно Ребурн. — Помните о цене провала.

* * *

На следующее утро Маклеод притащился на работу, чувствуя себя так, словно год не был в отпуске, и более чем готовый к потере выходных. Встречи и дискуссии предыдущего дня в Перте не принесли ничего нового в расследовании убийства Рэндалла Стюарта. Не улучшала настроения и мысль обо всех других делах, накапливающихся из-за вынужденного пренебрежения. И предчувствие оправдалось, когда, открыв дверь кабинета, он обнаружил, что письменный стол практически погребен под аккуратными пачками папок, компьютерных распечаток, писем, служебных записок и протоколов.

Маклеод сердито посмотрел на этот хаос с порога. В тот же миг одетый в аккуратную форму констебль Кохрейн протолкнулся в главную контору через дверь архива и подошел поздороваться.

— Доброе утро, инспектор, — бодро сказал он. — Как там прокурор?

— Никак, — проворчал Маклеод, многозначительно взглянул на подчиненного и спросил: — А как там взлом у Макинтоша? Суперинтендант поймал меня по дороге сюда. Есть какой-то прогресс?

— Очень небольшой. Кое-что из баракла обнаружилось в ломбарде в Карлайле. Карлайльская полиция свяжется с нами, как только проверят след, который им дал ростовщик. А еще, — добавил Кохрейн, — я закончил перепечатывать записи по опросам в Стерлинге. Они у меня на столе, если желаете поглядеть.

— Спасибо. Не сейчас. Дай мне по крайней мере сначала разобраться с макулатурой.

Кохрейн посмотрел на горы бумаг и сочувственно усмехнулся.

— Ага, сэр, понимаю, о чем вы.

— И это только верхушка айсберга, — сообщил Маклеод с проблеском вернувшегося юмора. — А пока, если действительно хочешь помочь, найди мне чашечку кофе.

Хмыкнув, Кохрейн ушел выполнять поручение. Оставшись один Маклеод закрыл дверь, потом откатил кресло с нескольких упавших на пол писем и сел. С чего начать? Вздохнув, он поднял упавшие конверты и бросил на стол, передвинул кучку компьютерных распечаток к боковому креслу и водрузил сверху связку папок. Потом занялся вскрытием почты.

Первая пачка оказалась обычным собранием всякой всячины: огромными каталогами немецкой оружейной компании и американской фирмы, специализирующейся на кобурах и прочих изделиях из кожи; пригласительный билет на уже прошедшие курсы повышения квалификации; письмо с запросом о присутствии офицера на встрече Квартальной Стражи; и две жалобы от якобы озабоченных граждан, возражающих против его недавнего заявления прессе о принадлежности Рэндалла Стюарта к Вольным Каменщикам.

Он бросил пригласительный билет и ненужные конверты в мусорную корзину, переадресовал запрос Квартальной Стражи в Отдел связей и бросил в корзину исходящих, а остальное свалил в корзину входящих, чтобы разобраться потом. Внимательно прочитал обновленную внутриведомственную инструкцию по процедуре связанных с наркотиками арестов, размышляя, куда подевался Кохрейн с кофе, потом снова потянулся к пачке.

Следующим был большой картонный конверт для внутренней переписки с напечатанными на белом самоклеющемся ярлыке фамилией и номером кабинета Маклеода и красным штампом «Лично». Любопытно. Конверт оказался плотно заклеен, вскрывать его пришлось ножом для бумаги. Инспектор заглянул внутрь, потом перевернул конверт и вытряхнул содержимое на стол.

К его удивлению, выпала блестящая золотая фигурка-оригами длиной около шести

дюймов, изображающая какое-то животное. Он ухмыльнулся: явно снова дразнит кто-то из коллег, ибо его увлечение было известно во всем управлении. Пробковую плиту на стене у него за головой оживляла разноцветная, хоть и потрепанная коллекция чужих работ и его собственных лучших экземпляров.

Хмыкнув и размышляя, кто же мог прислать это новое вступление в его коллекцию, Маклеод поднял фигурку.

И немедленно понял, что совершил ошибку. В тот миг, когда пальцы коснулись бумаги, яростный удар энергии сотряс руку. Обжигая, как удар молнии, заряд пробежал по нервной системе, парализовав его с головы до ног. Пронзенный шоком, он покачнулся в кресле; оригами выпала из бессильных пальцев.

С потерей физического контакта нападение не закончилось. Материальный мир вокруг Маклеода слился в кошмар. Словно во сне, он падал спиной мимо призрачных стен тумана, потрескивающих огнем. Ощущение падения закончилось еще одним ослепительным ударом. Он боролся, пытаясь восстановить контроль сознания над телом, но единственным физическим образом, пробившимся сквозь обволакивающий все психический туман, была фигурка оригами, лежавшая теперь на полу между ног и изображавшая, как он теперь ясно видел, рысь.

Со злобным шипением, похожим на кобру, но громче, оригами словно бы испустила вздымающийся столб бледно-желтого дыма. Когда Маклеод сжался, пытаясь отвести атаку, дым сгустился во вставшую на задние лапы кошку с пушистыми бакенбардами и горящими темно-красными глазами. Рысь фыркнула на него со смесью голода и пренебрежения, показав клыки, с которых капала слюна, похожая на густой яд. Не успел Маклеод собраться с силами, чтобы шевельнуться или закричать, зверь бросился на него, обдав ядовитыми испарениями, как газовым облаком.

Удушающий огонь обжег глаза и легкие, подобно слезоточивому газу, только хуже, много хуже. Интенсивность боли разрушила паралич. Терзаемый тошнотой, он в кружащемся тумане вслепую искал внутренний карман пиджака. Через мгновение трясущиеся пальцы нащупали его, схватив внутри единственное, что могло спасти его в миг крайней опасности.

Кольцо Охотника, теплое и твердое, само ткнулось в руку. К тому времени боль превратилась в терновый венец, все туже сдавливающий голову. Дыхание вырывалось всхлипами. Маклеод надел кольцо на средний палец, призывая все, что оно символизировало, сосредоточив истощающиеся запасы силы, чтобы отбить убийственную атаку рыси.

Один ужасный миг казалось, что он опоздал спасти себя.

Через несколько секунд он понял, что давление на череп стабилизировалось. Потом тесный обруч боли стал потихоньку поддаваться. Да, возникали признаки ослабления. Если бы только...

Настойчивый голос пробился сквозь окружающий туман.

— Инспектор? Инспектор Маклеод, вам плохо?

Слова резонировали и гудели. Прилив психических отзвуков на миг грозил снова погрузить Маклеода в хаос. Настойчивые руки схватили его за плечи, требуя ответа.

Сосредоточив все свое внимание на этих руках, Маклеод заставил глаза открыться и смутно увидел лицо Дональда Кохрейна.

— Дональд, — выдохнул он.

— По-моему, лучше вызвать «скорую». — Кохрейн потянулся к одному из телефонов.

— Нет! — Рука Маклеода крепко сжала рукав констебля. Часть его смутно удивилась, когда выяснилось, что он все еще сидит в кресле, хоть и неуклюже сгорбившись.

— Буду в порядке, — сумел проскрежетать инспектор, изо всех сил стараясь заставить работать голосовые связки. — Не суетись! — Видя, что Кохрейн колеблется, он добавил убедительнее: — Это... не медицинское, Дональд! Никакого внешнего вмешательства!

Маклеод хотел подчеркнуть приказ, покачав головой. Попытка пошевелиться чуть не лишила его сознания. Даваясь желчью, он повторил:

— Буду... в порядке через несколько минут. Закрой жалюзи. Пожалуйста, Дональд!

К его огромному облегчению, Кохрейн послушался. К тому времени, как молодой констебль снова повернулся к нему, Маклеод сориентировался. Каким-то чудом дверь кабинета была почти закрыта. Бумажная рысь, целая и невредимая, лежала в нескольких футах от кресла. Огонь явно был лишь иллюзорным проявлением пуска реакции.

— Закрой дверь, — прошептал Маклеод, судорожно махнув рукой и борясь с новой волной тошноты. Кохрейн повиновался. — Видишь? — проскрипел он, указывая трясущимся пальцем на рысь. — Шелковый платок... носовой... здесь, в кармане. Заверни это и подними... но не дотрагивайся... Ради Сына Вдовы...

С широко открытыми глазами Кохрейн подошел к нему и вытащил платок. Молодой констебль ничего не знал об эзотерических связях Маклеода, кроме Вольных Каменщиков, но обучение в одной масонской ложе с Маклеодом выковало узы доверия, не позволявшего отказать мольбе, заклинающей общим братством. Он защитил руку несколькими слоями шелка и осторожно поднял рысь с пола.

— Что это за чертовщина? — прошептал Кохрейн, окидывая ее подозрительным взглядом и держа на расстоянии вытянутой руки. — Совсем как одна из ваших фигурок-оригами.

— Заверни и положи в ящик стола, — выдавил Маклеод. — Не могу сейчас объяснить. — Он чувствовал, как боль пульсирует за глазами яблоками, и прижал кулаки ко лбу, пытаясь думать. Последствия атаки продолжали воздействовать на него, кружась по всему мозгу и телу, как вирус, только и ждущий случая напасть.

«Я не могу бороться сам, — крутилось в голове. — Слава Богу, что меня нашел именно Дональд, но он не справится. Нужна помощь».

Адам должен вернуться из Лондона после полудня, но сейчас это не поможет. Маклеод с трудом сглотнул и снова попытался думать, хотя усилие пронзало мозг раскаленными иглами боли. Кажется, становилось хуже, а не лучше.

Перед ним материализовался пенопластовый стаканчик, с ним и очки.

— Вы уронили очки, — встревоженно сказал Кохрейн, — А кофе не поможет? Вы уверены, что не надо вызвать доктора?

Маклеод отмахнулся от стаканчика и пробормотал:

— Нет, ни того, ни другого. — Он глубоко вздохнул и сказал отчетливее: — Моя записная книжка. Вызови Кристофера Хьюстона.

Не спуская глаз с пепельно-бледного начальника, Кохрейн взял одну из трубок и позвонил. Снова и снова гудки. Нет ответа.

— Похоже, никого нет дома, — сказал Кохрейн. — Вы выглядите просто ужасно. Позвольте мне позвонить доктору.

Комната, казалось, снова исчезала. Маклеод осторожно сглотнул и на время взял себя в руки.

— Попробуй найти Перегрину Ловэта, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. — Позвони Хэмфри в Стратмурн... номер записан на Синклера. Хэмфри будет знать, где его найти.

* * *

У Джона Эдуарда Мьюира, бывшего лорд-мэра Эдинбурга, было лицо, которое в другую эпоху могло бы принадлежать вождю Пограничья. Отступив от мольберта, чтобы оценить работу критическим взором, Перегрин с удовлетворением отметил, что сумел полностью показать отважный, предприимчивый дух, который ощущался за внешним хладнокровием бывшего мэра. Он задумчиво оглядел старика, терпеливо сидящего в полном церемониальном облачении на расстоянии нескольких ярдов.

— Простите, сэр, не могли бы вы немного поднять голову?

Сеанс позирования происходил в гостиной Мьюира в престижном эдинбургском районе Рэвелстоун-дайкс. Мэр исполнил просьбу и сказал с сердитым огоньком в глазах:

— Сколько еще надо времени, чтобы полностью обессмертить меня на полотне?

— Думаю, передо мной вам приходится сидеть в последний раз, — ответил Перегрин, сосредоточив внимание на мазках кисти, добавивших несколько еле различимых штрихов красно-коричневого цвета в уголок рта портрета. Он закончил корректировку, ухмыльнулся, одобряя ее, и расслабился. — Ну вот, сэр. Можете на минутку встать и потянуться, если хотите.

Дверь гостиной открылась, и в комнату вошла жена мэра; она явно была в некотором замешательстве.

— Простите, что прерываю сеанс, мистер Ловэт, — сказала она, — там у телефона некий констебль Кохрейн, спрашивает вас.

Озадаченный, ибо не мог даже вспомнить, встречался ли он с констеблем по имени Кохрейн, Перегрин отложил кисти и палитру, вытер пальцы чистой тряпкой и последовал за мисс Мьюир в коридор. Она указала на телефонную трубку. Вероятно, Кохрейн — один из подчиненных инспектора Маклеода. Но зачем Маклеоду понадобилось звонить Перегрину сюда?

— Перегрин Ловэт слушает, — сказал он.

— Констебль Дональд Кохрейн, — раздался голос на другом конце провода. — Я звоню по просьбе инспектора Ноэля Маклеода. Он просит вас немедленно приехать к нему на работу, в Главное управление полиции, по крайне срочному делу.

Преувеличение было не в характере Маклеода. И почему инспектор не позвонил сам? В голове Перегрина сработала аварийная сигнализация.

— Что случилось? Вы можете сказать, в чем дело?

— Это... трудновато объяснить по телефону, сэр, — сказал голос. — Было бы лучше, если бы вы тотчас же приехали сюда и посмотрели сами.

Все любопытнее и любопытнее. «Почему Маклеод не позвонил лично? — Мысленный сигнал тревоги зазвучал всерьез. — Не случилось ли чего с Адамом?»

— Хорошо, — сказал Перегрин. — Передайте инспектору, что я немедленно выезжаю и буду у него, как только смогу.

Поспешно извинившись перед Мьюирами, он быстро уложил рисовальные принадлежности и отнес в машину. Взгляд на карту Эдинбурга подтвердил, что Главное управление полиции находится на Фетес-авеню, менее чем в двух милях. Отъезжая от тротуара, художник воображал всевозможные бедствия и вел маленький «моррис-майнор» со скоростью, вызвавшей немало возмущенных взглядов более спокойных автомобилистов.

Он доехал меньше чем за десять минут. Едва избежав столкновения с фургоном стекольщика, Перегрин влетел на полицейскую стоянку и обнаружил, что свободных мест нет. Пробормотав проклятие и моля какого угодно бога держать подальше инспектора дорожного движения, он оставил «моррис» у тротуара на двойной желтой линии и бросился к парадному входу.

Дежурный офицер поднял голову, когда он вошел в стеклянную дверь. Перегрин назвал себя и объяснил цель прихода, офицер поднял телефонную трубку и позвонил наверх. Не прошло и минуты, как крепкий рыжеватый человек в форме, примерно ровесник Перегрина, появился из-за двери позади стола дежурного и поманил его.

— Мистер Ловэт? Идите со мной, пожалуйста.

— Что случилось? — пробормотал Перегрин, когда они шли к черной лестнице.

Кохрейн покачал головой.

— Пожалуйста, не здесь, мистер Ловэт. Он объяснит сам... если сможет. Постарайтесь не выглядеть встревоженным, когда мы будем идти через контору.

Они поднялись на самый верх и свернули в застекленный коридор, ведущий вдоль задней части здания. Кохрейн провел Перегрина через большой зал главной конторы к ряду пронумерованных дверей на дальнем конце. Табличка с именем Маклеода была на двери с номером «5В»; изнутри слабо доносился настойчивый звон телефона.

Кохрейн быстро постучал в дверь, прежде чем открыть и впустить Перегрина, и сразу

же направился к телефону — ибо Маклеод явно не признавал ни звонков, ни их приход: он сидел, тяжело навалившись на стол и неловко уткнувшись головой в правую руку.

Пока перепуганный Перегрин закрывал за собой дверь, Кохрейн схватил трубку.

— Кабинет инспектора Маклеода, — сказал он, немного задыхаясь. — Нет, боюсь, он на заседании. Это констебль Кохрейн, его помощник. Чем могу помочь?

Пока Кохрейн разбирался с абонентом, Перегрин подошел поближе и внимательно пригляделся к Маклеоду. Искажённое болью лицо инспектора было цвета штукатурки, тело напряжено.

Как только Кохрейн положил трубку, Перегрин повернулся к нему.

— Что случилось? — спросил он, понизив голос. — Что с ним?

— Честно говоря, не знаю, — тихо сказал молодой констебль. — И он не позволил мне вызвать доктора. Происходящее как-то связано с вот этим. — Он выдвинул левый ящик стола. — Дотрагиваться до нее можно только через шелк.

Заинтригованный Перегрин осторожно поднял уголок платка и увидел origami из золотой бумаги. Какое-то животное. Приглядевшись, он понял, что это рысь.

Краткий приступ дурноты от отвращения завязал желудок узлом. Постаравшись не коснуться золотой бумаги, Перегрин поспешно накрыл ее платком и задвинул ящик, после чего снова повернулся к Маклеоду.

— Инспектор, — позвал он тихо, положив руку ему на плечо. — Ноэль, это я, Перегрин. Вы просили меня приехать, и я здесь. Пожалуйста, можете сказать мне, что я должен сделать?

Маклеод не ответил. Беспокоясь все больше и больше, Перегрин оглянулся на Кохрейна, встревоженно топтавшегося у двери.

— Давно он так?

— Я нашел его около получаса назад, — прошептал Кохрейн. — Сначала он мог говорить, но в последний раз я его слышал минут десять — пятнадцать назад... вскоре после того, как позвонил вам. — Увидев выражение лица Перегрина, констебль добавил: — Он сначала велел мне позвонить отцу Кристоферу Хьюстону. Когда там не ответили, попросил связаться с Хэмфри, слугой сэра Адама Синклера, и узнать, где вы. Я умолял его позволить мне вызвать доктора, но он и слышать не хотел. Заставил меня пообещать не звать на помощь, пока вы не приедете.

«Почему я?» — удивился про себя Перегрин, снова возвращаясь к Маклеоду. Ответ он мог придумать только один: у Маклеода явно были причины считать, что Перегрин сможет помочь там, где традиционная медицина потерпит неудачу.

Эта мысль обескураживала. Молодой человек снова поглядел на Маклеода и подавил сильнейший приступ страха и неуверенности в себе.

«Боже, Маклеод, надеюсь, вы правы, — размышлял он мрачно. — Думай, Ловэт! Что сделал бы Адам, будь он здесь?»

Художник постарался успокоиться, отыскивая в недавних воспоминаниях образы Адама за работой. Среди них необъяснимо всплыл образ кольца Майкла Броуди. Получив его от леди Джулиан, Перегрин, подражая Адаму, всегда носил кольцо с собой в кошелечке из китайского шелка. Сейчас оно было в кармане брюк, и внезапно ему очень захотелось надеть его.

Сама идея казалась дерзкой, особенно поскольку он еще не вошел в состав Охотничьей Лужи и не получил официального разрешения Адама носить кольцо как символ членства. В то же самое время в нем росла уверенность, что кольцо понадобится для фокусировки, если он хочет попытаться помочь Маклеоду в его нынешнем положении. Взгляд на правую руку Маклеода подтвердил, что тот свое кольцо носит. Перегрин мог бы использовать свое, чтобы как-то связаться с кольцом Маклеода, надеясь, что опыт инспектора поможет ему.

Закусив губу, он сунул руку в карман и сжал кошелек с кольцом в кулаке. Вытащив руку из кармана и прижав кулак к губам, молодой человек обратился к духу кольца.

«Простите меня, сэр Майкл, если это не получит вашего одобрения, — сказал он мужу

леди Джулиан, — но инспектору нужна помощь, а я не знаю, что еще делать».

Стоя спиной к Кохрейну, он быстро расстегнул замочек и вытащил кольцо, сунув кошелек обратно в карман, а кольцо надев на средний палец правой руки.

Перегрин ожидал карающего удара силы. Вместо этого успокаивающее ощущение ласкового тепла распространилось по руке. Ободрившись, он повернулся к Кохрейну.

— Погляжу, что я смогу сделать, чтобы облегчить его положение. Постарайтесь, чтобы нас не потревожили.

Кивнув, констебль подошел и выдернул шнуры обоих телефонов.

— Я и так собирался вывести их из строя, чтобы звонящие думали, что его нет. Мне пришлось ответить на несколько звонков, но я не люблю лгать. Так безопаснее, если мы не хотим возбудить подозрений.

Перегрин не мог не согласиться с этой логикой. Убрав папки и распечатки со второго кресла, он поставил его слева от инспектора и сел, оставив Кохрейна охранять дверь. Мысленно повторив все, чему обучил его Адам с их первой встречи, он сначала сосредоточился на вхождении в состояние полутранса, регулируя дыхание, пока не сумел привести чувства и мысли в состояние равновесия.

Ощущение глубокого покоя постепенно снизошло на него. Он почувствовал, что и Маклеоду тоже надо бы установить подобное равновесие, по крайней мере, насколько возможно в его нынешнем состоянии. Через мгновение, полностью успокоившись, Перегрин протянул руку с кольцом и легко прикоснулся кончиками пальцев ко лбу Маклеода, подражая гипнотическому жесту, который не раз видел у Адама.

— Расслабьтесь, Ноэль, — прошептал он. — Погрузитесь глубже в сон.

К его облегчению и удивлению, Маклеод, вздрогнув, сделал глубокий вдох, как ныряльщик, готовый окунуться в воду, и тяжело выдохнул. Инстинктивно Перегрин уравнивал дыхание, мобилизовав все внутренние силы.

— Ноэль, это Перегрин, — тихо позвал он, сжимая правой рукой запястье Маклеода и нащупывая кончиками пальцев пульс. — Если вы слышите меня, попытайтесь помочь мне. Покажите, что вас беспокоит.

Ответ пришел не словами, а чередой картин. Неожиданно Перегрин почувствовал уже знакомое затемнение видения. Когда его Внутреннее Зрение настроилось, он узрел, словно рисунок на кальке, усаженную шипами массу серых усиков, окутывающую голову и шею Маклеода терновым шлемом.

Перегрин вздрогнул. Усики не были пассивны. Трепещущая пульсация пробегала по переплетенным ветвям в неравномерном контрапункте к биению сердца Маклеода.

Потом в голове будто вспыхнул новый свет. В кончиках пальцев возник напор силы, идущей из той части его существа, о которой Перегрин ничего не знал. Кольцо ожило: в его внутреннем видении камень испустил чистое белое сияние — так ночью в Уркхарте сиял камень в головке кинжала, когда Адам использовал его для отражения Воинства Фейри.

Свет становился все ярче. Перегрин выпустил запястье и инстинктивно протянул руку к голове больного. Сила окружала руку, подобно ауре. И он бесстрашно дернул за ближайший колючий усик, оплетающий голову Маклеода.

Усик зашипел и отделился при его прикосновении, испустив ядовитую струю серого дыма. Ободренный, Перегрин оторвал целую плеть. Упругие серые ветви липли к пальцам и запястьям, обжигая кожу, словно кислота, но, казалось, не причиняли настоящего вреда. Сжав зубы от отвращения и боли, он встряхнул рукой над мусорной корзиной и увидел, как они съезжились вспышками грязного пламени. Улыбнувшись с мрачным удовлетворением, Перегрин потянулся за второй плетью.

К тому времени, как он закончил очищать усики, Маклеод дышал уже легче, однако его по-прежнему окружала злобная энергия. Инстинктивно Перегрин знал, что ее источник находится в ящике стола, и пока амулет-рысь не удастся обезвредить, Маклеод останется под угрозой.

Он открыл ящик и снял носовой платок, прикрывающий фигурку, размышляя,

подействует ли кольцо на нее так, как подействовало на усики. Он на пробу провел над ней рукой с кольцом... Дохнуло жаром, как из очага, и Перегрин поспешно отдернул руку.

— Не трогайте! — проскрипел сиплый голос почти над ухом, и чья-то рука задвинула ящик. — Оставьте это Адаму.

Перегрин подскочил. Маклеод поднял голову и вглядывался в него налитыми кровью, но ожившими глазами. Стоящий у двери Кохрейн тоже встрепенулся, услышав голос инспектора.

— Сэр! Слава Богу, вы пришли в себя! Что тут творится?

Маклеод заметно поморщился, словно с сильного похмелья.

— Спроси еще раз, когда у меня в голове перестанет стучать барабан, — пробормотал он, слегка покачиваясь в кресле и прижимая кулаки к вискам.

— Могу я что-нибудь еще сделать для вас? — взволнованно спросил Кохрейн.

Взгляд Маклеода устремился на ящик стола, который он только что закрыл.

— Ага. Можешь взять эту штуку и спрятать ее в сейф до приезда Адама Синклера. Потом, пожалуй, попробуй найти мне пару таблеток аспирина и стакан воды. И никому ни слова!

Перегрин поймал взгляд Кохрейна.

— Не беспокойтесь. Я останусь с ним.

Кивнув, Кохрейн осторожно снова завернул амулет-рысь, запихнул в конверт, запечатал, нацарапав на нем имя Маклеода, и вышел из кабинета, закрыв за собой дверь.

Оставшись наедине с Маклеодом, Перегрин промолвил:

— Я ошибаюсь, или кто-то пытался убить вас?

Маклеод снова закрыл глаза. Не открывая их, сказал:

— Не ошибаетесь. Кто бы ни послал эту рысь, намерения у него были самые серьезные. Считайте ее психической «бомбой в конверте».

Перегрин поморщился. Часть его поражалась, что он принял это объяснение, не усомнившись, другая часть уже думала, что делать дальше.

— Адам должен прилететь около полудня. То есть... — он посмотрел на часы, — минут через тридцать. Хотите, чтобы я встретил его и привез сюда?

— Нет. Если тот, кто это устроил, видел, как вы приехали, он вполне может выследить вас на обратном пути, — сказал Маклеод. — Лучше пусть поедет Дональд. Просто скажите номер и время рейса и предоставьте ему остальное.

Глава 19

Устроить для Джиллиан Толбэт место в Джорданберне Адаму было не трудно. Устроить переезд было посложнее, учитывая правила, утвержденные Национальным советом по здравоохранению и требующие извещать о неаварийных перевозках за неделю. Заполнив необходимый бланк запроса, Адам позвонил в Службу «Скорой помощи». Благодаря своему терпению и способности быть убедительным, он сумел наконец обеспечить необходимый транспорт и персонал на следующий понедельник.

— В сущности, задержка на четыре дня не так уж плоха, — заметила Филиппа, когда утром в пятницу они с Адамом ехали на такси в Хитроу. — Сейчас меньше всего надо, чтобы Джиллиан связали с нами до того, как у нас будет время возвести первичные укрепления.

Самолет вылетел из Лондона по расписанию и приземлился в Тернхаусе, аэропорте Эдинбурга, вскоре после часа дня. Утром, перед отъездом из Каледонского клуба, Адам попросил позвонить Хэмфри, оставив указания встретить их в аэропорту на «бентли» — в честь приезда матери. Поэтому он не удивился, заметив среди встречающих в зале прилета знакомую фигуру Хэмфри. Только с запозданием он понял, что в комитет по встрече входит и строгий рыжеватый констебль.

— Интересно, — произнесла Филиппа, тоже уловившая связь. — Либо я нечаянно нарушила какой-то непонятный иммиграционный закон, либо...

— Либо что-то случилось, — сказал Адам. — Это помощник Ноэля. Пошли.

Мать и сын стали поспешно пробираться среди пассажиров, выходивших в зал прилета. К тому времени Хэмфри и молодой полисмен заметили их и устремились навстречу с видимой поспешностью.

— Мистер Кохрейн, — сказал Адам, пока Хэмфри обменивался обеспокоенным приветственным кивком с Филиппой, — должно ли ваше присутствие встревожить меня?

Бросив неуверенный взгляд на Филиппу, Кохрейн сосредоточил внимание на Адаме, даже не поздоровавшись.

— Не хочу беспокоить вас, сэр, но с инспектором Маклеодом случился... ну вроде несчастный случай. Он и мистер Перегрин Ловэт просили, чтобы я привез вас.

Понизив голос, он рассказал: Маклеод перенес тревожащий припадок, получив по почте фигурку-оригами.

— Поскольку вы, сэр, в то время были недоступны, он велел мне позвонить мистеру Ловэту. Мистер Ловэт немного помог инспектору, но тот все еще в довольно тяжелом состоянии. И он, и мистер Ловэт просили сказать вам, что им срочно нужна ваша помощь. Моя машина ждет на улице. Я бы хотел отвезти вас в участок прямо отсюда, если это, конечно, возможно.

Потрясение от известия, что Маклеод подвергся какой-то психической атаке, было до некоторой степени смягчено удивительным открытием прямого участия Перегрин в защите Маклеода. Однако набитый битком аэропорт был неподходящим местом для дальнейших расспросов на этот счет. Адам попытался поймать взгляд матери.

— Не беспокойся обо мне, — сказала Филиппа. — У нас с Хэмфри большой опыт по обращению с багажом. Просто ждать тебя дома, или мы где-то встретимся?

— Не знаю, сколько мне понадобится времени, — честно сказал Адам, — так что вам лучше ехать в Стратмурн и ждать меня там. Позже я позвоню тебе и расскажу, как идут дела. Хэмфри, вы, случайно, не привезли мой медицинский саквояж?

— Да, сэр. Он в багажнике «бентли».

— Хорошо. Машина на улице?

— На стоянке для лимузинов, сэр. Принести вам сумку?

— Будьте добры.

— Мой автомобиль прямо у входа, сэр, — сказал Кохрейн. — Сюда.

Как только они отъехали от аэропорта, Кохрейн включил мигалку и сирену и нажал на газ. Из-за громкой сирены разговаривать было трудно, но, задавая осторожные вопросы, Адам смог составить довольно неплохое представление о самочувствии Маклеода. Пока Кохрейн рассказывал о том, что произошло после появления на сцене Перегрин, Адам открыл стоящий на полу медицинский саквояж и вынул шприц.

— Это уменьшит тошноту, которую вы описали, и поможет ему расслабиться, — сказал он, заметив вопросительный взгляд Кохрейна; закрыл иглу пластиковым колпачком и убрал шприц в карман вместе со спиртовым тампоном. — Иногда это используется при лечении мигреней. — Когда его рука показалась из кармана, на ней было кольцо с сапфиром.

За несколько кварталов до участка Кохрейн выключил мигалку и сирену и припарковался на стоянке при участке. Адам увидел у тротуара перед домом знакомый зеленый «моррис-майнор», припаркованный на двойной желтой линии. Белый клочок бумаги хлопал на ветру под стеклоочистителем. Кохрейн, заметив, что Адам поморщился, ухмыльнулся.

— О, это не настоящая повестка, сэр, — сказал он с некоторой гордостью. — Или, точнее, настоящая, но пустая. Перед поездкой в аэропорт я поговорил с инспектором дорожного движения. Когда мистер Ловэт будет уезжать, я ее заберу.

— Вы сообразительны, мистер Кохрейн, — воскликнул Адам засовывая медицинскую сумку под сиденье. — Мистер Ловэт ваш должник.

— Ну, — улыбнулся Кохрейн, — к счастью, так уж случилось, что упомянутый инспектор дорожного движения — моя невеста.

Они вошли в дом через боковую дверь и поднялись на нужный этаж на служебном лифте.

— Инспектор сказал, что лучше не проходить через главный вестибюль, — объяснил Кохрейн, когда они вышли из лифта в пустой коридор. — Теперь сюда, сэр.

До кабинета Маклеода добрались, никого не встретив. Но все равно у Адама было неприятное ощущение, что за ним наблюдают.

Дверь кабинета открыл Перегрин, бледный, но с воинственно поблескивающими очками. При виде Адама его лицо прояснилось.

— Слава Богу! — воскликнул художник пылким шепотом, отступив в сторону, чтобы они могли войти.

Маклеод сидел, откинувшись в кресле, с влажным бумажным полотенцем на глазах; волосы взъерошены, галстук перекошен. Когда новоприбывшие вошли, он снял полотенце и надел очки, слабо усмехнувшись Адаму.

— Добро пожаловать, — хрипло пробормотал он. — Лучше бы мне приехать к вам, чем заставлять вас приходить ко мне, но в данный момент я доверяю своим ногам не больше, чем паре резиновых лент.

— Мне так и сказали. — Адам взял Маклеода за запястье, чтобы проверить пульс. — Вам вообще повезло, что вы еще с нами. Где та штука, которая вызвала все неприятности?

Узнав, что origami спрятана в сейфе, Адам послал за ней Кохрейна. Пульс Маклеода был достаточно ровным, но заметно быстрее обычного, а лицо его напряжено от боли.

— Вряд ли мне нужно говорить вам, что это работа Рыси, — казал Маклеод, когда Адам подтащил второе кресло и сел.

— Не нужно. Сам способ служит подписью.

Когда он снял с Маклеода очки и отложил в сторону, чтобы посмотреть на налитые кровью глаза, инспектор тяжело вздохнул.

— Могу представить, о чем вы думаете, после нашего разговора в понедельник, — сказал он, когда Адам прикрыл ему сначала один глаз, потом второй и полез в нагрудный карман за тоненьким, как авторучка, фонариком. — Клянусь, сознательно я не сделал ничего, чтобы выдать себя.

— Вы не настолько глупы. — На лице Адама промелькнула улыбка. — А теперь расслабьтесь и дайте мне закончить осмотр.

Он коротко посветил узким лучом в глаза Маклеода; инспектор вздрогнул и отвернулся, что-то бормоча.

— Простите, — прошептал Адам. — Я принес лекарство, которое должно ослабить боль, но сначала позвольте задать вам пару вопросов. Во-первых, кто-нибудь, кроме вас, дотрагивался до амулета-origami?

— Нет, — произнес Маклеод уверенно.

— Хорошо, — кивнул Адам. — Я хочу разобрать его, чтобы посмотреть, что там внутри. Мне понадобится что-то вроде пинцета, но не проводящее... дерево или пластик.

— Пара карандашей? — предложил Перегрин.

— Нет, графит может быть проводником. Интересно, есть у него в ящике какие-нибудь пластиковые ножи?

Маклеод покачал головой, прежде чем Перегрин смог посмотреть; по лицу было видно, что инспектор едва сдерживает усиливающуюся боль.

— А зубочистки? Ноэль, есть у вас зубочистки?

— Есть кое-что получше, — выдал из себя Маклеод. — Как насчет палочек для еды?

— Палочки для еды? Идеально. Где они?

— В среду был китайский ленч. Выдали по два набора, — объяснил Маклеод, указывая на стаканчик с карандашами.

Адам достал набор из стаканчика и вытащил палочки из бумажной обертки. Они были деревянные, с заостренными кончиками.

— Да, как раз подойдет, — решил он. — Когда вернется мистер Кохрейн с образцом, мы

произведем необходимую вивисекцию. Перегрин, давайте снимем с него пиджак, и закатайте рукав, чтобы я смог сделать укол.

Пока Перегрин помогал ему снять пиджак и расстегивал манжету рукава, Маклеод смотрел, как Адам вынимает шприц из кармана пальто.

— Что это? — прошептал он.

— То, что поможет вам расслабиться и справиться с тошнотой, — ответил Адам, быстро смазывая тампоном участок кожи на бицепсе. — Оно сработает лучше, если вы позволите мне ненадолго усыпить вас.

— Ладно. — Маклеод зевнул, уже начав расслабляться под воздействием лекарства. — Только будьте осторожны, если собираетесь возиться с этой рысью... Фью, ну и наркота!

Адам улыбнулся и убрал шприц в карман, потом снова пощупал пульс, на миг прижав свободную руку ко лбу Маклеода.

— Оставьте все тревоги мне, друг мой. Пора глубоко-глубоко вздохнуть и погрузиться в сон. Вот так... Избавьтесь от боли. А теперь наклонитесь вперед и положите голову на руки.

Устроив Маклеода, Адам наконец смог уделить внимание Перегрину.

— Ну что же, Кохрейн частично изложил мне, что вы здесь делали, — сказал он серьезно, — но констебль явно не понимает, что происходило на самом деле. К счастью, Нозль уже некоторое время вел с ним подготовительную работу. Вероятно, в будущем он мог бы быть рекрутом... Пока он не вернулся, расскажите мне все с вашей точки зрения — своими словами. Кстати, вы хорошо поработали; вы купили Нозлю драгоценное время.

Не зная почему, Перегрин вдруг покраснел, как виноватый школьник, под пронизательным взглядом Адама. Похвала была приятна, но собственная неуверенность Перегрина умалила удовольствие.

— Не уверен, что смогу четко объяснить, — сказал он. — Я пытался сообразить, что сделали бы вы...

Сбивчиво он описал, как сфокусировал внутреннее Зрение на том, что причиняло боль Маклеоду: грязных серых усиках, похожих на терновый венец, — и как сдирал усики руками и они съеживались и исчезали.

— Хотя я должен признаться кое в чем еще, — добавил он, закончив короткий рассказ. — Я... в конце концов использовал кольцо Майкла Броуди.

Он виновато повесил голову, и Адам спросил:

— Почему это вас беспокоит?

Он внимательно смотрел на лицо Перегрина. Не встречаясь с Адамом взглядом, молодой художник тихо промолвил:

— Я говорил вам, что не буду носить его без вашего разрешения.

— Говорили, — согласился Адам. — Но это правило установили вы, а не я.

Светло-карие глаза Перегрина метнули на него испуганный взгляд.

— Истинная добродетель, — ласково сказал Адам, — не в том, чтобы установить правила, а потом держаться их любой ценой. Напротив, она в том, чтобы взвесить ситуацию и точно оценить результаты. Помните указание «И Цзин»; «Незаурядный человек отличает высокое от низкого». В данном случае вы поступили правильно, отвергнув меньшее благо ради большего.

Обеспокоенное лицо Перегрина прояснилось.

— Значит, вы не разочаровались во мне?

— Разочаровался? — Если бы молодой художник не выглядел таким серьезным, Адам не выдержал бы и громко расхохотался. — Вряд ли, — с улыбкой заверил он Перегрина, — скорее, удивился... но ведь с самого Мелроуза вы были постоянным источником удивления для меня и Нозля. И я хочу, чтобы это было воспринято как комплимент.

Видя, что Перегрин тоже слабо улыбается, он добавил:

— Есть что-то еще, что мне, по-вашему, надо знать?

— Не думаю... Нет, подождите! Когда Кохрейн уехал за вами, я сделал несколько набросков. Это скорее смутные образы, чем настоящие рисунки, но они тыкались мне в

разум, пока я не зарисовал их. Вдруг вы сможете здесь что-то понять.

Перегрин полез во внутренний карман блейзера и вытащил пачку сложенных листов — рисунки, сделанные на ведомственных бланках. Посторонний принял бы их за причудливую работу сюрреалиста, однако для посвященного взгляда Адама они символизировали нависшую над Маклеодом опасность.

Первый рисунок, очевидно, был натюрмортом, составленным из двух пенопластовых стаканчиков, нескольких листов бумаги, скальпеля и ручки со стальным пером. На втором четыре кровоточащих больших пальца протянулись над чашей. На третьем красовалась фигура человека окруженного кольцом горящего колючего кустарника. Все вместе, как карты из какой-то странной колоды Таро, они указывали путь к истине.

— В них, кажется, нет особого смысла, верно? — заметил Перегрин.

— Напротив, — задумчиво произнес Адам, возвращая рисунки, — мне они говорят многое.

Он сказал бы и больше, но стук в дверь возвестил о возвращении Кохрейна с конвертом, где лежала оригами-рысь.

— Простите за задержку, сэр. Там бродила еще пара ребят, а я не хотел казаться слишком настойчивым.

— Очень разумно, — кивнул Адам, когда Кохрейн подал ему конверт.

Он на миг крепко сжал его в руках, и в его глазах появилось знакомое Перегрину отсутствующее выражение. Потом взял палочки для еды и засунул под клапан, чтобы распечатать его. Под взглядами Перегрина и Кохрейна Адам, используя палочки, осторожно вытащил носовой платок на промокашку и поднял верхние слои, чтобы увидеть, что внутри.

Бумажная рысь сверкнула золотом, когда Адам проткнул ее деревянной палочкой. Никогда прежде он не видел, чтобы оригами изображала рысь. Она была хитро сделана; искусство создателя, похоже, превосходило искусство Маклеода. Толщина тела предполагала, что внутри что-то вложено.

Бросив рысь обратно в шелковое гнездо, Адам правой рукой нарисовал в воздухе над ней знак, потом снова потянулся к стаканчику с карандашами и вытащил пластиковую линейку. Прижав ею рысь, чтобы не нарушить защиту, он аккуратно залез внутрь палочками и начал осторожно разворачивать сложенную бумагу, действуя палочками с точностью хирурга.

Бумага была позолочена только с одной стороны. Постепенно Адам вытащил четыре длинные узкие полоски чего-то похожего на белый пенопласт и клочок белой бумаги с необычными красно-коричневыми пометками. Пометки был и также и на непозолоченной стороне бумаги, но Адам, используя палочки, поднял сначала одну из пенопластовых полос, чтобы внимательнее рассмотреть.

— Это явно куски ободка пенопластового стаканчика для кофе — сообщил он. — Наверняка одного из тех, которыми Ноэль пользовался в последние несколько дней. Потом его вытащили из мусорного ведра... а для чего, мы уже знаем.

— А бумажка? — прошептал Перегрин, когда Адам положил полоску назад. — Что это за надпись? Какая-то клинопись? И что написано внутри? Выглядит почти как кровь!

Адам хмуро поднял клочок бумаги палочками.

— Вероятно, здесь и на бумаге, из которой сделана рысь, зафиксирована формула заклинания, — сказал он тихо, — а кровь, несомненно, благодатное средство для активации подобных заклинаний. А вот надпись на другой стороне...

Он перевернул бумажку. На печатном обрывке бланка была подпись, сделанная черными чернилами.

— Это подпись Маклеода! — ахнул Перегрин.

— Да, действительно, — сказал Адам. — Третье звено для привязки к нему фокуса заклинания.

Кохрейн пристально всматривался в листок бумаги через плечо Адама.

— Мне это не нравится, сэр, — сказал он, беспокойно нахмурившись. — Это оторвано

от какого-то листа со служебной перепиской... это написано прямо здесь, в управлении.

Адам кивнул. В сочетании с прочими доказательствами замечание Кохрейна указывало на вероятное присутствие агента Рыси в самом Управлении полиции.

— Я надеялся, что такую возможность рассматривать не придется, — сказал он Кохрейну. — Если найдете еще что-нибудь интересное, я был бы благодарен, если бы вы смогли дать мне знать.

— Так и сделаю, сэр.

Адам потянулся за двумя листами простой почтовой бумага из среднего ящика; заколдованная полоска моментально свернулась. Используя палочки и защищая пальцы концом шелкового платка, он скрепкой прижал оригами позолоченной стороной к листу бумаги, прикрепил в углу клочок с клинописью, потом положил сверху еще один лист и засунул образованный таким образом «сэндвич» в первую же папку, какую смог вытащить из стола Маклеода.

— Не уверен, получится ли скопировать это, мистер Кохрейн, но мне хотелось бы иметь фотокопию для более тщательного изучения, — сказал он, передавая констеблю папку. — Не возьмете ли сии труды на себя? Только ни в коем случае не дотрагивайтесь до этого.

— Нет проблем, сэр, — сказал Кохрейн, — хотя мне потребуется время, чтобы найти свободный копировальный аппарат. Насколько я понимаю, лучше обойтись без свидетелей.

— Вы совершенно правы, — ответил Адам. — А о времени не беспокойтесь. Если надо — подождем.

Когда Кохрейн ушел выполнять последнее поручение, Адам снова повернулся к Маклеоду и легко дотронулся до запястья инспектора. Маклеод, казалось, спал, но предательский трепет движения под закрытыми веками говорил, что он на самом деле все еще в трансе и часть его полностью осознает окружающее.

— Ноэль, я надеюсь скоро увести вас отсюда. А прежде чем мы попытаемся двинуться, немного укрепим вашу защиту. Хорошо?

Не открывая глаз, Маклеод пробормотал:

— Угу.

— Молодец. Тогда погрузитесь еще глубже в сон.

Закрыв глаза, Адам глубоко вздохнул, чтобы и самому войти в транс. Изменение восприятия на миг притупило внешние чувства, но уже со следующим вздохом он смог открыть внутренние глаза. Перед ним предстала картина: ослабевший Маклеод стоит в кольце колючих кустов диаметром с вытянутую руку.

Тени танцевали на терниях, как черное пламя. Прошептав мольбу к Свету, Адам шагнул в круг к Маклеоду. Сила изливалась из него, как источник. Сосредоточив эту силу в правой руке, он начертил в воздухе охранительный знак.

Движение руки оставило пенистый след. Клубящиеся тени с шипением отхлынули от нарисованного символа. Усилив сосредоточенность, Адам пошел по кругу вправо, останавливаясь в каждой из оставшихся четвертей, чтобы повторить охранительный знак. Расход энергии был ощутимым. Заканчивая запечатывать круг, он уже дрожал от напряжения.

Но нарисованный круг держался крепко. Убежденный, что на данный момент Маклеод защищен от дальнейшего ущерба, Адам отступил в центр круга и вышел из него в той же точке, где вошел. Изменение сознания сопровождалось знакомым приступом головокружения.

Маклеод не шевелился, но дышал теперь легче, хотя лицо по-прежнему было воскового цвета. Рядом стоял сильно встревоженный Перегрин. Увидев, что Адам очнулся, художник спросил, понизив голос:

— Теперь он будет в порядке?

— Окончательно он придет в себя, лишь когда будет уничтожено само заклинание, — сказал Адам. — Но этим я не намерен заниматься здесь.

Он спокойно сидел, продолжая укреплять защиту Маклеода пока не вернулся Кохрейн с требуемой фотокопией.

Осторожно убрав скрепки защищенными шелком пальцами, Адам высвободил позолоченную бумагу и листок с подписью и, используя палочки, бросил их обратно в сделанное из носового платка гнездо. Следом отправились полоски пенопласта; Адам смог сложить их более компактно, потом завернул в платок, сунул все в другой конверт и запечатал его. Копию он сунул вместе с конвертом в нагрудный карман. Пиджак был с шелковой подкладкой, что обеспечивало дополнительную защиту.

— Пора выводить его отсюда, — сказал Адам молодым помощникам, поглядев на карманные часы. — Сейчас уже почти конец рабочего дня. Будем надеяться, что в следующие четверть часа столько народу будет приходить и уходить, что мы сможем выскользнуть, не привлекая особого внимания.

Перегрин потянулся за пальто и шарфом. Тем временем Адам обратился к Маклеоду через порог гипнотического транса:

— Вы со мной, Ноэль? Кивните, если слышите меня. Прекрасно. Через минуту-другую мы выйдем из здания. По моему слову вы полностью очнетесь, вспомнив все, что произошло, но не выказывая внешнего нездоровья. Я знаю, что вы все еще очень плохо себя чувствуете, но вы не поддадитесь недомоганию, пока не доберетесь до машины. Если кто-то задаст вопрос, вы скажете, что, кажется, подхватили грипп...

Они надели на Маклеода пиджак и пальто. Кохрейн проводил их из кабинета, закрыл дверь и запер с небрежностью, заслужившей похвалу Адама. Благодаря постгипнотическому внушению Маклеод сам спустился по черной лестнице и дошел до автостоянки, и ноги у него не подгибались, хотя кое-кто из коллег бросал на инспектора странные взгляды. Пока Кохрейн сходил забрать медицинский саквояж Адама из полицейской машины и «повестку» из «моррис-майнора», Адам и Перегрин нашли черный «БМВ» Маклеода на выделенном для него месте и, воспользовавшись ключами инспектора, открыли двери. С помощью Адама Маклеод залез на пассажирское сиденье и со вздохом положил голову на подголовник.

Через минуту к ним подошел Кохрейн. Передав Адаму черный саквояж, он наклонился к окну машины и бросил на начальника последний озабоченный взгляд.

— Мне неприятно об этом говорить, сэр, — сказал констебль, пытаясь казаться несерьезным, — но вряд ли вы будете в форме, чтобы присутствовать сегодня вечером в Ложе на обряде святого Андрея.

— Ты, пожалуй, прав, — уныло согласился Маклеод. — Извинись там за меня.

— Охотно, сэр. Какие-нибудь последние указания, пока я не ушел?

— Ага. В следующие двадцать четыре часа непременно сходи в бар и поставь себе пинту пива, — сказал Маклеод. — Ты это более чем заслужил.

Глава 20

Адам отвез Маклеода домой на «БМВ»; Перегрин ехал следом на своей машине. Джейн Маклеод на мгновение встревожилась, увидев, как Адам ведет ее мужа по дорожке, а следом за «БМВ» останавливается вторая машина, но Маклеод сам успокоил ее, используя придуманное Адамом еще в участке объяснение.

— Похоже, нынешний вирус гриппа в конце концов добрался до меня, — объявил он со слабой усмешкой. — Адам утверждает, что я буду жить, но в данный момент картина не самая привлекательная.

— Ваш супруг, — скривился Адам, — не самый дисциплинированный пациент... хотя вряд ли для вас это новость. Постарайтесь удержать его на несколько дней в постели.

— О, это будет нелегко, — довольно резко сказала Джейн, беря Маклеода за другую руку и помогая Адаму вести его в дом. — Мужчины иногда просто невозможны. Но ты немедленно отправись в постель, Ноэль Маклеод, и если вдруг позвонят из управления, я скажу им, что тебе наскучила городская жизнь и ты сбежал в море!

— Он может принять аспирин, если головная боль станет совсем уж невыносимой, — сказал Адам, — но в остальном, думаю, сон будет для него лучшим лекарством. Утром я

позвоню вам и узнаю, как дела.

Убедившись, что Маклеод под надежным присмотром, и позвонив в Стратмурн предупредить Хэмфри и Филиппу, Адам сел в «моррис-майнор» Перегрин. Час пик был в самом разгаре, когда они потихоньку двигались в сторону Форт-роуд-бридж и дома, и следующие несколько миль Перегрин был слишком занят дорогой, чтобы задавать многочисленные вопросы, жужжащие в мозгу, как мухи. Однако, оставив позади городские предместья, он больше не смог держать свои мысли при себе.

— Адам, — решил он, — судя по тому немногому, что я до сих пор слышал о Ложе Рыси, они, кажется, прилагают все силы, чтобы сохранить свои действия в тайне. Однако нападение на инспектора явно их работа. Почему, по-вашему, они так небрежны, что оставили свою визитную карточку?

Адам пошевелился на сиденье, словно очнувшись от задумчивости.

— По-моему, это не столько небрежность, сколько самоуверенность, — сказал он мрачно. — Нападение на Нозля должно было быть смертоносным. Если бы оно достигло цели, физические симптомы совпадали бы со смертью от сердечной недостаточности или удара. Если не знать, где искать, никто ничего не заподозрит.

— Но как же само заклинание? — запротестовал Перегрин. — Ради Бога, ведь это была рысь! Несомненно, тот, кто сделал фигурку, должен был понимать, что ее могут найти.

— А дальше? — сказал Адам. — Коли на то пошло, сколько народу хотя бы знает о существовании Ложи Рыси или верит в нее? Очень немного, скажу я вам. Зато все в управлении знают, что Маклеод увлекается оригами. У него прямо в кабинете есть дюжина образцов. Как ни посмотри, риск был минимальным.

— Представьте себе, — продолжал он, глядя на габаритные огни впереди. — Кто-то входит в кабинет Маклеода и находит его умершим за рабочим столом. Начинается переполох; все находящиеся в пределах слышимости мчатся посмотреть, что произошло. Пока внимание сосредоточено на жертве, кто заметит еще одну фигурку-оригами? Что-то подобное очень легко могло исчезнуть после того, как унесут тело, в сущности, таким, наверное, и был их план.

Перегрин кивнул. Он прекрасно мог вообразить эту сцену.

— К нашему большому счастью, — продолжал Адам, — и к еще большому счастью Нозля, противник недооценил его способность к самозащите. Он, как вы сами заметили, человек необыкновенной силы воли и стойкости. На подобную стойкость противник не рассчитывал. Полагаю, это и спасло Нозля, или по крайней мере дало силу продержаться до прибытия подкреплений.

Перегрин вздрогнул.

— Я понятия не имел, что все было настолько худо, — пробормотал он. — Возможно, это и к лучшему.

Адам улыбнулся.

— Вы блестяще выдержали испытание. Леди Джулиан хорошо знала, что делает, когда подарила вам кольцо Майкла.

Перегрин, как и положено, покраснел от похвалы. Помолчав, он спросил с любопытством:

— Что, по-вашему, вызвало это внезапное нападение? Я имею в виду, почему сейчас? Если бы они узнали о Маклеоде после Уркхарта, разве они не предприняли бы что-нибудь раньше? И если узнали о нем, то разве не узнали и о нас? Или мы будем следующими?

— Не обязательно — по всем пунктам, — сказал Адам. — Иногда разумно просто оставить все, как есть. Но то, что они не имели точного представления о силах Нозля, склоняет меня к мысли, что они не долго наблюдали за ним... а значит, по крайней мере пока они не поймут, что он выжил, у них не будет твердого мнения и о нас. Почти наверняка за прошедшую неделю произошло что-то, что убедило их: безопаснее устранить его, чем оставить в покое. Когда он почувствует себя лучше, а я разберусь с этим... — он похлопал по карману пиджака, — мы проверим всю его деятельность после смерти Рэндалла Стюарта и

посмотрим, не удастся ли установить возможные активные участки...

Было около семи часов, когда они проехали в ворота Стратмурна. К тому времени Перегрин чувствовал себя совершенно вымотанным.

— Боже, как я устал! — пробормотал молодой человек, останавливаясь у боковой двери помещичьего дома. — Первым делом, когда вернусь в сторожку, приму горячий душ! А на обед была бы миска кукурузных хлопьев, если бы я не знал, что мисс Гилкрист оставила мне немного стовис и овсяных лепешек!

Адам усмехнулся. Стовис — пикантное крошево из солонины, лука и картошки — было почти таким же гвоздем шотландской национальной кухни, как хаггис¹, и любимым блюдом многих аристократических знакомых Адама. Никто не готовил его лучше грозной мисс Гилкрист, чья материнская забота о благополучии Перегринна нередко побуждала ее снабжать молодого человека приношениями со своего стола.

— Хорошо, что вы упомянули об обеде, — сказал Адам, доставая из-за сиденья медицинский саквояж. — Я еще днем хотел спросить... У вас есть какие-то планы на завтрашний вечер? Если нет, надеюсь, вас не затруднит зайти к нам около семи выпить и пообедать? Ничего особо официального — просто для вас с Филиппой случай познакомиться.

— Спасибо, с удовольствием, — ответил Перегрин. — Тогда и увидимся, если не раньше.

Договорившись об обеде, Адам пожелал художнику доброй ночи и вышел из машины. Хэмфри встретил его на пороге и забрал пальто и саквояж.

— Как я рад, что вы дома, сэр. Надеюсь, с инспектором Маклеодом все хорошо.

— В данный момент неплохо, — сказал Адам, — но впереди еще много работы. Матушка в библиотеке?

— Да, сэр. И она распорядилась не приступать к обеду, пока не поговорит с вами.

Адам кивнул.

— Тогда мне лучше поговорить с ней. Боюсь, обед придется отменить вовсе.

Сквозь обычную невозмутимость Хэмфри пробилось беспокойство.

— Настолько серьезно, сэр?

— Настолько серьезно.

— Понимаю, сэр. — Хэмфри помолчал. — И все-таки немного чая?..

Адам позволил себе благодарный вздох и кивнул.

— Великолепное предложение, — сказал он, — только не приносите его сразу же. Мы позвоним, когда будем готовы.

Он направился в библиотеку.

Филиппа устроилась у камина с книгой на коленях — расслабленная, но элегантная в красном свитере и юбке в складку с красным тартаном Синклеров, как и пристало хозяйке. По переплету книги Адам узнал первое немецкое издание «Aion» Карла-Густава Юнга. В молодости Филиппа училась у Юнга.

— Вижу, ты советуешься со старым другом, — весело сказал Адам.

Улыбка Филиппы сверкнула, как вспышка далекой молнии.

— Учившийся когда-то будет учиться всегда, — заметила она. — Ты же знаешь, я ненавижу тратить время впустую. Поскольку Джиллиан Толбэт прибывает в понедельник, я подумала, что уместно нанести мысленный визит в лекционный зал для разбора феноменологии самости.

Филиппа потянулась за закладкой, тонкой лентой из чистого золота, и, вставив ее на место, отложила книгу.

— Ты выглядишь скорее утомленным, чем расстроенным, — заметила она, вглядываясь в лицо сына пронизательными темными глазами. — Значит, кризис удовлетворительно разрешился?

Глубоко вздохнув, Адам сел в кресло напротив нее и открыл длинную шкатулку из

¹ Телячий рубец с потрохами и приправой. — Примеч. пер.

благоухающего сандалового дерева, стоявшую на столе рядом с креслом. Внутри она была обита синим, как морская вода, шелком. В нее Адам и положил конверт с шелковым носовым платком Маклеода с его опасным содержимым.

— Благодаря блестящей поддержке Перегрин и собственной стойкости Маклеода мы смогли избежать худших последствий стихийного бедствия. Однако ситуация еще далеко не улажена. — Он закрыл шкатулку.

— Вот как? — Филиппа вскинула брови. — В таком случае тебе лучше сообщить мне все подробности.

Адам коротко рассказал обо всем, что произошло после их расставания в аэропорту, показав копию надписи на внутренней стороне амулета. Пока он говорил, Филиппа помалкивала, однако ко времени окончания рассказа ее утонченное худое лицо затвердело, как маска сфинкса.

— Это руны, а не клинопись, — сказала она, возвращая копию, — скорее всего североευропейские, что согласуется с описанным тобой торком. Я проведу кое-какие изыскания, чтобы уточнить; тем временем сам амулет надо уничтожить и отвести угрозу от Маклеода. — Она посмотрела на шкатулку с холодным расчетом. — Дело будет нелегким... особенно после того, что ты уже совершил сегодня. Ты намерен разобраться, не откладывая?

Адам откинулся на спинку кресла и устало потер глаза.

— Это надо сделать сегодня. И не думай, что попробуешь сама. Не говоря уже о моих тесных связях с Нозлем, я более компетентен. Но я был бы рад твоей помощи.

— Почему же еще я держала бедного Хэмфри в неизвестности насчет обеда? — сказала Филиппа с хмурой усмешкой. — Искренне надеюсь, что он не планировал на этот вечер чего-то особенного! Хотя я не люблю отменять уже готовую трапезу, боюсь, в данном случае ничего не поделаешь. Если мы должны как следует разобраться с этим, — она махнула на шкатулку, — понадобится напрячь все наши способности.

Адам подтвердил ее слова серьезным кивком. Пост был желательной частью подготовки к Работе, ибо физиологический процесс пищеварения отвлекал кровь от мозга и притуплял умственные функции. Еще важнее — в эзотерическом смысле — был заземляющий эффект принятия пищи, мешающий вознесению души на верхние уровни. На самом деле есть рекомендовалось после духовных трудов любой интенсивности — для возвращения к действительности.

— Я предупредил Хэмфри, что, возможно, обеда не будет вообще, — сказал Адам. — В любом случае, по-моему, мисс Гилкрист упоминала, что оставит тушеное мясо с овощами на случай сбоя в расписании самолетов. Когда дело доходит до Работы, Хэмфри понимает необходимость воздержания не хуже тебя или меня. Какие бы кулинарные планы мы ни нарушили, он не пожалеет потраченных усилий там, где на кону благополучие Охотничьей Ложи.

* * *

Выпив по чашке чая, они разошлись по комнатам, чтобы принять душ и приготовиться, каждый по-своему. Когда через час Адам спустился вниз, на нем был синий стеганый халат поверх широких серых брюк и чистой белой рубашки, а на ногах украшенные гербом тапочки — его любимое одеяние для формальной Работы. Филиппа щеголяла в похожем на тунику розовато-лиловом платье.

Они спустились по узкой лестнице в сладкую, пахнущую плесенью темноту винного погреба. Филиппа шла впереди, неся старинную масляную лампу в форме листа папируса, которая дополняла электрический свет желтоватым сиянием и слабым ароматом лимонной вербены. Адам нес длинную металлическую шкатулку, хранящую обломки оригами-рысы.

Адам прошел мимо затененных полок с марочными винами к дальнему концу погреба. Здесь, в углубленном портале, пряталась арка, увенчанная геральдическим знаком Синклеров — фениксом, взмывающим из пылающего гнезда. Сама дверь была выложена

прямоугольными дощечками из разных пород дерева: каждая дощечка размером с человеческую ладонь и украшена инкрустацией.

Передав шкатулку Филиппе, Адам нагнулся и прижал правую руку к дощечке из тюльпанового дерева в центральной верхней точке двери. Дощечка поддавалась под нажатием пальцев, потом сдвинулась вверх, открыв неглубокую нишу. Соседняя дощечка слева, кленовая, при прикосновении Адама плавно подвинулась на приготовленное для нее место, подобно передвижному кусочку китайской головоломки.

Последовательное перемещение еще нескольких дощечек открыло тайник, хранящий полированный медный ключ. Вынув его, Адам передвигал дощечки в случайном на вид порядке, пока наконец центральная дощечка не отодвинулась, раскрыв замок, для которого предназначался ключ.

Адам повернул ключ в замке, забрал у Филиппы металлическую шкатулку и задержался, чтобы закрыть и запереть дверь, пока мать шла по короткому коридору к еще одной полукруглой двери. За ней находилось сводчатое помещение размером с винный погреб; побеленные стены мягко освещала лампа, свисающая на бронзовых цепях с розетки в центре потолка. Прямо под лампой стоял квадратный, высотой по пояс, алтарь в форме двойного куба, установленный в центре большого ковра с бахромой и покрытый свисающей до полу темно-синей напестольной пеленой. Справа от алтаря стояло кресло из золотистого дуба; сиденье и высокая овальная спинка были обиты синим бархатом того же оттенка, что и напестольная пелена.

Узкий проход в стене справа от входа вел в маленькую ризницу. Филиппа уже вошла туда со своей лампой, но Адам сначала подошел к порогу храма, уже сосредоточившись для предстоящей работы. Когда через несколько минут он зашел в ризницу, Филиппа сменила тунику на сапфировую сутану и при помощи маленького ручного насоса с бронзовой рукояткой наполняла водой фарфоровый кувшин кремового цвета.

Отложив шкатулку, Адам снял стеганый халат и надел такую же, как у матери, сутану, доверху застегнув ее, подобно священнику, и подпоясавшись кушаком такого же темно-сапфирового цвета. На руке у него уже было сапфировое кольцо с печатью — и эмблема, и орудие Старшего Адепта, а теперь он возложил на себя каббалистическую епитрахиль Верховного Адепта, черную справа, белую слева и усеянную крохотными красными мальтийскими крестиками на месте соединения двух цветов — напоминание о знамени Beauceant тамплиерского наследия. В другую ночь, для другой Работы, он, наверное, накинуд бы белое поверх черного и заправил концы под кушак, символизируя Милосердие, сдерживающее Силу — Царя-Жреца, предлагающего себя в жертву Божеству; но нынче вечером он оставил концы свободными, ибо должен был служить орудием в руках Божества, стоящего, подобно Срединному Столпу, между Силой и Милосердием, дабы вершить восстановление Равновесия, искаженного темным деянием Ложи Рыси.

Сжав перед собой ладони, легко прижимая сапфир кольца к губам, Адам вознес, как молитву, девиз, принятый тамплиерами, когда их было лишь девять Бедных Рыцарей в Святой Земле.

«Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай Славу!»

Филиппа ждала с кремовым кувшином и такой же чашей; на руке висело чистое льняное полотенце. Он подошел к ней и позволил полить на руки водой, вдыхая благоухание розового масла, потом вытер руки полотенцем и оказал ей такую же услугу.

Ее кольцо сверкнуло в свете лампы — сапфир и золото в форме скарабея, древнего египетского символа вечной жизни. Отец Адама купил это кольцо незадолго до свадьбы, не зная ни тогда, ни потом, что его избранница призвана к другому служению, помимо обязанностей врача, жены и со временем матери. Пектораль, висевшая у нее на груди, была приобретена позже, но относилась к временам гораздо более древним. Подвеску из голубого фаянса и эмали с изображением сокола-Гора, сжимающего солнечный диск, сделанную в Египте во времена XXI династии, купили на аукционе, чтобы отпраздновать рождение Адама. Сэр Иэн Синклер так никогда и не узнал, что душа, смотрящая из мудрых глаз его

новорожденного сына и наследника, восприняла украшение как знак царственного жречества.

Филиппа отложила полотенце, и Адам оторвался от воспоминаний. Он опорожнил чашу над умывальницей, вделанной в стену, вернув воду земле, откуда она пришла. Пока мать переносила в храм разные предметы, он вынул кинжал из кармана халата и на время заткнул его за кушак.

Она вернулась. Они были готовы. Засветив новую восковую свечку от лампы-папируса, Филиппа первой вошла в храм, Адам последовал за ней с металлической шкатулкой. На этот раз он остановился в проходе, предоставив Филиппе зажечь восковые свечи, стоявшие в зеркальных подсвечниках на всех четырех стенах храма, отвечая в уме, когда Филиппа приветствовала каждую четверть, прося о защите. На восточной стене была фреска, изображающая Древо Жизни, и восточная свеча находилась на месте Кетера, Венца*.¹ У самой стены стоял более традиционный христианский алтарь, хотя сегодня они не собирались им пользоваться. Сияние свечей зажгло серебряные точки на потолке, где свод был выложен мозаичными звездами.

Филиппа закончила круг и погасила свечку, положив ее в маленькую нишу справа от входа, потом встала между алтарем и креслом. Повернувшись лицом к востоку и низко поклонившись в благоговейной благодарности Божеству, которому они оба с Адамом служили, она обратилась к Нему словами из Псалмопевца Израиля:

— Ты, Господи, светильник мой; Господь просвещает тьму мою.

Легкое дуновение пробежало по комнате, сделав ярче пламя свечей, так что оно затрепетало и затанцевало. Выпрямившись, Филиппа повернулась налево и посмотрела на Адама, подняв руки на уровень плеч и повернув ладони вверх.

— Господь пребывает в святом храме Своем, — объявила она. — Приблизься с верой и благоговением, дабы труд наш снискал расположение в глазах Его.

Адам приблизился к алтарю, пройдя к востоку, и напротив Филиппы опустился на одно колено, как рыцарь, клянущийся в верности своему сеньору; шкатулка была у него на колене. Когда он встал, Филиппа откинула синюю ткань с алтаря, открыв тонкое, белое камчатное полотно.

Она сложила покров и положила на одну из специально сооруженных полок, вделанных в основание кресла, потом развернула гораздо меньший квадрат полотна, размером как раз с поверхность алтаря, и расстелила поверх белого дамаста. Далее последовали два серебряных кубка с солью и чистой водой. Их она поставила на край алтаря, после чего, коротко склонившись над сжатыми руками, указала большим и указательным пальцами правой руки на сосуд с солью.

— Изгоняю тебя, создание соли, именем Бога живого, именем Бога святого, именем Бога всемогущего, дабы очистилось ты во имя Адонаи, Властителя Ангелов и людей.

Филиппа начертала над ним крест, обвела кругом, потом обеими руками подняла кубок на уровень глаз.

— Создание земли, склонись пред Создателем твоим. Ибо освящено ты для служения Свету, дабы отвратилось ты от Тьмы и принесло очищение всему, что ошутит твое святое прикосновение. Аминь.

Поставив кубок с солью на ткани справа, она низко склонилась перед алтарем, потом указала большим и указательным пальцами на кубок с водой.

— Изгоняю тебя, создание воды, именем Бога живого, именем Бога святого, именем Бога всемогущего, дабы очистилось ты во имя Элохима Саваофа, Властителя Ангелов и людей.

И снова крест в круге, и снова она подняла сосуд с водой как поднимала соль.

— Создание воды, склонись пред Создателем твоим, ибо освящено ты для служения Свету Именем, что превыше всех имен, пред которым всякое колено должно преклонить и

¹ В Каббале высшая из десяти сефирот (эманации Бога, составляющих основные формы всякого бытия, в совокупности — образующих «архетип человека»), их непостижимо скрытый источник. — Примеч. пер.

всякому языку воздавать хвалу. Аминь.

Поставив кубок с водой слева, Филиппа поклонилась алтарю, рукой, носящей кольцо, начертила сначала крест, затем пентаграмму и, наконец, коптский крест¹ в воздухе над полотняным квадратом. Обострившимся чувствам Адама представлялось, что фигуры висят в воздухе остаточным изображением; он поставил шкатулку посреди них.

Вытаскивая из-за кушака кинжал, он пошел по кругу налево, чтобы занять свое место перед креслом; Филиппа, двигаясь согласно с ним, оказалась напротив. Сознывая ее силу, готовую усилить его собственную, он обнажил кинжал и положил ножны и клинок слева и справа от шкатулки. Затем поднял крышку.

Светло-желтый конверт ярко выделялся на фоне синей, как морская вода, шелковой обивки. Вынув его, Адам оторвал край и осторожно потянул за кончик носового платка Маклеода, так чтобы содержимое осталось в шкатулке. Осторожно поддел лезвием кинжала шелковые складки, являя свету висящей алтарной лампы то, что осталось от оригами-рыси вместе со свернувшейся бумажкой с подписью Маклеода и потрепанными полосками пенопласта.

Потрескивающий всплеск невидимых энергий сопровождал его действия, сконцентрировавшись на шкатулке; в ответ уже поднималось сопротивление. Прекрасно осознавая внезапно создавшееся напряжение, Адам положил клинок поперек шкатулки, простер над ним левую руку, глубоко вздохнул и вознес молитву о защите и наставлении. Когда он открыл себя Божественной Воле, призывая Срединный Столп, все опасения бежали перед чудесным ощущением твердого спокойствия.

Укрепившись в этом спокойствии, он легко скользнул из молитвы в более глубокий транс. Обостренное восприятие принесло все более четкое видение абсолютной злобы, окружающей содержимое шкатулки. Выделяемое зло было подобно сернистым испарениям. Левой рукой не давая ему распространяться, Адам отложил кинжал в сторону и поднял кубок с освященной солью, призывая власть Того, Чье Имя благословенно. Он произнес Имя вполголоса, рассыпая соль над содержимым шкатулки.

С едким шипением, похожим на брызги горячего жира, бумага, из которой была сделана рысь, начала сворачиваться. Черные подпалины усеивали золотую бумагу, расползаясь со складки на складку. Внезапно вырвалась мертвенно-бледная вспышка вместе с клубом грязного дыма. И в этом дыму перед Адамом внезапно словно открылось окно.

Большая комната, обставленная, как викторианская библиотека; четыре скрытые туманом фигуры собрались вокруг стола в центре комнаты. При свете ветвистого канделябра один из четверки полоснул скальпелем по большому пальцу левой руки; кровь закапала в маленькую стеклянную кружку, частично наполненную. По крайней мере один из четверых уже совершил приношение кровью и сейчас прижимал ватный шарик к большому пальцу левой руки. Другие атрибуты на столе объясняли, что это сборище, создавшее амулет-рысь. С одной стороны лежало воронье перо, а золотая вспышка у локтя предводителя была от той самой позолоченной бумаги, из которой сделали оригами.

Адам напряг зрение, пытаясь разглядеть лицо предводителя. Но не успел он взглянуть, как нечто темное с вытянутыми руками поднялось перед ним — с тускло мерцающим торком на шее и стрелами молний в обеих руках. Рука Адама рефлекторно сделала охранительный жест. Призрак исчез во вспышке белого света.

Он услышал, как ахнула Филиппа. Мгновение перед глазами плясали огненные всполохи. Когда зрение вернулось, от содержимого шкатулки не осталось ничего, кроме вонючего пятна светящегося пепла и расплавленного пенопласта. Даже внутренности шкатулки исчезли: шелковая обивка выгорела дотла, а дерево под ней обуглилось почти до металла.

Чтобы завершить очищение, Адам взял сосуд с освященной водой и полил по всей длине шкатулки. Вскипел пар — гораздо больше, чем оправдывали размеры шкатулки или количество воды. Зловоние крови и серы быстро рассеялось, уступив слабому свежему

¹ Древнеегипетский символ жизни. — Примеч. пер.

благоуханию, похожему на запах чистого снега. Когда оно рассеялось последним облачком белого пара, шкатулка была пустой и сухой — каркас из кованого металла.

С благодарным вздохом Адам наклонился осмотреть то, что осталось, протянув над шкатулкой ладони, чтобы удостовериться, что работа выполнена, потом упал на колени, охваченный облегчением, смешанным с усталостью, благодарно прижавшись лбом к краю алтаря и вознося безмолвную благодарность за заступничество Света.

* * *

Через полчаса, приведя храм в порядок и сняв ритуальное облачение, Адам и Филиппа вернулись в библиотеку для позднего и весьма необходимого ужина, состоящего из горячего тушеного мяса с овощами. Съежившись у камина, ибо она все еще ощущала холод, неизменно следующий за тяжелой работой, Филиппа несколько минут изучала лицо сына, пытаясь понять его реакцию на недавние события. Убедившись, что сын не склонен к разговорам, она отставила чашку с шоколадом и положила тонкую, испещренную голубыми прожилками руку ему на колено.

— Не похоже, чтобы ты получил большое удовлетворение от сегодняшней работы, — тихо сказала Филиппа. Адам перевел взгляд с чашки на пламя в камине.

— Я был бы более доволен, если бы мы хоть что-то узнали. Мы обезвредили непосредственную угрозу Ноэлю, но это не меняет того факта, что в защите Охотничьей Лужи пробита брешь. Они предпримут новую попытку и раскинут сеть шире, когда узнают о моем участии — и участии Перегрина. Ситуация достаточно трудна и без того, что наши враги знают о нас больше, чем мы о них.

Это жесткое заявление заставило Филиппу поморщиться.

— Разве ты не смог ничего узнать о тех, кто участвовал в создании амулета?

— Очень немного сверх того, на что уже намекнули наброски Перегрина, — ответил Адам. — Было четверо тех, кто явно внес вклад в кровь, использованную для написания заклинания, но я не смог разглядеть их лица. А в самом конце появилось что-то еще, чтобы убедиться, что я не смог... что-то нечеловеческое. Я не смог разглядеть и его тоже... и совсем не уверен, что хотел бы этого... но торк появился снова. И стрелы молний.

Он покачал головой, подавляя дрожь.

— Та же история, куда ни повернись. Ни имен, ни лиц — только удлиняющийся отчет о преступлениях, каждое более жестокое и дерзкое, чем предыдущее... а теперь намек на появление чего-то очень темного и очень могущественного. Чего бы они ни стремились достичь, это что-то большое. И если нам скоро не выпадет счастливый случай, они могут преуспеть — и покончить с нами.

Адам впал в беспокойное молчание. Филиппа задумчиво подлила себе шоколада и элегантно пила маленькими глоточками.

— Я согласна с тобой, время не совсем на нашей стороне, — призналась она через минуту. — Но не позволяй раздражению затмить тот факт, что сегодняшнее нападение на Ноэля было в какой-то мере ошибкой. Факт, что он выжил, когда, честно говоря, должен был умереть, может оказаться именно тем свободным концом, который нам нужен, чтобы разгадать всю тайну.

— Надеюсь, ты права, — сказал Адам с полуулыбкой. — Если есть хоть какие-то свободные концы, то, думаю, они куда-то ведут.

Глава 21

На следующий вечер внезапно пошел снег. Проспав далеко за полдень и весь остаток дня пробездельничав, Перегрин отправился обедать с Адамом и его матерью. Когда он затормозил у парадного входа, Хэмфри уже ждал.

— Добрый вечер, мистер Ловэт.

— Привет, Хэмфри. Ну и погодка! — воскликнул Перегрин, оказавшись в вестибюле; он потопал ногами, чтобы стряхнуть снег, и сбросил шляпу и шарф, потом Хэмфри помог ему снять пальто.

— Да уж, сэр. «Ни для людей, ни для животных», как говорится.

Перегрин протер забрызганные растаявшим снегом очки, засунул платок обратно в нагрудный карман и быстро провел рукой по волосам.

— Порядок, Хэмфри. Куда теперь?

— Сэр Адам и ее светлость в Розовой комнате, сэр, — сказал дворецкий. — Сюда, будьте добры.

Напряженный, чтобы не сказать немного напуганный, Перегрин поднялся следом за Хэмфри по лестнице и пересек площадку первого этажа, украдкой глянув на зеркало: не сбился ли галстук. Ему нравилась Розовая комната, с обоями цвета светлой чайной розы, драпировками цвета розовых лепестков и изящной мебелью в стиле Людовика XIV. Взгляду художника она напоминала о более спокойных временах, когда элегантная маленькая гостиная служила кабинетом викторианской леди. Адам редко пользовался ею, но Перегрин понимал, почему хозяин решил открыть ее сейчас... Меньше библиотеки и более камерная, чем обе торжественные приемные внизу, Розовая комната предлагала уютную и изысканную обстановку для официального знакомства и спокойной беседы.

Пройдя за Хэмфри через площадку первого этажа к двери Розовой комнаты, Перегрин в последний раз поправил манжеты сорочки, потом глубоко вздохнул; Хэмфри сдержанно постучал и доложил о его приходе.

— А, Перегрин, вот и вы! — сказал Адам. Он поставил хрустальный стакан на каминную полку и пошел навстречу гостю.

За спиной Адама ярко горел огонь в камине, облицованном розовым каррарским мрамором. У камина в кресле, обитом розовым бархатом, сидела стройная седая женщина с прямой, как шомпол, спиной и глазами, напомнившими Перегрину богинь на стенах египетских надгробий. Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы убедить его: присутствуй здесь еще хоть сотня людей, он смог бы узнать в ней мать Адама.

Ибо сходство матери и сына было настолько сильным, насколько и поразительным. Та же элегантная осанка, те же твердые, скульптурные черты лица. Еще поразительнее, однако, была бьющая из обоих жизненная сила. Когда Перегрин, помимо воли, пригляделся внимательнее, это впечатление усилилось волной призрачных образов, которые он начинал связывать с присутствием тех, кто разделяет таинственное призвание Адама. Молодой человек затрепетал, однако не слишком удивился, обнаружив, что сходство Адама с матерью не только внешнее.

Все еще обдумывая значение этого мгновенного, но знаменательного открытия, он с опозданием понял, что его представляют, и, подойдя, склонился над тонкой рукой, которую протянула ему Филиппа Синклер.

— Здравствуйте, леди Синклер. С тех самых пор, как Адам сказал мне о вашем приезде, я с нетерпением ожидал знакомства.

Его очевидное почтение вызвало у Филиппы улыбку.

— Я тоже очень рада познакомиться с вами, мистер Ловэт. Адам показал мне некоторые ваши работы. В наше время генерируемого компьютерами воображения редко встретишь художника с даром рисовать истинные портреты.

Она говорила чистым, низким контральто; колониальный акцент был едва ощутимо подкорректирован интонационными резонансами нескольких других языков. Легкое ударение на слове «истинные» было очевидным.

— Вы очень добры, леди Синклер, — сказал Перегрин. — В сущности, именно Адам продемонстрировал мне, что некоторые люди являют собой гораздо больше, чем видно невооруженным глазом.

Это заявление сопровождалось взглядом и многозначительным, и восхищенным, и губы Филиппы изогнула улыбка искреннего изумления.

— Туше! — засмеялась она. — Нечего было поддразнивать вас комплиментами. Теперь, когда мы знаем, кто есть кто, надеюсь, Адам нальет вам выпить. И зовите меня Филиппой. Хотелось бы думать, что настанет день, когда Адам сочтет нужным даровать титул «леди Синклер» другой хозяйке Стратмурна.

Адам добродушно закатил глаза, а Перегрин неожиданно для себя улыбнулся вместе с Филиппой, которая указала ему на кресло напротив своего.

Благодарно потягивая из бокала любимый «Мак-Аллан» Адама, Перегрин продолжал поражаться естественной силой личности Филиппы. Несмотря на возраст, в ней была живость, которую невозможно было выразить словами. Он поймал себя на мысли о том, не приходилось ли ей когда-либо скрещивать шпаги с Ложей Рыси, и решил, что, если приходилось, то она более чем способна постоять за себя.

После получаса непринужденной беседы в столовой был подан скромный обед: на столе эпохи Регентства стояли украшенный гербами севрский фарфор, старинное столовое серебро и эдинбургский хрусталь. На первое был суп из свежих мидий, сидр и крем, за которым последовал сваренный на медленном огне палтус в соусе «Гранвиль». Они засиделись, наслаждаясь как трапезой, так и обществом; Перегрин спросил о Маклеоде и узнал, что инспектор отдыхает дома с приемлемым комфортом.

— Я звонил ему сегодня утром, — сказал Адам. — Официальная версия гласит, что он свалился с тяжелым гриппом и должен посидеть дома, чтобы поправиться. В реальности это, вероятно, означает, что инспектор вернется на работу во вторник или среду... раньше, если настоит на своем. А пока за лавочкой присматривает молодой Кохрейн. И по крайней мере мы не прогнозируем долговременных побочных эффектов.

— Что ж, это утешает, — сказал Перегрин. — Когда будете говорить с ним, передайте от меня привет.

Во время следующей перемены Филиппа искусно перевела беседу на живопись, признавшись, что практически не интересуется американским реализмом. Перегрин с удивлением и радостью обнаружил, что она прекрасно знает предмет, и дал втянуть себя в оживленный разговор о сравнительных достоинствах различных американских реалистов от Уинслоу Гомера до Джона Слоуна.

— Термин «реализм» удачнее, чем понимает большинство критиков, — сказала Филиппа с некоторой иронией за десертом. — Поскольку критики считают художника реалистом, если он рисует сцены из повседневной жизни, а не изображает сцены из царства аллегорического воображения. На самом деле все гораздо глубже. Художники вроде Уистлера и Джона Сингера Сарджента не просто отображают лица своих моделей, а уводят к чему-то глубинному, духовному... чему-то более реальному, если хотите, чем видно на фотографии. Существует что-то, что не может уловить глаз камеры — только глаз истинно одаренного художника.

— Кстати о художниках, — Адам подчеркнуто посмотрел на Перегрин, — закончили вы портрет мэра?

— Почти, — улыбнулся Перегрин, прикасаясь салфеткой к губам. — Закончил бы вчера, да пришлось ехать спасать Ноэля. Я уже перенес последний сеанс на понедельник. Конечно, его надо как следует высушить и покрыть лаком, но, думаю, даже мэр будет доволен результатом; я знаю, что его жене нравится. Так что, надеюсь, мы можем считать этот заказ выполненным.

Он снова склонился над десертом и потому не заметил взглядов, которыми обменялись сидящие друг против друга хозяева.

— В таком случае, — сказал Адам, — предлагаю вам подумать над еще одним заказом.

Перегрин поднял голову, не донеся ложку до рта. Лицо его застыло. Встретив взгляд Адама, он сказал:

— Почему у меня вдруг возникло ощущение, что речь идет не об обычном заказе?

Филиппа улыбнулась.

— Можешь говорить всю правду, дорогой, — посоветовала она. — Ты уже потерял

элемент внезапности.

— Я заметил, — сухо промолвил Адам. — Полагаю, вам не надо напоминать имя Джиллиан Толбэт?

Перегрин опустил ложку, украдкой бросив осторожный взгляд на Филиппу.

— Конечно, — сказал он тихо.

— Не стесняйтесь говорить свободно, — сказал Адам. — Филиппа знает все о нашем деле в Мелроузе. Так или иначе, — продолжил он, откладывая салфетку, — на прошлой неделе, когда я был в Лондоне, Толбэты наконец связались со мной и попросили моей профессиональной помощи. На следующий день мы с Филиппой встретились с ними в больнице. Результат встречи таков: Джиллиан перевезут в Джорданберн. Она и ее мать прибывают в понедельник.

Перегрин кивнул, по-прежнему осторожно и уклончиво.

— Я помню, вы надеялись, что нечто подобное можно устроить. При чем тут я?

— Я задумал нечто вроде эксперимента, — сказал Адам. — Когда Джиллиан устроят, мне бы хотелось, чтобы вы посетили ее в больнице и сделали несколько набросков. Подозреваю, что они могут оказаться очень полезными, когда перед нами станет проблема восстановления ее личности. Самое малое, они помогут понять роль, которую вам самому предназначено сыграть.

— Мне? — Перегрин слегка побледнел. — Я ничего не знаю о...

— Вы только думаете, что не знаете, — прервала Филиппа, — но, по-моему, в Мелроузе Майкл Скотт дал понять, что он считает ваши таланты полезными. Адам считает — и я с ним согласна, — что этот выбор не случаен. Совсем наоборот. Скотт выбрал вас как человека, который, вероятно способен помочь ему в будущем — его будущем.

Перегрин перевел взгляд с Филиппы на Адама и обратно.

— Не знаю, — сказал он с сомнением. — Что скажет об этом ее мать? Я даже не врач.

Адам улыбнулся.

— Уверен, мы придумаем правдоподобное объяснение.

* * *

Пока Перегрин обедал с хозяевами Стратмурна, намного менее дружеская встреча состоялась в библиотеке большого сельского дома в двадцати милях к западу от Стерлинга. Приглашены — весьма настоятельно — были Чарльз Нейпир, старший инспектор полиции из Эдинбурга, доктор Престон Вемисс, известный врач, и Анджела Фицджеральд, знаменитая светская обозревательница из Глазго. Никому из них не предложили подкрепиться. Всем им было решительно не по себе под холодным, пренебрежительным взглядом хозяина. Фрэнсис Ребурн, сам взбодренный предшествующей встречей со своим начальником, не был расположен щадить подчиненных.

— Вряд ли стоит останавливаться на факте, что Ноэль Маклеод все еще жив, хотя должен был бы быть мертв, — сообщил он им с едким сарказмом. — Наша неспособность обезвредить инспектора создала осложнения, без которых я, например, вполне обошелся бы. Мы не можем позволить себе дальнейших ошибок. Я требую от всех вас гарантии, что больше не будет ни одной.

Он устремил взгляд на каждого из подчиненных по очереди. Нейпир — угрюмое грубое лицо под нахмуренными бровями — пожал сторбленными плечами борца и ответил за всех:

— Откуда ж нам было знать, что он окажется настолько стойким к заклинанию? Кроме того, это вы выбрали способ нападения.

— А я полагался на вашу оценку жертвы, — отрезал Ребурн. — Вы должны были бы знать. Вы все не новички в этой игре. Вы знали, какие использовать тесты...

— Вообще говоря, Фрэнсис, мы все знали, что рискуем, — запротестовала единственная женщина среди присутствующих. — Если вам нужны гарантии, следовало бы дать нам больше времени для всесторонней оценки жертвы.

— И сколько времени вы бы сочли достаточным? — парировал Ребурн. — Неделю? Две? Месяц? Пока Охотничья Ложка не объявилась бы в полном составе у нас на пороге? Мы не можем позволить себе предаваться досугу. Или вы забыли, что наш Верховный Мастер еще менее терпелив, чем я?

— Если Верховный Мастер так стремится к результатам, то пусть бы принял более прямое участие в этом деле! — Анджела Фицджеральд жестко поджала накрашенные губы, смахивая воображаемую пушинку с рукава шелковой серой блузки. — Вам известно, что Маклеод не просто выжил. Он получил помощь от своих товарищей.

— Ага, этот чертов художник Ловэт, — проворчал Нейпир. — Кто бы подумал, что у изнеженного молокососа хватит знаний, чтобы вмешаться? И я еще дал ему войти прямо в кабинет Маклеода с Кохрейном... за которым теперь тоже надо наблюдать. Вряд ли он совершенно не подозревал о том, что происходило.

— А не мог ли он сам, а не Ловэт, спасти Маклеода? — впервые заговорил Вемисс. Нейпир покачал головой.

— Будь он на это способен, ему бы не понадобилось приводить Ловэта и Синклера. А факт, что он привел обоих, подтверждает, что ими руководит именно Синклер. Если он или Ловэт снова будут путаться под ногами...

— Не разбрасывайтесь угрозами, которые не способны осуществить, — сказала Анджела. — Мы еще не знаем их полную силу. Зато знаем то, чего не знали раньше, — продолжала она, снова повернувшись к Ребурну. — Мы знаем почти наверняка, что столкнулись с Охотничьей Ложкой. Маклеод, конечно, еще жив, но опыт не провалился полностью. Мы сумели вспугнуть двух его союзников.

Ребурн мрачно посмотрел на нее.

— Это образец утешения или просто оправдание?

Вемисс, худой темноволосый человек с голодными глазами куницы, вынул из кармана красивую позолоченную ручку и нервно крутил ее между пальцами.

— Ради Бога, что сделано, то сделано! — раздраженно сказал он. — Не думаю, что в данный момент взаимные обвинения могут поправить ситуацию.

— Согласна, — кивнула Анджела. Направив на Ребурна пронзительный взгляд голубых глаз, она добавила язвительно: — Поскольку мы трое настолько некомпетентны, возможно, Фрэнсис будет так любезен посоветовать, что нам делать дальше.

Ребурн криво, почти презрительно, усмехнулся.

— Вести вас за руку? Вы действительно хотите этого? Ладно, полагаю, кто-то должен.

Он наклонился вперед и переплел пальцы на столе.

— Когда мы нанесем следующий удар, он должен быть сильным. Вы жалуетесь, что я не дал вам достаточно времени, чтобы собрать факты о Маклеоде? Ладно, теперь я даю вам время. Мне нужна информация — полное досье. Не только по Маклеоду, но и по Синклеру, Ловэту и всем, кто тесно связан с ними. Я хочу знать, с кем они общаются, как коротают вечера... И хочу, чтобы все вы были готовы действовать, когда я отдам распоряжение.

— Вы говорите так, словно мы постоянно бездельничаем, — обиделся доктор. — Позвольте напомнить, что я уже велел своим людям присматривать и за домом Синклера, и за больницей, где он работает.

— Так, может быть, — сказал Ребурн, — пора вашим наемникам отработать свои деньги?

Вемисс открыл было рот, словно собравшись возмутиться, но поймал взгляд Ребурна и затих.

— Хорошо, — сказал Нейпир, поглядев на двоих коллег. — Нам надо действовать порасторопнее. А как насчет события, назначенного на следующую пятницу?

— Все пойдет по плану, — сказал Ребурн. Анджела Фицджеральд нахмурилась.

— Вам не кажется, что это, пожалуй, немного рискованно? Наши противники, несомненно, примчатся расследовать.

— Пусть их, — пожал плечами Ребурн. — Пока они будут разбираться с оставшимися

уликами, мы будем заниматься своими делами в других местах. В сущности, чем больше развлечений мы предложим нашим благочестивым друзьям, тем лучше. К тому времени, как они закончат анализ улик, наши планы будут намного ближе к завершению.

— Кто знает, — добавил он с тонкой улыбкой. — Если мы можем рассчитывать, что они будут появляться всякий раз, когда мы наносим удар, то сама их предсказуемость окажется нам на руку.

Глава 22

В понедельник во второй половине дня — примерно во время вечернего чая — ко входу в Королевскую эдинбургскую больницу, более известную среди местного населения как Джорданберн, подъехала лондонская машина «скорой помощи». Когда водитель с напарником вылезли из кабины, их встретили пара санитаров и медсестра.

Впятером они вытащили из машины носилки. На них лежала бледная девочка лет одиннадцати-двенадцати; спутанный клубок трубок для внутривенных вливаний высовывался из-под темно-синего одеяла, закрепленного пряжками на неподвижном теле. Следом за носилками из машины вышла измученная белокурая женщина лет тридцати пяти, озабоченность которой очевидно показывала даже самому случайному наблюдателю, что это мать ребенка.

Но один наблюдатель — рыжеватая, неопределенно средних лет женщина в очках, в неопишемом твидовом пальто поверх комбинезона уборщицы и зажатой под мышкой большой сумкой, идущая через автостоянку больницы к автобусной остановке на шоссе, — был далеко не случайным. Она бы не обратила особого внимания на суету у входа, если бы не заметила, как к младшему медперсоналу подошел врач-консультант в накрахмаленном белом халате — высокий, аристократического вида мужчина с темными, посеребренными на висках волосами. Тот самый, фотография которого находилась у нее в сумке.

Заинтересовавшись, ибо старшие консультанты с положением доктора Адама Синклера обычно не встречали пациентов у входа в больницу, женщина замедлила шаги и полезла в карман пальто за сигаретой, сделав вид, что закуривает, а тем временем напряженно ловя смысл разговора. Санитары готовились внести пациентку внутрь, сестра тихо разговаривала с водителем транспорта и забирала документы, но мелодичный голос Синклера, подошедшего поздороваться с белокурой женщиной, был четко слышен в морозных сумерках.

— Добрый вечер, мисс Толбэт. Долгое было путешествие... Надеюсь, вы не слишком устали?

Блондинка, бросив озабоченный взгляд мимо него на девочку на каталке, самоотверженно улыбнулась.

— Спасибо, доктор Синклер, не очень. Но я рада, что наконец приехала.

— Что ж, постель Джиллиан совершенно готова и ждет ее, — продолжал Синклер, уводя мать пациентки вслед за каталкой. — Пойдемте с этого холода и попробуем найти вам чашечку чая.

Женщина в комбинезоне уборщицы подождала, пока Синклер и блондинка исчезли за вращающейся дверью, потом пошла дальше к остановке автобуса. Когда ее уже нельзя было увидеть от входа в больницу, она порылась в сумке и, вытащив потрепанный блокнотик с засунутым в спираль карандашом, записала это самое последнее событие в ежедневной хронике, которую ей было приказано составить о профессиональной деятельности доктора Адама Синклера.

* * *

В полдень следующего дня Фрэнсису Ребурну принесли визитную карточку, извещающую о приходе доктора Престона Вемисса. Приказав слуге проводить посетителя в

библиотеку, Ребурн сел за стол.

Вемисс выглядел обеспокоенным и слегка подавленным; в облаченной в перчатку руке он крепко сжимал старый черный кожаный портфель. Ребурн жестом отпустил слугу и оглядел подчиненного с головы до ног.

— Вы похвально расторопны, — заметил он. — Что у вас для меня?

Вемисс обернулся, чтобы убедиться, что слуга ушел, потом упал в указанное Ребурном кресло.

— Надеюсь, вы не ожидаете чудес?

Тонкие губы Ребуерна сжались от нетерпения, однако он решил не отвечать.

Нервно, Вемисс положил портфель на колени, снял перчатки, потом набрал цифры на кодовом замке и нажал на медные защелки. Защелки расстегнулись, Вемисс вынул папку и протянул через стол начальнику.

— Если бы я захотел прочитать все это сам, я бы так и сказал, — холодно заметил Ребурн. — Коротко изложите то, что считаете важным.

В темных, близко посаженных глазах Вемисса вспыхнула обида. Вытащив из кармана льняной носовой платок с монограммой, он на миг прижал его к губам, потом снова взял папку.

— Насколько я могу судить, упоминания заслуживают только два события. Во-первых, Адам Синклер и его мать, которая, как вы знаете, прибыла в пятницу, вчера днем обедали с коллегой-медиком, сэром Майклом Фрейзером и женой Фрейзера Дженет. Фрейзер — хирург. Связь кажется чисто светской, но я велел кое-кому проверить их подноготную — просто для уверенности. Другое событие: у Синклера появилась новая пациентка.

Вемисс слегка нахмурился, и Ребурн бросил на него пронизывающий взгляд.

— Разве в этом есть что-то необычное?

— Не уверен. — Вемисс нахмурился еще больше. — Упомянутая пациентка — двенадцатилетняя девочка по имени Джиллиан Роза Толбэт. Синклер обычно детей не лечит. Еще мне показалось странным, что она не местная. Мой информатор сегодня утром смог заглянуть в ее документы и обнаружил, что больную привезли из Лондона.

— Лондон? Да, далековато, — согласился Ребурн. — Что с девочкой?

— Кома. Вот еще странность, — сказал Вемисс. — История болезни не указывает на очевидную травму, и у нее, кажется, не было предшествующей истории психиатрического расстройства. Девочка поступила в больницу Чаринг-Кросс утром двадцать восьмого октября — в сознании, но не сознавая окружение. Ее положение ухудшилось с...

— Погодите минуту! — резко сказал Ребурн. — Двадцать восьмого октября, говорите?

— Верно.

— Дайте-ка мне записи, — приказал Ребурн. — Вытащите из папки.

Вемисс бросил на начальника озадаченный взгляд, но незамедлительно подал требуемые листы. Ребурн бесцеремонно вырвал их у него из руки и быстро просмотрел.

— Очень интересно, — пробормотал он, прочитав их во второй раз. — Похоже, вы наткнулись на что-то подлинно ценное.

— Правда? Тогда хорошо бы, чтобы вы мне объяснили, — сказал Вемисс капризно.

Ребурн, однако, снова уткнулся в записи, не снисходя до объяснений. Хотя он и не ожидал, что Вемисс поймет смысл названной даты, у него в уме уже отложилось что девочка Джиллиан Толбэт поступила в больницу с таинственным психиатрическим недомоганием всего через несколько часов после того, как колдовство вызвало душу чародея Майкла Скотта обратно в гниющие останки в Мерлоузском аббатстве. Конечно, это могло быть чистым совпадением. Но тогда...

Он снова сложил бумаги и вернул подчиненному.

— Меня интересует эта девочка... хотя бы только потому, что она явно интересуется Синклера. Посмотрите, сможет ли ваш услужливый агент в Джорданберне ухитриться принести что-то связанное с ней физически — волосы, оставшиеся на расческе, или обрезки ногтей... Лучше всего была бы проба крови. Во всяком случае, то, что Барклей смог бы

использовать как фокус для астрального поиска. Я хочу проверить подноготную этой девочки: посмотреть, какая у нее личная история.

— Что вы ожидаете найти? — Вемисс был искренне озадачен.

— Не знаю, — сказал задумчиво Ребурн, хотя на самом деле у него была четкая идея. — Расскажу больше, если возникнет необходимость. Пока что просто достаньте мне пробу — не позже завтрашнего вечера.

* * *

Пока Ребурн размышлял над загадкой Джиллиан Толбэт, Филиппа Синклер приехала в Эдинбург на ленч к леди Джулиан Броуди. Обед был в кантонском стиле: суп «Три сокровища», нефритовые устрицы, приготовленные в раковине морского гребешка, и засахаренные фрукты в имбирном сиропе. Элегантно орудуя красивыми лакированными палочками для еды, Филиппа с интересом посмотрела на давнюю подругу.

— Почему эти китайские меню всегда читаются как опись содержимого шкатулки с драгоценностями? — сказала она. — Если бы я не знала, то решила бы, что все это носят, а не едят.

— Пиппа, ты не меняешься! — засмеялась Джулиан, ее черные глаза блестели.

— Наоборот, ни одна из нас не молодеет, — ответила Филиппа. — К счастью, нам не надо смотреть слишком далеко, чтобы найти свежие таланты. Адам скорее всего станет весьма способным вербовщиком. И кстати, — добавила она, — что ты думаешь о последнем протеже моего сына?

— Тот мальчик, Ловэт? — На лице Джулиан отразилась нежность. — Совершенно очарователен, а кроме того, очень многообещающий. Знаешь, он во многом напоминает мне Майкла.

— Да, мне тоже показалось, — кивнула Филиппа. — Поэтому ты и отдала ему кольцо Майкла?

— Отчасти. — Тень печали омрачила ее спокойствие, и она подняла голову, чтобы посмотреть на более высокую подругу.

— Библия говорит о наследниках по плоти и наследниках по духу, — продолжала она. — Тебе повезло — Адам для тебя и то, и другое. У нас с Майклом никогда не было детей, но когда я познакомилась с юным Перегрином... я почувствовала, что рядом со мной родной человек — если не по крови, то по духу своему. Я отдала ему кольцо Майкла в знак признания этого родства. И не сомневаюсь в своих действиях.

— Я теперь тоже, — промолвила Филиппа с кривоватой улыбкой. — Надеюсь, ты не считаешь, что у меня есть какие-то замечания.

— Ничуть, — сказала Джулиан. — Ты была права, заговорив о том, что у тебя на уме. Хотя что-то тебя беспокоит.

Филиппа пожала плечами.

— Хотелось бы мне, чтобы я могла точно указать на что-то. Это не имеет отношения ни к Перегрину, ни к кому-то другому из наших. Между прочим, завтра они с Адамом собираются начать опыт с маленькой Толбэт.

— Вот как?

Филиппа задумчиво покачала головой.

— У мальчика действительно совершенно уникальный талант — способность фиксировать резонансы прошлого. Если мать согласится, он будет рисовать маленькую Джиллиан, чтобы посмотреть, не удастся ли выделить аспекты ее личности для последующей реинтеграции.

— Это возможно? — спросила Джулиан, подняв бровь.

— Ну, теоретически... Юнг, бывало, советовал пациентам зарисовывать свои сны и грезы. Эти картинки часто оказывались для него эффективной помощью при диагностике некоторых психических расстройств.

— Понятно, — сказала Джулиан. — И Адам хочет, чтобы Перегрин попытался создать такие рисунки?

Филиппа хмыкнула.

— Знаю-знаю, это кажется натянутым даже мне, а ведь я психиатр. Но если получится, мы сделаем большой шаг в восстановлении единства разбитых осколков личности Джиллиан. А это поможет ей вернуться к нормальной жизни, и, кроме того, будем надеяться, снова даст нам доступ к Майклу Скотту. Судя по рассказу Адама, я уверена: Скотт знает, что к чему в этом недавнем возрождении Ложи Рыси.

— Ну, если он знает, то Адам сможет скоро установить контакт и тоже узнать, — сказала Джулиан. — Я надеялась умереть задолго до того, как с ними придется иметь дело снова!

— Я тоже, дорогая, я тоже, — ответила Филиппа, похлопывая подругу по руке. — Но поскольку мы не умерли, разве не удача для Адама и этого младшего поколения Охотников, что мы еще здесь, чтобы передать наши дорого доставшиеся знания?

И Джулиан, и Филиппа рассмеялись, однако в их смехе сквозила горечь, опровергающая внешнюю беспечность и говорившая о глубокой озабоченности сложившейся ситуацией.

* * *

На следующее утро Филиппа поехала в Джорданберн с Адамом и Перегрином. Она поднялась в палату Джиллиан, а мужчины направились в кабинет Адама. Вооруженного этюдником Перегрин переполняли опасения, о которых он уже несколько дней не решался заговорить. Когда они зашли в лифт, молодой человек не выдержал.

— Адам, должен сказать вам, что я очень сильно нервничаю из-за этого задания... как вы, наверное, догадались по моей блестящей беседе сегодня утром. Что вы сказали мисс Толбэт, чтобы получить ее согласие?

— Только правду, — ответил Адам. — Я сказал ей, что вы — мой коллега и что мы уже много раз работали вместе. Я позволил ей поверить, что вы — психиатрический эквивалент судебного художника, делаете наброски по психическим впечатлениям, которые улавливаете от пациента.

За стеклами очков светло-карие глаза Перегрин недовверчиво расширились, но тут в лифт вошла пара медсестер, а потом им пора было выходить, и он сдерживался, пока они не оказались в безопасности за закрытой дверью кабинета Адама.

— Адам, неужели вы так и сказали? — спросил художник, пока старший друг невозмутимо снял пальто и шарф и, повесив их в шкаф позади стола, надел белый халат.

— Почему бы нет? По существу, это правда. Я сказал, что искусство — ценный инструмент психиатрии... что картины часто дают возможность понять проблемы пациента. Вот, наденьте, — добавил Адам, подавая Перегрину белый халат, — Будете выглядеть одним из медиков.

По-прежнему не убежденный, Перегрин положил этюдник. Повесив пальто в шкаф и накинув халат поверх блейзера, он снова неуверенно повернулся к Адаму.

— Она не купится.

— Уже купилась.

— Держу пари, для этого потребовались мощные средства убеждения, — пробормотал Перегрин.

Адам склонил голову набок. Темные глаза сверкнули.

— Ваш тон наводит на мысль, что, по-вашему, я использовал неуместное принуждение, дабы заставить мисс Толбэт согласиться. Вы это имели в виду?

Глаза Перегрин за стеклами очков округлились.

— Ну, я...

— Сядьте, Перегрин, — тихо сказал Адам. — Я допускаю, что ваша неуверенность

происходит от естественной нервозности, порожденной необходимостью работать перед человеком, с которым вы раньше не встречались. Но на случай, если у вас есть сомнения, я хочу сказать вам кое-что о власти и ответственности.

Перегрин повиновался, внезапно почувствовав себя провинившимся школьником.

— Нам надо кое в чем разобраться, прежде чем наши отношения разовьются дальше, — продолжал Адам, присев на край стола. — Я не обязан объяснять вам мои действия, но я хочу, чтобы вы поняли, что стоит на кону. И вы, и я знаем: Джиллиан нельзя вылечить, если не исправить причиненный ущерб. И мы оба знаем, что, вероятно, вы можете внести большой вклад в лечение. Если бы Айрис Толбэт знала то, что знаем мы, она бы, несомненно, согласилась на ваше участие. Но она ничего не знает, а у нас нет ни времени, ни возможности просвещать. Вы согласны?

— Да, — прошептал Перегрин.

— Так что же? — продолжал Адам. — Что ценнее: свобода выбора Айрис Толбэт — выбора, сделанного без знаний, или жизнь Джиллиан — жизнь, уже подвергающаяся большой опасности?

Перегрин опустил голову, уставившись на переплетенные пальцы.

— Очевидно, жизнь Джиллиан, но...

— Никаких «но», — спокойно сказал Адам. — Слушайте меня внимательно. Когда человек облечен властью, то раньше или позже он оказывается вынужденным употребить ее для того, чтобы достичь некоего великого блага. Да, я прибег к мощным средствам, чтобы убедить Айрис Толбэт согласиться на эксперимент. Я не применил силу, но был готов сделать это; вместо этого я сыграл на ее страхах.

Принять такое решение было нелегко. Если бы я поступил так ради личной выгоды, то был бы недостоин обладать теми силами, какими наделен, и очень быстро был бы отрешен от власти. Силами большими, чем мои собственные. Однако бездействие было бы равно недостоинству с моей стороны. Часть умения различать, обязательного для людей нашего призвания, заключается в том, что мы осознаем эти отличия и принимаем последствия. Понимаете?

— По-моему, да, — прошептал Перегрин.

— Более того, — продолжал Адам, — каждое важное деяние включает некий элемент риска. Иногда даже надо отказаться от того, что вы считаете своей чистотой, ради чужого благополучия. И тогда это становится вопросом смирения, а не гордости. Поверьте, нет большего наказания, чем вынужденно пожертвовать самоуважением. И нет большего бремени, чем вынужденно принимать такое решение.

Перегрин вдруг успокоился, его прежние опасения превратились в озарение.

— Вот что пыталась сказать мне леди Джулиан, — пробормотал он. — «Незаурядный человек отличает высокое от низкого».

— Именно. — Адам мрачно кивнул. — Вы начинаете понимать. Бог даст, сможете и действовать.

Кивнув, Перегрин расправил плечи и взял этюдник.

— Понимаю, — согласился он, — и готов действовать... если вы по-прежнему считаете меня частью команды. Пожалуйста, простите, я вел себя, как первостатейный идиот!

* * *

Джиллиан отвели отдельную палату. Когда Адам и Перегрин пришли, Филиппа как раз стояла в дверях и вместе с медсестрой внимательно рассматривала карту Джиллиан. Айрис Толбэт ставила большой букет цветов на прикроватной тумбочке с видом человека, ищущего, чем бы заняться. Заметив Адама и Перегрину, она как-то нерешительно подняла голову.

— Доброе утро, мисс Толбэт. — В голосе Адама звучал спокойный профессионализм. — Это мистер Ловэт, джентльмен, о котором мы вчера говорили. С вашего разрешения, он в течение следующих нескольких дней проведет некоторое время с вами и

вашей дочерью.

Айрис обошла постель и подошла, застенчиво протягивая изящную, тонкую руку.

— Здравствуйте, мистер Ловэт, — сказала она немного нервно. — Вы как-то моложе, чем я ожидала. Должна признаться, я не претендую на понимание того, что вы намерены делать.

Перегрин, сжимающего предложенную руку, внезапно поразили вид застарелой усталости и синие тени под глазами; сочувствие придало ему воодушевление и решимость, каких он не ощущал еще мгновение назад.

— Открою вам маленький секрет, мисс Толбэт, — сказал он заговорщицки, понизив голос и притянув ее поближе. — Я на самом деле тоже ничего не понимаю. Просто радуюсь, что иногда это, кажется, работает. И не осуждаю вас за замешательство. — Он отпустил ее руку.

Его мальчишеская, немного застенчивая улыбка совершенно укротила ее опасения и вызвала неожиданную улыбку, в которой было что-то от ее прежнего — до болезни Джиллиан — обаяния.

— Ну что ж, мистер Ловэт. Не знаю, насколько вы хороший художник, но успокаивать вы, кажется, умеете хорошо, — сказала она. — Я должна поблагодарить вас за согласие. Какую бы помощь вы ни оказали, я вечно буду благодарна вам. Как вы собираетесь начать?

Подавив улыбку, Адам отошел к двери, где мог притвориться, будто смотрит на карту Джиллиан из-за плеча Филиппы. Тем временем Перегрин положил этюдник на столик на колесах у кровати и открыл защелки.

— Для разминки сделаю несколько набросков, — сказал художник. — Потом... ну, мне просто надо подождать и посмотреть, что будет, — если вообще будет. На этот раз может ничего и не произойти... хотя здесь я проблем не ожидаю.

— Ну тогда мне, наверное, надо причесать Джиллиан, — доверчиво сказала Айрис, подходя к изголовью кровати. — Хотелось бы мне только, чтобы вы увидели ее раньше, когда она была... собой. Она всегда была такой живой и хорошенькой...

— Она и сейчас очень хорошенькая девочка, — заверил Перегрин, раскладывая принадлежности для рисования. — Когда это все закончится, вы позволите мне написать с нее настоящий портрет. Я ведь портретист. Сегодняшняя работа едва ли будет типичной для того, чем я обычно занимаюсь.

Присев возле тумбочки у постели Джиллиан, Айрис достала сумочку с ночными принадлежностями и быстро порылась в ней.

— Вот странно, — сказала она. — Не могу найти щетку Джиллиан.

— Что такое? — насторожилась Филиппа, отрывая взгляд от карты.

— Щетку для волос. — Айрис по-прежнему рылась в сумочке. — Я всегда держу ее здесь, с другими вещами, но теперь не вижу. Нет, здесь ее нет. Как по-вашему, что я могла сделать с ней?

По-матерински кудача, она сначала посмотрела в тумбочке, потом под кроватью. Следя за ней взглядом, Адам неожиданно почувствовал слабое предупреждающее покалывание в затылке. Брошенный искоса на Филиппу взгляд подтвердил, что у и нее это с виду безобидное событие тоже вызывает подозрения.

— Вот странно, — начавшая хмуриться Айрис поднялась с колен. — Ну не могла же она испариться. Ведь такие вещи, конечно, не воруют.

— Может быть, она соскользнула с полки в мусорное ведро, и уборщица по ошибке выкинула, — предположила Филиппа. — С вашего разрешения, я найду старшую сестру и попробую что-нибудь узнать.

— О, тут совершенно не из-за чего суетиться, — мягко запротестовала Айрис, но Филиппа уже исчезла. — В конце концов это всего лишь щетка для волос. Если она не найдется, я всегда могу купить другую.

— Ну, посмотрим, что мы сможем узнать, — сказал ей Адам. — А пока мне надо навестить других пациентов. Встретимся с вами где-то через час и посмотрим, как ваши

успехи.

У поста дежурной сестры Филиппа уже кое-что узнала об уборщице отделения и по дороге к лифтам пересказала Адаму.

— По словам старшей сестры, это некая мисс Льюис — она не помнит имени. Очевидно, она проработала здесь всего несколько недель. Не думаю, что у меня паранойя, но не уверена, что мне это нравится.

— Мне тоже, — сказал Адам. — Пожалуй, я позвоню инспектору больницы по эксплуатации и послушаю, что он может рассказать об этой мисс Льюис. Вернемся в мой кабинет.

Полученная информация никак не успокоила их.

— Мисс Марджори Льюис проработала в нашей больнице около двух недель, — доложил Адам. — В ее заявлении предыдущим местом работы числится эдинбургская Королевская лечебница. Довольно интересно, она сказала, что больная и ушла домой около часа назад. Есть о чем подумать?

Филиппа фыркнула. Ее патрицианское лицо было хмурым.

— Хочешь пари, что никакой Марджори Льюис среди бывших сотрудников ЭКЛ нет? Или, если есть, это совсем не та женщина, которая работала здесь.

— Никаких пари, — сказал Адам. — Интересно, не узнает ли Перегрин что-нибудь об этом...

* * *

Когда Адам и Филиппа ушли, Перегрин взял одно из двух кресел для посетителей и поставил в изножье кровати Джиллиан, подкатив столик с рабочими принадлежностями поближе. Джиллиан Толбэт по-прежнему была хорошенькой девочкой, но не тем розовощеким ребенком, которого он видел в видении, посланном ему Майклом Скоттом, месяц назад. Горько было видеть ее такой: она лежала так тихо, едва дыша, лицо было безжизненным и бледным. Что бы ни связывало ее с легендарным прошлым, он видел в ней только невинную жертву современных преступных замыслов. Это понимание заставило его понять стремление Адама сделать все необходимое, чтобы увидеть ее снова здоровой и цельной.

Вспомнив о своем задании, он сел, пристроил на колене альбом и выбрал из этюдника любимый карандаш.

«А теперь, — сказал он себе, — посмотрим, что мы можем увидеть».

Айрис оттащила свое кресло к окну, чтобы не мешать ему. Даже так Перегрин сознавал, что она внимательно наблюдает за ним и со страхом, и с надеждой. Он сделал несколько пробных движений над бумагой, чтобы размять запястье и руку, потом начал набрасывать просто то, что видел. Когда линии потекли плавнее, очень похоже на тот первый рисунок Джиллиан в другой больничной палате, он мысленно вернулся в Мелроузское аббатство, к кучке сухих костей, что когда-то вмещала живую душу Майкла Скотта, умоляя этого самого Скотта открыть, чего он хочет от Перегрин Ловэта.

Его зрение затуманилось, словно кто-то набросил ему на глаза тонкую шелковую вуаль. Настроившись на уже знакомое смещение временной перспективы, он еще раз глубоко вздохнул и подождал, пока переключится духовное зрение. Туман перед глазами рассеялся. Он прищурился, потом нашел фокус на другом уровне восприятия.

Сначала он удивился, ибо картина, казалось, совсем не изменилась. Джиллиан Толбэт лежала в постели: глаза закрыты, дыхание легкое и неглубокое. Но что-то, понял Перегрин, было неуловимо по-другому. Он прищурился и всмотрелся.

В то же самое мгновение его внимание привлекло какое-то призрачное движение слева. Переведя взгляд, он заметил, что дверь как бы раздвоилась: одна плотная, другая полупрозрачная, как фотографический негатив, наложенный поверх готового отпечатка. Пока Перегрин рассматривал двойной образ, прозрачная дверь пришла в движение, как на пленке.

Сосредоточившись, он увидел, как она открывается, пропуская рыжеватую женщину в очках, в комбинезоне уборщицы.

Она торопливо вошла и огляделась. Выражение лукавого удовлетворения появилось на лице. Судя по освещению, было утро, но мисс Толбэт еще не пришла. Закрыв за собой дверь, женщина поспешно подошла к кровати Джиллиан и начала осматриваться, явно что-то разыскивая. Не отводя взгляда, Перегрин открыл чистый лист бумаги и начал быстро зарисовывать свое впечатление о ее лице.

Сначала женщина заглянула в мусорную корзину, потом открыла дверцу тумбочки и начала рыться внутри, через мгновение поднявшись с зажатой в руке щеткой для волос. В тот же миг, как он разглядел это, она засунула щетку под комбинезон и, воровато оглянувшись, поспешно вышла из палаты.

Перегрин неистово рисовал, потом понял, что сцена снова изменилась. Джиллиан по-прежнему лежала неподвижно, но теперь над ее правой рукой наклонился седой мужчина в белом халате. В руках у него был шприц. Сначала Перегрин испугался, что человек вводит Джиллиан какой-то неизвестный наркотик, но... нет, кровь медленно наполняла шприц. Наверное, лаборант брал кровь для дальнейших исследований.

Однако, прежде чем он смог зарисовать этот образ, подавленный крик Айрис Толбэт вывел его из состояния полутранса. Он резко прищурился в водовороте образов и увидел, что мать Джиллиан смотрит на дочь, открыв рот от изумления, и показывает пальцем. Встревоженно обернувшись, Перегрин неожиданно встретился взглядом с парой больших голубых глаз.

Джиллиан смотрела прямо на него. Ее взгляд подействовал, как физический удар. Прежде чем Перегрин смог отвести глаза, на него налетела внезапная приливная волна образов. Его словно захлестнуло потоком разбитых витражных стекол.

Перегрин задохнулся и попытался отвести взгляд. Волна быстро несла его, ударяя впечатлениями настолько яркими и сбивающими с толку, что у него закружилась голова. Карандаш выскользнул из пальцев и покатился по линолеуму с деревянным стуком, он едва смог удержать в руках альбом. Стремление не уронить его оборвало последнюю волну разбитых картин, и все внезапно прекратилось.

Он закрыл глаза и испустил долгий, облегченный вздох, слегка удивленный, что еще сидит в кресле. По-прежнему вцепившись в альбом, он справился с головокружением. Прошла, кажется, вечность, прежде чем он осторожно приоткрыл один глаз и обнаружил, что Айрис Толбэт, бледная и возбужденная, склонилась над ним.

— Вы видели, мистер Ловэт? Видели? — спросила она наполовину испуганно. — Джиллиан открыла глаза! Вы видели, правда?

Перегрин кивнул и тут же пожалел об этом. Взяв себя в руки, он сказал:

— Да, видел.

— Это первое движение, которое она сделала сама, за много недель! — продолжала Айрис, уже возвращаясь к Джиллиан, когда медсестра просунула голову в дверь в ответ на крик. — Она открыла глаза! — сказала она сестре. — Пожалуйста, позвоните доктору Синклеру и скажите ему! Я боялась, что мне померещилось, но мистер Ловэт тоже видел это!

Когда сестра вопросительно взглянула на Перегрину, тот кивнул. Изогнув бровь, сестра ушла звонить, а Айрис взяла слабую руку дочери и погладила ее. Перегрин украдкой взглянул на Джиллиан, но глаза девочки теперь были закрыты, и она, очевидно, снова провалилась в странную кому, держащую ее в рабстве.

— Мистер Ловэт, как вы думаете, это было знаком, что она начинает выходить из этого? — робко спросила Айрис.

— Вообще говоря, не знаю, — ответил Перегрин. Воспоминание о пережитом только что хаосе было настолько сильным, что у него кружилась голова, и он, не думая, положил первый набросок поверх второго и убрал в этюдник. — Мне кажется, нам лучше подождать сэра Адама и леди Синклер и посмотреть, что они думают.

Адам и Филиппа, однако, были равно осторожны, выслушав рассказ Айрис о

происшедшем.

— Это ободряющий знак... вроде бы, — признала Филиппа, проверив основные показатели состояния Джиллиан, — но не поддавайтесь искушению придать этому случаю слишком большое значение. Еще слишком рано надеяться.

Айрис переплела пальцы.

— Наверное, вы правы, — сказала она неохотно. — Но все-таки я не могу чувствовать больше оптимизма, чем за многие недели.

Она повернулась к Перегрину почти с благоговейной улыбкой.

— Неделью назад я, наверное, обиделась бы, если бы моя дочь среагировала на кого-то, кроме моего мужа или меня. Но больше я так не считаю. Напротив, я рада, что хоть кто-то может достучаться до нее. Не знаю, что вы сделали, мистер Ловэт, но я все равно благодарна. Вы ведь придете снова, правда? Пожалуйста, скажите, что придете.

Перегрин прямо встретил ее взгляд, удивленный силой собственной решимости.

— Теперь я бы ни за что не отказался, — уверил он ее.

— Ваши чувства делают вам честь, мисс Толбэт, — мягко вмешался Адам. — Но, пожалуйста, помните, что до чуда еще очень далеко...

Это было все, что они с Филиппой были готовы сказать в присутствии Айрис. Перегрин благоразумно подождал, пока они трое не оказались в кабинете Адама, прежде чем пристать с расспросами.

— Мисс Толбэт была права? — спросил он. — Джиллиан среагировала именно на меня?

— Похоже на то, — сказал Адам с мимолетной улыбкой над затяжным изумлением Перегрин. — Мы уже отмечали, что Скотт, прежняя личность Джиллиан, выделил вас в Мелроузе как подходящего человека для общения. Несомненно, несмотря на весь ущерб, причиненный ее душе, какая-то форма узнавания еще возможна. Если нам повезет, мы используем это в последующем лечении.

Он внимательнее посмотрел на Перегрин.

— А теперь расскажите нам, что вы видели.

Перегрин поморщился.

— Боюсь, ничего особо связного. Это было почти все равно, что смотреть на крупномасштабную живопись Пикассо: все разбито на кусочки и перемешано. У меня было ощущение, что все кусочки еще там... но что за труд рассортировать их и снова разложить по местам!

Адам решил пока оставить этот вопрос.

— Вы, кажется, сказали, что сделали несколько рисунков?

— Только пару, — сказал Перегрин, подавая альбом. — По-моему, ничего особенно полезного там, где касается самой Джиллиан... но я могу сказать вам, что произошло со щеткой для волос. Не обращайтесь внимания на первый. Это была просто разминка.

Открыв альбом, Адам бросил любопытный взгляд на первый рисунок и внимательно рассмотрел второй.

— Оч-чень интересно, — пробормотал он, рассматривая набросок уборщицы. — Погляди-ка, Филиппа. Ручаюсь, это Марджори Льюис... если это ее настоящее имя.

Под вопросительным взглядом Перегрин Филиппа тоже всмотрелась в рисунок.

— Ну что же, это придает всему делу совершенно новый поворот, не так ли? Очевидно, за нами следят даже внимательнее, чем мы опасались.

— Вы хотите сказать, что эта уборщица — что-то вроде агента Ложи Рыси? — возмутился Перегрин. — Но для чего им могла понадобиться щетка Джиллиан?

— Они явно заинтересовались ею, — сказала Филиппа. — И хотят знать, кто она — или кем была. После пробы крови волосы самое лучшее, что можно использовать как фокус для осуществления некоторых психических исследований... в данный момент для изучения экзистенциального прошлого Джиллиан.

Перегрин застыл, вспомнив еще один образ, который не успел зарисовать.

— Адам, — спросил он нерешительно, — вы назначали Джиллиан новые анализы крови? Или вы, леди Синклер?

То, как мать и сын переглянулись, подтвердило подозрения Перегрин.

— Сегодня рано утром в комнате был какой-то человек, — твердо сказал Перегрин. — Я видел его после картин со щеткой. Он брал кровь. Если вы посмотрите, я уверен, что вы найдете свежий след иглы на ее правой руке. Я-то подумал, что это обычная процедура... а потом мисс Толбэт завопила, что Джиллиан открыла глаза. Но это не было обычной процедурой, так ведь?

Адам покачал головой, потом открыл альбом Перегрин на чистой странице.

— Нарисуйте, что вы видели, Перегрин, — сказал он. — Посмотрим, сможете ли вы разобрать лицо.

Перегрин прищурился на пустую страницу, но рука словно бы не хотела двигаться к бумаге.

— Я... по-моему, не могу, — прошептал он. — Здесь что-то...

— Закройте глаза и вспоминайте, — приказал Адам, положив одну руку на плечо Перегрину, а другую слегка прижав к его лбу. — Вдохните глубоко, как я вас учил, и войдите в то состояние, в котором вам работается всего эффективнее. Просто рисуйте то, что видите.

Когда Перегрин глубоко вздохнул, пытаясь выполнить желание Адама, тот опустил руки и сел. Перегрин открыл глаза, его рука послушно потянулась к альбому и начала рисовать; но хотя на листе появился неопределенный намек на мужчину в белом халате, склонившегося над фигурой, в которой безошибочно угадывалась Джиллиан, карандаш по-прежнему избегал лица мужчины.

— Нарисуйте лицо, Перегрин, — убеждал шепот Адама. Но Перегрин, казалось, не мог четко увидеть его и только недоуменно покачал головой, выходя из транса.

— Не могу, Адам, — сказал он. — Просто не могу рассмотреть его. Словно там вуаль...

— Или щит, — сказала Филиппа, поворачивая набросок под лучшим углом. — Я бы сказала, что Перегрин наткнулся на одного из полноправных членов Ложы Рыси — установившего защиту, отправившись на злое дело.

— И теперь у них есть не только волосы, но и кровь, чтобы установить связь с Джиллиан, — сказал Адам. — Если они достаточно сведущи, то завтра в это время они уже будут точно знать, кто такая Джиллиан — и, что важнее, кем она была.

— Они могут сделать это просто при помощи крови и волос? — спросил Перегрин, широко открыв глаза.

Адам кивнул.

— В зависимости от мастерства человека, делающего запрос, — да. Мы могли бы. А учитывая, что они сумели вновь оживить тело Скотта и заставить его душу вернуться, я вынужден признать, что у них есть шансы... если, конечно, их специалист в этой области не был одним из погибших у Лох-Несса. Но одаренный исследователь может проникнуть в прошлое до самого первого пробуждения объекта.

— Ну, если они смогут установить связь между Джиллиан Толбэт и Майклом Скоттом, — сказал Перегрин, — то что, по-вашему, они могут сделать?

— Бесплезно гадать, — сказала Филиппа, хмуро поглядев на Адама. — Хотя одно мы знаем наверняка: мы не можем в достаточной мере защитить ее здесь, в больнице. Если хочешь мой совет, то, по-моему, нам надо как можно быстрее перевезти ее в Стратмурн.

Адам поморщился.

— Я тоже подумал об этом. Вопрос только в том, можем ли мы это сделать, не наделав шуму?

— Шум для нас гораздо меньшее зло, — практично сказала Филиппа. — Полагаю, у нас самое большее двадцать четыре часа отсрочки, прежде чем враги сумеют разорвать завесу тайны там, где касается Джиллиан. После этого единственный способ быть уверенными в ее безопасности — день и ночь караулить у ее двери... и уверяю тебя, это вызвало бы еще больше толков.

Адам задумчиво нахмурился.

— Боюсь, так. И, мне кажется, Перегрин дал нам отправную точку для благовидного предложения перевести Джиллиан из больницы в домашнюю обстановку.

— Я? — Перегрин перевел взгляд с Адама на Филиппу и обратно.

— Да-да, вы. — Филиппа медленно кивнула. — Теперь когда у нас есть намек на реакцию, кто будет спорить, что, пожалуй, стоит посмотреть, как она среагирует на окружающее в более домашней обстановке — а именно в Стратмурне, где она будет под пристальным наблюдением обоих лечащих врачей. — Она вопросительно посмотрела на сына. — Разве ты не упоминал как-то, что твоя мисс Гилкрест до пенсии была медсестрой?

— Упоминал, — сказал Адам. — Насколько я понимаю, ты предполагаешь, что ее можно уговорить поработать под знакомой крышей. Самым трудным будет заставить службу «Скорой помощи» осуществить перевозку немедленно... но попробую.

— А тем временем нам надо уговорить мисс Толбэт. — Он подчеркнуто взглянул на Перегрину. — А на сегодняшний вечер, — продолжал он, — я был бы очень обязан, Филиппа, если бы ты сделала все возможное для охраны комнаты Джиллиан.

Глава 23

В тот же вечер в подвальном этаже дома в окрестностях Стерлинга, называемого «Нижний Леки», Фрэнсис Ребурн и несколько избранных его подчиненных собрались, чтобы удовлетворить свой интерес к Джиллиан Толбэт. Присутствовали трое, участвовавшие в подготовке оригами-рыси меньше недели назад: Нейпир, Фицджеральд и Вемисс — и жилистый, темноволосый мужчина по фамилии Барклей, чьи разнообразные таланты выходили далеко за пределы пилотирования вертолетов. Все пятеро облачились в черные балахоны с капюшонами, и каждый носил серебряный медальон и кольцо с сердоликом — эмблемы полноправных членов Ложи Рыси.

Их рабочее место было защищено и готово. В железных черных светильниках на трех побеленных стенах угасал огонь. На четвертой стене мрачно нависала отделанная кованым железом фреска с изображением безликого, неопределенно гуманоидного существа, укрытого, как саваном, тенями и вздымающимися тучами, с ореолом стрел молний вокруг места, где должна быть голова. Напротив этой стены, отделенный от нее стойкой со свечами, пилот Барклей тихо сидел в деревянном кресле с высокой спинкой; он был погружен в транс — голова откинута назад, глаза закрыты.

Справа от него из черной железной жаровни на треноге лениво поднималась тонкая струйка ладанного дыма. Рядом на маленьком столике были разложены прочие принадлежности, необходимые для ночной работы: еще ладан, неглубокий стеклянный сосуд, похожий на чашку Петри, спутанный клубок золотых волос размером с яйцо и шприц на десять кубиков, наполненный темной кровью. Занимался этим набором сам Ребурн, помогала ему Анджела Фицджеральд. Нейпир закатал левый рукав пилота и затягивал на руке резиновый жгут, в то время как Вемисс набирал в другой шприц переливчатую розоватую жидкость из маленького пузырька.

— Вы осознаете, что он не сможет летать в течение двадцати четырех часов. — Вемисс вытащил иглу, отдал пузырек Нейпиру и поднес шприц к свету свечи, выдавив несколько капель.

— До субботы мне пилот не нужен, — пробормотал Ребурн, наблюдая, как Вемисс распечатывает спиртовой тампон и трет вздувшуюся вену Барклея. — «Полет» сейчас гораздо важнее. Если, как я подозреваю, юная Джиллиан Толбэт — нынешняя инкарнация Майкла Скотта, то работа сегодняшней ночи вполне может указать путь вновь получить то, что утрачено у Лох-Несса. Барклей был в Мелроузе, когда ныне покойный Геддз призвал Скотта обратно в его тело, и сможет узнать его. Продолжайте, пожалуйста.

Без дальнейших возражений Вемисс воткнул иглу в вену Барклея и ослабил жгут, медленно введя половину шприца; потом заглянул пилоту под веко. Нейпир подошел, чтобы

придержать Барклея за плечи. Вемисс впрыснул еще наркотика, Барклей содрогнулся и застонал.

— Он почти готов, — пробормотал Вемисс, когда веки вдруг поднялись. — Барклей, вы слышите меня?

— Да.

Зрачки Барклея были расширены, взгляд неподвижен и несфокусирован. Удовлетворенный, Вемисс на миг нажал большим пальцем на поршень, добавив еще немного наркотика. Прижав спиртовой тампон к месту укола, он ловко вытащил иглу и, согнув руку пилота, прижал к груди, а затем отступил в сторону.

— Все готово, мистер Ребурн.

Улыбаясь, Ребурн выступил вперед, положил обе руки на подлокотники кресла Барклея и уставился в одурманенные глаза.

— Вам удобно, мистер Барклей? — спросил он тихо. Голова Барклея слегка мотнулась вперед.

— Все хорошо, мистер Ребурн.

— Великолепно.

Отступив, Ребурн приказал Анджеле помочь ему поставить жаровню перед креслом. Одновременно Нейпир и Вемисс взяли Барклея за плечи и заставили его податься вперед, раздвинув его колени так, чтобы жаровню можно было пододвинуть еще ближе. Когда Ребурн рассыпал щепотку ладана над тлеющими углями, Барклей начал глубоко вдыхать дым. Тот же ладан, знал Ребурн, использовался в ту ночь в Мелроузе; дрожь Барклея и его сосредоточенное лицо указывали, что он тоже это знает.

— Да-а-а, — прошипел Ребурн. — Тебе знаком этот запах, не так ли? Он возвращает тебя к той ночи в Мелроузе. Возвращайся туда, разгляди в дыму ту сцену. Сосредоточься на духе, вызванном в ту ночь. А вот то, что тебе поможет.

По его знаку Анджела Фицджеральд бросила в жаровню клубок золотых волос. Завоняло паленым волосом. Барклей наклонился ближе, чтобы глубоко вдохнуть запах; взгляд смутно сосредоточился на чем-то в дыму.

— Тянись туда, — приказал Ребурн. — Сведи их вместе и сравни. Действительно девчонка Толбэт — нынешняя инкарнация Майкла Скотта?

— Приближается... — выдохнул Барклей. — Близко... Очень близко. Но не могу... совсем... сосредоточиться. Помогите.

Кивнув Вемиссу и Нейпиру, Ребурн взял шприц с кровью и выдавил по темно-красной лужице размером с монету на каждую ладонь Барклея, которые два стража повернули вверх. Остаток крови он вылил в стеклянную плошку, которую Анджела уже поставила на угли. Кровь в горячем стекле зашипела, отдельные капельки разлетелись по краям; Барклей глубоко вдохнул запах и кивнул, потеряв ладонь о ладонь для усиления контакта.

— Да, — сказал он с закрытыми глазами, поднося окровавленные руки к лицу, чтобы вдохнуть саму кровь. — О да, они — одно и то же. Скотт разгневан. Его сотрудничества нелегко будет добиться. Он могущественен, несмотря даже на состояние нынешнего тела. И все-таки его можно использовать. Да... это определенно Скотт. Нельзя позволить Охотничьей Ложке привлечь его на свою сторону. Могущественный враг... но также и могущественный раб... Осторожно...

Он постепенно расслаблялся и наконец облокотился на колени, подперев голову окровавленными руками. Когда стало ясно, что больше информации не будет, Ребурн отодвинул жаровню и сделал знак Вемиссу и Нейпиру снова выпрямить пилота. Барклей был еще в сознании, но едва-едва, и Ребурн бросил вопросительный взгляд на Вемисса.

— Он в порядке?

— Будет, когда отоспится, — ответил врач, коротко наклонившись к Барклею. Тот закатил глаза и безвольно повис. — Да, на сегодня он закончил. Отправить в постель?

— Действуйте, — согласился Ребурн. — Мистер Нейпир поможет вам отнести его. Встретимся через полчаса в библиотеке и решим, как использовать информацию. Вряд ли это

так срочно, чтобы что-то предпринимать до вечера пятницы — этому, вероятно, ничего не помешает, — но, надеюсь, в будущем мы обязательно уделим внимание мисс Джиллиан Толбэт.

Глава 24

На следующий день серый, унылый рассвет возвестил, что по всей Шотландии ночью шел дождь со снегом и что на Северном нагорье наступила настоящая зима. В Эдинбурге рабочие всю пятницу посыпали улицы песком и тротуары солью; машины рычали между колеями в снеговой каше, а пешеходы, стараясь удержаться на ногах, стойчески брели по обледеневшим тротуарам на работу или в ближайшие магазины.

Несмотря на неблагоприятную погоду, братья Масонской Ложи № 213 в тот вечер собрались на очередное собрание в Лохендском квартале Эдинбурга. Мастер Ложи прибыл одним из последних, задержавшись из-за старомодного черного такси, которое, казалось, старалось везде свернуть как раз впереди него — и все это раздражающе медленно, несмотря на дорожные условия. К тому времени, как Мастер остановился на отведенном для него месте в конце частной стоянки Ложи — на десять минут позже, чем ему хотелось, — он был настолько раздражен, что записал номер такси на обороте старой парковочной квитанции, прежде чем взять себя в руки и нырнуть в холод и дождь.

Вытащив с заднего сиденья чемоданчик с облачением, он запер машину и осторожной рысью побежал через площадку, на ходу расстегивая пальто. У двери черного входа его встретил секретарь Ложи с листком бумаги в руке и озабоченным выражением обрамленного бакенбардами лица.

— Ох, наконец-то! — сказал секретарь. — Тут один тип пытается связаться с вами уже больше получаса. Говорит, будто работает на вас... звать Мюррей. Вот его номер. Он просил позвонить ему, как только вы придете.

Закатив глаза к потолку, Мастер Ложи № 213 взял листок и посмотрел на номер — незнакомый, — потом направился в сторону гардероба и мужского туалета; секретарь — за ним по пятам.

— У меня нет на это времени, Робби. Уткнулся в чертово такси... Он сказал, в чем дело?

— Только, что это срочно, — ответил Робби. Мастер вздохнул, срывая шляпу.

— Ладно-ладно! Позвоню ему по платному телефону, пока буду одеваться. Скажи наверху, что я открою Ложу через несколько минут.

— Да, досточтимый Мастер.

Когда секретарь Ложи с грохотом умчался по черной лестнице выполнять поручение, Мастер нырнул в гардероб, швырнул шляпу на крюк и бросил чемоданчик на стоящее поблизости кресло. Срывая пальто, он гадал, что же такое могло произойти на заводе, что Мюррей решил звонить сюда, в Ложу.

Открыв чемоданчик, он вытащил белый муаровый фартук с каймой и эмблемами из небесно-голубого шелка и повязал его на пояс, приладив клапан так, чтобы он указывал на его положение Мастера Каменщика. Следом появился кордон, широкая шелковая лента с подвеской из драгоценного камня, знаком должности Инсталлированного Мастера этой Ложи. Надев ее через голову, так чтобы камень упал прямо на грудь, он вытащил рукавицы и взвесил на руке, поглядев на бумажку с телефонным номером, потом полез в карман брюк и выловил двадцатипенсовую монету. Бросив ее в платный телефон на стене возле крючков для пальто, набрал номер, зажав трубку между плечом и ухом, и, ожидая соединения, натягивал рукавицы.

На другом конце провода раздались гудки. Мастер посмотрел на часы, прилаживая краги рукавиц. В этот миг дверь гардеробной у него за спиной открылась. Не успел он обернуться, чтобы сказать, что уже идет, как сильная рука грубо обхватила его шею сзади и прижала толстый тканевый тампон ко рту и носу.

Химический запах хлороформа хлынул в ноздри, жег глаза. Задыхаясь, даже давясь, Мастер попытался рвануться вперед, стремясь стряхнуть нападающего. Он был крупным мужчиной, но противник легко потащил его назад и усилил удушающий захват на горле, прижав тряпку с хлороформом еще теснее к лицу.

В глазах у Мастера начало расплываться, колени подогнулись — хлороформ делал свое дело. Через несколько секунд он беспомощно обмяк в руках нападающего, еще цепляясь за ускользящее сознание, но больше неспособный кричать или бороться. Противник не дал ему упасть, убрав хлороформ на время, достаточное, чтобы сообщник заклеил пленнику рот широкой лентой. Пока тот еще шатался, первый человек завернул ему руки в рукавицах за спину и связал. Одновременно второй нападающий натянул ему на голову темный капюшон.

Они подхватили его с обеих сторон и наполовину повели, наполовину потащили из гардероба, по короткому коридору и на улицу, в морозную ночь, потом бесцеремонно запихнули на пол ожидающей машины — того самого такси, что вызвало раздражение Мастера. От внезапного, резкого укола прямо через рубашку распространилась вялая волна летаргии. Машина рванула вперед — и это было последнее, что он запомнил, прежде чем потерять сознание.

В трех четвертях мили от города, на южном склоне эдинбургского Кэлтонского холма, женщина с твердо сжатыми губами сидела одна в машине, припаркованной у покрытых снежной коркой ворот кладбища Олд-Кэлтон-роуд. Впереди и позади нее в беспорядке стояли машины посетителей грязного паба, занимающего первый этаж на другой стороне Ватерлоо-плейс. Ближе к вершине холма, за пабом, на фоне зимнего неба выделялись темная громада канцелярии прокуратуры и памятник Нельсону. Легкий снегопад почти не заглушал ворчание дизельных двигателей поезда, медленнодвигающегося по рельсам за кладбищем в направлении Уэверли-стейшн.

Окрестные улицы были безлюдны, погода загнала большинство людей в дома. Однако за высокими каменными стенами кладбища около дюжины призрачных фигур топталось в покрытом снежной коркой и разрисованном граффити склепе; они ждали знака предводителя. Фрэнсис Ребурн по-волчьи рыскал перед изъеденным непогодой могильным камнем — обелиском в рост человека. Когда он остановился поглядеть на часы, куранты на башне пробили восемь.

Не успело затихнуть эхо последнего удара, как там, где на Ватерлоо-плейс выходила Риджент-роуд, показался свет фар, возвещающий о приближении большого черного такси, неуклюже ползущего вниз по склону холма к въезду на кладбище. Когда такси мигнуло фарами, женщина, ожидающая в припаркованной машине, мрачно улыбнулась своему отражению в зеркале заднего обзора и помигала фарами в ответ.

Дальше сигнал передал человек, ждущий прямо в воротах кладбища. Моментально включаясь в действие, Ребурн сделал знак подчиненным. Все дружно начали сбрасывать шляпы и пальто, оставаясь в до того спрятанных под верхней одеждой тонких белых балахонах. Пока одна группа быстро свалила сброшенные пальто и шляпы на брезент за склепом, остальные натягивали на лица белые капюшоны. Ребурн снял с шеи шарф, и беглый луч уличного фонаря выхватил из темноты темный металлический блеск Солисского торка у него на шее.

Женщина в припаркованной машине запустила мотор. Когда она плавно отъехала от тротуара, такси аккуратно скользнуло на освобожденное место и остановилось, выключив фары. Двое мужчин в черном, сидевших сзади, украдкой оглядели улицу, чтобы убедиться, что их прибытие не привлекло нежеланного внимания, потом распахнули ближайшую к тротуару дверь и вылезли, вытащив из-под клетчатого коврика на полу такси фигуру в капюшоне. Поддерживая человека в капюшоне с двух сторон, они быстро запихнули его из тени такси в тень арки входа.

У ворот их встретил один из одетых в белое коллег Ребурна, почти невидимый на фоне снега, пропустил внутрь и плавно закрыл за ними ворота на явно хорошо смазанных маслом петлях. Еще двое служителей Ребурна помогли провести пленника на холм; все они

скользили и спотыкались в снегу. Повинуясь знакам Ребурна, они поставили пленника спиной к обелиску и привязали веревками из алого шелка. Закончив, люди из такси ушли, а Ребурн и его подчиненные продолжили то, ради чего собрались.

Безликие, почти невидимые в белых одеяниях, приспешники Ребурна окружили человека, привязанного к могильному камню. Встав в круг прямо перед жертвой, Ребурн полез за пазуху балахона и вытащил медальон в форме диска с изображением оскалившейся морды рыси на тяжелой серебряной цепи — единственная такая эмблема в этот вечер, хотя все носили кольца с сердоликом их Ордена.

Светлые глаза поблескивали из-под капюшона. Ребурн помедлил, на миг прикоснувшись к медальону, потом протянул руку и сорвал капюшон, мешающий жертве видеть. Пленник немного пришел в себя от потока холодного воздуха: склоненная голова поднялась, одурманенные карие глаза непонимающе скользнули по кругу облаченных в белое фигур. Он слабо отшатнулся, когда Ребурн повесил медальон ему на шею.

С нетерпеливой гримасой Ребурн кивнул одному из подчиненных и отступил на свое место во главе круга. Не произнеся ни слова, человек в белом скользнул вперед и сорвал ленту с губ пленника, потом вроде бы щелкнул пальцами у того под носом. Когда пленник рефлекторно отдернул голову, резкий запах аммония разнесся в морозной темноте и быстро рассеялся. Также молча человек занял место в кругу, растаяв среди товарищей. Жертва осталась одна в середине; в карих глазах начинал зажигаться более осознанный страх.

Ребурн поднял руки, и еще более тяжелая тишина, казалось, опустилась на древнее кладбище, каким-то образом отделив собравшихся от завывания и скрежета дизельных двигателей и аэродинамических тормозов близкой сортировочной станции, поглотив все далекие звуки города. Крупные снежинки лениво кружились в ледяном ночном воздухе, одна из них зацепилась за ресницы пленника. Когда напряжение сгустилось до желаемого уровня, Ребурн наконец закинул голову и свистящим шепотом запел наводящее ужас заклинание, дабы вызвать силу, вверенную ему Старшим Мастером.

Пение раздражало слух, как скрежет напильника по камню. Пленный масон слабо натянул пути; неподдельный ужас начинал подпитывать его усилия. Голос Ребурна становился все напряженнее, но не громче, и наконец он вскинул голову, широко, словно обнимая небо, раскинув над головой руки.

— Приди, могучий Таранис! Приди, будь ныне нашим гостем!

Воздух в круге, казалось, внезапно вскипел злобной энергией. Тьма сгустилась и вспенилась, жуткий полусвет мелькал от тучи к туче, лица и руки начало покалывать, словно по ним ползали невидимые насекомые.

— Приди, о Владыка Молний! — умолял Ребурн. — Приди и прими нашу присягу! Узри подношение, что приготовлено тебе, жертву подобающую и готовую к сожжению!

В его голосе звенело предвкушение, и гром ответил низким, инфразвуковым раскатом, собирающиеся тучи вздымались и волновались.

Дико оглядываясь по сторонам, пленный масон сделал слабую попытку рвануться, сумев теперь издать внятный писк, но бесполезно. В тот же миг с внезапным, оглушительным грохотом стрела молнии обожгла ночное небо и ударила, подобно жалу гадюки, в медальон с рысью, висящий на груди пленника.

Длительная бело-голубая дуга молнии зашипела и затрещала. Служители в белом отпрянули, воздев руки, чтобы защитить ослепленные глаза. Пронзенное ударом неукротимой энергии тело жертвы дергалось и колотилось, как сломанная марионетка, синеватый дым, воняющий обуглившейся тканью и плотью, клубился над головой и грудью.

А Ребурна охватило чувство, близкое к оргазму. Закинув лицо к небу, он издал хриплый крик ликования и глубоко вдохнул зловоние жертвоприношения. Бьющаяся в шелковых путах жертва дернулась в последний раз и затихла, но это была рефлекторная реакция тела на уже прошедшую боль. Остаточные разряды еще несколько секунд играли вокруг склонившейся головы мертвеца, потом внезапно погасли.

Снова спустилась тьма — еще тяжелее, ибо последовала за стихийным огнем, и

мгновение, показавшееся вечностью, Ребурн дрожал на грани экстаза, опьяненный долгим поцелуем силы. Резонанс, оставленный энергией молнии, объял его худощавое тело наслаждением, какое он доселе мог лишь воображать. Он цеплялся за это наслаждение, настойчиво прижимая руки к торку в попытке продлить мгновение, и открыл глаза, только когда огонь в жилах погас окончательно и кто-то в кругу закашлялся.

Безжизненное тело жертвы безвольно обмякло на могильном камне, облачка дыма поднимались от глубокого, черного ожога на груди. И медальон, и драгоценная подвеска покрылись окалиной, едкий дым все еще клубился над обожженными шелком и шерстью. Снег вокруг начал таять, обнажая черную землю. По знаку Ребурна кто-то из служителей осторожно подошел осмотреть жертву. В их почтении Ребурн также заметил страх и уважение, смешанные с завистью; он наслаждался этим знанием.

Где-то вдаль все громче выла сирена: весьма вероятно, недавняя пиротехника над кладбищем не прошла незамеченной. Повинуясь краткому приказу Ребурна, снова одевшего пальто и шарф, один из помощников сорвал обугленные остатки медальона с рысью с тела жертвы хорошо изолированной рукой, а другой начал развязывать шелковые путы, привязывавшие жертву к могильному камню. Когда они опустили тело на землю, первый человек разрезал и убрал ленту, связывающую запястья жертвы. Когда все было кончено, Ребурн позволил двум приспешникам проводить себя к ожидающему такси, оставив остальных членов группы расходиться так же быстро и тихо, как они пришли.

К тому времени, как первая полицейская патрульная машина свернула на Ватерлооплейс, на кладбище Олд-Кэлтон-Роуд не было никого, кроме тех, кто уже давно спал там вечным сном, и обожженного тела человека, пораженного молнией.

* * *

Тем временем в Стратмурне Адам и его помощники еще не знали об этой операции Лужи Рыси. Сосредоточившись последние два дня на защите Джиллиан Толбэт, они как раз перевезли ее в Стратмурн, чтобы начать новую фазу лечения. Джиллиан устроили в уютной комнате в восточном крыле, некогда служившей детской; ее мать поселилась в комнате напротив.

В тот вечер, чтобы принять Айрис Толбэт в Стратмурне и подчеркнуть ненапряженную, домашнюю атмосферу, которая, как они надеялись, обеспечит прорыв в состоянии ее дочери, Филиппа устроила неофициальный обед. Присутствовал не только Перегрин, которого мисс Толбэт обожала после такого явного воздействия на Джиллиан, но также и Кристофер и Виктория Хьюстоны, приехавшие из Кинросса для поддержки. Грозная мисс Гилкрест охотно согласилась вернуться к прежней работе медсестры и посидеть с Джиллиан, пока остальные обедают.

Пока сотрапезники вели благожелательную беседу, переходя от лука-порея и стилтонского сырного супа к цыпленку по-веллингтонски и измельченным черносливам, Айрис Толбэт уже почти освоилась в новой обстановке. Филиппа предложила перейти в переднюю гостиную и попить кофе, когда зазвонил телефон.

— Этим займется Хэмфри, — с улыбкой сказал Адам подскочившей Айрис Толбэт. — Исключая чрезвычайные происшествия, я не отвечаю на звонки во время обеда. — На другом конце комнаты раздался тихий звонок. — Хотя с некоторыми звонками приходится разбираться. Переходите в гостиную, а я присоединюсь к вам через несколько минут.

Этому заверению, однако, не суждено было исполниться, потому что на другом конце провода оказался мрачный Ноэль Маклеод.

— Возьмите себя в руки, Адам, — сказал инспектор. — Человека, носящего масонские регалии, только что нашли мертвым на кладбище Олд-Кэлтон-роуд между железнодорожными путями и Кэлтонским холмом. И знайте: его, похоже, поразила молния. Я как раз еду туда и подумал, что вы захотите присоединиться ко мне... вы и юный Ловэт, если он свободен. Позаботьтесь, чтобы он прихватил что-нибудь для рисования — на всякий

случай.

Всего полчаса спустя Адам, сопровождаемый Перегрином, осторожно пристроил «рейнджровер» в ряд позади полудюжины полицейских машин у северной стороны Ватерлоо-плейс напротив входа на кладбище Олд-Кэлтон-роуд. Вокруг самого входа были расставлены полицейские кордоны, а у тротуара ждала, сверкая жутковатыми голубыми огнями, «скорая помощь».

— Выглядит довольно зловеще, — сказал Адам, когда они с Перегрином выходили из машины.

Что-то пробурчав в знак согласия, Перегрин сунул блокнот под мышку и послушно последовал за Адамом по улице, жмурясь от снега и с запозданием натягивая перчатки без пальцев.

— Мы по вызову инспектора Маклеода, — сказал Адам офицеру у барьера, показывая свою карточку. — Можете сказать, где его найти?

— Да, сэр. — Офицер повернулся и указал на скопление огней прожекторов среди могильных камней. — Он где-то там. Но будьте осторожны — здесь очень грязно.

— Спасибо, — быстро сказал Адам.

Они с Перегрином обошли барьер и прошли в ворота. По пути Адам заметил тяжелую цепь, лежащую на земле возле стойки ворот. Висячий замок был аккуратно разрезан, вероятно, болторезным станком. Выше по склону в воздухе висел едкий запах горелой плоти.

— Господи Иисусе! — сдавленно, с отвращением пробормотал Перегрин.

Он прикрыл рукой рот и нос, борясь с тошнотой. В тот же миг Адам заметил Маклеода среди фигур, возникающих и пропадающих в свете прожекторов. Он помахал рукой, чтобы привлечь внимание инспектора; Маклеод посмотрел вниз, увидел их и пошел навстречу. Его сильное, строго очерченное лицо казалось в ацетиленовом свете бледным и мрачным.

— Долгонько ж вы! — пробормотал он, хотя замечание шло скорее от нервов, чем от реального раздражения, ибо он знал, что они прибыли так быстро, как смогли. — Медики и полицейский патологоанатом уже полчаса ходят за мной, желая убрать тело, но я хотел, чтобы вы увидели все так, как мы нашли.

Он провел их через похожий на паутину лабиринт желтых полицейских лент на участок мерзлой земли между двумя серыми каменными склепами. Шедший на шаг позади Адама Перегрин повернул направо и запнулся при виде тела, неуклюже валяющегося на клочке выжженной и раскисшей земли в нескольких ярдах от них, но сумел идти дальше не сбившись с ноги. Когда он окинул тело взглядом, ощущение остаточного насилия обожгло лицо, как пощечина.

У него перехватило дыхание, и он отшатнулся. И Маклеод и Адам оглянулись, но он молча отмахнулся и сфокусировал внимание на мертвеце. Жертва казалась примерно ровесником Маклеода: солидный, похожий на рабочего, человек в обуглившихся остатках масонского кордона и испачканном грязью фартуке поверх темного костюма. Причина смерти была очевидна: почерневшее пятно в центре груди, словно его прошила очередь из миномета.

Доставая карандаш из кармана пальто, Перегрин другой рукой открыл блокнот, сделал пару глубоких вдохов и прищурился, пытаясь увидеть за сценой непосредственно перед ним события, предшествующие ей. Было трудно отстраниться от насилия, но когда он потянулся к более глубокому уровню восприятия, призрачная картина ожила.

Теперь он видел людей, облаченных в белые балахоны с капюшонами, собравшихся вокруг жертвы в круг, напоминающий убийство Рэндалла Стюарта. Обращало на себя внимание отсутствие медальонов с рысью, но кольца украшали каждую правую руку, как и в ту ночь, а лица были укрыты не только капюшонами. Тот, кто казался предводителем, носил на шее что-то тяжелое и темное, оно влекло Перегрин, как магнит... хотя, когда он попытался сосредоточиться, детали расплылись.

Постаравшись сконцентрироваться, Перегрин попытался рисовать четче. Шейное украшение окутывала несомненная аура злобы. Он уловил общее впечатление плавных

пиктограмм, передающих ощущение силы. Но не успел образ стабилизироваться, как внезапно раскаленный добела удар боли обжег глаза изнутри, уничтожив видение.

Боль была столь сильной, что он задохнулся и скрючился, слабо схватившись за лицо. Две пары сильных рук поддерживали его, не дав упасть, и потихоньку помогли выпрямиться, когда он оправился, но даже мысль о неизвестном шейном украшении вызвала тошноту, и боль снова ударила по глазам.

— Успокойтесь, — прошептал на ухо тихий голос Адама. — Выбросите из головы то, что вызвало эту реакцию. Оно того не стоит.

Прохладные, крепкие пальцы прикоснулись ко лбу. Неожиданно боль стала легче. Перегрин захлебнулся воздухом и наконец осмелился приоткрыть глаза.

— Адам, по-моему, это были те же, кто убил Рэндалла Стюарта, — пробормотал он осторожно, с удивлением обнаружив, что карандаш и блокнот остались в руках. — У вожака было что-то на шее... ну... какое-то украшение... может быть, торк.

— Я почему-то так и думал, — тихо ответил Адам. — Но пока хватит. Не пытайтесь работать над образом. Сам объект слишком уж хорошо прикрыт. Как вы себя чувствуете?

Перегрин кивнул. Боль затихла, он снова мог нормально видеть.

— Лучше. Вы... значит, не хотите, чтобы я сосредоточился на вожаке? — спросил он.

— Не такой ценой, — сказал Адам. — Не сейчас. Не здесь. Вы видели еще какие-либо образы, прежде чем он остановил вас?

— О да, — ответил Перегрин. — Разные подробности...

Его голос замер, взгляд снова перешел на скорчившуюся у подножия могильного камня фигуру, а карандаш уже двигался по бумаге. При виде рассеянного выражения, появившегося у него на лице, Адам и Маклеод отошли на несколько ярдов, довольные, что молодой художник снова овладел своими способностями, но готовые снова прийти ему на помощь, если понадобится. С помощью Перегрин они еще узнают что-нибудь полезное о сегодняшнем преступлении. Маклеод расправил плечи.

— Ну что же. Еще один масон убит при обстоятельствах, которые можно описать только как весьма странные, — пробормотал он. — Н-да, завтра у газет будет знаменательный день.

Адам поморщился. Он мог представить себе заголовки.

— Вы знали его?

— Совсем немного, — ответил Маклеод. — Его зовут... звали... Иен Макферсон, Свой деревообделочный цех в Лохенде, где и находилась Ложа. — Он указал на фартук и кордон мертвеца и поджал губы, погрузившись в мрачные размышления.

— Готов спорить, что сегодня вечером было очередное собрание Ложи. Почти не сомневаюсь, что его, вероятно, похитили как раз перед началом собрания... может быть, прямо в помещении Ложи. Я послал туда Дональда расспросить людей. Как один из них, так сказать, он получит информацию вернее, чем кто-либо... но только если есть что сказать.

Он умолк и покачал головой.

— Не знаю, Адам. Смерть Рэндалла была ужасной... но теперь начинает становиться по-настоящему жутко. Если мы очень скоро не доберемся до сути этой неразберихи, то у нас может начаться настоящая охота на ведьм. И, что еще хуже, самозванные охотники будут искать совсем не там, где надо... и сам Масонский орден окажется во главе списка.

— Боюсь, вы правы, — серьезно согласился Адам, — Можете сейчас сказать что-то еще? Макферсона ударила молния?

Маклеод нахмурился, как грозовая туча.

— На это указывают все улики. Во-первых, локализованный ожог в центре груди. Потом факт, что часы Макферсона остановились в 8.17 — что точно указывает время смерти. Монеты в карманах превратились в выгарки — еще одна документально подтвержденная особенность, связанная с жертвами молний. Я не врач, но мне это кажется довольно убедительным.

Адам мрачно кивнул.

— Было бы гораздо проще все объяснить, — продолжал Маклеод, — будь это лето в тропиках. Но гроза слишком уж необычна для шотландской зимы. Хотелось бы мне, чтобы я мог прикинуться, будто верю, что все это — тщательно продуманное преступление, совершенное в студийных условиях кем-то, насмотревшимся ужасиков. Однако у нас есть пара свидетелей, которые утверждают, что видели, как странные облака собирались над кладбищем всего за несколько мгновений до удара молнии.

Взгляд Адама стал пронзительным.

— Почему это напоминает те рассказы, что появились в связи с инцидентом в Балморале в том месяце?

Маклеод прищурился.

— Думаете, возможна связь?

— Не знаю, — сказал Адам, — но эту теорию стоит исследовать.

Возможно, он сказал бы больше, но в этот миг к ним поспешно подошел Перегрин, на лице которого отражалась смесь отвращения и волнения.

— Поглядите-ка! — сказал он, передавая им блокнот. Адам поднес блокнот к свету. На рисунке был изображен Макферсон, привязанный к могильному камню, у подножия которого он теперь лежал. На нем были не только фартук и кордон Мастера Ложи; на шее на длинной цепи висел круглый медальон. Изображена на медальоне была оскалившаяся морда рыси.

— Остальные на этот раз их не носили, — объяснил Перегрин, пока его наставники смотрели на рисунок. — Были кольца, но не медальоны. Теперь его, конечно, нет, — добавил он, тыкая пальцем в медальон с Рысью. — Они — люди в белом, — наверное, сняли его после удара молнии. Но для чего надевать его на жертву, если это не...

— Если это не было завершающим ритуал фактором, — задумчиво сказал Адам. — Да, это вполне подходит. Медальон действует, как приводной маяк, притягивая огонь той силы, которую наши противники пытаются высвободить в материальный мир.

— Место отмечено крестом, — процедил Маклеод сквозь крепко сжатые зубы. — Иначе это называется прикосновение Иуды.

— Но почему здесь? — удивился Перегрин, оглядываясь вокруг.

— Вот, по-моему, часть ответа. — Адам указал на обожженный огнем могильный камень позади тела.

Перегрин пригляделся и увидел, что на камне вырезана любопытная эмблема: круг с треугольником внутри и левой рукой внутри треугольника с ладонью наружу и пальцами вместе, а на ладони — глаз.

— Если не ошибаюсь, — сказал Адам, — это старый масонский символ защиты. Я прав, Ноэль?

Кивнув, Маклеод провел рукой по полустертой резьбе.

— Мне это кажется вполне возможным.

— Более того, — сказал Адам, — я бы очень удивился, если бы не оказалось, что именно это кладбище использовалось в прошлом для погребения важных масонов. Дело в том, что я подозреваю, что наши враги используют все это не только для совершения жертвоприношений, но и для испытания своей наступательной силы.

Еще раз оглядевшись, он безрадостно вздохнул.

— Думаю, мы можем принять на веру, что они достигли того, к чему стремились, — продолжал он. — Куда бы ни вел отсюда след, по дороге будет еще много смертей, если мы не сможем действовать быстрее их. Для этого нам понадобятся знания. Ноэль, когда вы сможете дать мне записи бесед, которые вы с Кохрейном вели в Стерлинге?

— Хотите завтра? — сказал Маклеод. — Самое позднее воскресенье. Я возьму копию домой, а еще прослежу, чтобы вы получили копию судебного рапорта о Макферсоне, как только он появится.

Глава 25

К рассвету следующего утра видимость над Кэйрнгормскими горами уменьшилась почти до нуля из-за густого, низкого тумана. Ориентируясь в основном по приборам, Барклея, пилот Ребурна, медленно вел вертолет над кремовым одеялом, которое выглядело настолько материальным, что по нему, казалось, можно было идти, обходя изредка попадающиеся заснеженные пики, поднимающиеся из тумана. Сверхъестественную тишину нарушал только гул вертушки да бормотание пилота. Сам Ребурн невозмутимо сидел на сиденье рядом с Барклеем. Усиливающийся сигнал приводного маяка объявил о скором прибытии.

Задержав дыхание, пилот начал спускаться. Это было похоже на погружение в стакан с топлеными сливками. Через несколько секунд полной слепоты они вынырнули в мрачные сумерки над укывшим все снежным одеялом. Прямо по курсу прожекторы возле замка указывали путь к посадочной площадке.

Через несколько минут Ребурн, инстинктивно пригнув голову под замедляющимися лопастями, неуклюже пробежал через заснеженную лужайку к парадной двери; под мышкой у него был зажат портфель. Когда он оказался внутри, молчаливые, вежливые слуги помогли ему сменить верхнюю одежду на свободное белое одеяние, служившее под этим кровом формой. Облаченный подобающим образом, он позволил им проводить себя к подножию лестницы, ведущей в башню Верховного Мастера.

Подъем потребовал от Ребурна некоторых усилий. На бледном аскетическом лице появились нежелательные морщины напряжения, когда он поднимался по ступеням. Ноги еще дрожали от усталости, вызванной первым опытом использования торка, но он наслаждался этим утомлением, желанным подтверждением увеличивающейся силы. Переведя дыхание, он трижды постучал в дверь, потом открыл ее.

Верховный Мастер восседал среди подушек во главе круга служителей. Перед ним на коврике из шкуры черного барана лежал манускрипт, а на нем — что-то завернутое в алый шелк. Атмосфера в круглой комнате была пронизана ожиданием, дюжина пар глаз жадно сверкала в газовом свете. Морщинистое лицо Верховного Мастера было непроницаемо, глаза горели среди морщин, как угли.

Переступив порог, Ребурн закрыл за собой дверь и низко поклонился Верховному Мастеру, почти коснувшись головой колен. Он выпрямился, осознавая устремленные на него взгляды, и возвестил:

— Дело сделано, Верховный Мастер. Владыка Таранис соизволил принять наше подношение.

Нотка ликования в его голосе эхом отозвалась от древних камней. Тихий вздох пробежал по кругу — шепот жадного восторга. Отзываясь на этот вздох, Верховный Мастер сделал Ребурну знак приблизиться, кивнув, когда тот опустился перед ним на колени в знак подчинения.

— Добро пожаловать, Сын Повелителя Бурь, — сказал он. — Сегодня Громовержец истинно породил тебя.

Он протянул руку над манускриптом и большим пальцем начертил на челе Ребурна рунический символ. Его прикосновение было холодным и сухим, как змеиная кожа, и Ребурн слегка вздрогнул.

— Да будет увековечено в Анналах Тени, что предсмертная агония строителя храма была сочтена подобающим жертвоприношением, — провозгласил Верховный Мастер с суровым удовлетворением. — Пусть его жизненная сила питает бурю, что скоро разрушит бессмертной молнией сам Храм. И пусть скорее начнет час, когда сам Громовержец войдет в мир через врата плоти, приготовленные, чтобы принять его.

Этот призыв был встречен шепотом одобрения среди служителей. Один Ребурн хранил молчание, лицо его в тусклом мерцании газового света было твердым и бледным. Мастер поднял лысую голову.

— Сын Громовержца, — сказал он, — тебе есть еще что сказать?

— Да, Верховный Мастер, — сказал Ребурн. — Кое-что, касающееся всех

присутствующих. У меня есть новости об Охотничьей Ложке, что преследует нас по пятам. И если я не очень ошибаюсь, это могло бы подвергнуть опасности все наши планы.

Это заявление вызвало новое движение в комнате. Морщинистые губы Верховного Мастера сложились в гримасу недовольствия.

— Объясни.

Ребурн снова слегка поклонился и сел на пятки.

— Все присутствующие знают, что наша недавняя попытка обезвредить одного из Охотников была сорвана из-за вмешательства некоего сэра Адама Синклера из Стратмурна, которого у нас теперь есть причины считать Повелителем Охоты, — сказал он. — Еще надо сказать, что этот Синклер явно ухитрился использовать то, что он, Маклеод и Ловэт видели в Мелроузе после воскрешения колдуна Майкла Скотта месяц назад, чтобы разыскать новую инкарнацию Скотта. Очень скоро, если он уже не сделал этого, Синклер, несомненно, попытается преодолеть разрыв веков, чтобы добраться до знаний, которые хранит Скотт.

Если он намеревался вызвать сенсацию, то не был разочарован. Верховный Мастер напрягся и пристально посмотрел на Ребурна, его пергаментное лицо исказилось в злобной гримасе горгульи.

— Как позволили такому случиться? — спросил он. — Почему мне не сообщили об этом ранее?

— Информацию нельзя было проверить до последних нескольких дней, — бесстрастно сказал Ребурн. — До вторника на этой неделе никто из нас ничего не подозревал, и понадобилось несколько дней для проверки.

— И кто же нынешняя инкарнация Скотта? — спросил Верховный Мастер.

— Ребенок по имени Джиллиан Толбэт, — сказал Ребурн, вызвав испуганное движение среди учеников Мастера. — В настоящее время она считается психически больной и находится под наблюдением Синклера. Впервые на нее обратили внимание в понедельник, когда один из мелких агентов заметил ее прибытие в эдинбургскую больницу, где работает Синклер. Поскольку обычно Синклер не занимается детьми, мой агент заинтересовался. Осторожные расспросы обнаружили, что девочку перевезли из больницы в Лондоне, где она лежала в коме с утра после ночи, когда мы призвали Скотта.

— Чтобы облегчить дальнейшее расследование, были добыты пробы волос и крови девочки, которые впоследствии были использованы как физическая связь для начала обследования ее астрального прошлого. наших изысканий хватило, чтобы подтвердить, что Джиллиан Толбэт действительно является самым последним воплощением Скотта. К счастью, в результате длительного отделения души Скотта от тела месяц назад она в данный момент не в том, что можно назвать здравым умом... но если Синклер сумеет привести ее в чувство, то, несомненно, она могла бы существенно повредить нам в нашем нынешнем предприятии.

Служитель справа от Верховного Мастера поднял руку; лица в тени белого капюшона почти не было видно.

— Говори, — сказал он резко.

— Верховный Мастер, всем известно, что большая часть знаний Скотта была зафиксирована в его книге заклинаний, — произнес женский голос; акцент был похож на немецкий. — Сейчас эта книга на дне Лох-Несса. Если она недостижима для нас, то, конечно, она недостижима и для Скотта, особенно если его душа сейчас пребывает в теле ребенка.

— За исключением того, что, как у Повелителя Охоты, Синклера, вероятно, есть возможность взять эту информацию напрямую у Скотта или даже из самих Хроник, — едко сказал Верховный Мастер.

Он осторожно положил руки на торчащие в стороны колени, окинув комнату жарким и твердым взглядом слезящихся глаз.

— Ба, да что вы знаете! — прошипел он. — Сам Фюрер не знал. Он начал слишком рано, не овладев по-настоящему мудростью Тараниса, и сила обратилась против него.

Дрожащая, костлявая рука погладила верхнюю страницу манускрипта.

— Я не сделал такой ошибки, — прошептал он, сейчас не видя по-настоящему никого из них. — Полвека я учился и приносил жертвы способами, которые вы едва ли можете надеяться постичь, и понял то, чего не понял он. Я могу вызвать гнев Тараниса, чтобы разорвать хрупкий полог, что скрывает Тьму! Когда путь будет открыт...

Удушающий кашель привел его в себя, и он, слегка тряхнув головой, обратил взгляд на Ребурна; лицо его было твердым как камень.

— Не подведи меня, Сын Громовержца! Я не намерен бездейтельно наблюдать, как все рушится, когда успех так близок. Устрой все так, чтобы этот ребенок не остался в живых, чтобы стать орудием в руках наших врагов.

— Если бы все было так просто, Верховный Мастер, — сказал Ребурн осторожно, нащупывая шаткое равновесие между рассудком и безумием. — Вчера Синклер перевез и девочку, и ее мать в свой дом в Стратмурне. Мы не знаем наверняка, что вызвало его подозрения, но, к несчастью, это делает девочку недосягаемой для нас. Это место окружено непробиваемой защитой — мы уже пробовали и не смогли прорваться сквозь нее. Единственный способ преодолеть защиту, поскольку мы не можем попасть внутрь, заставить Синклера выйти.

— И что это даст? — угрюмо спросил женский голос со слабым французским акцентом. — Во всяком случае, разве не вероятно, что Синклер, выйдя из дому, усилит личную защиту?

— Я бы не осмелился испытывать его физическую защиту в такой ситуации, — сказал Ребурн с тонкой улыбкой, понемногу восстанавливая уверенность. — Но от такой защиты немного толку против более традиционного нападения.

— Пуля убийцы? — спросил мужчина, сидящий справа от Верховного Мастера.

— Над таким вариантом стоит поразмышлять, — согласился Ребурн. — Уверю вас, вопрос будет решен своевременно, чтобы предотвратить его вмешательство в нашу следующую операцию.

— Смотри, чтобы так и было, — прорычал Верховный Мастер. — Синклер стал слишком уж мешать. А пока ты должен держать меня в курсе планов и их продвижения. Это ясно?

— В полной мере, Верховный Мастер, — сказал Ребурн с поклоном. — Вы не будете разочарованы.

— Смотри, чтобы не был. От этого может зависеть больше, чем твоя жизнь. — Он снова окинул комнату внимательным взглядом слезящихся глаз, в которых тлели гнев и безумие, потом перевел дух. — Но довольно об этом. Еще остается работа, которая требует полной концентрации от всех присутствующих. Ты принес торк?

— Вот, Верховный Мастер, — сказал Ребурн, кладя перед собой портфель и неловко открывая застёжки.

— А медальон?

— Тоже здесь.

Сначала он отдал то, что осталось от медальона: маленький, металлически позванивающий сверток. Развернув алый шелк, Верховный Мастер положил руку на опаленные молнией остатки медальона, использованного на Кэлтонском холме, потом, кивнув, передал его женщине слева.

— Смотри, чтобы это предали горну, — приказал он.

— Будет сделано, Верховный Мастер, — сказала женщина и спрятала медальон в складках одеяния.

Тогда Ребурн во второй раз склонился над портфелем и вынул торк, тоже закутанный в тяжелый алый шелк. С какой-то неохотой он благоговейно положил его на протянутые ладони Верховного Мастера — по-прежнему завернутый в шелк.

— Великолепно, — выдохнул старик. — Начнем.

Он положил торк на пол перед собой. Служитель справа поднял алый сверток поменьше, все еще лежащий на манускрипте на шкуре барана, и осторожно развернул. В

газовом свете сверкнул желтым еще один серебряный медальон, отмеченный эмблемой Рыси, — близнец того, что использовал Ребурн на Кэлтонском холме. Тихий гортанный звук пробежал среди служителей, когда Верховный Мастер обеими скрюченными руками взял медальон за цепь и поднял на уровень глаз.

— Все славьте Тараниса, Повелителя Молний! — хриплый, надтреснутый голос напоминал карканье ворона. — Тебе, Владыка Бурь, посвящаем мы эту медаль, металл земли и труд рук слуг твоих. Да будет железо повенчано с серебром, да сочетает их стихийный огонь. Да будет серебро служанкой железу, вместилищу небесного пламени!

С этими словами он слегка склонился, потом отложил медальон в сторону. Развернув Солиссский торк, он взял его обеими руками, поднял и трижды описал им круг над медальоном — против часовой стрелки. При последнем круге он опустил руки так, чтобы торк и медальон на миг соприкоснулись. Прикосновение вызвало шипящее потрескивание и краткую вспышку искр, но, кажется, не повредило обладателю этой темной магии. Когда вспышка погасла, в воздухе запахло озоном. Верховный Мастер протянул тонкие, как у паука, руки и поднял торк над головой Ребуерна жестом подношения.

— Хвала Таранису, Творцу Грома! — проскрежетал он. — Тебе, Наездник Бури, снова посвящаем мы этого человека, дабы был он твоим слугой, глашатаем твоего имени и опорой твоей силы. Отдай в его руки огонь небес, и он почтит тебя все소жжением во славу твою!

Он на миг прикоснулся торком к склоненной голове, и Ребурн содрогнулся, когда жало энергии внезапно пронзило основание черепа. Подобно статическому электричеству, энергия распространилась по позвоночнику, посылая трепещущие, ветвящиеся усики силы по нервам до самых кончиков пальцев на руках и ногах. Он затрепетал от наслаждения, тем более щекочущего, что было смешано с болью. Слегка напрягся и резко вздохнул, потом перевел дыхание, когда мгновение острого наслаждения рассеялось, оставив уверенность тайной власти.

Желание применить эту власть было почти болезненным, и тем слаще, что обуздано. Ребурн почти не слышал заключительного заклинания Верховного Мастера, настолько был поглощен ожиданием грядущего божественного экстаза. Он с большим трудом овладел собой — и обнаружил, что Верховный Мастер формально подносит ему торк.

— Хвала Таранису, — выдохнул он, беря торк из рук старика. — Я принимаю долг и клянусь выполнять волю Его.

* * *

За следующие несколько дней небо расчистилось, но по-прежнему было страшно холодно. После потрясения, вызванного пятничным нападением на Кэлтонском холме, Адам счел обязательным предупредить тех членов своей Ложи, которые еще были вне подозрений, избегать контактов, если не случится чего-то непредвиденного. Для предосторожности и он, и Маклеод занимались каждый своими обычными делами, оставив Филиппу охранять Стратмурн и его обитателей и продолжать лечение Джиллиан Толбэт традиционным образом. Перегрин также не покидал границ поместья и проводил большую часть дня у постели Джиллиан, делая наброски, которые не показывал никому, кроме Адама.

Самого Адама все время мучили дурные предчувствия, но он не смог найти ничего, кроме общего ощущения нависшей угрозы. Обещанные записи бесед в воскресенье днем доставил лично Маклеод, но и они не смогли пролить новый свет на ситуацию. Во вторник Маклеод посетил кабинет Адама в Джорданберне, но его единственная новость относилась к предыдущим нанимателям квартиры «с привидениями», где теперь жила бывшая прихожанка Кристофера Хелена Прингл.

— К несчастью, здесь нет ничего по-настоящему обнадеживающего, — уныло сказал Маклеод, ерзая в кресле. — Из троих в списке хозяйки первый — Джон Лэристон — тогда был холостяком, но с тех пор женился и переехал в Англию, где сейчас работает зубным врачом. Министерство почт смогло проследить его по трем последующим квартирам и дало

нынешний адрес в Суссексе. Жизнь Лэристана кажется более или менее открытой книгой. Сомневаюсь, что это тот человек, которого мы ищем.

— Склонен согласиться, — сказал Адам. — Продолжайте.

— Джозеф Маккеллар, второй человек из списка, немного более сомнителен, — продолжал Маклеод. — Мистер Маккеллар служит в Шотландском банке и два года назад был переведен в филиал в Париже. Мы пытаемся разыскать его адрес. Я дам вам знать, когда что-то найдем. Он также не кажется вероятным кандидатом на то, что уловил в квартире Перегрин.

Инспектор помедлил, сверившись с записями, и продолжил:

— Таким образом, остается наниматель как раз перед Хеленой Прингл, по имени Стивен Виктор Геддз. С ним тоже не слишком повезло. Он биолог, и пока жил там, работал лектором на неполной ставке в Эдинбургском университете, однако с тех пор покинул должность, не оставив записи о переходе на другую работу. Социальная служба пропустит его имя через компьютер, чтобы посмотреть, не перешел ли он на пособие. Если да, то они смогут дать нам нынешний адрес. Если нет, придется испробовать другую тактику.

Адам кивнул.

— Я по-прежнему считаю, что стоит поискать, хотя бы только из-за замеченного там Перегрином медальона с Рысью. Насколько я понимаю, ни у одного из троих нет судимостей?

— Не под этими именами, — ответил Маклеод. — И у нас нет причин подозревать, что они пользовались другими.

— Тогда это может оказаться тупиком, — сказал Адам. — а пока предлагаю заняться Балморалом и, конечно, продолжать работать над убийством на Кэлтонском холме. Полагаю, протокола вскрытия нет, иначе вы бы упомянули о нем.

— Мне обещали его завтра, — ответил Маклеод. — Хотя вы же не думаете, что это что-то изменит, верно?

Адам мрачно улыбнулся.

— Надежда всегда есть.

Но эта надежда оказалась необоснованной. Маклеод позвонил в среду: обещанный протокол прибыл, но все больше и больше становилось ясно, что физические симптомы смерти Мастера Каменщика Макферсона не подведут их ближе к преступникам. Как и с Рэндаллом, похитители использовали хлороформ и наркотики, но на этом сходство заканчивалось, если не считать факта, что оба были масонами. Ожог на груди жертвы предполагал присутствие на шее чего-то круглого и металлического — чего-то, кроме масонской подвески с камнем, более неправильные очертания которого тоже отпечатались на груди, выжженные сильным жаром, — но никаких следов какого-то подобного предмета на месте преступления найдено не было.

— Не исключено, что это был медальон с Рысью, как допустил Перегрин, — сказал Маклеод, — но если так, то преступники сняли его с тела перед тем, как сбежать. Я склонен согласиться, что все было именно то, как видел Перегрин, но у нас нет доказательств. А даже будь они, мы ничего не могли бы использовать в официальном расследовании. Я не могу вынести заключение, что Макферсона ударила сознательно направленная молния.

— Хотя скорее всего именно это и произошло, — сказал Адам, — подобно тому, как я начинаю сомневаться, не случилось ли это и в Балморале. Вы занялись этим?

— Нет еще, — ответил Маклеод, — но надеюсь завтра послать Дональда разыскать копии рапортов и фотографии. Перезвоню, когда будет еще о чем доложить. Как дела с девочкой Толбэт?

— Пока никак, — сказал Адам. — Перегрин сделал несколько очень интересных рисунков, и мы пока продолжаем традиционную терапию. Надеюсь, будем готовы к определенным шагам к началу следующей недели.

— М-да, похоже, мы все крепко засели, — ответил Маклеод.

* * *

В тот же вечер Фрэнсис Ребурн вызвал пилота Барклея в библиотеку своего дома в районе Стерлинга.

— Времени все меньше, — сказал он. — Вы решили, что делать с Синклером?

Барклея позволил себе хищную улыбку, пристраивая свое худое тело в кресло напротив начальника.

— Завтра к этому времени он будет мертв — или по крайней мере достаточно тяжело ранен, чтобы смерть была неизбежна. Об этом позаботится доктор Вемисс.

— Лучше бы никаких промахов, — сказал Ребурн. — Я не хочу помех в пятницу. Вы уверены, что сумеете подстроить несчастный случай?

— Синклер ездит быстро. — Барклея самодовольно улыбнулся. — А шины на большой скорости, бывает, лопаются.

* * *

В четверг Адам не выходил из дому, поглощенный серией тестов, которые Филиппа хотела провести с Джиллиан. В пятницу утром, когда Адам собирался ехать в больницу, позвонил Маклеод и предложил встретиться днем, чтобы изучить фотографии и рапорты из Балморала.

— У меня самого еще не было случая посмотреть их, — сказал Маклеод, — но Дональд приехал сегодня утром и вид у него, как у кота с канарейкой из пословицы.

— Что ж, как насчет позднего ленча? К примеру, в два у «Пимпернеля»?

— Закажете вы или лучше мне?

— Лучше вы, — попросил Адам. — Я вчера пропустил обход, чтобы мы с Филиппой могли поработать с Джиллиан, так что сегодня мне надо повидаться с другими моими пациентами.

— Договорились, — ответил Маклеод. — «Пимпернель» в два.

Поглощенный мыслями, Адам сел в «рейнджровер» и пристегнулся. В начале десятого было едва ли светлее, чем на рассвете, утро выдалось серое и унылое из-за тумана который, кажется, никак не мог решить, хочет ли он превратиться в мокрый снег или в дождь. Впрочем, «рейнджровер» был создан, чтобы справиться с такой погодой, а Адам был великолепным водителем.

Когда он преодолел скользкую подъездную аллею и, набирая скорость, выехал на дорогу, ведущую к шоссе, то перешел на полуавтоматический режим, поскольку ему было о чем подумать. В результате он не обратил особого внимания ни на севшего ему на «хвост» мотоциклиста, ни на желтый «мерседес», который тоже пристроился следом, когда Адам плавно вышел на автостраду и разогнал «рейнджровер» до удобной крейсерской скорости 70 миль в час.

Он приближался к Форт-роуд-бридж, когда мотоциклист сделал свой ход.

Синий «рейнджровер» шел по первой полосе, ближайшей к разделителю, и Адам заметил в зеркале заднего вида, что его быстро догоняет большой итальянский мотоцикл.

Прежде чем он смог взять правее, чтобы дать мотоциклу обогнать его, тот уже почти поравнялся с его левой задней дверью, поэтому Адам остался на своей полосе, только мимоходом осознав, что мотоцикл обходит «ровер» слева. Он не видел короткого дробовика, который мотоциклист незаметно вытащил из куртки и нацелил на левую переднюю шину «рейнджровера», и не слышал выстрела.

Когда лопнула левая передняя шина, Адам только отметил, что мотоциклист унесся дальше и теперь вне опасности; главным было то, что «ровер» неуправляемо несется по кругу, а обод колеса впился в асфальт.

Он боролся с рулем, но правая задняя часть машины развернулась и отскочила от центрального разделителя с тошнотворным «бам!» Это могло бы снова развернуть его прямо,

если бы левое переднее колесо не продолжало врезаться в дорогу. Он почувствовал, как машина переворачивается, и весь собрался, молясь, чтобы едущие следом смогли не врезаться в него.

Ужасно медленно машина завалилась на правый бок — водительскую сторону — и покатила дальше: на крышу, на пассажирскую сторону с тошнотворным визгом скручивающегося металла, — Адам вцепился в рулевое колесо и повис на ремне безопасности. Ветровое стекло пошло трещинами и частично погнулось, но он видел, что металлические ограждения сбоку автостреды приближаются с ужасной скоростью; удар тяжело встряхнул его на ремнях безопасности, вывихнув правое плечо и приложив головой обо что-то твердое. Взрывная боль распространилась от точки удара, и мир мгновенно почернел.

Глава 26

Адам отчаянно цеплялся за ускользящее сознание, выплывая из жуткой тишины, которая, кажется, часто следует за травмой. Он мертвой хваткой вцепился в рулевое колесо и висел на ремне безопасности, полусидя на центральной консоли лежащего на левом боку «ровера».

Каким-то образом, сквозь первый туман боли, идущей от головы, правого плеча — да почти от каждой части тела, пробилась мысль, что он должен выбраться. Запах бензина заставлял торопиться, а сквозь разбитое ветровое стекло был виден то ли дым, то ли пар, вырывающийся из-под капота. Порыв холодного воздуха из-за левого плеча привлек его очумелый взгляд к зияющей дыре там, где в крыше был люк, явно сорванный, когда машина катилась.

Усилив воли оторвав левую руку от руля, он нажал кнопку аварийной сигнализации и нащупал переключатель зажигания, потом передвинул левое колено, чтобы обхватить центральную консоль, и только тогда неуклюже нашарил на боку сиденья замок ремня.

Все закружилось перед глазами... и вот он уже стоит, упираясь коленями в бок консоли и по-прежнему держась за руль. Он застонал, но сумел вытащить ноги из-под рулевой колонки и кое-как встать на пассажирской двери. Стараясь не обращать внимания на протест ушибленных мышц, он просунул одну, а потом и вторую дрожащую ногу через отверстие люка и согнулся, чтобы просунуть плечи. И тут увидел, что первая машина из встречного потока только останавливается, чтобы оказать помощь... а значит, он не слишком долго пробыл без сознания.

Он с трудом выпрямился, шатаясь, обошел машину и тупо уставился на повреждения. Когда он трясущейся рукой отбросил волосы от глаз, на руке осталась кровь.

— Эй, вы в порядке? — раздался за спиной женский голос. Он обернулся. К нему на опасно высоких каблуках мчалась брюнетка лет сорока в ярко-красном костюме и с рождественскими колокольчиками на лацкане; на бледном лице выделялись ярко накрашенные губы.

— Боже, вам повезло, что не убились! — сказала она, разглядывая машину. — У вас кровь идет. Отвезти вас к доктору?

Он тупо посмотрел на окровавленную руку. Сидящий в нем врач предупреждал, что у него, вероятно, контузия, переходящая в шок, и ему определенно нужен медицинский уход.

— Может быть, мне лучше подождать «скорую», — услышал он свой голос. — Не хочу причинять вам беспокойство.

— Не болтайте ерунды. «Неотложка» будет сюда добираться не меньше часа. Поехали. Я работаю как раз рядом с Королевской лечебницей. Лучшего оборудования вам нигде не найти.

Какой-то неясный голосок в подсознании требовал от него отказаться, но там действительно было лучшее оборудование для неотложной помощи в округе. Туда, если был выбор, отвозили раненых офицеров полиции, и Адам знал кое-кого из тамошних

консультантов. Какими бы ни были его раны, за ним будет лучший уход.

Бормоча слова благодарности, он позволил ей отвести себя к желтому «мерседесу», стоящему с включенным мотором позади остатков его машины, и, сдерживая стон, опустился на пассажирское место. Женщина отодвинула сиденье назад, чтобы он мог вытянуть ноги, потом пристегнула его ремнем безопасности и закрыла дверь.

Пока она шла к водительскому месту, Адам отогнул противосолнечный козырек и внимательно посмотрел в зеркало. Зрачки, кажется, были одного размера, но кровь шла из по крайней мере двух рваных ран, требующих наложения швов: одна на лбу и еще одна под волосами. Он приложил к ранам шелковый платочек; движение вызвало резкую боль в вывихнутом правом плече. Когда его благодетельница села в машину, Адам проверял пульс — довольно ровный, — но каждый мускул тела начинал болеть, поскольку адреналиновая волна, вызванная несчастным случаем, начала рассеиваться.

— Вы совершенно разбили машину, — сказала она, включая передачу и вливаясь в поток машин. — Знаете, что произошло?

— Лопнула шина, — сказал он, откидывая голову на подголовник и закрывая глаза. — Послушайте, я вам очень благодарен.

— Просто считайте меня Рождественской Самаритянкой. — Женщина улыбнулась, не разжимая губ, но он этого не увидел. — Почему бы вам просто не лечь и расслабиться. А я постараюсь доставить вас в больницу как можно быстрее.

Адам попытался расслабиться, хотя знал, что если у него сотрясение мозга, то спать нельзя. Несколько минут он вводил себя в легкий транс, стараясь стабилизировать сердечный ритм и дыхание, потом позволил себе поддаться ритму гула двигателя и движения машины, пытаясь восстановить происшедшее в памяти. Каждая секунда казалась ясной, но было что-то не совсем правильное, что-то, на что он не мог точно указать. Он все еще пытался разобраться в этом, когда машина мягко остановилась и двигатель смолк.

Они подъехали к входу в приемное отделение больницы; его спасительница вылезла из машины, чтобы звать на помощь. Осторожно, потому что двигаться было уже труднее, Адам отстегнул ремень безопасности и открыл дверь машины. Он сумел поставить обе ноги на тротуар, когда подошел санитар, подталкивая кресло на колесах.

— Оставайтесь на месте, сэр, пока я подтащу кресло поближе, о'кей? Все будет отлично. — Голос мужчины звучал музыкально, с мягким ямайским акцентом, и руки его были ласковыми, но сильными. — Правильно, сэр. А теперь просто пересаживайтесь... вот так, приятель!

После этого все пошло быстро, особенно когда Адам сказал, что он врач. Его благодетельница исчезла где-то в процессе заполнения необходимых бланков, а он даже не узнал ее имени, и не успел Адам оглянуться, как уже лежал на спине в приемном покое; он был раздет до трусов и дрожал под тонким одеялом; левую руку сжимала манжета тонометра.

Доктор, пришедшая осмотреть его, оказалась привлекательной деловой брюнеткой, чей акцент предполагал американское или канадское происхождение. Именная табличка на зеленом хирургическом облачении гласила «Доктор Кс. Локхарт». Его кровяное давление и неврологические симптомы, казалось, удовлетворили ее, но физический осмотр показал, что у него скорее всего сломано несколько ребер и, возможно, ключица.

— Я отправлю вас на рентген, а потом мы займемся ранами, доктор Синклер, — сказала она, начиная заполнять бланки, и санитар, которого звали Сайкс, помог Адаму просунуть руки в рукава больничного халата. — Поглядим на ребра и плечо, а еще я назначаю несколько снимков черепа. Я не предполагаю никаких проблем, но вы все-таки потеряли сознание, пусть даже и на несколько секунд. Мистер Сайкс наложит на раны временные повязки, а потом отвезет на рентген. Так что увидимся, когда вернетесь.

Доктор прикрепила бланки к карте Адама и ушла раньше, чем он смог задать хоть один вопрос. Когда Сайкс наложил повязки, он попросил принести еще одно одеяло и, прежде чем увезти его на рентген, вынуть из кармана брюк кольцо. Прочие предметы в карманах были ценными, но заменимыми; кольцо же нет. Адам надел его на руку и повернул камень, пока

Сайкс собирал прочие его вещи и спрятал их в запирающийся шкафчик.

— А нельзя ли мне позвонить до того, как мы отправимся на рентген? — спросил Адам, когда Сайкс принес второе одеяло и поднял боковые поручни каталки.

— Боюсь, нельзя, доктор. Чем раньше мы попадем на рентген, тем раньше с вами закончат. А если вы позвоните после того, как сделают снимки? Нам все равно надо будет подождать минут пять — десять, пока проявят пленку.

— Разумно, — согласился Адам. Однако ему хотелось позвонить как можно быстрее, потому что он подозревал, что квалифицированная доктор Локхарт оставит его на ночь для наблюдения — что было абсолютно правильно при данных обстоятельствах, но значительно осложняло дело.

Он безропотно откинулся на каталке, пока санитар вез его на рентген. Чувствовал он себя слишком плохо, чтобы перешучиваться с техниками, но изо всех сил старался облегчить им работу. По крайней мере у него начинало проясняться в голове. Потом, как и обещал, Сайкс отвез его в вестибюль и вложил в руку телефонную трубку.

— Скажите, какой номер, и я наберу за вас, док.

— 311-3131, — сказал Адам, поднося трубку к уху.

Санитар набрал номер, потом, когда раздалась гудки, отошел на несколько шагов.

— Главное управление полиции, — произнес голос на другом конце провода.

— Я хочу поговорить со старшим инспектором Ноэлем Маклеодом. Это звонит Адам Синклер.

После короткого промедления, пока оператор переключал звонок, в трубке зазвучал бас Маклеода:

— Что случилось, Адам?

— Боюсь, мне придется отменить наш ленч, — нетвердо произнес Адам, подбирая слова, чтобы вызвать минимум тревоги. — Я... э-э... побил машину... в сущности, разбил ее. Я в порядке, но сейчас в Королевской лечебнице, жду результат рентгена.

— Господи Боже, что произошло? — спросил Маклеод.

— Шина лопнула на ходу. Потерял контроль и перевернулся. Со всяким может случиться. Слава Богу, я ехал на «ровере», это спасло мне жизнь.

— Ничего себе! Вы упомянули рентген... что-нибудь сломано?

— Не знаю. Плечо чертовски болит из-за ремня безопасности, ну и, наверное, легкое сотрясение. Я на несколько секунд потерял сознание. Думаю, меня оставят на ночь. Послушайте, вы не могли бы позвонить домой и сообщить им, что произошло? Я не хочу, чтобы они примчались сюда, потому что здесь они ничего не могут сделать.

— Охотно, — согласился Маклеод. — Надо разыскать вашу машину?

Адам слабо хмыкнул. Он даже не подумал о брошенной машине.

— Хороший вопрос. Одна добрая женщина на «мерседесе» настояла на том, чтобы отвезти меня в больницу, так что я понятия не имею, что произошло дальше. Господи, я даже не узнал имя.

— Ладно, посмотрим, — сказал Маклеод. — Где это произошло?

— Ехал на юг по А-90, как раз перед Форт-роуд-бриджем. Боюсь, это было довольно эффектно.

— Знаете, вы несете чушь, — резко сказал Маклеод. — Надеюсь, что за вами присматривают. Хотите, чтобы я приехал, когда отзвонюсь?

Адам моргнул. Он действительно нес чушь.

— Пожалуй, это было бы неплохо. Сомневаюсь, что нам позволят увидаться ближайшие пару часов: у меня пара ран, на которые надо наложить швы, — но к часу или двум со мной закончат.

— Вы уверены, что все о'кей? — спросил Маклеод.

— Ага, — ответил Адам. Тут он заметил, что санитар подошел взять ярко-оранжевый конверт с проявленными снимками. — Мне пора, Ноэль. Снимки готовы, и моему шоферу надо отвезти меня обратно в «Аварийку». Увидимся через пару часов.

Адам устало откинулся на каталку, когда санитар забрал трубку и положил большой конверт ему на грудь.

— О'кей, давайте найдем доктора Локхарт и покажем ваши снимки, — весело сказал Сайкс, разблокируя тормоз каталки. — И никаких предварительных просмотров! — добавил он, когда Адам начал открывать конверт.

Нахмурившись, Адам опустил конверт на грудь.

— Мистер Сайкс, это мои снимки. А я врач.

— Так точно, сэр, и доктор, который пытается сам ставить себе диагноз, никудышный пациент, — сказал Сайкс чопорно. — Кроме того, вы не сможете их нормально разглядеть без подсветки. Просто подождите, пока мы вернемся в приемный покой. Если мисс Локхарт еще нет, я даже поставлю их для вас на подсветку.

— Разумно, — сказал Адам, укладываясь с удовлетворенным вздохом.

Сайкс как раз успел включить подсветку и начал засовывать рентгеновские снимки под зажимы, когда вернулась доктор Локхарт с запечатанным хирургическим свертком. Адам поднял голову, чтобы посмотреть, но снова кротко лег, когда она метнула на него неодобрительный взгляд и положила сверток на стол из нержавеющей стали.

— Можете пока готовить раны доктора Синклера, мистер Сайкс. А вы, доктор, можете лечь и сделать вид, будто вы самый обычный пациент и искренне верите, что я знаю, что делаю.

Адам лег, догадавшись, что от доктора Локхарт не добиться никаких уступок, и она стала молча рассматривать снимки. А Адам рассматривал прекрасную фигуру, темную косу, выбившуюся из-под хирургической шапочки, пытаясь увидеть доктора Локхарт в другом аспекте. Наконец она кивнула и подошла к операционной раковине, чтобы вымыть руки.

— Что ж, новости в основном хорошие, — сказала она; ее темные глаза встретились с его взглядом в зеркале. — Никаких видимых переломов черепа. Но я все равно оставляю вас на ночь.

Адам безропотно вздохнул.

— При данных обстоятельствах я не удивлен. Будь я на вашем месте, тоже бы себя оставил.

— Рада, что вы не собираетесь спорить со мной. — Призрак улыбки смягчил строгое лицо. — Вам повезло и с плечом. Если вы не повреждали его в прошлом, то у вас что-то вроде трещины кости ключицы, ничего серьезного... за исключением серьезного неудобства, конечно. То же и со сломанными ребрами. Мы наложим повязку — в основном, чтобы напомнить вам, что нельзя делать резких движений, и я пропишу мефенамовую кислоту, чтобы снять воспаление и боль. В остальном, боюсь, вам просто придется потерпеть.

— Как раз, чтобы напомнить мне, как мне повезло, — сказал Адам с напряженной улыбкой. Уголкем глаза он заметил окровавленные тампоны на столе Сайкса и поморщился, когда санитар взял бритву, чтобы сбрить волосы вокруг раны на голове.

— Осторожнее с бритвой, мистер Сайкс. Я плачу своему парикмахеру по двадцать пять фунтов, чтобы он стриг меня именно так, как мне нравится. Дам вам столько же, если оставите как можно меньше следов вашей работы.

— Да не беспокойтесь, доктор Синклер, — сказал Сайкс, сверкнув белыми зубами. — Вы даже не заметите, что я здесь копался. И вы просто не представляете, какие аккуратненькие, маленькие швы делает доктор Локхарт.

Когда Адам нахмурился, пытаясь решить, насколько он серьезен, подошла доктор Локхарт, теперь тоже в перчатках, чтобы проверить работу Сайкса. Вместе с ней подошел еще один санитар и развернул зеленое хирургическое полотенце, где лежали инструменты для наложения швов; ножницы, гемостаты и держатели иглок сверкнули в свете больших операционных ламп, которые он включил и направил на голову Адама. В ослепительном свете Адам различил, как доктор Локхарт отломила верхнюю часть стеклянной ампулы и начала наполнять шприц.

— Вы, наверное, уже слышали это, доктор, но через несколько секунд вы почувствуете

небольшое пощипывание, — сказала она, откладывая пустую ампулу. — Полагаю, у вас нет проблем с раствором лигнокаина?

— Я о таких не знаю, — ответил Адам.

Она была очень квалифицированной. Встала позади него так, что он ни разу не видел иглы — только ее другую руку, частично загораживающую поле зрения, как раз перед тем, как она начала работать. Это было скорее покалывание, чем пощипывание после первого прикосновения иглы, но она обработала края первой раны, не делая лишних движений, и закончила почти до того, как он понял, что она начала. С раной на голове пришлось повозиться из-за более жесткой кожи, но и та тоже быстро уступила ее искусству. Он чувствовал давление, но не боль, когда она начала накладывать шов, и закрыл глаза из-за ослепительного света ламп над головой.

— Не надо беспокоиться, что я усну на столе, доктор, — сказал он, глядя на пятна света на фоне закрытых век, когда она наложила первый шов. — Я знаю, что мне нельзя спать несколько часов, пока мы не удостоверимся, что мозг не поврежден всем этим тарарамом. Хотя ваш свет просто зверский. Кроме того, мне не надо следить за вами.

— Благодарю за вотум доверия, — сказала она насмешливо, продолжая работать. — Говорите со мной, если хотите. Расскажите о вашей аварии.

— Да не о чем говорить, — сказал Адам. — Шина лопнула на полном ходу, как раз к северу от Форт-роуд-бриджа. К счастью, я ехал на «рейнджровере»... разбил машину, но вот, пожалуйста.

— Счастливого Рождества, — весело сказала она. — Работаете в Эдинбурге?

— Ага, в Джорданберне... для вашего поколения, наверное, это Королевская эдинбургская больница. Джорданберном она называлась еще до вашего рождения.

Она хмыкнула.

— Я не настолько молода, доктор. Кроме того, я люблю древнюю историю. А кто вы по специальности?

Он приоткрыл один глаз и рискнул улыбнуться. Квалифицированная доктор Локхарт была не только очень привлекательна, но и обладала едким юмором.

— Вас бы оттолкнуло, если бы я сказал, что я психиатр?

— Вовсе нет. А вы действительно психиатр?

Снова закрыв глаза, Адам подавил смех.

— Да. А вы? Хирург-ординатор?

— Нет, специалист-травматолог. Я здесь по двухлетнему контракту, чтобы помочь основать травматологические центры в районе Эдинбурга. Это входит в моду на этом берегу Атлантики — да и пора уже.

— Что ж, должен согласиться — особенно сегодня утром, — сказал Адам. — Можно спросить, где вы учились?

— Стэнфорд и Южно-Калифорнийский университет. Калифорния идет в авангарде подобных технологий. После общей хирургической ординатуры я занималась косметической хирургией, так что у вас не останется особо заметных шрамов после утренней аварии. Но выяснилось, что я скучаю по работе в первой помощи, поэтому перешла в травматологию. Есть какая-то особенная радость, когда пациенты поступают развалившимися, а ты их приводишь в порядок. Каждый день не похож на другой. И превосходное место для наблюдения за людьми.

Адам слегка поморщился, хотя больно не было; но часть его думала, что должно быть.

— Я предпочитаю наблюдать за людьми в чуть менее хаотичных условиях... Что означает «Кс»?

Она хмыкнула.

— Мне было интересно, сколько времени пройдет, пока вы спросите. Все спрашивают. Попробуете угадать?

— Если угадаю с трех раз, вы позволите как-нибудь вечером пригласить вас пообедать? — парировал Адам, приоткрывая один глаз и жмурясь от света. — Конечно, если

я выживу.

— О, вы выживете, — сказала она мягко. — Но едва ли это честное пари... если мистер Сайкс сказал вам. Говорил, Тони?

С другой стороны раздался мягкий смешок санитары.

— Нет, мэм. Но, может быть, доктор Синклер позволит вам выбрать ресторан, если он не угадает.

Смеясь, она наложила еще один шов.

— По-моему, честно. Как, по-вашему, доктор Синклер?

Адам закрыл глаза и улыбнулся.

— Ксения?

— Нет.

— Ксанта?

— Нет, даже не тепло.

— Ну а Ксантиппа, жена Сократа?

— Простите, но вы должны мне обед. Ксимена.

— А, почти как жена Эль Сиды, — ответил Адам. Она восхищенно рассмеялась.

— Прекрасно. Именно там мама и нашла имя. Фильм вышел за несколько месяцев до моего рождения. В свидетельстве о рождении написано Химена, но я переделала на «Кс», когда была в колледже — эдакий юношеский бунт. Но и когда я подросла, этот вариант мне нравился, так что я его оставила. И прекрасная тема для начала разговора, как вы только что легко проиллюстрировали.

— Тут не поспоришь, — пробормотал Адам. — Ваши инициалы, таким образом, «XL». Вы такая и есть, верно?

Она наложила последний шов и бросила на него шуточный взгляд.

— Ах, доктор, как вы любезны. Я допускаю, что вы еще в шоке, но пациенты редко говорили мне такие приятные слова.

Адам улыбнулся.

— Я пытаюсь опровергнуть старую поговорку, утверждающую, что врачи — плохие пациенты.

— Что ж, вы убедительно доказываете, что поговорка неверна, — сказала она, бросая инструменты на поднос. — Ну вот и все. Мистер Сайкс, давайте наложим повязку.

Когда Адам осторожно открыл глаза, жмурясь от света, доктор Локхарт снимала перчатки. Бросив их на поднос с инструментами, она выключила свет, потом взяла карту Адама и начала писать.

— Вы все равно спросите, так что я скажу, — сказала она, не поднимая глаз. — У вас восемь швов на первой ране и шесть на голове, на случай, если вы сбились со счета. Можно было бы меньше, но вам не нужен шрам на благородном челе. Подождите несколько месяцев, и вы забудете, что побились.

— Большое вам спасибо, — усмехнулся Адам, пока Сайкс накладывал стерильный тампон, намазанный чем-то антисептическим.

Закончив, санитар помог ему сесть, чтобы доктор Локхарт наложила повязку на правое плечо — неуклюжее приспособление из холста и нейлона. Когда Адам откинулся на носилки, утомленный усилием, понадобившимся, чтобы сидеть, в палату заглянул лабораторный техник с подносом, на котором дребезжали стеклянные трубки в проволочной подставке.

— Пациент для госпитализации, доктор Локхарт? — спросил он.

— Да. Доктор Синклер очень дружелюбен для врача, так что он не будет протестовать, пока вы пару минут займетесь вашим вампирским ремеслом.

Перспектива кровопускания вдруг напомнила Адаму о тайном визите, нанесенном к постели Джиллиан Толбэт в Джорданберне.

— На самом деле буду протестовать, — сказал он взволнованно. — Не думаю, что стоит увеличивать дополнительные расходы Минздрава лишними анализами.

— Таковы больничные правила... — начал техник.

— А я говорю вам, что этого не требуется, — сказал Адам, глянув на доктора Локхарт. — Надеюсь, мне не придется грозить уйти отсюда, чтобы уберечь налогоплательщиков от ненужных расходов.

Хмыкнув, она отмахнулась от техника.

— Оставьте его, Дэвид. Он психиатр. По-моему, им не нравятся шприцы. И кстати о шприцах, доктор Синклер, — продолжала она, делая приписку к карте, — как у вас с прививкой от столбняка? Когда у вас была последняя?

— Я держу лошадей, доктор Локхарт, — улыбнулся он. — И делаю обычные противостолбнячные прививки в январе каждые пять лет. Вы уже воткнули в меня столько иголок, сколько я готов вытерпеть за один день.

— Будь по-вашему. — Она пожала плечами, но улыбнулась. — Мистер Сайкс, можете забрать доктора Синклера в палату.

Когда Сайкс увозил его, доктор Локхарт проводила их до лифта, и Адам так и не заметил еще одного консультанта в зеленом облачении, напряженно наблюдающего за ним. В планы доктора Вемисса вовсе не входило быть привлеченным к срочному удалению аппендицита, когда он приложил столько усилий, чтобы быть в «первой помощи» именно сегодня утром ради именно этого пациента.

Доктор Вемисс еще никогда не удалял аппендицит так быстро — и без существенного риска для пациента, который теперь стабильно поправлялся... но все же недостаточно, чтобы вернуться в приемный покой до того, как Анджела привезла раненого Адама Синклера. Также, вопреки планам, травмы Синклера были легкими и притом такими, что талантливая доктор Локхарт была самой подходящей для этого случая, особенно раз пострадавший оказался известным врачом; а когда она отправила пациента на рентген, было уже слишком поздно чтобы вмешаться, не вызвав подозрений... что означало, что Вемиссу придется обратиться к другим средствам для выполнения своей задачи.

Наблюдая, как санитар заталкивает каталку с Синклером в лифт, Вемисс дождался, пока доктор Локхарт зашла в комнату отдыха, потом якобы ненароком подошел к операционной, которую только что покинул Синклер. Убедившись, что его никто не видит, он юркнул внутрь.

Как он и надеялся, Сайкс не задержался, чтобы убрать в комнате, прежде чем увезти Синклера наверх. Рядом с местом, где стояла каталка, на одном из столов из нержавеющей стали еще валялись обрезки швов, испачканные кровью Синклера марлевые тампоны и хирургические перчатки. Улыбаясь, Вемисс проскользнул к столу и запихнул несколько окровавленных тампонов в одну из вывернутых перчаток, которую сунул в карман зеленых штанов. Выйдя, он указал на комнату одной из учениц-медсестер.

— Найдите санитаря, чтобы немедленно приготовить эту комнату, мисс Харпер, — сказал он. — Операционные в пунктах первой помощи всегда надо убирать сразу же, как только увезли пациента, чтобы они были готовы для следующего раза. Пожалуйста, присмотрите за этим.

С этими словами он направился в свой кабинет, чтобы осмотреть находку. Не преуспев в первоначальном замысле, он попробует альтернативные варианты для уничтожения непотопляемого Синклера или по крайней мере понижения его сопротивления перед более эзотерическим нападением; но, так или иначе, Синклер не переживет эту ночь.

Тем временем Адам водворился в унылую палату и уставился в потолок. Палата была на двоих, но у него не было соседа. Он мог бы сесть, если бы захотел, но ребра и плечо болели меньше, если он лежал почти горизонтально, да и голова заболела, когда перестал действовать местный наркоз, и от ран, и от полученного удара. Медсестра принесла ему первую дозу лекарств, прописанных доктором Локхарт, но две желтые капсулы только начинали действовать. Он знал, что, если попросит, ему дадут что-нибудь по сильнее, но знал и то, что что-то по сильнее, вероятно, притупит его самозащиту, пока он лежит в этом неохраняемом помещении. Установление необходимых средств защиты в комнате потребовало гораздо больших усилий, чем обычно, потому что в голове застучало, когда он

попытался сосредоточиться, но к тому времени, как Маклеод просунул голову в дверь, ухмыльнувшись при виде лица, которое он искал, инспектор смог ощутить мощь установленной защиты.

— А вы не теряли времени, верно? — сказал Маклеод, когда вошел и подтащил металлический стул поближе к изголовью кровати. — Как ваши дела? Выглядите так, словно вас ободрал кот.

— А чувствую себя так, словно даже коту больше не нужен, — ответил Адам, поморщившись, и, прижав висящую на перевязи руку к груди, чтобы уберечь от напряжения, привел в движение механизм, который слегка приподнимал изголовье кровати. — Вы позвонили?

— Да. Ваша матушка, конечно, пришла в ужас, но немедленно поняла, что должна оставаться дома и защищать Джиллиан. Я убедил юного Ловэта, что он нужен там по той же самой причине. Прочие тоже проинформированы. Следующие несколько дней все будут работать, чтобы посылать вам исцеляющую энергию.

Адам позволил себе вздох облегчения.

— Вы хороший человек, Ноэль, и незаменимый Заместитель. Боже, как же это не ко времени! Мне нельзя было сейчас выходить из строя.

— Ну, бывает, — ответил Маклеод. — По крайней мере вы не погибли. Между прочим, вашу машину оттащили на полицейскую стоянку к северу от Ферта. Вы, конечно, чертовски хорошо ее уработали. Я сообщил Хэмфри, и он проверяет подробности страховки, но совершенно ясно, что вам придется заказывать новую.

Адам выдавил бледную усмешку.

— Не могу пожаловаться. Она спасла мне жизнь. Хотя с шиной странно. Наверное, на что-то наткнулся.

— Надеюсь, что так, — сказал Маклеод, внезапно посерьезнев.

— Что вы хотите сказать? — Адам посмотрел на Маклеода склонив голову набок. — Вы знаете что-то, чего не знаю я?

Маклеод покачал головой.

— Нет-нет, просто ваши же слова о времени. И вы вполне могли погибнуть. Кое для кого это было бы очень кстати.

Адам вздрогнул.

— Хотел бы я, чтобы вы этого не говорили, — пробормотал он. — Я уже стал настолько параноиком, что не позволил сделать обычный анализ крови. Вдруг вспомнил, как кто-то добрался до Джиллиан. Ее совсем легко могли убить. Я здесь уязвим.

— Тогда вам не следовало бы оставаться здесь на ночь, — сказал Маклеод. — Или я мог бы поставить охрану у двери...

— Теперь у нас обоих паранойя, — сказал Адам, покачав головой. — А все просто: я только что попал в автомобильную аварию и должен сутки находиться под медицинским наблюдением. Я в полном порядке, но будет лучше остаться здесь на ночь. Нецелесообразно обременять Филиппу. Кроме того, травматологией она не занималась лет пятьдесят. Я буду в порядке. Как вы заметили, когда вошли в палату, я уже потратил немало энергии на защитные сооружения.

— С этим я не спорю. Значит, думаете, вас выпустят утром?

— Должны бы, если мы с доктором Локхарт не ошиблись. Между прочим, я был бы признателен, если бы вы смогли устроить, чтобы Хэмфри забрал меня около одиннадцати. Как видите, в этой комнате нет телефона.

— Сделаю, — согласился Маклеод. — И поскольку вы уступили независимому медицинскому заключению и согласились остаться, приходится допустить, что вы действительно ушиблись и что слишком обессилены, чтобы донимать вас сегодня балморальскими материалами.

Адам на миг закрыл глаза.

— Правильно допускаете, — сказал он. — Вы не могли бы привезти их завтра днем

домой, когда я буду лучше соображать? Все равно пора нам всем вместе коснуться основ. Перегрин должен тоже увидеть это.

— Я все устрою. Могу я что-то еще сделать для вас?

— Ничего не приходит в голову.

— Тогда я дам вам отдохнуть. — Маклеод встал и отдал ему шуточный салют. — Ну, пока, босс. Хорошенько выпитесь ночью, если сумеете найти удобное положение. Увидимся завтра.

К тому времени, как Адам водворился в палату, он уже пропустил ленч, но после ухода Маклеода сумел выпросить у одной из сестер чай и бутерброды. Потом он вздремнул, хотя кто-то будил его каждый час, чтобы проверить пульс, температуру и прочее, пока сама доктор Локхарт не зашла проведать его перед обедом. Даже прерывистый сон, казалось, облегчил головную боль, не говоря уже о боли в перевязанных ранах, однако остальное тело болело еще больше. По его просьбе доктор Локхарт усилила прописанные лекарства, потом дружески пожелала ему доброй ночи, разрешив спать, и продолжила обход. После легкого ужина и еще двух желтых капсул Адам позволил себе уснуть по-настоящему. Он проспал, наверное, час, когда увидел сон.

Сначала ему показалось, что он видит Иена Макферсона, масона, пораженного молнией неделю назад, но потом понял, что это другой Мастер Каменщик. В сущности, множество масонов, в официальных фартуках с голубой каймой, шарфами и кордонами, стояли на черно-белом, в шахматную клетку, полу Масонского храма, совершая ритуал. Хотя Адам не был масоном и никогда не видел масонских ритуалов своими глазами, он узнал его, поскольку большинство подобных ритуалов входило в общий фонд эзотерической традиции: различные по форме, но одинаковые в направленности к Свету.

Сон продолжался. Человек, которого он принял за Макферсона, видимо, Мастер этой Ложи, читал по большой книге; вокруг него стояли несколько офицеров, еще человек тридцать внимательно слушали. Адам не слышал, что он говорит, но чувствовал, что это священное учение — и разделял его, если Вольные Каменщики действительно входят во всемирную Школу Таинств.

Внезапно Мастер запнулся; он, а потом офицеры и собраты начали неуверенно оглядывать помещение Ложи широко открытыми, испуганными глазами, нерешительно высматривая что-то во внезапно наэлектризовавшемся воздухе. За долю секунды до того, как это случилось, Адам понял, что произойдет, и попытался предупредить их, но было слишком поздно. С оглушительным треском потолок раскололся; полыхнул огонь дождем посыпалась штукатурка, полетели замысловатые стропила и разбитый шифер, крышу сорвало — и открылось небо! Над проломленной крышей вздымались и бурлили тучи, а молнии продолжали бить в здание. Потом вдруг все прекратилось, и опустилась ужасная тишина, нарушаемая лишь стонами и криками раненых.

Все кончилось; он задыхался, сердце колотилось. Адам не сомневался, что увидел что-то реальное и ужасное... но должно ли это произойти или уже произошло, он не имел понятия. Если уже произошло, то тут мало что можно сделать; но если сон был предупреждением, то, может, еще удастся передать предупреждение и предотвратить беду.

Адам напрягал мозги в поисках указания, какая это могла быть Ложа... словно его ограниченные знания таких вещей что-то прояснили бы. Но вдруг Маклеод узнает. Маклеод был Мастером Каменщиком. Маклеод поможет разыскать их.

Эта надежда придала сил выбраться из постели и, несмотря на протесты мускулов, добраться до шкафа. Боже, каким он стал неуклюжим всего лишь после нескольких часов сна! Тело мечтало о горячем душе, чтобы облегчить боль, но Адам знал, что с этим придется подождать.

Вытащив из шкафа халат, он просунул левую руку в рукав, накинул халат на правое плечо и перевязь, потом заковылял к посту дежурной сестры, чтобы найти телефон.

Старшая медсестра ужаснулась.

— Доктор Синклер! Почему вы встали? Сейчас же возвращайтесь!

— Мне надо позвонить, — сказал Адам. — Это важно. Можно воспользоваться телефоном?

Он уже перегнулся через конторку и, достав оттуда один из аппаратов, поставил его на бортик.

— Выход на внешнюю линию через девятку?

— Да, но...

— Спасибо.

Он левой рукой набрал 9, потом домашний номер Маклеода, однако следующие пять минут телефон был занят. Он пробился только с третьей попытки, когда сестра уже начала терять терпение и вокруг собрался персонал, размышляя, что же делать с эксцентричным доктором Синклером. Ответила жена Маклеода.

— Джейн, это Адам, — сказал он. — Ноэль дома?

— Нет. Ему недавно позвонили, он позвонил вашему мистеру Ловэту и буквально только что уехал.

Адам тихо чертыхнулся.

— Сказал, куда едет?

— Боюсь, что нет, — ответила она. — По-видимому, куда-то на север, потому что попросил мистера Ловэта встретить его... а мистер Ловэт ведь живет в вашем поместье, верно?

— Да, — прошептал Адам.

— Боже мой! Он сказал что-то о взрыве в Массонской Ложе. Адам, вы думаете, это связано с тем ужасным делом на прошлой неделе? Ноэль в опасности?

— Не знаю. Может быть, — пробормотал Адам. — Джейн, вы уверены, что он не упоминал ничего определенного?

— Простите, Адам, вы не понимаете, как мало он рассказывает о работе.

— Нет, понимаю. — Адам вздохнул. — Когда он вернется домой, Джейн, — или если позвонит, — скажите ему, чтобы срочно со мной связался. Пусть звонит в больницу по круглосуточному телефону, в любое время. Сделаете?

— Конечно, Адам. Вы в порядке?

— Да, все хорошо. Просто скажите ему. А сейчас мне надо идти. Простите, что потревожил.

Он весь дрожал, вешая трубку, а старшая сестра таращилась на него. Когда их взгляды встретились, она чопорно выпрямилась.

— Доктор Синклер, я настаиваю, чтобы вы сейчас же вернулись в постель, иначе мне придется позвонить доктору Локхарт. Это совершенно против правил.

— Простите, что нарушил ваши порядки, сестра, — сказал он спокойно. — Дело крайне важное. И если инспектор Маклеод позвонит сегодня ночью, в каком бы часу это ни было, я хочу, чтобы меня позвали к телефону. Пожалуйста, не могли бы вы сделать пометку об этом?

Она неохотно согласилась. Адам посмотрел, как она пишет записку, потом позволил ей проводить его обратно в палату, где сестра задержалась, чтобы измерить ему пульс, температуру и давление и сделать запись в его карте, прежде чем вернуться на пост. После ее ухода он несколько часов лежал без сна, уставившись в потолок, восстанавливая в памяти сон и постепенно склоняясь к мысли, не связаны ли каким-то образом его авария и сон.

Глава 27

В этот час в Дунфермлине перед Перегрином Ловэтом развернулась картина хаоса и смятения. Часть Массонского дома еще горела, полдюжины пожарных машин сбивали остатки пламени, пока спасатели разбирали завалы в поисках уцелевших. Школа напротив уже стала временным моргом, и еще одна «скорая» отъехала, сверкая синими огнями и завывая сиреной, когда Перегрин приткнул маленький «моррис-майнор» прямо напротив знакомого черного «БМВ» Маклеода.

Немного нервничая, ибо он никогда не бывал на подобных заданиях без Адама, Перегрин взял этюдник и вылез из машины. Прикрывая глаза от слепящего света ацетиленовых ламп и спасательных прожекторов, он перешел улицу и подошел к полисмену, распоряжающимся у заграждения.

— Меня просили встретиться здесь со старшим инспектором Маклеодом. Моя фамилия Ловэт.

— Прямо туда, мистер Ловэт, — сказал полисмен, указывая на дымку у него за спиной. — Только не попадайте под ноги спасателям.

— Не беспокойтесь. Спасибо.

Перегрин нырнул под желтую ленту и направился к знакомой фигуре в пальто в центре небольшой группы мундиров. Хриплый голос Маклеода пробился сквозь окружающий грохот.

— Мне нужны заявления в письменной форме от всех в округе, кто видел что-нибудь — что-нибудь, понимаете? — раздраженно говорил инспектор. — Мне наплевать как нелепо это звучит. Смысл из тарабарщины мы выделим после.

Группа мундиров распалась и рассеялась. Маклеод пошел было прочь, потом заметил Перегрин, пробирающегося к нему по усыпанному обломками двору.

— Наконец-то! — нелюбезно пробормотал инспектор, делая ему знак поторопиться. — Вы что, ехали через Абердин? Пошли, я хочу, чтобы мы вдвоем огляделись внутри.

Перегрин прекрасно понимал: нельзя обижаться на резкость старшего товарища. Он провел уже достаточно времени в обществе инспектора, чтобы знать, что несдержанность Маклеода — признак беспокойства... а сейчас у него есть все основания быть глубоко обеспокоенным. Даже снаружи Перегрин ощущал резкий, неприятный запах умышленного насилия, исходящий от задымленного помещения.

Это был резонанс, который он учился распознавать и ненавидеть, очень похожий на то, что он ощущал в Балтэрни и на Кэлтонском холме. Не надо было даже спрашивать у Маклеода подтверждения о силе, вызвавшей эти разрушения. Инспектор был сейчас похож на ошеломленного, сердитого боксера, собирающегося с силами, чтобы встать после запрещенного приема, — и на человека, намеренного предъявить счет с процентами.

Маклеод первым поднялся по разбитым ступеням к тому, что было раньше парадными дверьми Ложи. Им пришлось посторониться, когда двое спасателей пронесли мимо носилки с неподвижным телом в черном мешке. Оба мужчины были покрыты пылью и золой, с грязными и осунувшимися лицами.

— Боже, Маккиннон, сколько уже? — горько спросил Маклеод с каким-то унылым недоверием.

Спасатели остановились, оба явно ошеломленные увиденным.

— Одиннадцать в больницу и семнадцать в морг, — ответил тот, что шел впереди, сурово покачав головой. — Никто не уцелел. Единственная хорошая новость, что, кажется, за всех отчитались.

Он с сожалением оглянулся через плечо на укрытую пленкой фигуру на носилках.

— Этот старичок, наверное, был Мастером Ложи. Мы нашли его под полутонной камней в комнате наверху... он, по-видимому, стоял прямо под балкой, когда обвалилась крыша. Бедняга, наверное, так и не узнал, что его ударило!

Он вздохнул и сделал напарнику знак двигаться. Маклеод пропустил их, низко склонив сидящую голову. Размышлял инспектор или молился, Перегрин не был уверен. Через несколько секунд его старший товарищ встряхнулся и расправил широкие плечи.

— Ладно, мистер Ловэт, — сказал он мрачно. — Медики, кажется, закончили. Теперь наша очередь.

Он первым прошел через остатки вестибюля туда, где раньше был большой зал. Паркетный пол превратился в месиво упавшей штукатурки, обуглившихся деревянных досочек и балок. Справа от них красивая лестница вела на антресоли, теперь открытые небу. Все вокруг было пропитано запахом гари. От объема разрушений у Перегрин стало тяжело

на сердце. Он мог только гадать, как это подействовало на Маклеода, связанного братскими узами с погибшими здесь людьми.

— Мы пройдем одну комнату за другой, — сказал Маклеод. — И смотрите под ноги. Я не хочу, чтобы вы провалились в дыру и угодили в больницу, как Адам. У нас и так не хватает людей.

Под «нами», внезапно понял Перегрин, он имел в виду Охотничью Ложу. Это невысказанное вслух признание Маклеода было настолько же воодушевляющим, насколько и неожиданным. Как-то успокоенный, Перегрин стянул болезненное смятение, охваченный волной свежей решимости.

— Мы высматриваем что-то конкретное, — тихо спросил он, — или просто смотрим?

Маклеод устремил на него взгляд ярко-голубых глаз сквозь очки.

— Просто смотрите, паренек. И если что-то увидите, я хочу знать об этом.

Дверь сразу за лестницей вела в помещение, когда-то бывшее официальной приемной, тянувшейся во всю длину этой стороны здания. Нырнув вместе с Маклеодом под обожженную перемычку двери, Перегрин увидел разбитые вдребезги стекла и сломанные рамы картин.

— Похоже на галерею, — тихо заметил он.

— Ага. — Маклеод остановился перед портретом седого человека с длинными, подкрученными вверх усами с регалиями масонского Мастера. — У этой Ложы была долгая и безупречная история. Ее члены предназначали эту комнату для демонстрации памятных экспонатов...

Его голос умолк.

Подойдя к инспектору, Перегрин всмотрелся в портрет. Несмотря на пятна копоти и подпалины, художник видел, с каким тонким чувством он написан. Лицо Мастера было твердым и суровым; нарисованные голубые глаза смотрели на Перегринна с бесконечной печалью, словно сам Мастер горевал о том, что произошло здесь. Ощущение живого присутствия буквально ошеломяло, Перегрин не мог поверить, что это просто воображение.

«Мы пришли, чтобы помочь, — мысленно заверил он человека на портрете. — Мне бы только хотелось, чтобы вы рассказали нам о происшедшем».

Рядом с ним Маклеод вдруг конвульсивно вздрогнул и громко застонал. Перегрин испуганно обернулся. Инспектор пошатывался, голубые глаза за стеклами очков были пустыми и несфокусированными. Его губы шевелились. Несколько секунд не доносилось ни звука. Потом незнакомый голос прошептал:

— Злодей пробил защиту. Подлый слуга еще более подлого хозяина. Храм был осквернен... отмечен знаком древнего врага...

Раздался хриплый вздох. Перегрин изумленно уставился на Маклеода, потом понял, что происходит. Одним из особенных эзотерических талантов Маклеода был дар медиума — как сам Перегрин уже видел в Мелроузе, где дух Майкла Скотта говорил, воспользовавшись физическим телом Маклеода. Теперь инспектор, по-видимому, разрешил бывшему члену этой Ложы сделать то же самое.

Все могучее тело Маклеода снова содрогнулось, так что он зашатался, и Перегрин подхватил его под руку, неуверенный, что делать дальше.

— Очистите храм! — Голос стал громче и настойчивее. — Найдите и удалите знак осквернения!

Настойчивая мольба, казалось, требовала ответа. Сердце Перегринна неистово колотилось.

— Мы сделаем! — пообещал он. — Только, пожалуйста, скажите мне, где смотреть!

Но дальнейшие слова перешли в неслышное бормотание. Без всякого предупреждения голова Маклеода резко откинулась назад, словно ему нанесли удар в челюсть. Инспектор напрягся, потом испустил тихий стон, у него подогнулись колени.

Перегрин попытался помочь ему, стараясь поддержать оседающего на пол Маклеода. Когда они оба, шатаясь, упали на колени, перед глазами Перегринна все расплылось. Неожиданно перед его мысленным взором возник тяжелый стол с мраморной столешницей,

похожий на алтарь. По бокам стол был отделан украшенными барельефами панелями.

Детали центральной панели бросились в глаза: заключенная в круг звезда из двух сцепленных треугольников, в которой он узнал Печать Соломона. По обеим сторонам круга возвышались колонны, увенчанные шарами, один из которых представлял карту мира, а другой — карту звездного неба. В тот момент когда он пытался мысленно разглядеть соседние панели, Маклеод что-то пробормотал и поднял голову.

Взгляд его голубых глаз резко сфокусировался. Пытаясь свободной рукой нащупать какую-нибудь опору, он глотнул воздуха и выпустил его с тихим «ф-фу-у».

— Боже, ненавижу, когда они делают это! — прохрипел инспектор теперь уже снова своим голосом.

Лицо его было бескровным, как и в Мелроузе после того, как дух Майкла Скотта освободил его.

Пытаясь поймать взгляд инспектора, Перегрин сказал:

— Вы можете встать? Я бы предложил сесть, но чертов пол буквально покрыт стеклом. Вы, часом, не порезали руку?

Покачивая головой, Маклеод поднял свободную руку с пола, смахнул с нее стекло и пепел, потом, при поддержке Перегрин, с трудом встал на дрожащих ногах. Все еще цепляясь за руку Перегрин, чтобы сохранить равновесие, он сделал несколько глубоких вдохов, что с каждым разом давалось легче, пока дыхание не стало нормальным.

— Лучше? — спросил Перегрин.

— Ага. — Маклеод медленно выпрямился и, убедившись, что крепко стоит на ногах, выпустил руку Перегрин. — Более или менее. — Он снова тяжело вздохнул. — Мне не следовало делать это без подготовки. Но дело было срочное.

— Значит, упоминания о «храме» для вас имеют смысл? — спросил Перегрин.

— А что я говорил о храме? — ответил Маклеод. — Я не всегда помню, что выпаливаю во время таких упражнений.

Его небрежность ободрила Перегрин. Художник послушно повторил все сказанное, слово в слово, насколько он смог вспомнить. Снова вздохнув, Маклеод кивнул, оценивая то, что рассказал Перегрин.

— Ладно. Пока не могу сказать вам, что это означает, но он дал очень точные инструкции. В некотором смысле вся работа Ложи совершается в Храме Внутренних Миров, — но у каждой Ложи есть и свой физический храм, обычно на верхнем этаже здания. Туда-то нам и надо.

Он бросил взгляд на потрепанный портрет, по-прежнему прислоненный к стене. На основании треснувшей позолоченной рамы было написано «Джон-Джозеф Андерсон» и даты его срока пребывания в должности Мастера Ложи. Хмуро улыбнувшись, Маклеод серьезно, сдержанно отдал портрету честь.

— Спасибо за добрый совет, Досточтимый Мастер. Мы с мистером Ловэтом заберем это оттуда.

Несмотря на повреждения коврового настила и перил, сама лестница держалась довольно крепко. Верхний этаж был залит ослепительным светом ацетиленовых прожекторов: пожарные расчеты продолжали работать, заливая обнажившиеся доски настила и убирая тлеющие обломки. Ледяной ветер дул в зияющую черную дыру в крыше, в свете прожекторов иногда кружились снежинки.

— Сюда, — сказал Маклеод, указывая на то, что осталось от двери на другой стороне антресолей.

Большая комната, как и сами антресоли, освещалась светом факелов. Им пришлось низко пригнуться, чтобы миновать путаницу упавших балок. Местами пол был опасно непрочен, черные и белые плиты были навалены на деревянных перекрытиях, усеянных дырами с рваными краями там, где огонь прогрыз в нем путь в комнаты внизу.

Больше всего была повреждена восточная часть комнаты. Здесь, открытые небу, груды камня и разбитых стропил образовали настоящий лабиринт. Несколько кирок и лопат лежали

возле оставшегося фонаря, показывая, где копали спасатели, стараясь добраться до тела Мастера Ложи. Две большие плиты обожженного и закопченного мрамора выступали под углом из горы пепла и штукатурки, похожие на перевернутую раскрытую книгу.

— Вероятно, это нам и надо, — сказал Маклеод, указывая на обломки. — Давайте-ка посмотрим поближе.

Взяв фонарь, двое мужчин осторожно пробрались к своей цели. Вблизи наклонные плиты оказались двумя частями мраморной столешницы, расколотой посередине. На обуглившихся остатках опорных деревянных панелей были видны рельефы с вариантами того, что Перегрин счел масонской символикой включая печать Соломона.

— Я мельком видел похожий стол, пока вы занимались вашим мистером Андерсеном, — пробормотал он, дотрагиваясь до сцепленных треугольников. — В частности, эту эмблему. По-моему, «знак осквернения», о котором он говорил, должен быть похоронен где-то под всем этим.

— Угу, давайте посмотрим, сможем ли мы убрать часть этого хлама, — согласился Маклеод.

Сначала руками, а потом инструментами, за которыми еще не вернулись спасатели, они потихоньку расчистили основание стола от большей части обломков. Когда не осталось ничего, кроме куч еще теплой золы, они стали работать медленнее, аккуратно просеивая каждую лопату серой пыли, прежде чем отбросить ее. Перегрин начинал сомневаться, не провозятся ли они тут всю ночь, когда его лопата перевернула что-то, блеснувшее тускло-серым металлом в свете их фонаря.

Не подумав, он протянул голую руку, чтобы поднять это «что-то», и получил удар, похожий на электрический разряд. Он вскрикнул и осел на корточки.

— Перегрин, что...

Пегррин указал на найденный кусок металла. Его так встряхнуло, что он почти не заметил, что Маклеод впервые назвал его по имени.

— Вот, — сказал он. — Меня встряхнуло, когда я хотел поднять это. По-моему, это может быть тем, что мы ищем.

Он согнул пальцы. Суставы еще неприятно покалывало. Он поднялся, отряхиваясь от пепла, а Маклеод наклонился, чтобы внимательнее рассмотреть находку. Рука его нырнула в карман пальто и вынырнула уже со знакомым сапфировым кольцом, потом нарисовала над находкой несколько символов, которые, казалось, оживили самый воздух. Потом инспектор достал из кармана носовой платок.

— Ну-ну-ну, — пробормотал Маклеод, цокая языком и осторожно поднимая находку прикрытой платком рукой.

Когда он поднес находку к свету, Перегрин увидел, что это покрытые окалиной и перекрученные остатки серебряного диска около двух дюймов в поперечнике. Глаза за стеклами очков широко открылись.

— Это он? Тот знак, который нам ведено было искать?

— Вот вы мне и скажите, — ответил Маклеод. — Он?

Глубоко вздохнув, Перегрин прищурился и сместил фокус. Расплывающееся пятно превратилось в призрачный образ оскалившейся морды рыси.

— Господи Боже, медальон Рыси! — прошептал молодой человек. — С тех пор как это все началось, я несколько раз видел его мельком.

Маклеод по-волчьи усмехнулся и покрепче замотал медальон в платок, потом начертал над свертком еще один символ.

— Ну, теперь он у нас, — сказал он художнику, — и, по-моему, это подтверждает, кто виноват. — Он подал сверток Перегрину. — Адам, несомненно, захочет его увидеть. Поскольку я не знаю, когда освобожусь, вам лучше взять это и передать ему, как только он попадет домой.

Кивнув, Перегрин завернул сверток еще и в свой носовой платок, потом осторожно запихнул во внутренний карман куртки и встал на ноги. Маклеод оглянулся, потом простер

обе руки ладонями вниз над разрушенным алтарем. Он простоял в такой позе несколько мгновений, беззвучно шевеля губами;

Перегрин предполагал, что он молится. Потом правая рука начертила в воздухе изгоняющую пентаграмму.

Перегрин ощутил легкое напряжение, словно от кожи отодрали что-то липкое. И неожиданно атмосфера вокруг них словно бы очистилась. Перегрин вспомнил подобное мгновение в квартире Хелены Прингл, когда Адам и Кристофер Хьюстон объединили усилия, чтобы очистить помещение от скверны.

Прошло еще мгновение сосредоточенного молчания. Маклеод расправил плечи и вздохнул.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Теперь Братья могут покоиться с миром.

Глава 28

В эдинбургской Королевской лечебнице царила тишина. Адам Синклер лежал в больничной кровати. Сон, увиденный вечером, оставил его нервы напряженными, как струны. Десять часов. Никаких вестей от Маклеода. Он знал, что должен попытаться отдохнуть, но мучимый и болью в теле, и беспокойством, снедающим разум, оказался не в силах успокоиться больше, чем на несколько минут. Он проделывал знакомые усыпляющие упражнения, обычно безотказные, но через несколько мгновений снова вскидывался, терзаемый яркостью сна, который, как он все больше и больше боялся, предвещал какое-то бедствие, с которым теперь имел дело Маклеод.

Краткая вспышка суеты около одиннадцати отметила пересменок медсестер. К тому времени Адам прекратил попытки уснуть. Когда суматоха улеглась, ночная тишина больницы стала почти гнетущей. Еще через полчаса, не в силах больше выносить неизвестность, он снова выбрался из постели, натянул больничный халат и, закутавшись в него здоровой рукой, доковылял до двери и выглянул.

В тускло освещенном коридоре было пусто. На посту дежурной сестры в дальнем конце коридора, кажется, никого не было. Из служебного туалета доносились тихие голоса: видимо, еще какой-то пациент встал без разрешения, и его заботливо загоняли в постель. Мысленно вздохнув над пастушеским инстинктом, который, кажется, был присущ всем квалифицированным медсестрам, он вышел из комнаты настолько тихо, насколько позволяли измученные мускулы, и направился к двери телевизионной комнаты, надеясь увидеть ночные новости до того, как его обнаружат и загонят обратно в палату.

В это время комната оказалась в его единоличном распоряжении. Он не стал включать верхний свет — незачем обнаруживать себя — и неуклюже подошел, чтобы включить телевизор. Когда он дохромал до ближайшего кресла, раздался голос за кадром, озвучивающий заголовки местных новостей. Первые же слова краткого содержания программы предвещали беду.

«Семнадцать погибших и множество раненых во время таинственного взрыва, вызвавшего разрушение масонской ложи в Дунфермлине».

Комната закружилась вокруг Адама, он почти не слышал следующих новостей. Не сводя глаз с проявившегося экрана, он стиснул подлокотники кресла и подался вперед, когда телеведущая начала пересказывать более подробный отчет о фактах.

— Семнадцать человек погибли и по крайней мере одиннадцать получили ранения во время странного взрыва, который полностью разрушил верхний этаж Масонской Ложи в Дунфермлине и серьезно повредил остальные помещения. Инцидент, расследованием которого занимается полиция, произошел в начале девятого. Очевидцы утверждают, будто видели, как что-то — по различным описаниям молния либо огненный шар — ударило в крышу Ложи...

Рассказ продолжался, сопровождаемый материалом, отснятым на месте происшествия. Адам поморщился при виде дымящегося здания без крыши; разбитые окна зияли, как слепые

глаза, в мертвенно-бледном свете аварийных прожекторов. Он не сомневался, что свидетелем именно этого события стал во сне. Прикинув время, он понял, что два события, наверное, произошли одновременно.

В кадре снова появилась серьезная телеведущая.

— Учитывая спорный характер рассказов очевидцев, — говорила она, — задача установить причину взрыва уже была затруднена публичными предположениями. Вот что сказал старший инспектор Ноэль Маклеод, когда мы спросили, намерена ли полиция рассматривать инцидент как подозрительный.

Адам подался вперед, когда на экране появилось знакомое лицо Маклеода с пятном золы на скуле. Он казался измученным и усталым и говорил в микрофон отрывисто, словно часть его разума была занята вопросами гораздо более важными, чем ответы на вопросы прессы.

— Да, есть некоторые основания предполагать, что источник взрыва находился не внутри, а снаружи здания, — сказал он, — но мы еще не исключили более обычные объяснения, такие как взрыв газопровода.

— Инспектор, мог ли это быть террористический акт? — спросил еще один репортер, находящийся вне кадра.

Взгляд Маклеода устало обратился к спрашивающему.

— На этот раз у нас нет данных, подтверждающих это предположение. Любые предположения, которые можно делать в данном случае, должны быть чисто гипотетическими. Откровенно говоря, в данный момент для нас важнее удостовериться, что под завалами не осталось людей.

— Когда, по-вашему, ожидать заявление о причине, инспектор? — спросил первый репортер.

— Когда оно будет, уверяю вас, оно пройдет по соответствующим каналам и будет доведено до сведения прессы, — терпеливо сказал Маклеод. — Я должен подчеркнуть, что оценка свидетельских показаний при несчастье такого масштаба потребует времени. В данный момент мне больше нечего сказать.

Он отвернулся, и камера снова переключилась на журналиста для краткого резюме. Адам размышлял о том, что, пожалуй, этот случай почти полностью повторяет случай на Кэлтонском холме, но в гораздо большем масштабе. Мастера Рыси расширяли свои операции с пугающей скоростью. Он выключил телевизор и невидящим взглядом уставился в пустой экран, взвешивая это последнее злодеяние. Он не сознавал, что кто-то вошел в комнату, пока вдруг не вспыхнул свет над головой и в его задумчивость ворвался женский голос, в тоне которого смешались забота и раздражение.

— Да что же нам с вами делать, доктор Синклер? Уже почти полночь, и всем хорошим пациентам полагается быть в постели.

Адам очнулся от мрачных мыслей и, подняв голову, встретился взглядом с глазами очень хорошенького обвинителя. Этой медсестры он раньше не видел: стройная, молодая женщина с рыжими волосами и вздернутым носиком, серые глаза смотрели скорее весело, чем сердито. На именной табличке было написано «Дж. Браун, дипломированная медсестра». Она сложила руки на груди и сочувственно смотрела на него.

— Должна сказать, не похоже, чтобы вы получали большое удовольствие от сиденья здесь. Если вам настолько неудобно спать, то нет никакого резона быть слишком вежливым, а надо так и сказать. Если вам нужно обезболивающее, можно попросить еще лекарство. Почему бы вам не вернуться в палату, а я тем временем позвоню в фармацию и попрошу что-нибудь подыскать?

Вывихнутые и усталые суставы Адама болели, как больной зуб. Внезапно идея сна показалась очень привлекательной. Но сначала ему надо выполнить последнюю задачу.

— Я пойду потихоньку, — сказал он сестре с вымученной улыбкой. — Хотя, по-моему, арестованный имеет право на один телефонный звонок.

— В такой час?

— Пожалуйста, — сказал Адам. — Это очень важно.

Сестра еще раз посмотрела на него и сдалась, снисходительно покачав головой, как мать, потакаящая избалованному ребенку.

— Ну, ладно, — сказала она. — Но только недолго.

Казалось, от телевизионной комнаты до поста дежурной сестры целая миля. Тяжело навалившись на конторку, Адам, как и раньше в тот вечер, достал телефон и набрал номер Маклеода. Джейн ответила почти сразу.

— Привет, это снова Адам, — сказал он. — Простите, что звоню так поздно...

— Да ничего, — сказала Джейн. — Я ждала на случай, если вдруг позвонит Ноэль.

— Значит, он еще не вернулся?

— Нет... и это означает, что он еще в гуще событий в Дунфермлине. — Она помолчала, потом спросила: — Вы видели последние «Новости Шотландии»?

— Да, поэтому и позвонил. Естественно, я в ужасе, но если Ноэль будет занят всю ночь, думаю, было бы лучше для всех заинтересованных лиц, если мы отложим встречу до завтра. Он явно нужен там, где он сейчас. Лучше нам обоим немного поспать и взяться за проблему на свежую голову.

— Хорошо, Адам, я скажу ему.

Когда он положил трубку, дверь лифта возле поста со свистом открылась, выпустив щеголеватого молодого человека в белом халате с надписью «Фармация». Он нес поднос с лекарствами, упакованными в индивидуальные конвертики. Он весело помахал рыжеволосой сестре рукой и поставил поднос на стол перед ней.

— Ну вот, Джинни, девочка моя, — бодро сказал он. — Все налицо и подотчетно.

Джин бросила взгляд на часы на стене и поцокала языком с насмешливым пренебрежением.

— Не очень-то ты торопился сюда, а, Нейл Редмонд? — заметила она. — Вон, доктор Синклер уже собирался сам себе выписать рецепт.

— Эй, я не виноват, — сказал Редмонд, бросив на Адама извиняющийся взгляд. — Меня подстерег доктор Вемисс. Он влетел в кабинет, как раз когда я собирался подниматься сюда.

— Доктор Вемисс? Что он здесь делает так поздно?

— Вызвали, наверное. — Фармацевт пожал плечами. — у него бзик: якобы днем кто-то ухитрился неправильно прочесть его рецепт какому-то пациенту. Заставил меня поставить поднос и вернуться на пункт раздачи, чтобы проверить записи. Если бы не это, я был бы здесь еще десять минут назад.

— Ладно, ты прощен, — подмигнув, сказала рыженькая медсестра. Она взяла конверт с именем Адама и с улыбкой повернулась к нему. — Ну вот, доктор Синклер. Вы позвонили, а теперь пора принять лекарство.

Адам едва взглянул на пару желтых капсул, которые сестра вытряхнула из конверта ему на ладонь. Он покорно проглотил их и, глубоко вздохнув, лег и стал ждать, когда долгожданное обезболивающее возымеет действие, лениво дотрагиваясь до кольца и в последний раз проверяя защиту. Очень скоро его веки опустились. Когда напряженные мускулы наконец начали расслабляться, он позволил себе погрузиться в обессиленный сон.

Довольно долго он спал глубоко и без сновидений: тихое плавание по благословенно безмятежным, безликим морям. Но через некоторое время тишина сменилась чередой образов. Вначале он смотрел на сменяющиеся изображения извне, как на картины в художественной галерее. Потом одна картина увеличилась и поглотила его. Внезапно он оказался участником еще одного необычайно яркого сна.

Только на этот раз фокус сна был полностью личным. Он лежал на спине на больничной кровати, но занавеси вокруг кровати были частично задернуты, закрывая от него дверь и большую часть палаты. Единственным источником света было тусклое мерцание ночника со стороны коридора. Внезапно у него появилось чувство, что он совсем один в этом сонном варианте больничного крыла.

Ощущение изоляции пробудило смутное ощущение опасности. Во сне он осторожно приподнялся на локтях и прислушался. Через несколько мгновений напряженный слух уловил приглушенное шарканье где-то около двери. По звуку складывалось впечатление, что в темноте рыщет какое-то большое, дикое животное.

Адам напрягся, услышав этот звук и поняв, что он означает.

К счастью, во сне ему не мешали раны, ослабляющие физическое тело... хотя соображал он, кажется, медленнее, чем обычно бывает во сне. Двигаясь очень тихо, он сел прямо. На правой руке было кольцо, камнем внутрь, и он повернул его большим пальцем; камень вспыхнул ярким голубым маяком. Невнятное шарканье сменилось осторожным царапаньем и сопением где-то за занавесями... которые, как он внезапно понял, были визуальным проявлением установленной им защиты. И что бы там ни приближалось, оно неумолимо продвигалось к убежищу Адама.

Что-то задело занавесь справа от кровати. Адам инстинктивно вскинул руку и начертил символ силы в воздухе между собой и невидимым существом, пытающимся подкрасться к нему. Занавесь стала прозрачной. В тот же миг тени у изголовья внезапно слились в неясные очертания какого-то зверя: только зубы, глаза и тьма.

Шипя и брызгая слюной, зверь бросился к постели. Защита вспыхнула в темноте снопом голубых искр. На миг зверь завис силуэтом на фоне энергетической решетки, подобный огромной, неуклюжей кошке, угрожающе скалящей клыки. Потом он пронзительно взвизгнул от боли и отскочил.

Защита Адама заколебалась. Один из пограничных маяков замигал и погас. Снаружи сокращающейся границы силы тень описала круг и припала к земле, готовясь к новому прыжку. Адам знал, что должен делать, но воля, казалось, увязла в патоке. Прежде чем он смог воздвигнуть новую защиту, зверь снова ринулся на него, целясь в горло, — сквозь поврежденную защиту!

Удар был так силен, что опрокинул его, выбив дух. Пока он задыхался, пытаясь отбиться, тень, казалось, увеличилась, навалившись на него удушающей темной массой.

Словно его укрыли стеганым одеялом, утяжеленным свинцом, удушающим и эластичным. Застонав от натуги, Адам огромным усилием сдвинул его и ухитрился повернуться на бок. Вес тьмы быстро перераспределился, жадно навалившись на него теперь с трех сторон вместо одной.

Кровь гудела в ушах, перед глазами все начало расплываться, он понял, что у него мало времени. Он чувствовал, как иссякают силы — а зло уже теребило края самой его души, зверь испытывал ослабевающую защиту. Отчаянно пытаясь отыскать внешний источник атаки, он наконец смутно осознал враждебное человеческое присутствие, направляющее и контролирующее темного зверя извне.

Понимание помогло ему сосредоточиться, и, работая плечами, он сумел свести руки вместе и удержать достаточно долго, чтобы выполнить краткий жест приказа. С последним воздухом, оставшимся в легких, он выкрикнул Слово, имеющее власть в мире невидимого.

Черное давление сна внезапно взорвалось ослепительным сиянием. Взрыв сорвал тень и швырнул Адама обратно в водоворот света столь яркого, что ему пришлось закрыть глаза, чтобы не ослепнуть. Головокружительное ощущение свободного падения наконец закончилось дезориентирующим толчком, означающим, что душа вернулась в тело. Задышавшись, он открыл глаза: он снова был в чистой, пустой больничной палате.

Грудь болела, сердце колотилось. Он хотел приподняться на локте и громко застонал от жестокой боли, прошившей весь правый бок. Закружилась голова, и он упал, теряя сознание. Он чувствовал себя избитым и запыхавшимся, словно борьба, в которой он только что уцелел, была не психической, а физической.

Адам глубоко вздохнул, чтобы прочнее закрепиться в физическом мире, потом с трудом перекатился на левый бок и, опираясь на руку, сел, не тревожа правое плечо. Сердце по-прежнему колотилось; он окинул палату очумелым взглядом и напрягся, заметив неправильное пятно тьмы под стулом у кровати.

Для тени оно было слишком темным и плотным на вид. Дрожа от изнеможения, Адам начертил в воздухе изгоняющий знак и направил силу знака бросающим жестом руки, задохнувшись от боли, вызванной движением. Но тень заволновалась и свернулась. Потом, корчась, как червяк на сковородке, съежилась и, наконец, исчезла облачком черного дыма.

Физический остаток был похож на холодящий душок от трупа. Отшатнувшись с гримасой отвращения, Адам собрал клочки оставшейся энергии, чтобы восстановить защиту, установленную им ранее вокруг кровати. К тому времени, как он закончил, он был близок к обмороку. Тяжело дыша, лег на подушку и попытался очистить разум в достаточной мере, чтобы думать. Ему отчаянно хотелось спать, но он знал, что не посмеет уступить. Мысли были вялы и странно несвязны, словно под воздействием наркотиков.

«Это неправильно, — смутно подумал он. — Мефенамовая кислота не должна бы так действовать. Первые две дозы не подействовали на меня таким образом. Не могла ли доктор Локхарт изменить лекарства?»

«Конечно, нет!» — негодуя ответила другая часть его.

Но виновным должно было быть лекарство, которое он принял сразу после полуночи — не ожидаемое обезболивающее и противовоспалительное, а мощное успокоительное средство. Желтые капсулы выглядели такими же, как те, что он принял раньше, но на самом деле он не обратил особенного внимания.

Дрожь пробежала по позвоночнику, когда он понял, что легко мог умереть — скорее от какого-нибудь другого наркотика, чем от психической атаки, которую облегчило его уязвимое состояние. То, что он не умер от наркотика, только указывало на крайнее высокомерие тех, кто стоял за атакой... или на их нежелание, чтобы его смерть выглядела убийством. Отсюда и психическая атака. Это также указывало на агента Рыси не только в правоохранительных органах, но и в медицинских кругах. Теперь, когда Адам знал об опасности, он не собирался снова спать, пока не вернется в безопасные пределы Стратмурна.

Застонав от боли, он повернулся и нажал кнопку вызова медсестры. Через несколько мгновений дверь открылась, и в дверь просунулась головка хорошенькой рыжеволосой сестры.

— Чем могу помочь, доктор Синклер? — спросила она заботливо. — Что случилось? Не можете уснуть?

— Какой час? — спросил он.

— Всего пять.

— Тогда вы можете мне помочь, — сказал он с усилием. — Мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне добраться до телефона. И как только я поговорю с семьей и организую транспорт, я намерен выписаться.

* * *

Филиппа Синклер уже проснулась, когда услышала телефонный звонок где-то в глубине дома. В звуке было что-то призывное. Она выскользнула из постели и потянулась за стеганым атласным халатом. Через мгновение зазвонил внутренний телефон на столике у ее кровати. Она присела на край постели и взяла трубку.

— Да, Хэмфри, в чем дело?

— Это сэр Адам, миледи, звонит из больницы.

— Да? — сказала она. — Тогда вам лучше сразу переключить его.

— Сейчас, миледи.

После нескольких щелчков, когда Хэмфри переводил звонок, в трубке раздался знакомый голос Адама, дрожащий и огрубевший от напряжения и боли.

— Привет, Филиппа. Прости, что звоню так рано. Наверное, разбудил тебя.

— Нет, я уже начала шевелиться, — сказала Филиппа. — Что с тобой?

— Я... м-м... не думаю, что мне следует провести в больнице больше времени, чем необходимо, — сказал он с трудом. — Я попросил Хэмфри приехать и забрать меня.

Сами слова были довольно нейтральны, но в тоне было что-то зловещее.

— Адам, ты в порядке? — спросила она.

— Сейчас да, — ответил он. — Просто пошли Хэмфри. Не беспокойся.

— Понимаю, — сказала она. — Ну что же, в такую рань не должно быть напряженного движения. Хочешь, чтобы я тоже приехала?

— Нет, со мной все будет в порядке. Увидимся через пару часов.

* * *

Хэмфри приехал в больницу вскоре после шести и привез одежду. К тому времени Адам, выпивший несколько чашек кофе, решил, что худшее воздействие успокоительного уже прошло, но одевание, даже с помощью Хэмфри, потребовало от него гораздо больших усилий, чем хотелось бы. Подписав все необходимые для выписки бумаги, он не стал возражать, чтобы его отвезли к ожидающему «бентли» в инвалидном кресле.

Он позволил себе немного перевести дух, когда его засунули на заднее сиденье, и они направились домой. Но, отвечая на встревоженные расспросы Хэмфри об аварии, он снова задумался об этой стороне последних суток — не следствии, а причине.

— Хэмфри, не хочу быть невежливым, но я совершенно измотан, — сказал он, пытаясь найти положение поудобнее. — Я попытаюсь вздремнуть.

— Конечно, сэр.

Но пока Хэмфри ехал к дому, а значит, и к безопасности, Адам снова начал вспоминать саму аварию. Даже Маклеод с самого начала усомнился, что это был несчастный случай, а Адам, еще находящийся в шоке, отмел это, почти не задумавшись. Теперь он полагал, что знает, как и кем это, наверное, было организовано.

Он вспомнил мотоцикл, быстро нагоняющий его слева — и умчавшийся вперед примерно тогда же, когда лопнула шина. Он сомневался, что это можно доказать, но был готов поспорить, что шина «наткнулась» на пулю, выпущенную тем самым мотоциклистом, который так удачно, как подумал тогда Адам, пытаясь удержать машину, избежал столкновения.

И своевременное прибытие «доброй самаритянки»... это тоже, наверное, было частью плана: позаботиться о том, чтобы, если он выживет при аварии, он оказался бы в нужной больнице, где еще одна «ударная группа» позаботилась бы, чтобы он не выжил.

— Мне кажется, ты прав, — сказала Филиппа, когда за завтраком в утренней гостиной он повторил все снова. — Должна сказать, все было очень хитро спланировано. Будь ты менее искусным водителем, дело обернулось бы совершенно по-другому.

— Будь я хоть капельку внимательнее, все это могло вообще не произойти, — хмуро сказал Адам.

— А теперь ты чрезмерно суров к себе, — ответила она. — Если «удар» был спланирован, как ты допускаешь, ты ничего не смог бы сделать, чтобы предотвратить это. А когда ты выжил в катастрофе, то прекрасно со всем справился, особенно учитывая, что был в состоянии шока. Ты явно очень быстро почувствовал, что что-то не так, иначе не отказался бы от анализа крови.

— Это, кажется, не имело особого значения, — уныло сказал Адам, отталкивая чашку чая. — Они явно ухитрились достать что-то другое для установления физической связи... возможно, окровавленные тампоны, оставшиеся после наложения швов на голову. Нет, не думаю, что доктор Локхарт участвовал в этом.

Филиппа пожала плечами, словно говоря: «Я даже не собиралась предполагать это», и Адам взволнованно продолжал:

— Они также сумели подделать лекарство... что по-настоящему тревожно, ведь мы не знаем, что я принял!

Филиппа улыбнулась.

— Вероятно, это можно узнать, если это так тревожит тебя. Ты явно миновал пиковый

эффект, каким бы он ни был, но в твоём организме ещё должно остаться достаточно, чтобы показать параметры препарата. Хочешь, я возьму анализ и попрошу Хэмфри отвезти его в Джорданберн?

Он горько хмыкнул и подпер голову левой рукой, осторожно дотронувшись до повязки.

— Идея недурна... хотя, судя по моей реакции, это было всего лишь какое-то успокоительное. Ничего такого, что было бы заметно сразу, а тем более через день после приема, но достаточно, чтобы ослабить сопротивление, особенно если препарат был замедленного действия: что-то, достигающее пика часа через три-четыре после приема. Именно так сделал бы я.

Он зевнул и вздохнул.

— А если бы нападающий достиг успеха, то мою смерть списали бы на кровоизлияние в мозг или что-то в этом роде: расширение ран после автокатастрофы. При таких обстоятельствах немножко валиума или либриума в организме никого бы не удивило.

— Думаю, мне бы хотелось сделать тебе анализ, Адам, — сказала Филиппа, откладывая салфетку. — И думаю, мне бы хотелось, чтобы ты отправился в постель и как следует выспался. Мне также не нравится мысль, что у Ложи Рыси есть проба твоей крови. Это заставляет гадать, что они могут держать в запасе — для второй атаки, раз первая не удалась.

— Здесь им меня не достать, — спокойно сказал он.

— Знаю. Но со временем тебе придется выйти.

— Верно. Но у меня есть обязанности.

— Это я тоже понимаю, — согласилась Филиппа, — но не хочу, чтобы ты рисковал без необходимости. Пообещай мне, что на несколько дней спрячешься — по крайней мере до тех пор, пока немного не поправишься. С самой сильной волей на свете, — добавила она практично, — ты не можешь хорошо охотиться на преступников с рукой на перевязи и скрипящими при каждом вздохе ребрами.

— Не очень-то героический вид, а? — улыбнулся Адам, вспомнив слова доктора Локхарт о «благородном челе» — Не могу обещать чуда, но даю слово, что не сделаю ничего, отдающего бравадой.

— Сойдет, наверное, — вздохнула Филиппа. — Если ты покончил с завтраком, можешь отправляться в постель. Через несколько минут я зайду, чтобы взять кровь.

Глава 29

Адам проснулся около пяти часов вечера; все тело ломило, но головной боли или путаницы в мыслях почти не ощущалось. Он еще размышлял, хватит ли ему сил встать и спуститься вниз, когда вошел Хэмфри с ужином на подносе.

— А, вы проснулись, сэр! — воскликнул Хэмфри. — Ее светлость сказала, чтобы я не позволял вам спать после пяти. Пойду и скажу ей, что вы зашевелились.

Адам вряд ли назвал бы предпринятые до сих пор усилия «шевелением», но пока Хэмфри не было, он сумел на дрожащих ногах сходить в ванную комнату и к приходу Филиппы неловко уселся на стул за столом у окна.

— Ну-с, как ты себя чувствуешь? — спросила она, глядя, как он начал изучать содержимое подноса под тарелкой.

— Как будто попал под грузовик, — усмехнулся он в ответ, — Тебе не следовало позволять мне спать так долго.

— Тебе это было необходимо, — твердо сказала она. — И я хочу, чтобы ты сразу же вернулся в постель, как только сумеешь что-нибудь съесть.

Она положила рядом с подносом янтарный пузырек с желтыми капсулами.

— Это то, что тебе было назначено принимать и что я по-прежнему рекомендую, — сказала она. — То, что ты принял около полуночи, было дозой валиума примерно равной предоперационной для радикальной хирургии, но замедленного действия, которая поразила бы тебя часа через четыре. Так, во всяком случае, считают в лаборатории. Тебе очень повезло

— или твой предполагаемый убийца был очень осторожен.

Поглядев на знакомую наклейку на пузырьке «Королевская эдинбургская больница», Адам одной рукой вытащил пробку, вытряхнул две капсулы и запил их апельсиновым соком. «Ужин» на самом деле представлял собой омлет с жареными помидорами и грибы в сопровождении тоста и ячменных лепешек. Поглядывая на Филиппу, Адам неловко взял вилку в левую руку.

— Ну-с, что еще произошло, пока я спал? — спросил он берясь за еду.

— Ноэль и Перегрин оба и звонили, и заезжали. Вернутся завтра, после позднего завтрака. Вчера вечером в развалинах в Дунфермлине они нашли вот это.

Из кармана розовато-лилового кардигана она достала маленький сверток, образованный ее шелковым шарфом и двумя носовыми платками. Адам заметил, что Филиппа носит кольцо со скарабеем. Он отложил вилку. В складках ткани прятался почерневший металлический диск примерно двух дюймов в поперечнике.

— Не пытайся дотронуться до него, — сказала она, когда сын наклонился поближе, чтобы лучше рассмотреть. — Сейчас он, конечно, подавлен, но в нем все еще много остаточной энергии. Можешь поиграть с ним завтра. Сначала я думала, что он серебряный, но на самом деле, кажется, это железо или сталь, вставленные между двумя слоями серебра. Мы с Ноэлем проверили его магнитом, и он определенно железный... что согласуется с тем, что Дональд Кохрейн обнаружил в Балморале.

— Он нашел там что-то подобное? — спросил Адам.

— Ну, то, что осталось от диска, — ответила Филиппа. — У нас теперь есть медальон Рыси — и установлена связь между ударом молнии в Балморале и ударами на Кэлтонском холме и в Дунфермлине. По-моему, Балморал был лишь пробой сил: проверкой, действительно ли они могут управлять молнией. Ешь, дорогой, пока ужин не остыл.

Пока она заворачивала остатки медальона, Адам автоматически продолжал есть, напряженно обдумывая результаты. Через несколько минут Филиппа включила переносной телевизор, чтобы послушать вечерние новости. Международное обозрение было в основном посвящено ухудшающейся обстановке в Персидском заливе, однако шотландские новости посвятили несколько минут эфирного времени последним известиям о «катастрофе в Дунфермлине».

Последовало несколько коротких интервью — от сдержанного до экстремистского. Представитель полиции Дунфермлина заявил, что, поскольку среди руин не найдено никаких химических следов взрыва, инцидент будет рассматриваться как стихийное бедствие. Местный эколог тоже считал, что несчастный случай был вызван естественными силами, но пошел дальше, предположив, что пора бы населению принять более серьезные меры по очистке окружающей среды, пока природа не вышла из себя окончательно.

Последним интервью давал полицейский инспектор по фамилии Нейпир, которого пригласили прокомментировать очевидное сходство между этим инцидентом и имевшим место на Кэлтонском холме в Эдинбурге неделю назад. Его толкование, с точки зрения Адама, было просто гнусным, ибо формулировалось в выражениях, которые несведущие люди сочли бы здравыми.

— Не могу сказать, что я когда-либо особенно верил в кару небесную, — сказал Нейпир с сардонической усмешкой, — но даже я не могу игнорировать факт, что два недавние удара молнии, кажется, были направлены конкретно на членов ордена Вольных Каменщиков. Будь я религиозным человеком, я бы чувствовал искушение сказать, что они, наверное, заслужили гнев Божий. Может быть, нам следовало бы спросить себя, что же они натворили, и начать серьезно присматриваться к их тайным делам.

Его заявление было последним в программе новостей. Пока Адам слушал, усталость все больше и больше сменялась возмущением, и он нахмурился, когда Филиппа выключила телевизор.

— Его слова насчет масонов были просто убийственными, — сказал он откровенно, отодвигая поднос. Филиппа кивнула.

— Можно подумать, что кто-то хочет начать охоту на ведьм. Интересно, — продолжала она задумчиво, — знаком ли Ноэль с этим самым Нейпиром.

— Пожалуй, я позвоню ему. Заверю, что со мной все в порядке, и попрошу проверить, что он сможет раскопать об этом весьма неприятном инспекторе Нейпире.

Коротко переговорив и с Маклеодом, и с Перегрином, Адам вернулся в постель. Спал он в ту ночь без сновидений, но не совсем спокойно. Всю ночь ему казалось, что нечто дикое беспокойно рыщет по периметру поместья, все время испытывая его защиту, пробуя пробраться внутрь. Но он ни единым словом не солгал Филиппе, когда заверил ее, что здесь до него ничто и никто не доберется. Стратмурн был хорошо защищен от незваных астральных гостей.

Воскресное утро выдалось морозным и солнечным. Адама разбудил далекий колокольный звон; физически он чувствовал себя еще хуже, чем накануне, но умственные способности почти восстановились. Долгое стояние под горячим душем очень помогло облегчить боль, и, должным образом одевшись для позднего завтрака с Филиппой и мисс Толбэт в серые фланелевые брюки и синий блейзер вместо халата, он повеселел еще больше, хотя одевание потребовало больших физических усилий и пришлось прибегнуть к помощи Хэмфри. Перевязь из холста и нейлоновой ленты немного портила образ щеголя, но она значительно облегчала нагрузку на раненое плечо, поэтому он носил ее. После завтрака он заглянул к Джиллиан и полчаса просидел у ее постели, пока мать читала ей вслух, размышляя о разломанной душе, заключенной в этом хрупком, изнуренном теле, надеясь, что такое соседство подскажет новые пути лечения.

Перегрин приехал ровно в два, а Маклеод вскоре после него; он привез папку с материалами по инциденту в Балморале. Хэмфри провел их в библиотеку, где Адам уже устроился в любимом кресле, вытянув ноги на скамеечку. Филиппа осталась наверху, чтобы провести обычный ежедневный сеанс мануальной терапии с Джиллиан.

— Насколько я понимаю, Филиппа уже рассказала вам, что Дональд попал в точку, — сказал Маклеод, открывая папку на коленях и роаясь среди сколотых документов, явно разыскивая какой-то определенный. — Хотя след остывший. Ни слова обо всем эпизоде с оригами и ни единого промаха здесь... хотя я знаю, что его просто распирают вопросы. Когда уляжется пыль, нам стоит серьезно подумать о том, надо ли немножко просветить его — и посмотреть, как он отреагирует.

Он нашел то, что искал, перевернул страницу и передал Адаму под взглядом молчаливого Перегринна.

— Вот это важно, — сказал Маклеод. — Остальное в основном просто официальные рапорты: сообщения очевидцев, судебные отчеты, составленные следователями из антитеррористической бригады, и заявления представителей различных страховых компаний, привлеченных к оценке общего ущерба, нанесенного зданию. Есть и фотографии, но по ним много не скажешь. Я привез все, чтобы в вашем распоряжении было полное досье, если позже вы захотите почитать его, но, думаю, Дональд попал в точку.

«Не знаю, существенно ли это, — писал Дональд в личном докладе Маклеоду, — но когда я лазил по развалинам у подножия башни, около „эпицентра“, куда, наверное, ударила молния, я заметил металлический предмет, зажатый между двумя камнями в углу. Часть его расплавилась и стекла по нижнему камню. Это было похоже, пожалуй, на олово или серебро. Я попытался выковырять остатки перочинным ножом, но они вплавились в щель. Однако я заметил, что этот предмет, чем бы он ни был, сильно намагничен (он притянул лезвие моего ножа, а оно-то не намагничено). Мне пришло в голову, не эта ли штука притянула молнию».

— Он не смог достать образец? — спросил Адам, поднимая глаза.

— Нет, по его словам, оно практически приварилось к камню... чего вполне можно ожидать после удара молнии. А еще с ним была пара солдат, которые все ему показывали, и он не хотел, чтобы пришлось отвечать на трудные вопросы.

— Он был совершенно прав, — согласился Адам. — И, по словам Филиппы, медальон из Дунфермлина тоже оказался сильно магнитным.

Маклеод кивнул, но Перегрин, казалось, все больше и больше тревожился.

— Адам, это бессмысленно. Я не могу спорить с фактами... но почему Балморал? Это не укладывается в систему.

— Нет, система появилась позже, — ответил Адам. — Вчера вечером Филиппа предположила — и, мне кажется, она права, — что удар по Балморалу был пробным. Или, может быть, это была демонстрация силы. Когда он достиг цели, эти ответственные знали, что готовы перейти к следующей цели.

— Ага, систематическим убийствам разных масонов, — горько сказал Маклеод.

— Да, но я не могу не думать, не прячется ли за этим какая-то еще более мрачная цель, — ответил Адам. — Если просто хочется убивать людей, то незачем идти на подобные хлопоты и, несомненно, психические расходы, чтобы поразить их стихийной молнией... хотя я уверен, что большинству людей в моменты раздражения случалось желать, чтобы молния поразила надоевшего неприятеля. Ружья, бомбы и тому подобное гораздо более эффективны.

— Однако факт, что наши неприятели идут на такие значительные хлопоты и затраты, помещает их исходные мотивы далеко за пределы простой злобы на Вольных Каменщиков. И потому все более важным становится узнать, кто они и в чем заключается их конечная цель, до того, как будет слишком поздно. К счастью, теперь у нас есть один из их медальонов — и это тот шанс, который мы искали. Перегрин, у вас что-то запланировано на сегодняшний вечер?

Перегрин жадно подался вперед.

— Ничегошеньки. Я приготовился на случай, если понадобится вам.

— Хорошо. Тогда мне надо, чтобы вы поехали и нашли кое-какие карты, — сказал Адам. — Мне нужны топографические карты всей Шотландии — самые большие и самые подробные, какие вы сможете найти.

Перегрин тихонько свистнул.

— Я знаю, о чем вы говорите, но за полным набором мне придется доехать до самого Эдинбурга, особенно в воскресенье.

— Тогда вам лучше отправиться, пока не закрылись магазины. Марш!

Когда художник ушел, Адам вздохнул и неудобно поерзал в кресле, переключаясь на Маклеода.

— Ну, что с этим инспектором Нейпиром, который, похоже, так жаждет причинить неприятности вашим собратьям-масонам?

Маклеод фыркнул.

— Хороший вопрос. Не знаю, какая муха его укусила, но вчера после вашего звонка я счел обязательным посмотреть вечерние новости. У любого человека, конечно, есть право на свое мнение, но людям его положения обычно хватает осмотрительности держать подобные мнения при себе.

— Ага, хуже того, что он наговорил, трудно представить, — сказал Адам. — Что заставляет задуматься, не было ли это умышленной неосмотрительностью, рассчитанной на то, чтобы подбросить топлива в огонь. Что вы узнали о нем?

Маклеод пожал плечами.

— Боюсь, ничего особенно замечательного. Сегодня утром заглянул в канцелярию и вытащил его досье. Психологический профиль описывает его эдаким трудягой. Знаете этот тип: человек продвигается скорее тяжелым трудом, чем способностями. Но и у него есть свои амбиции. Его документы показывают, что он провел последние десять лет в управлении, упорно, методично поднимаясь по служебной лестнице, пока не оказался там, где мы видим его сегодня.

— Так, по-вашему, в нем нет ничего необычного?

— Ничего. В сущности, он такой обыкновенный, — во всяком случае, теоретически, — что само по себе почти странно. По общим отзывам, он эдакий нелюдим: не женат, нет близких родственников. Не особенно популярен среди подчиненных, но о врагах говорить не приходится. Кажется, худшее, что можно сказать о нем, что он грубоват и очень замкнут.

— А его послужной список?

— И снова почти нечего сказать. Работает, и это все. У него нет выговоров — даже за мелкие нарушения. Однако нет и поощрений.

Маклеод нахмурился.

— В самом деле, странно для человека его положения и стажа. Вот так сразу я не могу вспомнить ни одного другого инспектора, у которого не было бы по крайней мере одной похвалы за отличную службу. Интересно, как наш приятель Нейпир смог достичь этой точки карьеры, не совершив ничего так или иначе выдающегося.

— Х-м-м-м, да. Почти так, словно он сознательно избегал привлекать к себе внимание, при этом наработывая повышения по службе, — сказал Адам. — Что говорит вам инстинкт?

— Инстинкт говорит, что в этом человеке кроется больше, чем отражено в досье, — откровенно сказал Маклеод. — Если я не нужен здесь, то лучше поеду и попробую еще покопать. Мы знаем, что у Рыси есть свой человек в полиции. Готов держать пари, это Нейпир.

* * *

После ухода Маклеода Адам воспользовался временным затишьем, чтобы урвать немного времени для необходимого сна. Он проснулся два часа спустя и как раз сел выпить чаю в библиотеке, когда Перегрин вернулся в Стратмурн с затребованными Адамом картами.

— Вы бы поверили, что мне пришлось посетить две сервисные станции на автомагистралях и четыре книжных магазина, прежде чем я смог собрать полный комплект? — воскликнул художник, размахивая результатами своего труда. — Я не смог достать Оркнеи, так что остается надеяться, что там ничего плохого не происходит. Куда их теперь?

— Пока просто бросьте их на диван, — улыбнулся Адам. — Вы ели что-нибудь?

— После ленча ничего. А что?

— Хорошо, тогда вы и не получите ничего еще час-другой, потому что я хочу поручить вам одно дело, которым лучше всего, особенно когда учишься, заниматься на пустой желудок. Хотели бы попробовать свои силы для поиска с маятником?

— Я?

Процедура не была незнакома Перегрину, ибо он видел, как Адам использует разновидность поиска с маятником в замке Дунвеган, тоже в сочетании с картами, чтобы определить приблизительное местонахождение похищенного Знамени Фейри. Его глаза слегка расширились при мысли испытать что-то подобное самому.

— Я, конечно, охотно попробую, — сказал он, — но, надеюсь, вы научите меня.

— Именно это я и собираюсь сделать, — сказал Адам. — Хотя сначала нам надо сделать некоторые приготовления... главное из которых — освободить на полу больше места, чем есть здесь. Хэмфри пошел взять медальон из домашнего сейфа. Как только он присоединится к нам, мы перенесем операцию в салон.

В салоне казалось прохладно после уютного, знакомого тепла библиотеки. По-прежнему двигаясь неловко, Адам подошел к викторианскому шезлонгу у стены и приказал Хэмфри и Перегрину расчистить пол в центре комнаты. Когда они начали разворачивать карты и раскладывать их в должном порядке, Адам неуклюже открыл обитую шелком шкатулку, принесенную Хэмфри, и осторожно вынул закопченные остатки кулона с Рысью.

Он неподвижно лежал на ладони, по-прежнему под влиянием ограничений, наложенных накануне Филиппой, чтобы усилить начальное воздействие Маклеода, но Адам тем не менее чувствовал неактивный остаток злобы, вложенной в него при создании. Если повезет — и если Адам правильно оценил потенциал Перегрин в этом отношении, — медальон должен дать им возможность проследить тонкую психическую нить, все еще связывающую его с создателями.

Временно отложив медальон, Адам достал из шкатулки моток тонкой голубой шелковой

нити и подозвал Перегрину, чтобы оторвать кусок длиной с его руку. Потом Перегрин вернулся к картам, а Адам неуклюже, пользуясь в основном левой рукой, надежно обмотал один конец нитки вокруг медальона, чтобы сделать свободно качающийся маятник. Он попытался было намотать свободный конец нитки на указательный палец правой руки, но нагрузка на плечо была слишком большой, и оно, конечно, не выдержало бы того, что задумал Адам. Нет, придется Перегрину самому исполнить это упражнение.

Он поднял голову и обнаружил, что Перегрин ждет, стоя перед шезлонгом, а Хэмфри — у двери. Ковер из карт был разложен: вся Шотландия показана в двух измерениях, все геологические детали и очертания отмечены разнообразными сочетаниями зелени и золота. Адам улыбнулся, увидев, что помощники проявили инициативу и соединили карты по совмещающимся углам клейкой лентой. Положив маятник обратно в коробку, он поблагодарил и отпустил Хэмфри, потом повернулся к Перегрину.

— Придвиньте кресло и устройтесь на минуту поудобнее, — приказал он. — Начнем с техники.

— Рано или поздно это должно было случиться, — усмехнулся Перегрин, отправившись за стулом с овальной спинкой, стоявшим в другом углу. Плехнув его на ковер напротив шезлонга Адама, он сел и сказал с кривой усмешкой: — Ладно, послушаем худшее.

— Расслабьтесь. Вы готовы к этому, — улыбнулся Адам. — Для начала очень краткий урок по теории поиска с маятником. Если говорить как можно проще, то маятник работает по принципу, который лучше всего описать как закон соответствий. Этот закон постулирует, что мир символов и мир материальных объектов существуют во взаимосвязи друг с другом. Другими словами, то, что существует физически, может быть воспринято символически тем, кто обладает достаточными для дела знаниями.

— Возьмем карту Шотландии, которую вы с Хэмфри только что старательно сложили. — Он махнул левой рукой. — В одном смысле, это просто раскрашенная бумага, но в другом смысле карта — непосредственное символическое продолжение страны, которую она изображает. То, что занимает пространство в материальном мире, занимает равноценное пространство в мире символов — и именно поэтому мы можем определить местонахождение одного в измерениях другого. Успеваете?

Перегрин кивнул.

— В голове немного гудит, но, кажется, успеваю.

— Прекрасно. В таком случае переходим к следующему пункту — самому маятнику. Использовать в качестве маятника можно, потенциально, что угодно, лишь бы оно несло в себе заряд остаточной энергии, связанной либо с человеком, занимающимся поиском, либо с объектом, который он пытается найти. В данном случае мы будем использовать то, что осталось от медальона Рыси, который вы нашли в Дунфермлине.

Он указал на медальон с шелковой ниткой, свешивающейся из шкапулки атласного дерева.

— Итак, вот теория той специфической связи, которую мы ищем. Для того чтобы выполнить функцию, для которой он был создан, — то есть своего рода стержневого молниеотвода, этот медальон должен быть магически связанным с человеком, который на самом деле вызвал молнию, не исключено, что при посредстве некоего могущественного артефакта. Предполагаю, что этот последний — торк, который вы увидели на Кэлтонском холме. Где торк, там и человек, обладающий им. Вы будете ходить по карте, используя маятник, чтобы засечь соответствие, и, надеюсь, мы таким образом сможем обнаружить местоположение этого повелителя молний.

Перегрин поглядел на карту, поджав губы, потом снова на медальон.

— О'кей. Мне взять его каким-то особенным образом?

— Вы получите более четкий контакт, если будете держать нитку большим и указательным пальцами — только крепко, чтобы не уронить.

Осторожно, помня полученный ранее удар, Перегрин сжал конец нитки и поднял медальон из шкапулки. Медальон слегка закачался, и он ощутил странное покалывание,

почти так, словно медальон жил своей собственной жизнью.

— Советую также снять ботинки, — сказал Адам. — Это поможет вам установить физический контакт с поверхностью карты и тем, что она представляет. Потом очистите разум и постарайтесь сделать себя как можно более пассивным. Нам надо, чтобы маятник притягивался к «дому».

Перегрин кивнул и стряхнул коричневые кожаные туфли. Покалывание, распространяющееся от маятника, стало сильнее. Выпрямившись, он сделал три медленных, глубоких вдоха, заземляясь и сосредотачиваясь, как научил Адам. Следуя за ставшей настойчивой тягой маятника, он подошел к южному краю карт.

Под взглядом Адама, у которого с шезлонга открывался прекрасный обзор, Перегрин медленно пошел по похрустывающей бумаге. Осторожно ступая ногами в носках, он держался центра нарисованной суши, медленно продвигаясь на северо-запад.

— Я, несомненно, чувствую тягу, — доложил он, не глядя по сторонам. — Эдинбургом она, кажется, особо не интересуется. Скорее направлена к Фолкерку... Да, теперь, кажется, сильнее. Немного западнее... немного севернее... может быть, к Стерлингу...

Движение маятника, казалось, стабилизировалось, когда Перегрин подошел ближе к Стерлингу. Он затаил дыхание, ожидая, что произойдет. Но как раз, когда ему показалось, что маятник вроде бы останавливается, он внезапно почувствовал резкий рывок, и маятник неравномерно закачался без заметной согласованности.

— Черт, похоже, потерял! — пробормотал Перегрин.

— Не беспокойтесь, — спокойно сказал Адам. — И не пытайтесь повлиять на результат. Очень важно оставаться пассивным. Просто замрите и ждите. Закройте глаза, если это поможет. Когда связь восстановится, не пытайтесь предугадывать или истолковывать — просто действуйте в соответствии с тем, что чувствуете.

Кивнув, Перегрин закрыл глаза и сосредоточился на восстановлении контроля над дыханием. Возбуждение спало, оставив его спокойным и восприимчивым. Постепенно он снова сконцентрировался на маятнике. И через минуту-другую ощутил кончиками пальцев рывок, даже сильнее, чем раньше.

На этот раз отклонение было, кажется, точно на север с легким уклоном к западу. Устремив взгляд на часы в форме банджо, висящие на стене в дальнем конце комнаты, Перегрин выкинул из головы все предположения о конечном направлении маятника и позволил тащить себя, как на поводке. Через несколько минут тяга ослабела, и маятник закрутился на нитке.

— Но там же ничего нет! — воскликнул Перегрин, присевший, чтобы посмотреть, что под ногами. — В этой части карты нет ничего, кроме гор.

— Ладно, — сказал Адам. — Возвращайтесь к краю карты и попробуйте еще раз.

Под руководством Адама Перегрин повторил процесс еще несколько раз, начиная с разных сторон. Каждый раз он испытывал легкое, но несомненное отклонение к Стерлингу, а потом маятник притягивало к самой незаселенной области Кэйрнгормских гор.

— Весьма любопытно, — сказал Адам после пятой попытки. — Если я правильно понимаю, мы, похоже, установили местонахождение двух отдельных сосредоточений силы. Меня особенно интересует этот район Кэйрнгорма. Не будь Северное нагорье сейчас так завалено снегом, мы бы могли попросить Ноэля подумать об организации воздушной разведки. А так сомневаюсь, что там можно много разглядеть с воздуха...

Он умолк, задумавшись. Перегрин вопросительно посмотрел на него.

— Что у вас на уме?

— Наземная экскурсия в шотландскую глубинку. — Адам бросил на него косой взгляд. — Полноприводный автомобиль должен бы справиться с дорогами... хотя нам придется подумать об аренде машины взамен «рейнджровера», и, боюсь, я не в подходящем состоянии, чтобы вести самому — с рукой на перевязи. Но если вы считаете, что справитесь с этим, мы могли бы поехать в следующий раз, когда переменится погода, и провести в том районе пару дней.

— Конечно, я готов, — сказал Перегрин. — А тем временем почему бы не попробовать Стерлинг? Это гораздо ближе Кэйрнгормских гор, и чтобы добраться туда, не нужен полный привод.

— Я уже подумал об этом, — ответил Адам. — А пока уже поздно, и, признаться, мне надо вздремнуть. Давайте созвонимся днем, и я еще раз позвоню вам завтра.

Глава 30

После ухода Перегрина Адам задержался в салоне, размышляя над картами и загадкой, заданной поведением маятника, и в конце концов задремал. Наконец тихий стук в дверь разбудил его.

— Вот ты где, — сказала Филиппа, просовывая голову в дверь. — Собираешься провести здесь весь вечер? Если да, то, думаю, мне следовало бы обратить твоё внимание на то, что ты совсем не в том состоянии, чтобы спать на полу.

— Тут ты, пожалуй, права, — признался Адам со слабой улыбкой. Выпрямившись, он вдруг почувствовал, как болит все тело, и поморщился, когда невольное движение вызвало приступ острой боли в плече.

Филиппа бросила понимающий взгляд на застеленный картами пол и иронически посмотрела на сына.

— Судя по виду этой комнаты, ты был весьма деятелен, — сухо заметила она.

— О, работал в основном Перегрин, — сказал Адам. — Я расскажу тебе за обедом... или мисс Толбэт присоединится к нам?

— Нет, она устроилась у себя в комнате с телевизором и подносом с ужином. По-моему, она боится злоупотребить нашим гостеприимством — что в данном случае и произошло бы. Поедим в Розовой комнате?

Они скромно поужинали запеченной курицей и зеленым салатом, но Адам воздержался от вина из-за своих дальнейших планов. Филиппе очень хотелось услышать о выполнении Перегрином упражнения с маятником, и она одобрительно кивнула, когда Адам закончил рассказ.

— Мальчик действительно делает успехи, не так ли? — заметила она. — Решать, конечно, тебе, но мне кажется, он готов — более, чем готов, — быть представленным как кандидат для посвящения.

— Согласен.

— До солнцестояния всего несколько дней, — продолжала Филиппа. — Это было бы подходящее время.

— Да... я думаю так же. Однако до этого мне бы хотелось лучше представлять себе, что происходит. До сих пор они начинали первыми. Мы еще даже не знаем наверняка, кто они — конечно, кроме того, что это Ложа Рыси. Нам надо разорвать этот круг, завоевать превосходство.

— Согласна, — сказала Филиппа. — Но не забывай, что сейчас ты не в лучшей форме. Не недооценивай урона, который этот эпизод нанес твоим силам.

Адам фыркнул и пошевелил рукой на перевязи.

— Я сознаю свою ограниченность, и гордость не мешает мне попросить о помощи, когда она нужна. С другой стороны, если наши враги считают меня *hors de combat*¹, то они сильно ошибаются. Я поразмыслил о предложении Перегрин уделить хоть немного внимания Стерлингу. И у меня появилась идея.

Он кратко объяснил свои намерения Филиппе.

— Звучит многообещающе, — признала она. — Конечно стоит попробовать. Тебе нужна помощь, просить которую, по твоим словам, гордость не мешает?

Он, улыбаясь, покачал головой.

— Не для этого... но спасибо за предложение. Я еще разрабатываю детали. После кофе

¹ Вышедший из строя (в результате ранения и т.п.) (фр.). — Примеч. пер.

я вернусь в библиотеку и посмотрю, что получится.

— Ладно, — сказала Филиппа, — но помни, что тебе надо поправляться, так что не засиживайся слишком поздно.

После обеда Адам снял галстук и сменил туфли и блейзер на халат и тапочки, потом спустился в библиотеку. Шкатулка с медальоном Рыси уже стояла на столе. Из выдвижного ящика стола он достал пачку бумаги и картонный конверт с копиями бесед в Стерлинге. Он уже прочитал их несколько раз, не найдя ничего явно стоящего внимания. Однако на этот раз на уме у него было другое.

Усевшись за столом более или менее удобно, он взял кучку пустых учетных карточек, перо и баночку туши. Открыл ее, отложил крышечку в сторону и положил правую руку на стол перед собой, сосредоточившись на сапфире кольца. Потом он долго сидел совершенно неподвижно, успокаиваясь и давая своему намерению оформиться в уме. Когда идея обрела четкие очертания, он обратил внимание внутрь, сосредоточившись на дыхании. Когда все затихло и сконцентрировалось, он глубоко вздохнул и взял перо.

Оно казалось невесомым. Он помедлил, представив его кончик в виде острия луча флуоресцентного света, освещающего присутствие невидимых элементов в матрице инертной материи. Положив перед собой пустую карточку, он окунул перо в баночку с тушью и аккуратно написал имя и адрес, стоявшими в списке первыми, все время удерживая в равновесии мысль о луче, пронзающем тьму, подобно лучу светильника на каске шахтера.

«Творец Света, — молча взмолился он, — сделай видимым невидимое. Пусть проявится сокрытое».

Медленно, аккуратно он переписал все имена на отдельные карточки. Их оказалось двадцать девять. Он изучал их, пока сохла тушь на последних карточках, позволяя резонансу каждого имени и названия отражаться в уме. Уверившись, что надписи не размажутся, он собрал карточки в пачку и несколько раз перетасовал. Потом разложил их на столе лицом вниз: пять на шесть рядов, пустое место в правом нижнем углу.

Взял с подставки на столе острый как бритва нож «Ехасто», срезал маленький кусочек серебра с медальона Рыси и приладил на кусок нитки. На миг закрыл глаза, формулируя образ маятника в виде стрелки компаса, настроенного на источник энергии, который он пытался найти. Потом, держа маятник над разложенными карточками — левой рукой, потому что правое плечо не выдержало бы напряжения, — он сосредоточился на направлении серебра к человеку, оживившему его.

Начав с левого верхнего угла расклада, он привел маятник в движение. Чтобы маятник двигался методично, он медленно вел его горизонтально между рядами карточек, высматривая отклонение. Между третьим и четвертым рядами он почувствовал слабый рывок к карте на пересечении четвертого сверху и третьего слева рядов. И снова ощутил отклонение, когда шел между четвертым и пятым рядами.

Неторопливо кивнув самому себе, он вытащил карандаш из среднего ящика стола и, приподняв карточку, подsunул карандаш под нее и сделал пометку на внутренней стороне. Отложив карандаш, он смешал карточки, не глядя на помеченную, и снова разложил их, повторив упражнение и пометив лежащую на пересечении второго ряда сверху и второго справа. Повторив упражнение в третий раз и пометив карточку, выделенную маятником, он отложил маятник и поднял карточку, на миг взвесив ее в руке, прежде чем посмотреть. Три нечеткие карандашные метки пришлись на карточку с именем «Фрэнсис Ребурн» и адресом «Нижний Леки, близ Стерлинга».

Адам неподвижно сидел несколько минут, крепко сжав губы и обдумывая важность этого открытия. Простая концентрация на имени нечего не выявила, но это, конечно, было серьезным признаком того, что этот Ребурн как-то вовлечен. Три «попадания» при слепом поиске выходили далеко за пределы случайного совпадения.

А если Ребурн был тем человеком, который направлял молнии — виновным в смерти Рэндалла Стюарта, Иена Макферсона и масонов Дунфермлина, — то долг Адама — выследить его, разоружить и передать гражданскому суду, если это будет возможно. Но

начинали появляться только края картины, и Адам прекрасно сознавал ловушки, присущие слишком торопливым действиям на слишком малых основаниях.

Он задумчиво поднял телефонную трубку и набрал домашний номер Маклеода.

— Ноэль, простите, что снова тревожу вас в воскресенье, — сказал он, когда ответил сам Маклеод, — но я нашел след, который, по-моему, ведет к добыче. Я внимательно изучал записи бесед в Стерлинге в связи с той штукой, которую вы с Перегрином отыскиали в Дунфермлине. Думаю, нам нужно навести очень осторожные, сдержанные справки о человеке по имени Фрэнсис Ребурн.

* * *

Пока Адам Синклер экспериментировал с картами и маятником, доктор Престон Вемисс ехал на беседу, к которой он нисколько не стремился. Съежившись на заднем сиденье вертолета Фрэнсиса Ребурна, он больше часа репетировал защитную речь, пока под ними проносились покрытые снегом леса Балморала и впереди поднимались белые пики Кэйрнгормских гор. Все еще смутно болела голова от удара, который он получил более суток назад во время безуспешной попытки закончить то, что начал Барклей, а от страха перед тем, что ждало впереди, сводило живот.

Ни Ребурн, ни Барклей не разговаривали с ним после отлета. Вемисс знал, что он в немилости. К тому времени, как впереди показался замок, бывший их местом назначения, ту небольшую самоуверенность, с которой он отправлялся в путь, почти разъело тошнотворное отчаяние. Когда Барклей начал снижаться, чтобы сесть на заднем дворе — Вемиссу даже не оказали чести войти в замок через парадный вход, — доктор четко сознавал, что все его объяснения скорее всего прозвучат как оправдания.

Мысль о встрече лицом к лицу с гневом Верховного Мастера заставила Вемисса снова проклясть сочетание невезения и случайностей, позволившее Адаму Синклеру выжить при покушении. Оглядываясь назад, он с горечью сознавал, что Ребурн оказал ему дурную услугу, предоставив самому придумать медицинские обстоятельства на случай, если Синклер уцелеет в аварии. Он бросил мрачный взгляд на затылок Ребурна, поняв теперь, что его искусно поставили в положение, где он будет вынужден взять на себя вину в случае неудачи. Но вряд ли это понимание спасет его, если Верховный Мастер решит покарать виновного.

Сердце чуть не выскакивало из груди, когда он следом за Ребурном и Барклеем вышел из вертолета. Из-за входа через заднюю дверь замок казался еще холоднее, чем обычно. Он снял ботинки и натянул белый балахон, ощущая болезненное напряжение в желудке. Направляясь на встречу с Верховным Мастером, он нервно теребил кольцо с сердоликом на правой руке и размышлял, сколько еще ему позволят его носить.

Подъем босиком по винтовой лестнице никак не уменьшил проникающий до костей холодок страха. На лестничной площадке возле библиотеки Ребурн оставил его одного. Одиннадцать членов Круга Двенадцати уже сидели на местах, когда Вемисс вошел в комнату в башне, неразличимые и безликие в шерстяных белых одеяниях. Все это выглядело и ощущалось трибуналом — и, как болезненно осознал Вемисс, так оно и было. Он расправил плечи, решив не выдавать, насколько трусит.

Через мгновение за дверью послышалось движение, и в комнату вошел сам Верховный Мастер, тяжело опираясь на руку старшего служителя. Никогда еще морщинистое лицо Верховного Мастера не было так похоже на череп, как теперь, в мерцающем свете газовых ламп. Крепко сжав сморщенные губы в гримасу недовольства, он неспешно прошел к своему месту на дальней стороне круга и опустился на алые подушки. Он уселся в мертвой тишине, нарушаемой только тихим свистящим дыханием нервничающего Вемисса. Верховный Мастер позволил тишине продлиться еще несколько мгновений, потом устремил неумолимый угольно-черных глаз на худого, седого мужчину, с несчастным видом вытянувшегося перед ним.

— Доктор Вемисс. — Голос Верховного Мастера пронесся по комнате, как ледяной

сквозняк. — Происходящее доставляет мне удовольствие не больше, чем вам. Ваш провал в исполнении возложенной на вас задачи вынуждает меня выбрать кару, соответствующую этому провалу. Вы сознаете, чего он может стоить нам?

Вемисс промолчал, болезненно сознавая, что сказать тут нечего.

— Неделю назад, — продолжал Мастер, — вы были привлечены к исполнению задачи по удалению с нашего пути особенной помехи — человека, который, как мы теперь знаем, возглавляет Охотничью Ложу. Это поручение отражало не только жизненную потребность данного момента, но и нашу высокую оценку ваших заслуг на службе Рыси... и, однако, вы подвели нас. Думаю, доктор, вы обязаны объясниться.

Эти слова были напоены шипящей злобой. Вемисс помимо воли вздрогнул.

— Я... я принял все меры предосторожности, клянусь вам, — запинаясь, сказал он. — Проба крови была достаточной. Я организовал подмену предписанных ему капсул на те, которые приготовил сам. В его уже ослабленном состоянии и с такой дозой валиума...

— Валиума! — Верховный Мастер презрительно фыркнул. — Если вы уж пошли на все эти хлопоты, то почему не наполнили капсулы соответствующим количеством цианида?

— Но это бы явно указало на убийство, — слабо запротестовал Вемисс. — Я понимал, что мы должны пользоваться только такими средствами нападения, которые не будут заметны при судебном расследовании.

— Какое бы средство вы ни использовали, — резко сказал Верховный Мастер, — я ожидал, что вы совершите успешную попытку. Неприкрытое убийство по крайней мере убрало бы его с нашей дороги. А так вы еще должны ответить, почему ваша атака провалилась.

Вемисс попытался уклониться от огненного взгляда Верховного Мастера.

— Даже одурманенный, он боролся. Тем не менее я чуть не одолел его, но он... использовал Слово Силы; я этого не ожидал и не смог отменить...

— Неумелый дурак! — Голос Верховного Мастера хлестнул, как кнутом. — Синклер — Повелитель Охоты. Ты что, не понимаешь, что это означает? Тебе было разрешено потребовать любую необходимую тебе помощь. Однако ты решил разделаться с ним самостоятельно. Почему?

Губы Вемисса шевелились, но он не издал ни звука.

— Сказать тебе почему? — закричал Верховный Мастер. — Потому, что ты слишком жаден... слишком уж хотел совершить это убийство сам! Ты был готов скорее рискнуть потерпеть поражение, чем разделить честь с кем-то другим. Прекрасно. Теперь ты потерпел поражение, и я не попрошу никого другого разделить с тобой наказание.

Худое лицо Вемисса побелело, он невольно поднял сжатые руки.

— Милосердия, Верховный Мастер! — прошептал он. — Помилуйте, умоляю вас!

— Милосердия? — В черных глазах Верховного Мастера была насмешка. — Милосердие — слабость всех тех сентиментальных дураков, которые действительно верят, что Свет спасет их от Тьмы. Это было одно из первых, что ты отверг, вступая в наш Орден. Подводя меня, как смеешь ты просить меня быть милосердным?

Ноги Вемисса дрожали. С жалким стоном он упал на колени и закрыл лицо руками. Каменную тишину нарушали только всхлипы доктора. Потом Верховный Мастер поманил к себе служителей, сидящих по сторонам двери.

— Уберите этого червяка с глаз моих, — приказал он тоном испепеляющего презрения. — Сорвать с него знаки его положения и низвести до уровня Лакея, пока у меня не появится досуг, чтобы решить, что с ним сделать.

Двое служителей встали со своих мест. Вемисс захныкал, когда они грубо схватили его и вытолкали из комнаты. Когда в комнате стало тихо, Верховный Мастер позволил помочь ему встать. С железным хладнокровием он отмахнулся от помощников и сам вышел из комнаты.

Фрэнсис Ребурн ждал в библиотеке внизу. Верховный Мастер нетвердым шагом подошел к креслу и опустил в него с горьким видом иссякшего гнева.

— Провалов больше быть не должно, — проговорил он.

— Не будет, — твердо сказал Ребурн. — Не будет, если сам Громовержец не откажется от своей части сделки.

— Не откажется. Что ж еще, по-твоему, — обрушился на Ребурна Верховный Мастер, вытянув на столе скрюченные руки, — приковывает меня к этому несчастному скелету? Не любовь к жизни, а преданность служению нашему Темному Владыке. От него я надеюсь получить подобающую награду, когда придет час пробуждения.

Устремив сверкающий взгляд на бледное лицо Ребурна, он откинулся в кресле.

— Ты не вернешься в «Нижние Леки». После этой последней неудачи наши враги напали на наш след, чтобы начать искать тебя там. Ты останешься здесь, в уединении, до времени нашей следующей атаки во имя Громовержца.

Глава 31

На следующее утро, около одиннадцати часов, Перегрин приехал в Стратмурн-хаус повидать Адама. Был серый, унылый понедельник, и он нашел наставника за завтраком, еще не бритого и не одетого. Он принял предложенные Хэмфри чашку чая и лепешки, потом сел и начал есть, жадно слушая рассказ Адама о том, что он обнаружил накануне вечером.

— Ребурн, — произнес Перегрин с набитым ртом, махнув рукой с куском лепешки. — Клянусь, это имя звучит как-то знакомо. И я говорю не о сэре Генри Ребурне¹, знаменитом шотландском портретисте, — поспешно добавил он. — Что-то другое, гораздо более недавнее... уже после того, как я встретил вас.

Он прищурился, задумчиво жуя лепешку.

— Не-а, не могу вспомнить, — сказал он наконец. — Крутится в уме, но точно определить не могу.

Адам смотрел на молодого человека и размышлял. Если Перегрин даже наполовину запомнил что-то о человеке по фамилии Ребурн, с тех пор, как все это началось, пожалуй, стоило бы поэкспериментировать дальше.

— Вы возбудили мое любопытство, — сказал он, левой рукой складывая салфетку, потому что все еще носил перевязь. — В свете текущей ситуации стоит подумать о любом, кто носит имя Ребурн. Доедайте лепешку и давайте посмотрим, не сможем ли мы отыскать это воспоминание.

Ухмыльнувшись, Перегрин запихнул в рот последний кусок третьей лепешки и залил его глотком чая.

— Voila! — сказал он, стряхивая крошки с кончиков пальцев. — Раз вы готовы, то и я тоже.

Усмехнувшись запросам молодого аппетита, Адам протянул левую руку над столом и слегка коснулся лба Перегрин.

— Закройте глаза и расслабьтесь, — проговорил он, убрав руку, когда светло-карие глаза за стеклами очков закрылись, повинаясь постгипнотическому внушению. — Глубоко вдохните, а когда выдохнете, то почувствуете, как погружаетесь на хороший, удобный рабочий уровень транса, как бывает, когда вы пытаетесь Видеть. Сделайте несколько вдохов. Вот так.

Под эти слова Перегрин заметно расслабился, его дыхание стало легким и равномерным, голова слегка наклонилась вперед.

— Очень хорошо, — тихо сказал Адам, откидываясь на спинку стула. — А теперь вернитесь мысленно в октябрь, к нашей первой встрече, и начинайте медленно, день за днем, двигаться вперед. Пусть имя Ребурна будет магнитом и пусть ваш разум притянется к нему, как стрелка компаса.

Пегррин понимающе кивнул. Адам видел, как двигаются глаза за закрытыми веками. Секунды текли в тишине, нарушаемой лишь слабым шипением газа в камине. Потом

¹ Шотландский художник-портретист (1756-1823). — Примеч. пер.

Перегрин вздрогнул, у него перехватило дыхание.

— Есть, — выдохнул он, подняв голову, но не открывая глаз. — Британский Музей. Это было... понедельник, 29 октября. Я рылся в картах. Ваш приятель — мистер Роули — говорил по телефону с коллегой по фамилии Миддлтон. Они упоминали о каком-то Ребурне.

Он наморщил лоб.

— Что-то насчет конференции по Северному нагорью. У меня было впечатление, что произошло что-то неприятное. Роули сказал: «Жаль. А ведь там должен был быть и Ребурн, так ведь? В конце концов у него к Инвернессу не только научный, но и деловой интерес...»

Его голос замер. Обдумывая дату, Адам понял, что разговор произошел приблизительно тогда же, когда из замка Дунвеган было похищено Знамя Фейри... и связь имени Ребурна с Инвернессом, как раз на северном берегу Лох-Несса, было, конечно, слишком уж большим совпадением, чтобы оно было случайным. Оставалось узнать, были ли Ребурн Перегрин и Фрэнсис Ребурн одним и тем же человеком...

— Очень интересно, — сказал он, возвращая внимание художнику. — Имя скорее всего не упоминалось?

— Нет.

— Ладно, вы хорошо поработали, — сказал ему Адам. — Теперь я начну обратный отсчет, от трех к одному. Я хочу, чтобы, когда я доберусь до одного, вы вернулись в нормальное бодрствующее состояние, освеженный и расслабленный, полностью запомнив все, что мы только что узнали. Три, два, один.

Перегрин, как и Адам, быстро разобрался с совпадением времени и места.

— Адам, это, должно быть, тот самый Ребурн! — воскликнул он.

— Нет, ничего не должно быть, — ответил Адам, осторожно вставая, — но я намерен выяснить, так ли это. Пойдемте.

Через пять минут он сидел за столом в библиотеке и набирал лондонский номер. Перегрин подтащил стул поближе и оседлал его, положив руки и подбородок на спинку; он смотрел и ждал. Он почти смог разобрать слова, когда на том конце провода подняли трубку.

— Мистера Роули, пожалуйста. Звонит сэр Адам Синклер.

Когда его попросили подождать, Адам плутовато усмехнулся Перегрину.

— Один из самых полезных моментов в титуле — он заставляет посредников шевелиться быстрее, — пробормотал он. — Привет, Питер. Да, и мне приятно слышать ваш голос. Нет, ничего особенного. Боюсь, в этом году Рождество ухитрилось подкрасться ко мне незаметно. Почему-то так всегда бывает. Послушайте, Питер. Мне нужно встряхнуть вашу память. Я не добрался до конференции по Северному нагорью в октябре. Был там парень по фамилии Ребурн? Да, Фрэнсис Ребурн — он самый. Живет недалеко от Стерлинга. Вы, кажется, не слишком рады.

Он несколько минут жадно слушал, время от времени кивая и согласно хмыкая, нацарапал несколько строк в блокноте — Перегрин вытянул шею, чтобы разглядеть их, — и, наконец, взглядом остановил Перегрин, уже набравшего воздух, чтобы заговорить.

— О, я согласен. Он кажется весьма неприятным типом. Но рекомендации интересные. Да, думаю, он мог бы. Хотя, похоже, у нас противоположные намерения. Нет, это надо знать.

— Послушайте, Питер, мне надо бежать. Большое спасибо за информацию. Ну, да. Нет, это я поставлю вам выпивку, когда в следующий раз буду в Лондоне. Ладно. И вам счастливого Рождества, Питер.

Не отнимая трубку от уха, Адам нажал на рычаг, чтобы разорвать связь, и начал набирать другой номер.

— Адам, — чуть слышно прошептал Перегрин, — что он сказал?

— Минуту, — пробормотал Адам, прижав палец к губам. — Да, старшего инспектора Маклеода, пожалуйста. Звонит сэр Адам Синклер. — Линию переключили.

Перегрин с горящими глазами подался вперед.

— Да уж, доброе утро. Неплохо, учитывая обстоятельства, — ответил Адам. — Послушайте, Нозль, можете перезвонить мне с другого телефона? Хорошо. Я дома. Через

пять минут. Подожду.

В его глазах зажегся хищный огонек, и Перегрину не удалось разговорить его, пока они ждали звонка Маклеода. Адам попросил Хэмфри принести параллельный телефон и подключить его, и когда раздался звонок и Адам убедился, что это Маклеод, он велел Перегрину поднять трубку.

— Да, спасибо, что так быстро управились, — сказал Адам. — Кстати говоря, Перегрин на параллельной линии, так что мне не придется повторять дважды. Ваш уход не привлек ненужного внимания?

— Доброе утро, Перегрин. Нет, не думаю. Нейпира нет, но мы не знаем наверняка, что это «наш человек». Сейчас я подозреваю буквально всех. Что случилось?

— Кое-что новое об этом парне, Фрэнсисе Ребурне, — ответил Адам. — Перегрин кое-что вспомнил.

— О? И что же?

Адам кратко пересказал, что вспомнил Перегрин о подслушанном разговоре.

— Так что я позвонил Роули, чтобы узнать, не может ли это быть один и тот же человек — и это так. Он, по-видимому, предпринял довольно резкую атаку на чей-то доклад на конференции по Северному нагорью. Важно здесь то, что он был в тех местах во время всей этой истории с Дунвеганом и Лох-Нессом. Конечно, все это косвенно, но по крайней мере это исходная позиция.

— Согласен. Хорошая работа, Перегрин.

— Спасибо, — пробормотал художник.

— Еще я получил весьма интересное академическое резюме, — продолжал Адам. — По словам Роули, Ребурн получил степень бакалавра с отличием по классическим языкам в Кембридже, начал изучать теологию, но не закончил, финансировал кое-какие археологические раскопки, интересовался местным фольклором. И я готов держать пари, что он более чем интересовался некоторыми другими областями... хотя, вероятно, это трудно будет доказать в суде.

— М-да, похоже, мне надо бы еще раз поговорить с ним, — сказал Маклеод. — Пожалуй, я хотел бы еще порасспросить его о торговле редкими книгами. В сущности, я вполне могу поехать к нему сегодня днем.

— Будьте осторожны, Нозль. Если это наш человек...

— О, Адам, я не сумасшедший. Я питаю здоровое уважение к любому, кто связан с подброшенной мне рысью бомбой. Но даже если он и есть «наш человек», сомневаюсь, что он посмеет прикоснуться ко мне среди бела дня — особенно если я приеду на полицейской машине в сопровождении Дональда и притащу за собой хвост канцелярщины, чтобы показать, где я был. Я позвоню вам из Стерлинга после разговора с ним.

Маклеод отключился. Перегрин немного задержался, строя различные предположения о том, что обнаружит инспектор, но ушел незадолго до полудня.

— Сегодня в Холирудском дворце рождественский концерт, — сказал он наставнику. — Что-то в пользу Национального Треста Шотландии*. ¹ Я обещал Джулии сходить с ней туда... а после того, как я покинул ее в ту ночь, когда мы поехали в Блэргаури, сегодня мне лучше не разочаровывать ее. Там, должно быть, будет великолепно — все украшено к Рождеству.

Когда Перегрин ушел, Адам заглянул к Филиппе, которая проводила сеанс терапии с Джиллиан, несколько минут убеждал миссис Толбэт, что на самом деле она чувствует себя лучше, чем выглядит, потом решил, что короткий сон будет ему, пожалуй, полезнее ленча. Он ушел в спальню и как раз задегивал занавески, когда увидел, что к дому осторожно подъезжает красивый спортивный «морган» — ярко-желтый с черными крыльями и верхом.

Он осторожно отступил от окна и сквозь щель в занавесках смотрел, как машина останавливается перед домом. Машина была незнакомой, и он никого не ждал. Его любопытство разгорелось еще больше, когда дверь со стороны водителя открылась, и из

¹ Организация по охране исторических памятников, достопримечательностей, живописных мест. — Примеч. пер.

машины вышла высокая, гибкая брюнетка. Она уже поднималась по ступенькам, когда он понял, почему не узнал ее сразу. Зеленое хирургическое облачение не оттеняло должным образом красоту доктора Ксимены Локхарт.

Ухмыляясь, как мальчишка, он отпустил занавески и позвонил по интеркому в прихожую, поскольку знал, что Хэмфри как раз идет к дверям.

— А, хорошо, что я застал вас, — сказал Адам, когда Хэмфри поднял трубку. — Я знаю приехавшую леди и сейчас спущусь. Проводите ее в библиотеку.

Слова Хэмфри «Слушаюсь, сэр» прозвучали вежливо и нейтрально, как всегда, но Адаму показалось, что он уловил нотку изумления. Пожалуй, он говорил немного оживленно — и действительно чувствовал оживление. Чувствуя, как в него вливаются новые силы, он нырнул в ванную, чтобы причесаться, сетуя, что не побрился до завтрака. Потом решил, какого черта? В конце концов он считается больным. Да и щетина, говорят, в моде.

Усмехнувшись отражению в зеркале, он, как смог, разгладил лацканы халата рукой на перевязи и спустился вниз. Хэмфри как раз выходил из библиотеки и кивнул ему с проблеском улыбки.

— К вам доктор Локхарт, сэр Адам, — официально доложил он.

— Да, спасибо, Хэмфри, — сказал Адам. — Я позвоню, если вы понадобится.

Она стояла у камина, глядя на рисунок со сценой охоты над каминной полкой. Темные волосы, зачесанные на пробор и слегка выющиеся, были распущены по плечам длинного черного пальто. Свитер с высоким воротником и юбка были цвета густых сливок. Услышав, как открылась дверь, она обернулась; в темных глазах светились ум, юмор и только намек на вызов.

— А, вот и вы, — сказала она, неодобрительно подняв бровь, но и слегка улыбаясь. — Кто вам сказал, что можно выписаться из больницы без санкции лечащего врача? Кто вы, по-вашему, врач или что?

Он улыбнулся и, сунув левую руку в карман халата, ответил ей таким же взглядом.

— Простите. Произошло кое-что срочное. Поскольку я все-таки врач и поскольку на праздники ко мне приехала мать, которая тоже врач, это не показалось неблагоразумным. И, как видите, я следую предписаниям врача. — Он приподнял правую руку на перевязи. — А еще я последние несколько дней сплю дольше обычного — вот почему я еще не брился. И когда вы подъехали к моему дому, я как раз собирался вздремнуть. Клянусь Богом! — Он поднял левую руку в подтверждение своей клятвы.

— Хм! — Она окинула его критическим взглядом, потом кивнула.

— Ну что ж, похоже, у вас все неплохо, — признала она. — хотя могли бы задержаться и подольше. Отличный способ увернуться от приглашения леди на обед.

— О, я не собираюсь отказываться от свидания. — Адам жестом пригласил ее сесть. — Можно попросить Хэмфри принести чай или кофе? Для выпивки еще рановато... если вы не намерены остаться на ленч.

Она улыбнулась и села, сняв пальто.

— Я бы с удовольствием, но, боюсь, должна вернуться в больницу. Мне надо было на несколько часов сбежать от пред рождественских психов в травматологии, вот и решила прокатиться и посмотреть, как у вас дела. Чаю было бы отлично. В такую погоду в «моргане» не слишком уютно.

Улыбаясь, Адам подошел к стоящему на столе телефону и позвонил на кухню.

— Хэмфри, чай на двоих, пожалуйста, — сказал он, когда дворецкий взял трубку. Потом положил трубку и сел напротив нее.

— Вам нравится ваш «морган»? — спросил он. — Я сам всегда любил их. В университете я ездил на «Плюс Восемь».

— Вы?

— О да, боюсь, он был немного потрепан, как частенько бывает с машинами студентов, но то, чего ему не хватало в комфорте, он более чем компенсировал своеобразием.

Она усмехнулась.

— В «Дороге и проселке» сказано, что нужда — это «морган» под дождем. Они даже не говорят о «моргане» под снегом. В нем холодно, сквозит, он едет, как телега угольщика... но мне он нравится. Но я серьезно подумываю о том, чтобы купить для зимы что-то другое, оставив этого упрямца до весны. — Она искоса посмотрела на него. — На чем вы ездите, когда не разбиваете «рейнджроверы»?

— О, у меня в конюшне есть несколько старых драндулетов. — Он хитро улыбнулся. — Я бы показал вам, но обут не для прогулок. — Он поднял ногу в тапочке. — Загляните снова, когда я поправлюсь.

— Это вариант на тему «Пойдемте посмотрим гравюры»? — ответила она, устремляя на него прямой взгляд.

Он неожиданно для себя рассмеялся. У нее было хорошее, твердое лицо, скорее цветуще привлекательное, чем классически прекрасное, и такую прямооту он редко замечал у знакомых женщин. От ответа его избавил сдержанный стук в дверь, следом за которым появился Хэмфри с чаем на подносе.

Он не был уверен, входит ли обращение с серебряной чайной посудой в стандартное обучение калифорнийских врачей, хотел дать Хэмфри знак разлить чай, но Ксимена грациозно приблизилась к столу из розового дерева, всем своим видом показывая, что точно знает, что делает.

— Люблю, когда антикварными вещами по-настоящему пользуются, — сказала она, придвигая ближе севрские чашки и блюдца. — Молока и сахару?

— Пожалуйста. Два кусочка.

— Мужчина говорит два — и два для дамы. Вы, конечно, понимаете, что мы оба превращаемся в диабетиков. — Наливая чай, она смотрела на обводы чайника. — Да, прекрасная работа. Полагаю, Регентство или вскоре после него, возможно, самое начало викторианской эпохи. Хотя в нем есть что-то отдаленно шотландское.

Он благодарно кивнул, когда она подала ему чашку с блюдцем. У нее верный глаз, под стать юмору и явному уму... да и все прочее очень неплохо.

— Георг IV, 1817, — сказал он. — Его сделали для свадебного подарка прапрабабушке. Это ее герб выгравирован рядом с гербом Синклеров. — Он указал на щиты, когда она подняла сливочник, чтобы посмотреть поближе. — Где вы научились обращаться с серебряной чайной посудой?

— У бабушки-австрийки, — сказала она, поставив сливочник на поднос. — Не все янки варвары, знаете ли.

— Моей матушке ваши слова доставили бы удовольствие, — хмыкнул он. — Она американка и истинная янки — из хорошей семьи из Новой Англии. Тоже психиатр, кстати говоря.

— Да, вы говорили, что она врач. Она практикует здесь?

— Нет-нет, просто приехала на праздники. После смерти отца она вернулась в Штаты. У нее клиника в Нью-Гемпшире. Я немного учился в Штатах.

— Правда? Где?

За чаем разговор шел в основном о медицинском образовании, но Адама все больше интриговала прямодушная доктор Ксимена Локхарт. Когда через час она посмотрела на часы и объявила, что ей пора ехать, он был неподдельно огорчен, хотя боль в теле говорила ему, что пора отдохнуть.

— Это действительно было чудесно, доктор Синклер, приятная передышка от хаоса, в который превращается травматология в это время года.

— Тогда вам придется приехать снова, — сказал он, вставая. — И зовите меня Адам... пожалуйста.

Она насмешливо посмотрела на него, потом улыбнулась.

— С удовольствием — по обоим пунктам, — сказала она напрямик. — И хотя вы удрали от меня в самоволку, я с удовольствием останусь вашим лечащим врачом, по крайней мере до снятия швов. — Она указала на повязку у него на голове. — И кстати, я хотела

заглянуть под повязку и посмотреть, как там заживает. Можно?

— Вы — доктор, — сказал он, садясь по ее знаку. Она осторожно приподняла бинт, чтобы заглянуть под повязку, и ему было приятно сознавать ее близость.

— Да, действительно, все хорошо заживает, — сказала она, снимая повязку. — Мама заботилась о вас?

Он усмехнулся, ибо хотя Филиппа осмотрела рану вскоре после его возвращения домой, ежедневная смена повязки была работой незаменимого Хэмфри.

— Удобно, когда в доме живет врач, — просто сказал он. Она сложила бинт и, улыбнувшись, бросила его на чайный поднос.

— Ну, между ее и моей работой, вам следовало быть готовым к тому, что швы отпадут еще через несколько дней. Теперь вы можете оставить это непокрытым. Почему бы мне не заскочить к вам за пару дней до Рождества и исполнить свои обязанности? Не можете же вы выглядеть на праздники, как доктор Франкенштейн.

— Я так плохо выгляжу? — поддразнил он.

— Ну, маленьких детей вы не напугаете, — лукаво сказала она, — но эстетически черный шелк больше подходит для нижнего белья, чем для швов. — Она снова мягко прикоснулась к ранам. — Но я неплохо поработала. Болит?

— Не очень, — смущенно сказал он. — Меня в основном тормозит плечо. Я все еще довольно неуклюжий.

— Что ж, продолжайте принимать мефенамовую кислоту. Вы еще принимаете ее, не так ли? Вы ведь не взяли рецепты, когда так быстро слиняли из больницы.

Он хмыкнул.

— Не беспокойтесь. Мамочка выписала мне новые, и я принимаю лекарства, как хороший мальчик.

— О-очень хороший. — Она словно удивилась, услышав это. — Мне надо встретиться с этой вашей матушкой, которая может заставить вас выполнять предписания врача. Но теперь мне действительно пора бежать. Спасибо за чай.

Когда она взяла пальто, он встал и помог ей одеться, хоть и одной рукой.

— Я был очень рад. И спасибо вам, что заглянули. Я признателен за визит.

— Очень приятно, — ответила она. — Врачи-травматологи не часто выезжают на дом — да еще в такие изумительные дома. И приеду на неделе, чтобы снять эти швы... если вы не решите сделать это сами.

— Нет, думаю, я предоставлю это моему лечащему врачу, — улыбнулся он, провожая ее к выходу. — Это даст ей еще один предлог для посещения.

— В следующий раз покажете, мне ваши «драндулеты»? — съязвила она.

— О да. И гравюры тоже, — ответил он.

Она радостно засмеялась и помахала рукой, спускаясь по лестнице к машине. Адам не провожал ее, потому что ступеньки обледенели, и в тапочках было скользко, но он стоял у открытой двери, пока желто-черный «морган» не исчез из виду.

* * *

После этого он наконец отправился спать и проснулся около четырех, снова проголодавшийся. Маклеод позвонил, когда он заканчивал есть, но с новостями было негусто.

— Похоже, наша птичка улетела из клетки, — сказал он, стараясь перекрыть шум дорожного движения. — Мы поговорили с его мальчишкой-служкой, но Ребурн якобы уехал в город по делам — странным делам, по моему мнению. Во всяком случае, мы с Дональдом собираемся еще поработать, когда вернемся в управление: посмотрим, что еще можно узнать об этом типе.

— А что у вас уже есть? — спросил Адам.

— Наскребли кое-что из «Кто есть кто» и тому подобного. Он числится

предпринимателем — очень растяжимое понятие. Все его нынешние знакомые высоко ценят его как истинного шотландца, родившегося и выросшего в Шотландии. Собираюсь еще покопаться. Завтра, наверное, у меня будет что-то посерьезнее.

Маклеод позвонил снова только после полудня следующего дня. Но, услышав голос инспектора, Адам сразу понял, что тот чем-то возбужден.

— Ну, вписывайте в счет еще одно наитие, — сказал инспектор. — Я знал, что есть в нем что-то странное, что это не просто неприятный тип. У меня есть знакомый в Доме святой Екатерины в Лондоне для поисков записей о рождениях и браках. Наш мистер Ребурн не родился в Шотландии, и только один из его родителей был шотландцем. Он родился в Лондоне и впоследствии воспитывался родителями матери у них дома под Стерлингом, где теперь и живет. И Ребурн на самом деле фамилия его матери.

— Значит, она не была замужем за его отцом? — спросил Адам.

— О, она была замужем за ним, как положено. Рождение было законным.

— Ну, выкладывайте же, — сказал Адам. — Кто был его отец?

— Как насчет некоего валлийца по имени Дэвид Тюдор-Джонс?

Множество оставшихся кусочков головоломки внезапно с треском встали на места. Дэвид Тюдор-Джонс был Мастером Ложи Рыси во времена предшественника Адама; именно он был прямым виновником смерти сэра Майкла Броуди, мужа леди Джулиан.

— Господи Боже, — сказал Адам. — Вы понимаете, о ком мы сейчас говорим?

— Угу. Филиппа явно не единственная, кто передал отпрыску знания и профессию. Я думал, этот род прервался уже много лет назад.

— Я тоже, — сказал Адам.

Он растерянно уставился на стену перед собой, видя не лилии и снопы пшеницы на обоях, а Рэндалла Стюарта, лежащего в луже замерзшей крови в заснеженном лесу к северу от Блэрггаури... и гораздо более давнее воспоминание, когда он сам, совсем новичок, вроде Перегрин, оплакивал вместе с братьями по Охотничьей Ложке гибель Майкла Броуди.

— Так что дальше? — спросил Маклеод после полного смысла молчания, нарушаемого только звуками дорожного движения на заднем плане.

— Переходим в режим Охоты, — резко сказал Адам. — Я все время думаю о поиске Перегрин с маятником в воскресенье днем. Было бы полезно проверить тот район в Кэйрнгормских горах, к которому он все время возвращался. Теперь мы знаем, почему он указывал на Стерлинг. Как, по-вашему, вы могли бы отправиться завтра?

— Вряд ли, — ответил Маклеод. — Меня по-прежнему держит случай в Дунфермлине. Возможно, я смог бы выбраться во вторник.

— Сойдет, — сказал Адам. — Пожалуй, мне все равно следовало бы отметить в больнице. Я не совершал обходов с прошлой среды. Но я определенно хочу, чтобы вы отправились с нами, даже если есть риск, что Рысь устроила там новое логово.

— Вы уверены, что сможете?

— Сумею — и лучше с вами, чем без вас, — сказал он. — И я возьму Перегрин. Это будет разминка перед посвящением. Кстати, мы планируем на ночь пятницы попытку восстановления Джиллиан Толбэт и, будем надеяться, официального ввода Перегрин в Ложу. Могу я рассчитывать на вас?

— Не хотел бы пропустить это, — ответил Маклеод. — Значит, набег на север планируем на четверг. Шел сильный снег. Что вы хотите сделать с машиной? Ваш «ровер» годится разве что для свалки, а нам понадобится машина с полным приводом.

— А если вы арендуете подходящую машину и приведете сюда в четверг утром? — предложил Адам. — Ваша кредитная карточка выдержит залог? Я все переведу на свою, когда верну ее. А в четверг вечером мы с Перегрином завезем вас домой.

— Осуществимо по всем пунктам, — согласился Маклеод. — В котором часу я вам нужен в четверг утром?

— Около шести, и я попрошу Хэмфри устроить перед отъездом обильный завтрак. Таким образом, мы можем проскочить Перт еще до часа пик. А пока держите меня в курсе,

если что-то обнаружится завтра, ладно?

Когда Маклеод отключился, Адам попросил Хэмфри отнести записку в сторожку, ибо знал, что Перегрин уехал делать наброски для нового заказанного портрета и должен вернуться поздно. В тот вечер мисс Толбэт присоединилась за обедом к ним с Филиппой, но потом Адам отвел мать в сторонку и быстро сообщил ей последние новости и планы, после чего рано лег спать.

Он поправлялся с каждым днем. В среду утром он сумел завязать галстук без посторонней помощи впервые после аварии и чувствовал себя почти в норме, когда Хэмфри вез его в Джорданберн. Он сменил больничную перевязь из полотна и нейлоновой сетки на более сдержанный черный шелковый шарф, поддерживающий запястье, потому что ему все еще нельзя было нагружать поврежденное плечо. Однако это только добавило к его обычному элегантному виду неуловимый штрих, почти незаметный на фоне темно-синего костюма, когда он совершал обход пациентов и вел импровизированный семинар для студентов.

После ленча он вдруг попросил Хэмфри проехать мимо Королевской лечебницы. На стоянке для врачей его внимание привлек необычный желто-черный «морган», и он сказал Хэмфри остановиться в одном из отсеков «Скорой помощи» за пределами «Аварийки», пока он заглянет внутрь. Внутри кипела лихорадочная деятельность, как и бывает в таких местах, но хотя Ксимены не было, он узнал санитару, который везе его в прошлую пятницу.

— Здравствуйте, мистер Сайкс, — сказал он, когда щеголеватый ямаец заметил его и ухмыльнулся.

— А, доктор Синклер! Как поживаете? Доктор Локхарт по-настоящему обиделась, когда вы удрали от нас на той неделе. Приехали снять швы?

— Подожду еще несколько дней. — Адам позволил себе улыбнуться. — Не знаете, она свободна?

— Х-м-м-м, по-моему, у нее пациент, но я посмотрю, сколько она еще провозится.

Он заглянул в несколько процедурных кабинетов, но качал головой, когда вышел из последнего через несколько минут.

— Приятель, после этого ее ждут еще двое, — сказал Сайкс. — Хотя, если поторопитесь, вы сможете перекинуться с ней парой слов, пока она будет переходить из одного кабинета в другой. Вы приехали, чтобы пригласить ее на выигранный обед?

— Ну, джентльмен никогда не изменяет слову, данному леди, — ответил Адам, подавляя усмешку. — Хотя на сегодня, похоже, рассчитывать не приходится, верно?

— Н-да, похоже на то, док. Все стараются урвать на праздники побольше времени, а один из наших консультантов всю неделю не показывается. Бедная доктор Кси просиживает свою милую попку, подменяя всех... о, никакой непочтительности, сэр. Она отличный доктор.

— Да, я заметил оба качества, — сказал он с вежливым нейтралитетом, хотя что-то в замечании Сайкса об отсутствующем консультанте вызвало его интерес. — А что за консультант не показывается? Может, я его знаю.

— Доктор Вемисс. Вы, наверное, встречали его в тот день, когда оказались здесь. А, вот и она. Давайте быстрее, если хотите перехватить ее!

Сайкс растворился на заднем плане, когда Ксимена вышла из процедурной, осмотрелась и заметила Адама. Она устало улыбнулась и протянула руку, подходя к нему, одобрительно поглядев на шелковую перевязь, когда пожимала ему левую руку.

— Привет, Адам. Какой приятный сюрприз в такой отвратительный день. Как вы поправляетесь?

— Я подумал, что мне лучше совершить обход, — сказал он легко. — Я не видел большинство моих пациентов целую неделю — даже хуже вашего пропавшего приятеля.

— О, вы о докторе Вемиссе, — сказала она. — Сайкс, наверное, рассказал вам. Довольно странный тип: хороший врач, но не очень привлекательный. Но мы начинаем беспокоиться. Никто не видел его с субботы. А как вы?

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Определенно иду на поправку... и могу пообедать сегодня, если можете вы.

Она сморщила нос.

— О, вы жестоки. У меня еще не было ленча, и я ну никак не смогла бы удрать на обед. Может, как-нибудь позже на неделе, если Вемисс вернется или мы найдем временную замену.

— К несчастью, следующие два вечера у меня заняты, — сказал Адам, чувствуя себя странно разочарованным, — но, может быть, в выходные. Вы по-прежнему намерены заехать и посмотреть мои швы?

— Прошу прощения, доктор Локхарт, но у нас все готово, — позвала медсестра из другой процедурной.

Закатив глаза, Ксимена с раздраженным видом махнула ей рукой.

— Я, конечно, намерена, но здесь просто сумасшедший дом! Я попытаюсь сначала позвонить вам. Но это может быть нескоро.

— Разумно, — сказал Адам. — Если вы успеете поглядеть на стоянку для «скорых», прежде чем убежать, то получите предварительное представление об обещанной экскурсии по моему гаражу.

Когда он повел подбородком в том направлении, она сделала несколько шагов к дверям, чтобы посмотреть, куда он указывает.

— Старый «бентли». Чудесно, — пробормотала она, глядя на него с одобрением. — Сэр Адам Синклер, ваша взяла! Но сейчас надо идти. Я позвоню вам. Пока.

С этими словами она быстро поцеловала его в щеку, потом ушла, и он увидел только темные волосы, собранные в хвост, на фоне стройной спины в зеленом. Наверное, у него на лице была глупая улыбка, потому что санитар Сайкс весело, понимающе кивнул ему, когда он, встряхнувшись, пошел к дверям.

Он хотел думать о ней по дороге домой, но вместо этого задумался о пропавшем докторе Вемиссе, которого в последний раз видели в субботу. Он уже слышал это имя.

Понадобилось время и погружение в транс, чтобы вспомнить, но к тому времени, как Хэмфри вел большой «бентли» по последнему отрезку дороги к Стратмурн-хаусу, он вытащил из памяти разговор хорошенькой рыжеволосой медсестры, дежурившей в пятницу вечером, с фармацевтом, который принес лекарство, оказавшееся поддельным... что-то насчет задержки из-за того, что доктор Вемисс настоял на проверке каких-то фармацевтических записей.

Вот тогда-то, наверное, и произошла подмена... а исчезновение Вемисса в субботу говорило о том, что именно он мог стоять за астральным нападением Рыси предыдущей ночью и что теперь он затаился. Это была отрезвляющая мысль. Теперь, если бы они смогли установить связь между Вемиссом и Ребурном...

Вернувшись домой, он позвонил Маклеоду, чтобы тот навел Дональда Кохрейна на след, но инспектор и Кохрейн уже уехали, — скорее всего выбирать машину для завтрашней прогулки. Тогда он позвонил в Королевскую лечебницу, чтобы узнать имя Вемисса — Престон, — и записал информацию, чтобы рассказать Маклеоду завтра, по пути на север.

Глава 32

Он рассказал Маклеоду и Перегрину на следующее утро за завтраком, пока они уплетали втроем овсянку, яйца и тосты, почти дюжину ломтиков бекона и вездесущие лепешки мисс Гилкрист, запивая все чаем: топливо на целый день на холоде под открытым небом. Филиппа присоединилась к ним для краткого совещания, но ограничилась обычной диетой: грейпфрут, чай и тост. Потом они проверили карты, окончательно договорившись о маршруте, а Маклеод перед отъездом позвонил домой Дональду Кохрейну, чтобы направить его на след Престона Вемисса.

— Узнай, что сможешь, не вызвав ненужных подозрений, Дональд, — сказал Маклеод младшему офицеру. — Друзья и коллеги, похоже, готовы подать заявление об исчезновении,

что, конечно, облегчило бы нам жизнь, но в данный момент мы не знаем, сделал ли он что-то неправильное. Исчезать не противозаконно. Но я хочу знать, сможешь ли ты установить какую-то связь с Ребурном.

— Сделаю, инспектор, — ответил Кохрейн. — И удачи вам, сэр.

— Спасибо, Дональд.

Они выехали после семи. Белая «тойота-лендкрузер», взятая Маклеодом напрокат, была не такой роскошной и удобной, как «рейнджровер», но она легко поглощала мили, выдерживая иногда отвратительные участки дороги, когда они миновали Перт. Надеясь избежать худших зимних условий, они после Перта двинулись больше на запад, а не через Блэргаури и Бреймар, за разумно короткий срок проскочив городки с такими историческими названиями, как Питлохри, Килликранки и Блэр-Атол, и проехав по краю вечнозеленого Атолского леса. Потом, перебравшись через Грампианские горы, когда шоссе А9 свернуло на север к Кингусси и Авимору, они снова повернули к востоку, проехав по краю темной твердыни леса Глен-Мор и все больше приближаясь к выделенному Перегрином району Кэйрнгормских гор.

Время приближалось к полудню, когда они свернули с того, что считалось в здешней части Северного нагорья главной дорогой, и осторожно пробирались по дороге еще мощеной, но ненадежной из-за льда и рытвин, высматривая еще более узкое боковое ответвление, обозначенное на их карте светло-коричневой линией. Оно оказалось в закрытом крутом повороте и Маклеоду пришлось резко тормозить и проехать несколько ярдов задним ходом, прежде чем осторожно завести «тойоту» в узкую щель между двумя камнями-указателями.

Узкая, ухабистая дорога была изрезана колеями и во многих местах почти занесена снегом, и полный привод «тойоты» стал не просто полезным, а необходимым. Они ползли, тревожно вглядываясь вперед. Несколько раз Маклеод оглядывался на Перегрину, словно спрашивая, ехать ли дальше, но Перегрин всегда кивал.

Через полчаса подъехали к гофрированным железным воротам с объявлением, гласившим «Частная собственность. Не нарушать». Запирались ворота на ржавый, но крепкий с виду замок, и по обеим сторонам нити колючей проволоки уходили в снежные валы и нарастающий сумрак. Позади них следы их шин казались на фоне снега темными, как лакричник, и уже покрывались льдом; начинали спускаться ранние сумерки. В час дня на севере Северного нагорья, всего за день до зимнего солнцестояния, у них было часа два, прежде чем начнет темнеть, даже если не испортится погода. Легкий снег уже начал засыпать ветровое стекло, и Адам, наклонившись вперед, включил дворники.

— О чем вы думаете? — тихо спросил он, когда шуршание дворников присоединилось к малым оборотам двигателя. Перегрин, вытянув шею, всматривался между спинок сидений.

— Думаю, — ответил Маклеод, — что если двигаться дальше, то пешком. А еще я думаю, что лучше сначала развернуть машину. Мне это место не нравится.

— Мне тоже, — тихо сказал Адам. — Но ничего другого мы и не ожидали.

Маклеоду пришлось ехать задом почти двадцать ярдов до более широкого места на дороге, чтобы совершить необходимый маневр, и даже потом понадобилось полдюжины раз подать машину вперед-назад, чтобы развернуть ее. Когда он выключил зажигание, тишина опустилась на них, как плотный и тяжелый плащ. Несколько секунд никто не смел ни говорить, ни даже дышать, пока наконец Адам не перегнулся через спинку сиденья, чтобы передать Перегрину сапоги, и все начали готовиться бросить вызов стихиям.

Перегрин опустил голову, зашнуровывая туристические сапоги, но заметил, как Маклеод засунул за пояс знакомый «Браунинг Хай-Пауэр» и положил пару запасных обоев в карманы черного анорака. Адам повесил на шею крохотный пентаксовский бинокль. Он поехал без перевязи, и когда они вылезли из машины, Маклеод помог ему надеть полушубок. Адам спрятал бинокль под полушубок, потом натянул белую вязаную шапочку и перчатки на меху. Перегрин подозревал, что у него с собой и кинжал. Конечно, и Адам, и Маклеод носили под перчатками кольца, а свое Перегрин спрятал в кармане брюк.

В остальном Перегрин был вооружен лишь разумом, блокнотом и карандашами. Он решил не брать весь этюдник — чтобы не тащить еще одну вещь, если придется поспешно отступать. Но на этот раз он догадался взять перчатки с подстежкой, чтобы можно было рисовать на холоде, а на голове была вязаная арранская шапка, чтобы не замерзли уши. Маклеод подобным же образом приготовился к холоду, а к прочему снаряжению добавил камеру «Полароид», которую вытащил из кармана на спинке переднего сиденья. На шее у него висел бинокль побольше, чем у Адама.

— Мне пришло в голову, что фотографии могли бы пригодиться, — сказал он, поглаживая камеру, когда закрыл — но не захлопнул и не запер — за собой дверь. — Боюсь, будет слишком темно для съемки, но попытка не пытка. Теперь посмотрим, как далеко мы можем зайти. И говорите тихо. Звук распространяется дальше, чем вы думаете.

Первым препятствием были ворота, но тут все было просто. Пройдя еще ярдов двадцать налево вдоль ограды, где некоторые столбы покосились, Маклеод осторожно поднял ключи от машины фута на два над верхним рядом колючей проволоки, потом перекинул их через проволоку... без видимого эффекта.

— Ну, по крайней мере не электрифицировано, — пробормотал он, убирая ключи, потом схватился за верхнюю проволоку обеими руками в перчатках, прижав остальные ногой к земле. — Конечно, я мог поднять тревогу... и могу просто быть параноиком. Ну-ка, проходите.

Неловко согнувшись, Адам проскользнул в щель, помог Перегрину, потом придержал проволоку для Маклеода. Впереди занесенная снегом дорога тянулась в белесую тусклость, понемногу уходя вверх и вправо.

— Я первым, — пробормотал Маклеод. — А вы оба держитесь наготове.

Он медленно шел вперед, держась одной стороны и все время озираясь. Адам и Перегрин двинулись следом. Они молча прошли около полумили до каменного мостика через узкий, полузамерзший ручей. Из долины донеслось журчание воды, текущей подо льдом. Они полезли вверх, и Перегрин начал сознавать странное, скрытое дрожание воздуха, похожее на инфразвуковой рокот далекого грома. Взгляд на Адама подтвердил, что тот тоже чувствует это... а может, это было напряжение от подъема.

— Вы в порядке? — прошептал Перегрин.

— Угу.

Сжав губы и сузив глаза, Адам смотрел вперед. Он дышал немного тяжелее обычного при нагрузке, все тело болело, карабкаться по крутому склону было трудно, Маклеод ждал их наверху, съежившись за остатками древней каменной стены и наводя бинокль на что-то неподвижное далеко слева, возвышающееся рядом с невысоким водопадом над ручьем. Сделав Перегрину знак пригнуть голову, Адам с трудом преодолел последние несколько футов и присел рядом с инспектором; Перегрин подобрался с другой стороны. Маклеод молча указал на нечто, похожее на искусственное сооружение, явно построенное из камня.

— Как вам это? — прошептал он. — Может, логово Рыси?

Не отвечая, Адам вытащил свой бинокль и попытался настроить его на далекое строение. По-прежнему шел небольшой снег, но все равно сооружение казалось странно нечетким. Он подул на линзы, чтобы счистить пыль, и настроил бинокль во второй раз, но Маклеод тихо фыркнул.

— Вы тоже, а? — прошептал он. — Бесполезно. Это место настолько сильно защищено, что я не могу разглядеть ничего, кроме общего контура. И сфотографировать нормально не получится. Поглядите-ка сюда.

Он вытащил из кармана несколько полароидных снимков, но, хотя все окружающее было довольно четко, само строение было слишком неясным, чтобы что-то разглядеть.

— Нельзя нам подобраться поближе? — спросил Перегрин.

— Нельзя, не рискуя попасться, — сказал Адам.

Темная мощь, обитающая в этих стенах, скребла по нервам, как железные цепи по натертой коже. Вблизи воздействие было бы опустошительным, а сил для противостояния

ему маловато. Но даже так ему не хотелось отдавать приказ об отступлении, не попытавшись получить более четкое впечатление о том, что было там наверху.

— А что видите вы, Перегрин? — тихо спросил он, глядя на художника. — Посмотрите в бинокль, проверим, сможете ли вы сфокусировать его.

Он передал Перегрину свой «Пентакс», тот снял очки и поднес бинокль к глазам. Физический фокус настроить не удалось, но художник подумал, что без оптики, вероятно, сможет увидеть больше.

— Дайте-ка я попробую с карандашом, — сказал он с большей убежденностью, чем ощущал. — В конце концов разве не для этого я здесь?

Адам и Маклеод обменялись тревожными взглядами, а Перегрин с трудом вытащил из-под пальто блокнот, зубами сдернул верхние перчатки и засунул в карман. Он снова надел очки и вытаскивал карандаш из внутреннего кармана, когда Адам положил руку ему на плечо.

— Подождите секунду, Перегрин, — сказал он; Маклеод обошел их и пристроился слева от Перегрина. — Дайте нам возможность хоть немного защитить вас, прежде чем начнете. Это отличается от того, с чем вы имели дело раньше.

Озадаченный, но доверяющий их суждению, Перегрин замер с карандашом в руке и склонил голову, когда почувствовал, как наставники кладут ему руки на плечи. Он не понимал слов, которые бормотал Адам у него над правым ухом, но чувствовал, как постепенно его окружает нефизическое тепло. Через минуту рука Адама сжала его плечо, давая знать, что они с Маклеодом закончили.

— Ладно, действуйте... но будьте осторожны, — тихо сказал Адам.

Пегррин глубоко вздохнул и посмотрел на цель, сузив глаза. Вблизи все расплылось. Он сделал несколько более глубоких вздохов, как искатель жемчуга, готовящийся нырнуть, потом осторожно выпрямился, вглядываясь сквозь облако злонамерения, окутывающее твердыню врагов.

Словно вошел в грязную реку: ядовитая пленка психической порочности ощутимо липла к коже. Содрогнувшись от отвращения, он усилием воли прорвался в сердце тумана. Перед глазами появилась тошнотворная рябь. И неожиданно, всего на миг, он беспрепятственно увидел замок и его окрестности.

В то же самое мгновение сила, обитающая в замке, осознала вторжение и вслепую нанесла ответный энергетический удар. Перегрин словно хлестнули плетью по глазам. Он ахнул и отшатнулся, но сила удара разбилась о невидимую стену, возведенную Адамом и Маклеодом. Раздался резкий треск, похожий на невидимые искры, и внезапно воцарилась тишина.

— Вот оно! Отступаем! — приказал Маклеод, физически хватая художника за руку, и потащил вниз по склону; Адам с трудом поднялся и полз следом. — Постарайтесь держать разум пустым и не оглядывайтесь!

Они поспешно отступали в том направлении, откуда пришли, с трудом пробираясь по снегу, который, казалось, стал глубже. К тому времени, как они добрались до машины, все тяжело дышали и вспотели под тяжелой зимней одеждой, а Адам был белее шапки, которую сорвал, как только практически упал на переднее пассажирское место. Пока Маклеод вскарабкался на водительское место и включил зажигание, Перегрин поспешно нащупал ремень безопасности, предчувствуя еще одну дикую гонку, на которую, как он знал, был способен инспектор.

— Пристегнитесь, вы все, — сказал Маклеод, вдавливая педаль газа.

«Тойота» рванула вперед, рыская и проскальзывая, пока Маклеод не врубил полный привод. Сгущались сумерки, но он не смел включать фары из страха выдать их положение, если за ними гонятся. Адам стянул перчатки и левой рукой держался за ручку, закрыв глаза и склонив голову к правой руке. Сначала Перегрин решил, что он просто сосредоточенно переводит дыхание после дикого бега, но потом понял, что Адам так странно держит руку, чтобы прижимать камень кольца ко лбу.

— Адам? — осмелился шепнуть он. Машину продолжало трясти и заносить.

— Оставьте его! — рывкнул Маклеод, пробормотав что-то, когда ему пришлось тормозить на очередном повороте.

— Но что он делает?

— Защищает нас. Постарайтесь делать то же самое.

— Но как...

— Я уже говорил: постарайтесь держать разум пустым!

Приказ не допускал дальнейшего обсуждения или вопросов. Соответственно подчинившись, Перегрин откинулся на спинку сиденья и постарался сделать, как велено, изо всех сил стараясь удержать в уме образ пустого холста, ждущего прикосновения кисти. Это было трудно, потому что ему все время хотелось рисовать, а некоторые из возникающих картин были не из приятных...

Примерно когда Маклеод снова выбрался на мощеную дорогу и смог прибавить скорость, у Перегринна начало получаться; а к тому времени, как они выехали на шоссе А9 и снова помчались на юг, он уже начинал дремать.

— Теперь все в порядке, — внезапно сказал Адам, когда они миновали поворот на Кингусси и Ньютонмор и неслись к Грампианским горам. — Ноэль, мне кажется, уже безопасно на несколько минут остановиться на следующей стоянке. Перегрин, позади вашего сиденья должна быть корзинка с бутербродами и чаем.

Маклеод вздохнул с облегчением, сказавшим Перегрину, что их вылазка могла закончиться весьма печально. Держа глаза и уши раскрытыми, а рот закрытым, он вытащил корзинку, поставил на сиденье рядом с собой и начал рыться в ней, глядя, чем снабдил их Хэмфри. Через несколько минут подвернулась долгожданная стоянка, и Маклеод затормозил и остановил «тойоту». Снег, казалось, перестал, и, выключив зажигание, Маклеод снял очки и, глубоко вздохнув, бросил их на приборную доску.

— Да уж, пробежались, — сказал он. — Перегрин, дайте, пожалуйста, бутерброд. Завтрак был несколько часов назад, и я просто помираю от голода.

Широко открыв глаза, Перегрин вложил бутерброд в протянутую Маклеодом через плечо руку, передал другой Адаму. Когда они начали есть, Перегрин набросился на свой бутерброд; ему до смерти хотелось услышать побольше, но он не решался спрашивать. У Маклеода дрожали руки, и Перегрин, заметив это, передал Адаму один из термосов.

— Дайте ему горячего чая.

Пробормотав «спасибо», Адам наполнил чашку и сунул Маклеоду в руки. Когда инспектор одним глотком выпил половину и откинулся на спинку сиденья, положив голову на подголовник, зажав чашку в руках и закрыв глаза, Адам обернулся и посмотрел на Перегринна.

— Ладно. Прежде чем я выскажу свое мнение о случившемся, расскажите мне, что вы видели.

Перегрин покачал головой. Он уже больше часа, все время, пока они спускались с Кэйрнгормских гор, пытался решить что же он видел.

— Адам, на самом деле я не знаю. Что-то могущественное, но оно не походило ни на что, связанное с Рысью, что я видел раньше. Оно было другое... даже более злобное, если такое можно представить. Мне надо будет подумать об этом. Пока я даже не могу попытаться начать рисовать.

— Ноэль? — спросил Адам.

Маклеод допил чай и надел очки, по-видимому, несколько оправившись.

— Он прав, — сказал он. — Здесь действует что-то еще, кроме Рыси... что-то крупное, с чем я не хочу связываться, пока мы не разберемся получше, с чем имеем дело. О, Рысь участвует, но это... это что-то сверхмощное. Возможно, для этого и нужны человеческие жертвоприношения. Раньше Рысь никогда особенно не ориентировалась на это.

— Согласен, — сказал Адам. — Я не мог даже начать строить предположения. Вы оба хорошо поработали. — Он поглядел на часы на приборной доске. — А пока лучше двигаться

дальше. Ноэль, хотите, чтобы дальше машину вел Перегрин? Вы, похоже, крепко вымотались.

— Ну, как, сынок? — отозвался Маклеод, устало поворачивая голову в сторону Перегрин. — Как, справитесь с этим автобусом?

— Конечно, — ответил Перегрин. В словах наставников сквозил непринужденный дух товарищества, его действительно считали полноправным членом команды. Он поменялся местами с Маклеодом, пристегнулся и настроил зеркала и сиденье под себя, но инспектор тихо захрапел еще до того, как Перегрин влился в поток транспорта. Поскольку Маклеоду явно надо было поспать, Перегрин молчал весь остаток пути. Иногда ему казалось, что Адам тоже задремал, но каждый раз, когда он посматривал в сторону и хватало света, Адам задумчиво смотрел вперед, сложив руки на груди.

Они добрались до дома Маклеода и высадили его в самом начале девятого, но, когда машина ехала по Фортдуд-бридж к дому, Адам встряхнулся и указал Перегрину на боковую дорогу на другой стороне, которая в конце концов вывела их к живописной панораме Ферта. Снова пошел снег, и далекие огни Эдинбурга мерцали, как бриллианты, нанизанные на черный бархат далекого берега.

— Что случилось? — спросил Перегрин, когда выключил двигатель. — Почему вы хотите остановиться здесь?

Адам вздохнул и откинул голову на подголовник, созерцая мерцающую темноту.

— Сегодня Канун Солнцестояния, — сказал он тихо, — почти поворот года. Каждый год я приезжаю сюда примерно в это время, чтобы напомнить себе, что к чему... ради чего все это — то, что мы делаем.

Слегка нахмурившись, Перегрин посмотрел на Ферт.

— Что-то я не понимаю.

— Правда? — Адам тихо вздохнул и медленно выдохнул. — Прислушайтесь к тишине, Перегрин. Почувствуйте ее. Весь мир погружен во тьму, затаил дыхание в предвкушении. «Когда весь мир еще был объят тишиной и ночь была посреди быстрого течения, Твое всесильное Слово, о Господь, спустилось с небес, от Царственного Трона...»

— О, вы имеете в виду Рождество, — сказал Перегрин. Адам улыбнулся.

— Не совсем. Или, пожалуй, лучшим ответом было бы «частично». За пределами физических огней этого города, который мы охраняем, сияет другой Свет, подобный огромному зонтику чистой белой энергии, являющейся частью еще более огромного полога, прикрывающего всю планету. Источник ее — в сердцах мужчин и женщин доброй воли, которые, особенно в это время года, обращают мысли и молитвы к пришествию Света. Они принадлежат к разным племенам и вероисповеданиям, но все они мириадами способов тянутся к более близкой общности со Светом, какую бы внешнюю форму ни принимало их признание. У Т.С. Элиота¹ есть несколько строк, которые очень хорошо говорят об этом. Мне кажется, он понимал. Возможно, он даже был одним из нас.

*О Свет Невидимый, мы хвалим Тебя!
Слишком яркий для наших глаз...
Мы благодарны Тебе за свет, зажигаемый нами,
Свет алтаря и святилища;
Огоньки людей, созерцающих в полночь,
И свет, льющийся в нежные витражи,
И свет, отраженный от камня,
От позолоты резного дерева, от многоцветной фрески.
Мы смотрим со дна морского, глядим вверх.
И видим свет, но не видим, откуда он.
О Свет Невидимый, мы славим Тебя!*

¹ Томас Стернз Элиот (1888-1965) — англо-американский поэт, лауреат Нобелевской премии 1948 г. Стихи в переводе А. Сергеева. — Примеч. пер.

Когда его голос замер, Перегрин жадно уставился на него.

— Я могу нарисовать это, — прошептал он. — Я увидел все полотно, когда вы говорили. Как называется стихотворение?

— Это «Хор» из «Камня», — ответил Адам. — Но самое важное, что в это время года по всей планете буквально миллионы человеческих существ готовятся признать возвращение Света. Возрождение Солнца гораздо более древний и могущественный символ, чем коммерческие церемонии, которые вы увидите через несколько дней, в день, называемый Рождеством... что в любом случае условная дата, поскольку никто на самом деле не знает, когда родился человек, ставший Христом.

Перегрин улыбнулся.

— В устах христианина это звучит почти цинично. Я считал вас религиозным.

— О, я религиозен. И в этом времени и месте, в этой жизни я избрал для служения Всевышнему внешнюю форму христианства. Оно предоставляет один из самых могущественных наборов символов для того, что должно произойти. Как это выразился Павлин из Нолы¹? Посмотрим, смогу ли я вспомнить приличный перевод. А, вот.

«Ибо после солнцестояния, когда Христос родился во плоти, новое солнце преобразило пору холодной зимы и, удаляя смертных целительным рассветом, повелело ночам убывать перед Его приходом вместе с наступающим днем».

— Ну, понимаете? — Он ухмыльнулся. — История Солнцестояния в христианском контексте, и прекрасно выражено. Говоря серьезно, очень важно понимать и действительно знать, что верность Свету гораздо выше сектантских разногласий. О, организованные религии, конечно, выполняют свое предназначение, зажигая маленькие психические маяки... вы увидите их, например, над церковными шпилями, если обратите взор к ним.

— Но важнее всего всеобъемлющий зонтик психической доброй воли, безотносительно к тому, какую форму люди выбирают для его поддержки, безотносительно к тому, как выглядят церемонии. Наверное, можно было бы сказать, что один из самых важных моментов в деятельности масонов и других квазиэзотерических организаций заключается в том, что они участвуют в создании общего зонтика белого света, который защищает психическое сознание мира от теней зла, заполняя щели, оставленные организованными религиями.

Перегрин на мгновение задумался над этим образом, потом кивнул.

— Тогда, может быть, Ложа Рыси пытается продырявить этот зонтик, — сказал он. — Может быть, для этого и предназначены молнии. И они убивают масонов, потому что масоны помогают сохранять зонтик в целости.

Адам удивленно посмотрел на Перегрину. Он никогда раньше не обсуждал проблему именно в этих терминах, но, вероятно, эту точку зрения стоило рассмотреть. Видит Бог, что бы ни пряталось в Кэйрнгормских горах, цель его — нечто большее, чем просто перебить масонов.

— Знаете, в этом что-то есть, — тихо сказал он. — Мне надо будет больше подумать над этим аспектом. — Он прикрыл рукой зевок. — А пока, думаю, нам надо вернуться домой и рассказать Филиппе, что произошло. Поехали, и я поставлю вам выпивку.

* * *

Но в конце концов они наелись сначала горячих сэндвичей с ветчиной, приготовленных Хэмфри, пока Филиппа вытягивала из них информацию о дневных приключениях. Когда они перешли в библиотеку, и Перегрин откинулся в кресле с хрустальным бокалом, в котором плескалось на два пальца «Мак-Аллана», он уже чувствовал себя обьевшимся и слегка сонным.

— Кстати говоря, вы пьете алкоголь в последний раз, пока я вам не разрешу, — сказал Адам, также откидываясь в кресле со своим бокалом. — И завтра не ешьте после полудня.

¹ Святой Павлин (353-431) — епископ Ноланский и поэт. — Примеч. пер.

Увидев испуг на лице Перегрина, Филиппа рассмеялась и отставила свой херес.

— Боюсь, у Адама начала хромать логика, дорогой. — Она потрепала его по колену. — Мы уже неделю обсуждали эти планы — в сущности, с самой аварии Адама, — но явно никто не потрудился просветить одного из главных участников. Завтра вечером мы хотим попытаться исцелить Джиллиан... конечно, с вашей помощью. Вместе с тем, если вы не передумали, мы собираемся представить вас к официальному посвящению в наше общество. Вы уже повидали достаточно, чтобы знать, что у нас опасная профессия. Но если вы решите присоединиться к нам, мы поклянемся вам в полнейшей дружбе и поддержке, даже до смерти.

— И после нее, — тихо добавил Адам.

Разом проснувшись, Перегрин поглядел на Адама и подавил странную дрожь в душе. На губах наставника играла почти незаметная улыбка, и он явно ждал ответа.

— Я... ничего в жизни мне не хотелось больше того, что вы только что столь великодушно мне предложили, — с усилием сказал он, глядя Филиппе в глаза. — Конечно, я не передумал. Надеюсь только, что смогу доказать, что стою вашего доверия. Но какими бы способностями я ни был награжден... я охотно предлагаю их к вашим услугам.

— Чудесно, значит, это улажено... хотя это услуги не только нам, — улыбнулась Филиппа, снова взяв свой херес. — Добро пожаловать в наше сообщество, дорогой.

Она задержалась с ними еще на несколько минут, пока они обсуждали практические вопросы следующего дня, потом ушла, оставив мужчин наедине. Никто лучше Адама не понимал, что перспектива посвящения должна казаться оперившемуся соколу не только возбуждающей, но и пугающей. И потому он не удивился, когда его молодой протеже одним глотком допил виски и повернулся к нему с выражением полной решимости, граничащей с паникой.

— Адам, вы сочтете меня ужасным глупцом, — сказал он, словно делая признание, — но мне только теперь пришло в голову, что я не имею ни малейшего понятия, как готовиться к этому. Я хочу сказать, что, может, я что-то должен делать? Изучать что-то или по крайней мере о чем-то думать?

В темных глазах Адама зажегся огонек.

— Что касается приготовлений, то, по-моему, вы уже весьма успешно миновали срок ученичества. Сверх того, сам факт, что вы задаете мне этот вопрос, означает, что вы уже двигаетесь к верному расположению духа. Могу только посоветовать продолжать то, что вы уже делаете: копаться в душе и сознании с намерением пожертвовать всем, что вы есть и чем еще станете, на службу Тому, кто также есть истинный Свет.

— Но разве посвящение — не какое-то испытание? — спросил Перегрин.

— О да, вас ждет испытание, если вы это имеете в виду, — улыбнулся Адам, — но это будет проверка не столько ваших знаний, сколько силы духа. Так драгоценный металл очищается и укрепляется огнем.

— Значит, суровое испытание, вроде божьего суда, — сказал Перегрин.

— Ну, не в смысле страдания или боли, — ответил Адам, — но это будет настоящее испытание. Хотя оно не должно превысить ваши силы, если я правильно оценил ваш потенциал, — а я уверен, что не ошибся.

— Понимаю, — тихо сказал Перегрин. — А можно спросить, какую форму примет испытание?

— О, спросить вы, конечно, можете, — улыбнулся Адам, — но решать буду в общем-то не я. Мы уже говорили о вашей близости с духом, который был некогда Майклом Скоттом, а ныне связан с юной Джиллиан, и о том, что для исцеления необходимо воссоединить все аспекты ее прежних инкарнаций. Задача, предусмотренная вам, — задача, решением которой вы покажете себя, — помочь восстановить последовательность ее души.

Пегррин широко открыл глаза.

— Адам, вы знаете, что ничто не обрадовало бы меня больше, чем возможность помочь ей, — сказал он, — но я даже не притворяюсь, будто знаю как.

— Узнаете, когда придет время, — сказал Адам. — Не бойтесь довериться интуиции. Истинная инициация происходит на внутреннем уровне. Какую форму примет для вас внешний образ, я в данный момент тоже не могу предсказать, но вот что могу пообещать: вы воспримете все в символах, близких лично вам.

— И вы не будете одни. Мы с Нозлем будем вашими провожатыми, будут присутствовать и другие наши собратья — либо телесно, либо духовно, — чтобы поддержать вас своими надеждами и стремлениями.

— Ну, это утешает, — сказал Перегрин с нервным смешком. — Но есть еще одна вещь.

— Что же?

— Я все время думаю о том дне, когда мы отправились с отцом Кристофером, чтобы очистить ту квартиру в Эдинбурге, я тогда смотрел, что вы с ним делали, и понял, что для вас обоих это был религиозный обряд. Но, должен признаться, я не понимаю этого. Я хочу сказать, что я не знаю обрядов. То, что я чувствую, даже в данный момент, кажется, требует, чтобы я выразил это каким-то формальным образом, но я... не знаю, какие жесты делать, какие слова произносить. Вы сейчас говорили о посвящении как об очищении души, и я понимаю, что это невероятно важное событие, но... ничего в моем прошлом опыте, кажется, не подсказывает, как я должен себя вести.

— Это вопрос не поведения, — улыбнулся Адам, — а, скорее, становления. Внешние обряды, конечно, важны в нашей работе, но только как общая основа, в той мере, в какой они служат для привлечения того, что уже присутствует в наших душах. Если вам действительно нужно мое наставление, то предлагаю вернуться к той работе со снами, которую вы использовали прежде, чтобы двигаться в правильном направлении. Завтра предлагаю вам поспать подольше, а днем рисовать стихотворение Т.С. Элиота. Я дам вам с собой книгу. Советую вам прочитать ее перед сном и посмотреть, что будет.

Глава 33

Перегрин принес рисунок около десяти часов вечера на следующий день. Он писал акварелью — эхо образов поэмы, и, как ему казалось, зафиксировал большую часть того, что пытался передать об образах Света во многих его проявлениях.

Его приняла Филиппа, а Маклеод уже ждал в библиотеке. Инспектор казался необычно подавленным, что говорило о значимости ночного предприятия. Вскоре подошел Адам с Кристофером и Викторией Хьюстон, и все собрались вокруг рисунка, прислоненного к одному из кресел. Настроение неожиданно стало серьезным, словно все присутствующие собирались совершить жертвоприношение... и, возможно, с удивлением подумал Перегрин, так оно и было.

— Думаю, нарисованное Перегрином всем нам говорит о том, чем должна стать эта ночь, — сказал наконец Адам. — Поэтому и Кристоферу, и мне кажется, что перед началом Работы было бы уместно сначала отслужить вечерню. Для этого надо перейти в церковь. Пошли?

Перегрин впервые слышал от Адама упоминание о наличии в доме частной церкви. Он еще больше удивился, обнаружив, что они спускаются в винный погреб. Наверное, его замешательство было заметно, потому что Адам задержал его у подножия лестницы.

— Церковь сохранилась со времен дома, который стоял на этом месте до постройки Стратмурна, — объяснил он. — Поскольку само ее существование было тайной, в ней, видимо, прятали священников, скрывающихся от светских властей. Синклеры всегда находили целесообразным хранить этот секрет, а потом матушка решила расширить ее функции. Это по-прежнему освященная христианская церковь, и в этом качестве мы и используем ее сегодня вечером, но это также и место, где Охотничья Ложа иногда собирается на физическом уровне для Работы, требующей более официальной обстановки.

— Сейчас уже все готово... и можете расслабиться. Это просто вечерня. Настоящая работа сегодня ночью будет в комнате Джиллиан — и здесь. — Он с улыбкой постучал

Перегрину по лбу, потом провел мимо винных запасов.

В узком коридоре за приоткрытой дверью ждал Маклеод. Из комнаты лился свет свечей, а маленькая комнатка справа, где Виктория и Филиппа занимались парой масляных ламп, оказалась своего рода ризницей, где Кристофер натягивал длинный белый стихарь поверх сапфирово-синей сутаны. Он улыбнулся Перегрину, приглаживая ниспадающий рукав.

— Я и причастие принес, — сказал он. — Когда мы можем позволить себе роскошь заранее планировать свои действия, а не просто реагировать на кризис, у нас в обычае перед общей работой собираться вместе и для того, чтобы укрепить силы каждого, и чтобы подтвердить крепость связывающих нас уз. Я знаю, что вы не принадлежите церкви, в сан которой посвящен я, но, надеюсь, не откажетесь принять участие.

— Ну, если вы уверены, что все правильно, — пробормотал Перегрин с некоторым сомнением, когда Кристофер добавил к облачению голубую епитрахиль.

Ответил ему Маклеод — не обычным грубоватым тоном, а почти ласково, успокаивающе обняв молодого человека за плечи.

— Паренек, не беспокойся ни о чем, кроме того, что правильно для тебя, — сказал он тихо. — Мы служим одному и тому же, идем ли мы в воскресенье утром в пресвитерианскую, англиканскую, сектантскую или католическую церковь. Когда это сообщество собирается у Алтаря, этих названий не существует.

Филиппа улыбнулась ему через плечо, прикрыв рукой свет лампы.

— Ноэль прав, дорогой, — сказала она. — Истина едина, даже если наше восприятие этой Истины слегка различно в перспективе и в том, каким образом мы выражаем его.

— Но разве каждая религия не говорит, что она обладает истиной? — спросил Перегрин. Адам улыбнулся.

— Едва ли сейчас уместна всесторонняя дискуссия по этой теме, но пока достаточно сказать, что все обряды и ритуалы организованной религии предназначены для почитания наивысшей Истины и могут быть дополнительным источником силы для людей нашей профессии, занимающихся деятельным служением Истине. Когда вы уточните собственное духовное направление, то, вполне вероятно, найдете, что практическое участие в какой-то одной религии точнее указывает дорогу.

— Пока это просто предположение, без рекомендации какой-либо определенной стези для вас. А пока, надеюсь, вы будете хорошо себя чувствовать, причастившись вместе с нами по епископальному обряду.

Две женщины первыми вошли в церковь, неся лампы. За ними шел Маклеод; Перегрин неловко пристроился между ним и Адамом; Кристофер замыкал шествие. У Перегрина перехватило дыхание, когда он ступил под сводчатый потолок со сверкающими над алтарем звездами. Станный, не очень понятный трепет, заставил его на миг замереть. Ощущение было и таинственным, и знакомым: словно он случайно зашел в древний, почитаемый храм — и почувствовал себя дома.

Женщины поставили лампы на алтарь, потом встали по бокам, а Кристофер занял место между ними. Перегрин оказался в маленьком полукруге между Маклеодом и Адамом.

Позади Кристофера он мельком заметил серебряный потир и небольшую серебряную чашу.

Но вот Кристофер поднял руки в молитве, охватывающей их всех, произнося слова, которые казались более всего подходящими для их намерений и едва ли похожими на обряд.

— Ночь на исходе, и близок день, — сказал он, и в голосе его звенела радость. — А потому отвергнем деяния тьмы и облачимся в доспехи света.

Последовавшая за этим литания приняла форму длинной молитвы, полной восхвалений и просьб, которой было легко следовать. Вторя вместе со всеми, Перегрин чувствовал, как тают все сомнения и колебания. Он еще не знает чего-то, что нужно знать, — ну так узнает, когда придет время. Сейчас он был спокоен.

Ощущение покоя усилилось, когда Кристофер подошел к каждому из них с Телом Христовым; за ним шла Виктория с Чашей. Со смешанным вкусом хлеба и вина на языке

пришло прочное ощущение братства и удовлетворения. Он сложил руки и склонил голову, когда они прошли дальше, погружившись в созерцание этого чувства, пока тихий голос Адама не вернул его к настоящему.

— Перегрин, — тихо сказал наставник, которому явно не хотелось вмешиваться, — теперь нам нужно ваше кольцо.

Молча кивнув, Перегрин вытащил кольцо из кармана и подал Адаму, который передал его Кристоферу. Священник весьма серьезно принял кольцо, на миг сжал в руках и перекрестил. Потом, держа в сложенных чашей руках, протянул к алтарю.

— Всемогущий Боже, Творец и Спаситель рода человеческого, обнови Твое благословение на этом кольце, орудии и знаке обязательств служению Тебе, чтобы тот, кто вскоре примет его, получил бы также и всю милость и наставление, дабы исполнять долг свой в согласии с волей Твоей.

Молившую завершило благоговейное «Аминь» всех собравшихся. Кристофер торжественно передал кольцо Адаму.

— Кольцо пока побудет у Адама, — сказал он художнику. — Когда вы получите его обратно, ваше право носить его будет подтверждено тем, кто много выше меня.

Потом повернулся к алтарю и снова воздел руки.

— О Рассветная прозрачность Вечного Света и Солнца Справедливости, приди и пролей свет на тех, кто пребывает во тьме и в тени смерти.

Служба завершилась молитвой, которая казалась эхом стремлений души Перегрина, и он склонил голову перед заключительным благословением Кристофера. Когда он в молчании поднимался вместе со всеми по лестнице, по-прежнему неся в душе новообретенный покой и сосредотачиваясь на предстоящей задаче, все прочие размышления отступили. Перед ним стояло лицо Джиллиан, и главным для него сейчас было твердое желание увидеть девочку здоровой душой и телом.

Они ненадолго задержались в библиотеке, ожидая прихода Кристофера без облачения, и там Перегрин смог захватить этюдник. Потом все поднялись в комнату Джиллиан. Мисс Гилкрист на ночь отпустили, а Айрис Толбэт спала в комнате напротив. Заметив взгляд, брошенный Перегрином на ее дверь Филиппа шепнула:

— Не беспокойтесь, она не проснется. Она заслужила отдых, бедняжка, и я приняла все меры предосторожности, чтобы обеспечить его. Нам не помешают.

В раздвинутые занавески лился серебристый свет луны. Освещенная этим вечным сиянием и синим светом полудюжины церковных свечей, расставленных по комнате, сама Джиллиан казалась хрупкой, как сухой листок, и слабой до предела. Пока Филиппа закрывала и запирала дверь, Перегрин смотрел на осунувшееся детское личико и думал, что откладывать уже нельзя.

Филиппа обновила ранее установленную в комнате защиту и заняла пост у входа, начертав над перемычкой двери символ, крепко запечатывающий ее против любого вторжения. Адам передвинул кресло от изголовья к изножию и велел Перегрину сесть; Кристофер и Виктория принесли стулья и сели друг против друга у изголовья. Маклеод встал слева от Перегрина. Адам пока стоял справа от Перегрина, глядя ему в лицо.

— Итак. Для того, что мы собираемся делать, мне надо сначала ввести вас в транс, — тихо сказал он. — В этом нет ничего незнакомого для вас, только я собираюсь погрузить вас глубже, чем обычно. Откиньтесь на спинку и расслабьтесь. Выберите точку на потолке над кроватью и сосредоточьте внимание на ней.

Перегрин повиновался: откинулся на спинку кресла, удобно прижав плечи к мягкой спинке, и посмотрел вверх. Он дышал легко, на лице не было признаков напряжения или опасения, и Адаму было приятно доверие молодого человека.

— Теперь очистите разум. Я хочу, чтобы вы представили себе, будто смотрите на ночное небо. Никаких облаков — только множество звезд. Видите их?

— Да. — За стеклами очков светло-карие глаза Перегрина приобрели отсутствующее выражение.

— Хорошо. Выберите из мириадоз звезд одну и сосредоточьте внимание на ней. Нашли?

— Да. — Голос Перегрин был тих, но ясен.

— Великолепно. Сосредоточьте взгляд на этой звезде. Смотрите, как она мерцает и сверкает. Ее свет снисходит на вас. Пусть он уносит вас в глубины подсознания... сейчас.

Адам протянул руку и легко коснулся лба Перегрин над переносицей. Глаза художника закрылись, он вздохнул и немного осел в кресле.

— Хорошо, — пробормотал Адам. — Идите глубже... еще глубже...

Он продолжал усиливать внушение, и Перегрин все больше и больше демонстрировал признаки глубокого транса. Наконец, убедившись, что объект достиг уровня, желательного для их задачи, Адам бросил взгляд на Маклеода. Инспектор кивнул в ответ и правой рукой сделал знак над белокурой головой молодого человека. Потом осторожно взял Перегрин за левое запястье и нащупал пульс.

Перегрин чувствовал биение пульса под пальцами Маклеода, и ему казалось, что свет звезды, за которой он шел, расширяется, окутывая его прозрачным защитным конусом. Рядом были Адам и Маклеод, оба одетые теперь в струящиеся сапфирово-синие одежды. Сам он носил простое белое одеяние, как пристало послушнику. Потом вновь раздался мелодичный, властный голос наставника:

— Пусть призванные к служению Свету войдут в Храм Владыки.

Сквозь неяркую стену света Перегрин смог различить другие человеческие фигуры, собирающиеся вокруг него. Некоторые, также облаченные в струящиеся сапфирово-синие одежды, были уже знакомы ему. Среди них была и леди Джулиан, больше не прикованная к инвалидному креслу в этом царстве за пределами физических ограничений; были и другие, незнакомые. У каждого на руке сияла звездочка на месте кольца, которое присутствовало бы на земном уровне.

Казалось, они стоят на пороге огромного классического Храма из белого мрамора. За входом Перегрин разглядел мерцающие колонны света, излучающие ощущение живой Силы, даже более властное, чем у Адама. Он изумленно смотрел вокруг, радуясь, что не один.

— Идемте, — тихо сказал Адам рядом с ним. — Идемте, вас представят Владыке.

Охваченный благоговением, но не страхом, Перегрин позволил подвести себя к ступеням, ведущим к вратам храма. Адам остановился на верхней ступени и почтительно склонил голову.

— Господин, — сказал он, обращаясь к Владыке, — я пришел, чтобы от имени Охотничьей Ложки представить этого человека, Перегрин Джастин Ловэта, как кандидата для посвящения. Оперившийся сокол встал на крыло и готов помогать в поиске исцеления души, ныне воплощенной как Джиллиан Толбэт. Когда это будет совершено, я попрошу принять его как Охотника, дабы укрепить наши ряды против угрозы, ныне нависшей над краем, вверенным нашим заботам.

Колонны света, казалось, стали выше, засияли ярче. Раздался голос; он был мягче, чем у Адама, и в нем хрустально звенел добрый юмор.

— Не продолжай, Повелитель Охоты, — ответил Владыка. — Твое желание известно нам и нашему Главнокомандующему. Пойми, что исцеление девочки Джиллиан должно предшествовать всему остальному. Ты правильно рассудил, что оперившийся птенец обладает необходимыми талантами. Тебе остается привести его к Тому, в чьей власти оживить спящие, но необходимые навыки. Простое использование своего дара будет для птенца обрядом Посвящения, полноправного вступления в братство.

Адам снова склонил голову.

— Понимаю. Будет сделано, как ты повелел.

Это была высокая честь. Сам Адам всего лишь раз предстал перед Ангелом, в чьей власти было подтверждение исцеляющего призвания. Тогда его поручителем выступала Филиппа, и, вспоминая тот давний день, он подумал, что теперь отчасти может понять то радостное смирение, которое она, наверное, испытывала.

Вздыхнув, чтобы успокоиться, и на миг переместив фокус на земной уровень, Адам взял Перегрину за правую руку.

— Ваша звезда восходит, — тихо сказал он молодому человеку. — Встаньте и следуйте за ней не телом, но духом. Ее свет, подобно маяку, уведет вас из тела на небо...

Перегрин внезапно почувствовал легкость во всех членах, словно у него выросли крылья. Он сознавал, что Адам держит его за руку, что Маклеод сжимает другую руку. Они помогли ему встать, как помогли бы оперившемуся соколу подняться в воздух. Художника охватило ощущение полета. Закрыв глаза даже на астральном уровне, он безоговорочно отдался в руки провожатых, пока неожиданно не почувствовал под ногами землю.

Перегрин робко огляделся и обнаружил, что все остальные сопровождали его в полете души. Вокруг сияла звездная ночь, но он каким-то образом знал, что физически и духовно обращен к востоку. Все собрались на широком помосте перед высокими, сияющими золотом воротами; на каждой из них была эмблема, знак Воздуха — остроугольный равносторонний треугольник, разделенный пополам поперечной линией.

Маклеод выпустил руку Перегрину и опустился на одно колено; остальные, кроме Адама, сделали то же самое. Переложив руку на плечо Перегрину, Адам указательным и средним пальцами правой руки начертил на правой двери символ. Потом он произнес Слово, которое, как показалось Перегрину, не принадлежало ни одному земному языку. Но когда оно прозвучало, ворота медленно открылись внутрь.

За ними царили бледный свет и ветер. Адам повел Перегрину вперед, оставив остальных позади, а свет и воздух приняли зрительную форму прозрачного золотого занавеса, вздымаемого легким ветерком. Пройдя сквозь занавес, они ощутили аромат ладана. Перед ними лежал залитый бедно-золотым светом зал, в центре которого вздымался столп золотого света. Перед ослепленным взором Перегрину он медленно преобразился в фигуру, смутно похожую на человеческую, с подобием широких крыльев, наполнивших зал дыханием свежего ветра.

Глаза, подобные глубоким озерам расплавленного золота, взглянули на него с лица ни мужского, ни женского, но в высшей степени прекрасного в своей двуполой утонченности. Золотые огоньки подобно диадеме охватывали развевающиеся длинные локоны золотых волос, ниспадающих от высокого, благородного чела.

Перегрин почувствовал, как Адам надавил ему на плечо, и послушно упал на колени, смутно сознавая, что Адам отступил и тоже преклонил колени. Зачарованно глядя в золотые глаза, художник скорее ощутил, чем услышал приглашение открыть душу и высказать свое желание.

Ответ у него получился скорее образами, чем словами. Он нарисовал в зеркале разума Джиллиан Толбэт вместе с образом иссохшего тела, где тот же дух некогда обитал в другом обличье, и хаотичным облаком осколков, символизирующих ужасный урон, нанесенный этой душе.

— Если есть во мне дар, благодаря которому можно исправить этот ущерб, — попытался сказать он, — то покажите мне, как использовать этот дар. Я ничего не прошу для себя. Но если я могу хоть чуть-чуть оказаться достоин, то охотно отдал бы все, что имею, для непоколебимого служения Свету.

Горящий взгляд ангела, казалось, прожег его до глубины души. Не в силах отвернуться, даже если бы захотел, Перегрин внезапно понял, что имел в виду Адам, когда говорил об испытании душевной стойкости. Было мучительно осознавать собственное несовершенство. Но без этого знания невозможно было более высокое зрение.

Он смиренно признал право ангела судить его, склонив голову в знак готовности принять отказ, если его не найдут достойным иного. Но отказа не было; внезапно его окутали ослепительно яркие крылья, и он уже не видел ничего, кроме невыразимого света.

Возвышающийся в мерцающем величии ангел, казалось, склонился к нему, легко сжал лицо двумя прекрасными, тонкими руками. Перегрин удивленно поднял голову к лучезарному сиянию и почувствовал легкое прикосновение огненных губ к векам.

— Да узрят очи твои путь к исцелению... — произнес — или, может быть, пропел — голос.

Подобный мощному электрическому разряду поцелуй ангела заставил все существо Перегрин зазвенеть, как колокол. Ощущение, превышающее по силе боль, потрясло тело, разум и душу до самых глубин. Свет, который был продолжением собственной сущности ангела, играл над веками, ослепляя его для всего, кроме этой неземной красоты. Чувства замерли перед натиском восторга, подобного какому он никогда прежде не испытывал.

Целую вечность, казалось, что он потеряет сознание. Шатаясь, физически и психически ослепленный, он только постепенно осознал, что Маклеод и Адам по-прежнему держат его за руки, закрепляя в реальном мире и физическом теле, по-прежнему сидящем в кресле. Он прищурился и обнаружил, что видит теперь не просторный храм, расположенный на каком-то далеком, эфирном уровне, а уютную спальню Джиллиан Толбэт. Когда он перевел взгляд на саму Джиллиан, то обнаружил, что его дар зрения расширился и он может видеть не только физическую оболочку, но и астральный образ.

Этот образ, тонкий и напряженный, как физическое тело, дрожал среди моря обломков, как ребенок, брошенный среди осколков разбитых зеркал. Все обломки двигались, кружась и сотрясаясь в полном хаосе. И, однако, приглядевшись внимательнее, он смог разглядеть куски, подходящие друг к другу, как разделенные части различных картинок-головоломок. Сосредоточившись, он смог увидеть картинки более четко, смог представить себе не только цвета, но и сходство форм.

Было вполне возможно рассортировать эти куски и собрать их заново! В этом он был уверен. Нужны были только правильные инструменты.

— Адам, — сказал он вслух, — помните, я как-то описывал вам свое зрение? Что я словно смотрю сквозь несколько прозрачных изображений, наложенных друг на друга?

Адам бросил острый взгляд на Маклеода.

— Помню, — тихо сказал он.

— Это ключ к исцелению Джиллиан. Наброски, которые я делал, помогут распознать маски ее прежних инкарнаций. Если я сумею нарисовать их на каком-то прозрачном материале, мы сможем использовать их как матрицы, чтобы рассортировать осколки различных личностей. Потом мы наложим их, чтобы восстановить единство ее духа.

— Понимаю, — кивнул Адам.

— Есть у вас что-то, что я мог бы использовать? — Перегрин сдал руку Адама. — Стекло или, может быть, калька...

— Даже кое-что получше, — ответил Адам. — У меня в столе есть немного чистого ацетата, прозрачной пленки для проектора. Подождете, пока я схожу за ним?

Перегрин твердо кивнул.

— Смогу, — пробормотал он, задыхаясь. — Только не слишком долго, ладно?

— Конечно, — пообещал Адам; — Ноэль останется с вами. Он поможет, если понадобится.

Филиппа уже стирала знак над дверью. Как только путь был свободен, Адам проскочил мимо нее и помчался вниз по лестнице в библиотеку. Быстро покопавшись в столе, он нашел листы ацетата. Захлопнув ящик, он схватил со стола пригоршню ручек и поспешно вернулся в комнату Джиллиан.

Больше часа Перегрин лихорадочно рисовал, пока остальные оказывали молчаливую, сильную поддержку. Когда он, наконец закончил, были сделаны семь набросков, представляющие предыдущие инкарнации души, в том числе портреты Майкла Скотта и самой Джиллиан. Перегрин был бледен и дрожал от изнеможения, дыхание вырывалось тихими всхлипами.

— Спокойно, — тихо сказал Адам. — Вы блестяще работаете. Теперь отдохните немного, а мы с Ноэлем возьмем на себя следующую часть работы.

Он осторожно выложил семь набросков в два ряда — три и четыре — в изножье кровати. Потом, встав перед ними, он и Маклеод переместили фокус на астральный уровень

и начали разбирать море психических осколков, прикладывая отдельные кусочки к портретам, как дети собирают деревянные головоломки, пользуясь очертаниями законченного портрета как ориентиром, показывающим, как и куда подходят фрагменты.

По мере создания индивидуальных портретов носящихся свободно осколков становилось все меньше. Все время, пока они работали, у Перегринна было ощущение, что тонкие шелковые нити, похожие на сахарные волокна, тянутся от неподвижного тела Джиллиан к рисункам. Тело освобождалось, но в отличие от другого раза, когда душу Джиллиан вырвали из тела, чтобы воскресить Майкла Скотта в Мелроузе, теперь все грани этой души закреплены поблизости и скоро будут восстановлены. Пока они работали, Филиппа подошла к постели и следила, чтобы тело продолжало функционировать, пока хозяйка отсутствует.

Наконец все осколки были разобраны и все портреты завершены. Они мерцали живой энергией — уже не просто физические образы личностей, но рельефные маски, какие носят души во время инкарнации. Переведя дыхание, Адам повернулся к Перегрину. Художник немного оправился, пока Адам и Маклеод работали, и ответил на невысказанный вопрос Адама внимательным взглядом.

— Готово, — тихо сказал Адам. — В каком порядке?

Слегка нахмурившись, сосредоточенный Перегрин встал и мгновение рассматривал разложенные наброски, потом начал выкладывать их в стопку, закончив портретом самой Джиллиан. Адам отодвинул кресло, в котором сидел Перегрин; художник положил стопку портретов на пол в изножье кровати и отступил.

Серьезный Адам встал в изножье постели, глядя в лицо Джиллиан; у его ног лежала стопка рисунков, слева стоял Маклеод, а справа Перегрин. На миг склонив голову и молитвенно сложив руки, он собрался с силами, чтобы вызвать свою власть целителя.

Пегрину внезапно показалось, что Адам стал на несколько дюймов выше. Приподняв обе руки, решительно подняв подбородок, он словно принял тот аспект более ранней маски своих инкарнаций, который Перегрин уже как-то видел и рисовал: складки полосатого полотна обрамляли худое ястребиное лицо, увенчанное двойной короной Верхнего и Нижнего Египта с солнечным диском между двух страусиных перьев — украшение египетского царя-жреца.

— Властью Осириса Воскресшего, — нараспев произнес Адам неуволимо изменившимся голосом, начертив в воздухе над портретами знак власти. — Да станут многие одним, чья целостность может быть восстановлена.

Когда он простер обе ладони над стопкой набросков, темно-фиолетовый свет заиграл над верхним. Через мгновение сам рисунок, казалось, растаял в свете. Перегрин наблюдал. Индиговый свет омыл второй рисунок, затем вскипел, слившись с фиолетовым, а второй рисунок растворился следом за первым. Третий набросок излучал мерцающее голубое сияние, к которому по очереди присоединялись волны цветов остального видимого спектра: зеленый и желтый, оранжевый и красный.

Пегрин зачарованно смотрел, как тают его рисунки, добавляя по несколько пядей к возвышающейся колонне изменчивого света. Наконец, осталась лишь сверкающая семифутовая колонна чистейшего серебристо-белого света, слегка парящая над полом там, где были прозрачные листы.

Другой образ Адама растаял, когда колонна была завершена, но он по-прежнему был больше, чем просто смертный. Сложив ладони, он почтительно склонился перед колонной, потом протянул руки к неподвижной фигурке маленькой девочки на постели.

— Телесный сосуд ждет, чтобы принять тебя, — тихо, но властно сказал он. — Добро пожаловать в родной дом.

Он ожидал, что колонна света растает в обители плоти. Вместо этого, к его удивлению, она осталась на месте, мерцая и пульсируя, как живая призма: квинтэссенция чистого духа, которому для общения нужен человек-посредник.

— Ноэль, — тихо сказал Адам, — по-моему, нужны вы.

Инспектор кивнул и встал между кроватью и колонной света, сняв очки и убрав в карман.

— Я здесь, — сказал он Духу. — Ты волен говорить моим голосом.

Инспектор опустил руки и склонил голову, и колонна света двинулась вперед и заслонила его. Он вздрогнул и напрягся. Когда он поднял голову, из голубых глаз Маклеода смотрел другой разум, и когда открылись губы под ошетилившимися усами, раздался голос, который Перегрин уже слышал в Мелроузе: голос Майкла Скотта.

— Должен поблагодарить всех в этой комнате, но главным образом вас, — обратился он к Адаму и Перегрину, — не только за этот великий труд исцеления, предпринятый ради меня, но и за сохранение моего золота и книги заклинаний от осквернения руками наших общих врагов. Если я могу что-то предложить в уплату за великую службу, сослуженную мне, просите, и я охотно отплачу.

Адам задумался всего на миг, четко сознавая, что он должен спросить и что время ограничено.

— Мы не ищем награды, брат, но только возможности довести до конца то, что начали ради тебя. Мы хотели бы разделить с тобой знания о наших общих врагах. Ты знаешь, для чего им была нужна твоя книга заклинаний?

— Не знаю, — был ответ, — но магия, призвавшая меня в Мелроуз, была воистину темной — чужая магия, та же, что вызвала физическую смерть моей предыдущей инкарнации более полувека назад...

Голос на мгновение замер, словно вспоминая старую боль. Когда он заговорил снова, тон его был тверд:

— Повелителем Теней в те дни был некто по имени Гитлер. Он причинил великий урон полугу Света. Если бы он преуспел в своих намерениях, то призвал бы всю ярость темных стихий...

При упоминании Гитлера Адама охватил леденящий ужас.

— Это магия Гитлера призвала тебя? — спросил он.

— Не знаю, — раздалось в ответ, — но клянусь всем, что почитаю, что сила, призвавшая меня, была из того же источника. И у Повелителя Теней была книга заклинаний...

— У Гитлера была книга заклинаний? — спросил Адам; его мысли неслись вскачь.

— Да, — произнес голос Скотта, — но я не знаю, что с ней случилось. Больше я ничего не могу тебе сказать. Желаю тебе доброй охоты, Повелитель Охоты. А теперь, чтобы мое отсутствие не погубило приложенных вами усилий, прошу разрешить вернуться в мою нынешнюю инкарнацию, дабы принять жизнь, которую, благодаря вашему заступничеству, я теперь волен продолжать.

— Я больше не причиню тебе боли, — сказал Адам. — Ты претерпел все, что можно было просить. Иди же с миром и с благословением Семи, дабы исполнить свое предназначение. Тело, в котором ты обитаешь, будет под защитой, пока ты не станешь достаточно силен, чтобы следовать по своей стезе в одиночестве.

Кивнув, Маклеод повернулся и положил руки на ноги девочки. Призматический свет потек из него в Джиллиан. В миг разделения Маклеод задохнулся и упал на колени, вцепившись в изножье кровати. В то же самое мгновение девочка в постели внезапно конвульсивно вздрогнула и открыла глаза.

Смятенный взгляд широко открытых глаз обежал комнату и незнакомые лица. Она испуганно захныкала и вжалась в подушки, слишком слабая, способная только смотреть. Виктория подошла и обняла ее, а Кристофер взял ее за руку.

— Ну-ну, Джиллиан, не надо пугаться, — тихо говорила Виктория, укачивая ее, словно ребенка, глядя по белокурым кудрям. — Я знаю, что все выглядит как-то странно, но ты в полной, полной безопасности. Ты довольно долго болела, но теперь все будет хорошо. Утром ты увидишь мамочку. Она будет так счастлива увидеть, что ты очнулась.

Филиппа уже подошла, чтобы заняться медицинской стороной ситуации, быстро

измерив температуру и давление Джиллиан, а потом, воспользовавшись телом Кристофера как щитом, ввела легкое успокоительное в трубку для внутривенных вливаний. Адам помог Маклеоду сесть на пол у изножья кровати и подsunул ему под нос капсулу с нашатырным спиртом, а Перегрин встревоженно опустился на колени рядом. Джиллиан дрожала и хныкала, как ребенок вцепившись в ласковые руки Виктории.

— Мама? — прошептала она почти беззвучно бледными губами.

— Она спит в соседней комнате, — успокаивающе сказала Виктория. — Но давай пока не будем ее будить, ладно? С тех пор как ты заболела, она ухаживала за тобой день и ночь и очень устала. Подумай, какой чудесный сюрприз ждет ее утром, когда она проснется и увидит, что тебе лучше.

С помощью Адама и Перегрин Маклеод встал. Он еще пошатывался, но обрадовался, когда увидел, что Джиллиан пришла в себя, пусть и ненадолго. Голубые глаза потускнели под влиянием успокоительного, и она погрузилась в сон, но на этот раз, в отличие от предшествующего состояния, сон был управляемым. Виктория укачивала ее и вполголоса напевала что-то ласковое, пока девочка не затихла. Когда ее снова укрыли одеялом, Адам залез в карман и вынул кольцо, предназначенное Перегрину.

— Боюсь, ваша часть еще не совсем закончена, — сказал он художнику. — Думаю, не может быть сомнений, что вы оказались достойны, но более высокой власти, чем я, пристало дать вам официальное подтверждение того, что представляет это физическое кольцо. Вы способны на еще одно путешествие в астрал?

Перегрин казался сильно ошеломленным, переполненным всем, что он уже увидел и пережил этой ночью, но сумел кивнуть. Улыбаясь, Адам взял правую руку молодого человека в свою левую.

— Ноэль, вы со мной? — тихо спросил он через плечо. Маклеод встал слева от Перегрин.

— Хорошо, — сказал Адам художнику, — снова закройте глаза и приготовьтесь погрузиться очень, очень глубоко.

Когда Перегрин повиновался, Адам сосредоточился, также закрыв глаза.

— Перегрин Джастин Ловэт, ныне и навеки будь благословен для служения Свету, — прошептал он. — Прими это кольцо в память о том, кто носил его до тебя, и радуйся этому неизменному братству, частью которого ты ныне стал. — С этими словами он надел кольцо на палец Перегрин.

Неожиданно все трое снова оказались в астральном храме. Посмотрев на себя, Перегрин увидел, что, как и спутники, носит темно-синее, как сапфир, одеяние. На этот раз они были обращены к югу, где ждали темно-красные врата: двери широко распахнуты, темно-красные занавеси отдернуты. За вратами их ждал Некто высокий, облаченный в доспехи из красно-золотого света, с диадемой из алого пламени на челе. Перья его крыльев, украшенные огненными павлиньими глазами, трепетали, как языки пламени, кончик огненного меча упирался в пол, руки возлежали на медных поперечинах.

В храме к ним присоединились Кристофер и Виктория, встав по сторонам, как свидетели, следом появились Филиппа и леди Джулиан. Были и другие, кого Перегрин еще не встречал во плоти. Признав их присутствие величественным кивком, Архангел окинул Перегрин испытующим взглядом, потом вскинул голову, так что струящиеся медные волосы окружили голову и плечи пламенеющим нимбом. И как было в присутствии другого ангела, Перегрин услышал в голове музыкальный голос.

— Ты достоин своего наставника, Повелителя Охоты, — сказал Архангел. — Он ходатайствовал о твоём доступе в Охотничью Ложу и стоит поручителем за твою преданность этому тяжкому призванию, к которому зовет тебя искусство. Осталось спросить тебя о последнем. Поклянешься ли ты в безоговорочной верности Всевышнему, в соответствии с чем примешь посвящение в Его воины и хранители Его мира?

Согласие Перегрин было решительным.

— Клянусь.

— Тогда, как Главнокомандующий Повелителя Воинств, мы принимаем тебя во Имя Его. Преклони колени.

Дрожа от волнения, Перегрин упал на колени. Адам шагнул вперед, чтобы благоговейно принять огненный меч, пока Архангел легко сжал сложенные руки Перегрин. Раскаленное белое сияние распространилось по пальцам Перегрин, сконцентрировавшись вокруг кольца, сверкающего на правой руке, как звезда.

— Да будет это кольцо знаком, что твой дар отдан служению Повелителю Воинств, — прозвучал в уме могучий голос. — Пусть все труды твоих рук и души славят Имя, что превыше всех имен.

С этими словами Архангел отступил, протянув руку, чтобы снова принять меч. Воздев огненный клинок, он легко коснулся каждого плеча Перегрин, а потом головы. Каждое прикосновение горящего клинка усиливало ощущение неукротимой силы, текущей по венам Перегрин.

Последнее прикосновение словно столкнуло его за край, и он потерял сознание.

Глава 34

Когда Перегрин пришел в себя, он лежал на полу в комнате Джиллиан. Рядом стоял на коленях Адам, встревоженно проверяя пульс. Маклеод тоже стоял на коленях, заботливо вглядываясь в его лицо. Увидев, что молодой человек открыл глаза, он радостно вскрикнул.

— Все в порядке, он приходит в себя, — объявил он Хьюстонам и Филиппе, стоящим поодаль.

Вспомнив Архангела с огненным мечом, Перегрин моргнул, не в силах вспомнить, когда он в последний раз чувствовал себя настолько истощенным и, однако же, настолько умиротворенным.

— Хорошо, — пробормотал Адам. — Тогда давайте-ка встанем. Ноэль, дайте мне руку.

С помощью двух наставников Перегрин сумел встать. Он украдкой посмотрел на кольцо на пальце, когда они вели его к ближайшему креслу. Ему казалось, что кольцо сияет новым блеском, отражая его радость, но это свойство скорее ощущалось, чем виделось: невысказанный залог того, что только что пережитое было реально на уровне, превосходящем все его прошлое понимание. Когда он сжал кулак и поднес камень кольца к губам в благоговейном благодарении, он понял, что и Адам, и Маклеод обратили взоры на Кристофера, который стоял у постели Джиллиан, сжав руки. Он встал и тоже посмотрел на священника.

— Господи, — сказал священник, поднимая руки в благословении, — ныне отпускаешь Ты слуг Твоих в мире, согласно Слову Твоему. И да будут слова наших уст и мысли наших сердец всегда приятны в глазах Твоих.

— Аминь, — отозвался вместе со всеми Перегрин.

— Нынче ночью работа этой Ложи завершена, — продолжал Кристофер. — Отправимся же радостно в путь, дабы творить волю Того, Кто послал нас.

— Аминь, да будет так, — откликнулись остальные. Это, понял Перегрин, было формальным завершением их работы, ибо с этими словами атмосфера изменилась, и люди начали приводить комнату в нормальное состояние и готовиться уходить. Неожиданно для себя Перегрин подошел к Кристоферу и робко потянул его за рукав.

— Отец Кристофер, можно вас на минутку? — тихо спросил он, хотя и не уклоняясь от взгляда священника. — Я... не знаю, как попросить вас о том, что хочу попросить, но... пожалуйста, благословите меня перед тем, как уйдете.

Кристофер мягко улыбнулся, оставив обычное подшучивание.

— Вы точно знали, как попросить, — тихо сказал он, — и я благословляю вас от всего сердца. Только помните, что из моих рук вы получаете дар и благословение не мои, а Света, которому мы служим.

Когда Кристофер поднял руки, Перегрин опустился на колени, склонив голову и сложив

руки. Когда священник коснулся его головы, это было земным отражением благословения, которое он получил из рук Того, Другого, и почувствовал, как глаза его затуманивают слезы радости и благодарности, когда Кристофер произносил слова благословения.

— Да будет благословение Всемогущего Бога на твоей голове и в твоём сердце; и да пребудет с тобой отныне и навеки. — Левая рука Кристофера опустилась на плечо Перегрин, а правая начертила крест у него над головой. — Во Имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

— Аминь, — прошептал Перегрин и, поднимаясь на ноги, даже не потрудился вытереть слезы, текущие из глаз.

* * *

После чая и бутербродов в библиотеке, чтобы закончить заземление после Работы, члены Ложи, не живущие в Стратмуре, тепло простились с Адамом и Филиппой — кроме Перегрин, который принял предложение Филиппы провести остаток ночи в своей прежней гостевой комнате. Когда он, с сияющими глазами, простился с ними на лестничной площадке и ушел, чтобы наконец отдохнуть, Адам наклонился и импульсивно поцеловал мать в щеку.

— Ночь была просто замечательная, правда? — заметил он с усталой улыбкой. — Теперь я имею хоть слабое представление о том, что ты испытывала столько лет назад, когда поручилась за меня. Я хоть сообразил тогда поблагодарить тебя?

— Ты сам стал моей наградой, — гордо сказала она. — Только об одном просила я в молитвах: быть для тебя таким учителем, какой тебе нужен, чтобы полностью раскрыть твой потенциал. Но, помнится, в ту давнюю ночь ты поблагодарил меня. А теперь моя очередь благодарить тебя.

Улыбаясь, он крепко обнял ее и поцеловал в макушку.

— Мы хорошо поработали сегодня, правда? — прошептал он.

— Действительно, хорошо, — согласилась она с многозначительным взглядом. — И на этой ноте предлагаю нам обоим удалиться, чтобы все обдумать. Я останусь на ночь в комнате Джиллиан. Девочка, вероятно, проснется на рассвете, и кто знает, как мне объяснить все Айрис.

Предсказание Филиппы сбылось. Счастье Айрис Толбэт было безгранично, когда, проснувшись на следующее утро, она узнала, что дочь ночью пришла в себя. Она бросилась в комнату Джиллиан. Та только что проснулась; она выглядела прискорбно хрупкой, но в голубых глазах, которые так долго были пусты и широко открыты, снова светился ум. Филиппа уже убирала трубки, несколько недель поддерживавшие жизнь Джиллиан. Оставив мать и дочь праздновать воссоединение со смехом сквозь слезы и объятиями, она спустилась вниз, чтобы выпить так необходимую чашку чая в компании сына.

— Джиллиан проснулась, Айрис тоже, — прозаически сообщила она. — Я сказала Хэмфри дать им полчаса, а потом подняться и узнать, не хотят ли они позавтракать. К тому времени они как раз будут готовы.

Адам криво усмехнулся.

— По крайней мере одно сражение выиграно, — заметил он. — Но сама война по-прежнему висит на волоске.

— Я не забыла об этом, — сказала Филиппа. — И подозреваю, что ты уже обдумываешь наш следующий гамбит.

Она опустилась в соседнее кресло; ее красивое лицо было задумчиво.

— С самого моего приезда я чувствовала в воздухе что-то... намек на что-то темное и опасное, что-то вроде бы знакомое, но никак не могла понять, что именно. Мы уже согласились, что это не просто Ложа Рыси.

Адам оценивающе посмотрел на мать.

— Продолжай.

— Я думала о словах Майкла Скотта о том, что Гитлер был Повелителем Теней и что у

него была книга заклинаний, — продолжала она. — Это абсолютно верно. Несомненно, Гитлер был черным магом первого ранга, и в его распоряжении было достаточно сил, чтобы осуществить самые варварские и самые бесчеловечные стремления. Но его в конечном счете остановил Гесс. Гесс тоже любительски занимался Черным Искусством, но даже он через некоторое время не уже мог выносить то, что творил Гитлер. Вот почему он совершил тот тайный перелет в Шотландию в 1941 году.

Видя, что Адам сбит с толку, она продолжала:

— Я никогда не рассказывала тебе об этом?

— Нет.

— Господи! Ну, теперь это старая история, но мой дядя, Эрик Роде, несколько раз допрашивал Гесса после ареста. Тогда я об этом не знала, потому что как раз проходила интернатуру, но через много лет видела некоторые психиатрические расшифровки. Во всяком случае, сначала он был убежден, что Гесс — настоящий псих, но кузен Дуги Гамильтона всегда утверждал, что на самом деле Гесс полетел в Шотландию не для того, чтобы Дуги устроил ему встречу с королем, а чтобы увезти из Германии книгу заклинаний Гитлера: какой-то манускрипт, украденный из монастыря где-то на севере Европы, но, предположительно, имевший кельтское происхождение... друидическое или, может быть, пиктское.

Адам напрягся, но она, казалось, не заметила.

— Во всяком случае, в эзотерических кругах прошел слух, будто манускрипт находится в Шотландии, — продолжала она. — Об этом пронюхал Дэвид Тюдор-Джонс — несомненно, отец нашего нынешнего противника — и попытался выкупить его. Но более разумные души решили, что было бы безопаснее отправить манускрипт в Америку, где Гитлер, вероятно, уже никогда не доберется до него. Предполагалось, что герцог Кентский довезет его с дипломатической почтой до Исландии: он понятия не имел, что везет, и все считали, что с членом королевской семьи бумаги будут в безопасности, — но Тюдор-Джонс подложил в самолет бомбу. Бедный Джорджи врезался в горы где-то в Кейтнесс-Морвен... по-моему, в августе 1942-го. Во всяком случае, манускрипт погиб вместе с самым очаровательным из герцогов королевской крови.

Она задумчиво посмотрела на Адама. Тот связывал ее рассказ с различными логическими нитями, ведущими к их теперешней ситуации.

— Филиппа, мне кажется, манускрипт не погиб. — Его голос был тверд как сталь. — Вероятно, Тюдор-Джонс взорвал самолет герцога, только сначала забрал манускрипт. Думаю, теперь он у Фрэнсиса Ребурна... или Фрэнсиса Тюдор-Джонса, как его следовало бы называть. Или... нет, манускрипт не мог быть у них все это время, иначе они воспользовались бы им раньше. В распоряжении Ложи Рыси никогда прежде не было такой силы. Значит, до недавнего времени он должен был быть у кого-то другого, тесно связанного с историей военного времени. У кого-то...

Он осекся на полуслове, потому что в голову пришла еще более дерзкая мысль.

— Господи Боже, а если это сам Гесс?

Филиппа недоверчиво уставилась на сына.

— Не болтай глупостей, дорогой. Гесс умер. Умер года три-четыре назад.

— Умер?

— Ну конечно.

— Нет, в тюрьме Шпандау умер человек, которого считали Рудольфом Гессом, но британский военный врач, осматривавший его в конце 70-х, утверждал, основываясь на отсутствии шрамов от ран, которые, как известно, тот получил на Первой мировой войне, что человек в Шпандау не мог быть Гессом. Помнится, два отдельных вскрытия также не сумели найти шрамов, которые должны были быть у человека, получившего такие раны, какие получил Гесс. А не так давно даже сын Гесса, Вольф Рюдигер Гесс, пытался возбудить иск против Союзников, державших его отца в тюрьме, утверждая, что тело, возвращенное семье в 1987, не было телом его отца.

Глубокие морщины пересекли высокий лоб Филиппы.

— Кажется, что-то такое вспоминаю... Фамилия врача, по-моему, была Томас. Хью Томас, еще один валлиец. И, по-моему, Дэвид Ирвинг вскоре после смерти Гесса писал о его передвижениях между временем аварии и концом войны?

Адам кивнул.

— После ареста Гесс довольно долго находился в Уэльсе, пока пытались решить, что с ним делать. Может показаться невероятным, но ему позволяли гулять в одиночестве... По-видимому, именно тогда у него произошла радикальная смена личности, хотя мне не кажется, что изменилась именно личность Гесса. Изменился человек. Хью Томас теоретически допускал существование двойника.

— Что, если Тюдор-Джонс устроил подмену, — продолжал он увлеченно, — а потом тайно перевез настоящего Гесса вместе с манускриптом в Шотландию? Что, если именно он затаился в логовище в Кэйрнгормских горах? Это, несомненно, объяснило бы впечатление, что вовлечено что-то, кроме Рыси... что-то невероятно могущественное.

Филиппа глубоко вздохнула.

— В твоих словах есть какой-то безумный смысл. Однако... — Она прикусила губу. — Конечно, Гесса все равно нет в живых. Да ведь ему было бы... Господи, почти сто лет!

— Случается, люди столько живут, — нетерпеливо сказал Адам. — Даже если я ошибаюсь и за всем этим стоит не Гесс, все равно доказано участие сына Тюдор-Джонса. Фрэнсис Ребурн замешан в этом по уши. А если его отец действительно украл манускрипт и если он сейчас в руках кого-то, кто знает, как им пользоваться...

Мать и сын с ужасом переглянулись.

— Книга заклинаний Гитлера, — тихо сказала Филиппа. — Господи Боже, какую силу это дало им?

— Ну, самое малое, силу вызывать молнии, — ответил Адам. — Однако они фокусируют эту силу, человеческими жертвоприношениями прибавляя аспект, которому будет очень трудно противостоять. Что там Скотт сказал о Гитлере? «Если бы он преуспел в своих намерениях, то призвал бы всю ярость темных стихий».

Филиппа фыркнула.

— Похоже, наши противники уже делают это, пусть и относительно умеренным образом по сравнению с Гитлером. Но они, несомненно, становятся сильнее. И человеческие жертвы увеличиваются с каждой новой атакой. Почему? Чего они надеются добиться, кроме простого хаоса? Хотя и этого достаточно.

Дальнейшие размышления в то утро не предложили новых ответов, а деятельная подготовка к Рождеству оставляла мало времени и сил на поиски новых следов. За следующие несколько дней Адам сумел передать их подозрения прочим членам Охотничьей Ложи, но идея с Гитлером была для большинства из них новым ракурсом и требовала резкого сдвига мысленных шестеренок. Для тех троих, кто сами прикоснулись к краю этой нависшей силы, перспектива принять это без какой-либо новой информации была неприятна до почти парализующего отвращения. Под предлогом необходимости оправиться от автокатастрофы Адам смог выкроить по несколько часов каждый день на копание в обширных ресурсах своей библиотеки, но не уяснил ничего примечательного. Они, казалось, зашли в тупик, вынужденные ждать, пока враг не нанесет новый удар... и даже тогда не было уверенности, что станет понятно, как справиться с проблемой.

Тем временем надо было иметь дело с практическими сторонами повседневной жизни и неожиданными трудностями, связанными с пребыванием в доме все более и более подвижного и шумного подростка. После затяжного старта в субботу, когда она потихоньку начала снова есть нормальную пищу и восстанавливать физические силы, маленькая Джиллиан выздоравливала с почти волшебной быстротой, расцветая на глазах. К воскресенью она уже достаточно окрепла, чтобы спуститься вниз на поздний завтрак, а вечером из Лондона прилетел ее отец, которому накануне позвонила счастливая Айрис.

Адам пригласил семью Толбэтов провести в Стратмуре традиционное Шотландское

Рождество, ибо, хотя Джиллиан выздоравливала с поразительной быстротой, Филиппа сообщила родителям, что прогноз для их дочери будет гораздо более обнадеживающим, если до отъезда домой новые психологические оценки подтвердят, что опасность миновала. Неофициально ей и Адаму не хотелось выпускать Джиллиан из-под своей защиты, пока она не станет менее уязвимой, и предпринять действенные меры по усилению ее защиты под видом текущей терапии. А пока просто знать, что она в безопасности под их кровом уже было облегчением перед лицом их нынешних проблем.

Они провели утро понедельника, устанавливая елку в салоне. В тот день после ленча и короткого сна их быстро выздоравливающая пациентка объявила, что в сочельник желает быть представлена лошадям Адама. Когда Филиппа не стала возражать, сражение было проиграно. Джиллиан даже уговорила мать позволить ей надеть уличную одежду вместо халатика поверх ночной рубашки, поскольку желала осмотреть конюшню Адама, как пристало настоящей леди. Филиппа объявила, что намерена удалиться в свою комнату и наконец поспать.

Отец Джиллиан вооружился камерой. Под взглядами любящих родителей Адам посадил девочку на послушного Халида и несколько раз провел по двору, потом вскочил на коня позади нее и шагом вывел большого серого мерина из конюшни во двор дома, где по промерзшему газону по крайней мере можно было проехаться легкой рысцой. Перегрин пришел после ленча из своей сторожки и вместе с Толбэтами вышел на парадную лестницу. У него был с собой этюдник, и теперь карандаш летал по бумаге. Адам пустил коня легким галопом по заросшей травой обочине подъездной дорожки. Джиллиан была в полном восторге.

Они проехали около сотни ярдов и поворачивали назад (Джиллиан буквально задыхалась от возбуждения), когда на дорожку осторожно въехал желтый спортивный «морган» с черными крыльями. Улыбаясь, Адам придержал коня и шагом подъехал к левому борту. Ксимена узнала его и остановилась. Она опустила стекло, и он поднес правую руку к козырьку картуза.

— Добрый день, доктор Локхарт, — сказал он. Она подняла брови с насмешливым неодобрением.

— Предполагается, что вы выздоравливаете.

— О, я выздоравливаю, — ответил Адам. — Мы оба выздоравливаем. Это мой большой друг, мисс Джиллиан Толбэт, которая и потребовала, чтобы ее сегодня взяли на прогулку.

— Понимаю, — ответила Ксимена. — Как поживаешь, Джиллиан?

Джиллиан вспыхнула и ткнулась носом в куртку Адама.

— Боюсь, она немного застенчива. Поезжайте к дому, там и встретимся.

Снисходительно улыбнувшись, Ксимена включила передачу и поехала дальше. Адам пустил Халида шагом. Убедившись, что ее не услышат, Джиллиан серьезно посмотрела на Адама.

— Доктор Синклер, это ваша девушка?

— Вообще-то нет еще, — ответил Адам. — Но вполне возможно. Мы познакомились всего пару недель назад. Она врач. На самом деле это она штопала мне голову.

— Х-м-м-м. Хорошенькая, — признала Джиллиан. — Тогда нам лучше ехать быстро. Мама говорит, что джентльмену не следует заставлять леди ждать.

— Не следует, — согласился Адам, тихо рассмеявшись, когда собирал поводья. — Кроме того, тебе самой хотелось бы проехаться быстрее, верно? Ну, ладно, девочка моя. Держись.

Но, несмотря на легкий галоп, когда они выехали на лужайку, Ксимена уже выходила из машины. Когда Адам соскочил на землю, оставив Джиллиан в седле, Перегрин подошел забрать Халида.

— Ваша хорошенькая женщина-врач? — пробормотал он.

— Она. Наверное, приехала снять швы, — тихо ответил Адам. — Вы не против отвести Джиллиан и Халида во двор?

— Ничуть, — ухмыльнулся Перегрин. — Как, Джиллиан сможешь поставить этого большого серого зверя обратно в стойло? А мама и папа смогут сфотографировать тебя на нем.

— О, это было бы так мило, мистер Ловэт. — Айрис Толбэт подошла и погладила Халида по шее, пока Джордж навел камеру и сфотографировал их. — Джиллиан, ты не забыла поблагодарить доктора Синклера?

Когда они ушли, Адам снял картуз и, сунув его под мышку, рассеянно пригладил волосы, удостоверившись, что пластырь, прикрывающий швы, все еще на месте, потом подошел к Ксимене.

— Одна из моих пациенток, — объяснил он, указав подбородком в сторону конюшни, пока гостя закрывала дверь машины. — На прошлой неделе она была скорее пациенткой моей матери... очень удобно иметь дублера под рукой. Ваша ситуация с персоналом разрешилась или вам снова придется убегать?

Устало вздохнув, Ксимена прошла с ним в дом. Волосы были распущены по плечам, но под элегантным черным пальто у нее были хирургическое облачение и белый халат.

— Боюсь, придется убегать. Меньше чем через два часа надо быть на дежурстве.

— Значит, у вас по-прежнему некомплект? — спросил он, проводя девушку в библиотеку.

— Боюсь, что да. — Она позволила ему помочь снять пальто. — Мне бы очень хотелось знать, что случилось с доктором Вемиссом. Ужасно дурно с его стороны сбежать прямо на праздники и заставить всех так пахать. Хотя в четверг у нас появится временный сотрудник... если я доживу до этого.

Когда она вытащила из кармана халата зеленый хирургический пакет, явно намереваясь заняться делом, Адам улыбнулся и подошел к телефону на письменном столе.

— Позвольте мне по крайней мере заказать чай. Похоже, он вам пригодится.

— Прекрасно. Попросите слугу просто подать кружку чая с молоком и двумя кусочками сахара, — сказала Ксимена. — Я люблю серебро, но сегодня просто не могу тратить время.

Адам позвонил Хэмфри, одновременно снимая пластырь, потом подошел и сел там, куда она направила свет торшера, стоящего в конце дивана.

— Я сожалею, что вытащил вас сюда, — сказал он, помогая ей придерживать хирургический пакет. — Вам следовало бы позвонить мне. Филиппа сняла бы швы... да я и сам мог бы.

Взяв ножницы и пинцет, Ксимена усмехнулась.

— Шутите? И не увидеть экстравагантного сэра Адама Синклера в обтягивающих рейтузах для верховой езды?.. Поверните голову к свету, чтобы мне не толкать вас.

Сдерживая улыбку, Адам повиновался, наблюдая, как на зеленом полотенце у него в руках растет кучка черных шелковых узелков, похожих на волосатых пауков. Ксимена наклонила его голову вперед и продолжала работать, прислонив ее к своему боку и зажав между запястьями. Она молчала, он тоже, но тишина казалась ему скорее успокаивающей, чем неловкой, а ее прикосновения действовали расслабляюще.

— Ну, вот и все, — сказала она, отбрасывая его волосы, чтобы осмотреть внимательнее. — Все очень хорошо зажило. Через несколько месяцев вы и не вспомните, что ударились.

Он как раз пытался решить, не обнять ли ее за талию, когда сдержанный стук в дверь объявил о неизбежном приходе Хэмфри. Вздохнув, Адам отстранился и поднял полотенце, чтобы она положила туда ножницы и пинцет. Ксимена молча свернула полотенце с инструментами и убрала в карман, а потом просто устало села напротив него, когда Хэмфри поставил перед ними по кружке чаю и молча удалился.

Отсалютовав ей кружкой, Адам уселся на диван. Она выглядела более изнуренной, чем в прошлую их встречу, но, казалось, немного ожила, глотнув горячего чая.

— Ах, как хорошо, — пробормотала она, благодарно откидываясь в кресле и опуская голову на спинку. — Если не считать дорогу сюда, я, по-моему, присела в первый раз за

день... а день начался в шесть.

Улыбаясь, он прекрасно отполированным ботинком подтолкнул поближе скамеечку для ног. У нее на ногах были практичные белые туфли, какие носят медсестры, предназначенные обеспечить удобную опору. На большинстве женщин, подумал Адам, они обычно выглядят неуклюже, но на Ксимене казались модными и созвучными профессии.

— Тогда вытяните на несколько минут ноги и расслабьтесь, — тихо сказал он. — Видит Бог, вы заслужили это.

— Да уж, — сказала она, подтаскивая скамеечку ближе и водружая на нее ноги. — М-м-м, чудесно. Вы ведь, наверное, не используете в практике гипноз?

— Вообще-то использую. Почему вы спрашиваете?

— Правда? — Ксимена поглядела на него с новым интересом, делая еще один глоток чаю. — А правда, будто десять — пятнадцать минут под гипнозом — все равно что несколько часов нормального сна?

— В зависимости от объекта.

— Я была бы хорошим объектом?

— Не знаю. Хотите попробовать? Она нетерпеливо посмотрела на часы и с сожалением покачала головой.

— Черт! Мне бы очень хотелось, но надо возвращаться. — Девушка выпрямилась в кресле и сделала большой глоток чаю, поморщившись из-за кипятка.

— Боже, как я буду рада, когда вся эта история с персоналом уладится! Хотя в четверг я уйду, невзирая на то, выйдет кто-то или нет. Наверное, просплю весь день. — Она посмотрела на него, склонив голову набок. — Вы не хотели бы рассчитаться за тот обед в четверг вечером, а?

Приятное предчувствие немедленно сменилось досадой, когда он понял, что в четверг будет Канун дня святого Иоанна.

— Очень жаль, — честно сказал он. — Мне ничего не хотелось бы больше, но в этот вечер мне надо быть в Мелроузском аббатстве... это называется Шествие Масонов. Я не Вольный Каменщик, но моего большого друга, который был масоном очень высокого ранга, убили месяц назад. Собратья по Ложе и прочие друзья собираются присутствовать там в память о нем. Шествие проводится в этот день уже больше ста лет, — может быть, почти двести, — и, думаю, Рэндалл присутствовал последние пятьдесят. Это очень много значило для него.

— Рэндалл? — сказала она. — Это не Рэндалл Стюарт, тот масон, которого убили во время какого-то ритуала к северу отсюда?

Адам на миг напрягся, когда в голове пронеслась мысль, прежде всегда отбрасываемая, что она вполне могла бы участвовать во всем этом. В конце концов Вемисс явно участвовал, а они оба работали в одной больнице. Но потом напомнил себе, что она вполне могла узнать имя из газет или телепередач.

— Да, вы, наверное, читали об этом или видели по телевизору, — сказал он немного осторожно. — Учитывая обстоятельства, вы можете понять, почему я обязан пойти.

— Боже мой, конечно, — пробормотала она, вздрогнув. — Адам, мне очень жаль. Я имею в виду... когда такое случается со знакомым... Вы ведь и нашли его, да? Теперь я понимаю, почему ваше имя показалось знакомым, когда мы впервые встретились в травматологии: я видела его в газетах.

— Да, я... иногда работаю полицейским консультантом, — признался он, уставившись на зажатую в руках кружку.

На мгновение повисло молчание, напряженное, но все еще дружеское, а потом она выпрямилась в кресле и поставила ноги на пол.

— Адам, если это неудобно, просто так и скажите, но, если это не очень помешает, для меня было бы большой честью, если бы вы позволили мне в четверг вечером поехать с вами.

Адам резко поднял голову.

— Почему вам этого захотелось?

Она обхватила кружку пальцами, уставившись в пол и, похоже, чувствуя себя немного неудобно.

— Я могла бы сказать что-нибудь бойкое насчет приятной компании, и это, конечно, было бы правдой, потому что я нахожу вас невероятно привлекательным. Но помимо этого... ну, там, в Штатах, мой отец и дед, и оба брата масоны. На самом деле, когда вся эта история появилась в газетах, я вырезала статьи и послала их папе. Я помню книги Рэндалла Стюарта у нас в библиотеке, когда была подростком, и я знаю, что значит Братство для моей семьи. — Она вздохнула и покачала головой. — В любом случае, если шотландские братья-масоны решили так почтить его... ну, я была бы горда быть маленькой частью этого, просто свидетелем. Я знаю, что, не будучи масоном, не могу участвовать в Шествии.

Адам медленно позволил себе улыбнуться; все сомнения на ее счет растаяли.

— Это касается нас обоих, — тихо сказал он. — Но если вы действительно хотите поехать и храбро перенести, несомненно, холодный и тоскливый вечер — а это только поездка туда и обратно! — то я был бы весьма благодарен за компанию. — Он криво усмехнулся. — На самом деле там в гостинице на городской площади вполне приличный ресторан. Если хотите, потом мы можем пообедать там... и вы все равно можете потом выбрать место встречи для более веселого обеда в честь вашего имени.

Тут она улыбнулась, явно повеселев, чего он и добивался, потом снова глянула на часы, покачала головой и допила чай.

— Я должна идти, — сказала она, вставая. — Возможно, когда я вернусь, пострадавшие будут навалены в коридорах в три ряда. Мне бы хотелось, чтобы хоть разок сочельник был по-настоящему тихой ночью, святой ночью. Вы здесь, в Шотландии, в Сочельник ходите в церковь?

— Обычно я хожу, — сказал он, подавая ей пальто. — Хотя, полагаю, в этом году, когда здесь Джиллиан и ее семья, не пойду. Много дел. Но я, даже если не иду в церковь, всегда стараюсь поставить на окно зажженную свечу. Это старый кельтский обычай: огонек для Марии и Иосифа, ищущих ночлег... и, может быть, знак возрождения Света в это время года. А у вас так делают?

— Нет, но мне это нравится, — сказала она. — Может быть, и я поставлю свечу на больничное окно.

— Дать вам свечку? — улыбнулся он.

Она посмотрела на него, склонив голову набок, и усмехнулась.

— Дадите?

— Конечно. — Подойдя к книжным полкам рядом со столом, он взял церковную свечу в голубом стеклянном бокале и подал ей.

— Счастливого Рождества, — тихо сказал он.

— Счастливого Рождества, — ответила она и, положив руку ему на плечо, потянулась и легко коснулась губами его губ. Он обвил рукой ее талию, когда провожал ее к двери. Оба молчали, и она бросила на него прямой взгляд, когда они оторвались друг от друга, выйдя на крыльцо.

— Так во сколько ждать вас в четверг? — спросила она, когда они спустились к машине.

— Скажем, около половины пятого? Мне надо отвезти Толбэтов в аэропорт: у них рейс на Лондон в четыре часа, — так что я буду там, как только провожу их. Где это «там», кстати говоря?

— Блакетт-плейс, номер пятнадцать, — сказала она, садясь за руль и пристегиваясь. — Вы увидите машину. А что высматривать мне?

— Только не «бентли». Я взял напрокат симпатичную, степенную «тойоту-лендкрузер», пока не пришел мой новый «рейнджровер»... скучно белую.

— О, пропади все пропадом! — сказала она. — Вы не показали мне «бентли».

— И гравюры тоже не показал, — лукаво улыбнулся он. — Так что, полагаю, придется вам еще раз приехать на дом.

— Х-м-м-м, приеду, пожалуй. — Она усмехнулась в ответ, повернув ключ в зажигании, и оживший двигатель взревел.

Глава 35

Рождественский рассвет был ясным, но серым. Перегрин пришел в помещичий дом на рождественский завтрак в салоне и нашел Джиллиан среди моря подарков под елкой; она рассматривала книжку о лошадях — подарок Адама и Филиппы. Ее голубые глаза заметно прояснились при виде художника, которого полюбила, как младшая сестра; она поднялась на ноги и крепко обняла его. За три дня их официального знакомства она прозвала его Ястребом и, хотя ничего не помнила о почти двух месяцах, проведенных в коме, казалось, каким-то невыразимым образом чувствовала, что он имеет какое-то отношение к ее выходу из тени.

— Привет, дядя Ястреб! — крикнула она, восторженно чмокая его в щеку. — Дед Мороз принес тебе много подарков?

— О, он принес все, что мне надо, — усмехнулся Перегрин, поглядев мимо нее на Адама, и высвободился, чтобы поставить сумку, которую принес с собой. — Хотя, по-моему, кое-что он оставил у меня по ошибке. — Он залез в сумку и вытащил маленький, ярко раскрашенный сверток с именем Джиллиан, крупно написанным на этикетке.

— Это для тебя. — Он улыбнулся девочке. — Счастливого Рождества!

Это был очаровательный браслет: тонкая цепочка из бледного золота, на которой висела крохотная фигурка рождественского ангела. Джиллиан ахнула от удовольствия и сразу же протянула руку, чтобы он застегнул браслет на запястье.

— Спасибо, дядя Ястреб! Это замечательно!

— Это восхитительно, мистер Ловэт! — согласилась Айрис Толбэт. — Но, конечно, вам не следовало бы быть столь расточительным.

В ответ на этот упрек Перегрин по-мальчишески пожал плечами.

— Может, и не следовало, — признал он, — но это казалось как-то уместным.

У него были подарки и для остальных: для Толбэтов карандашный набросок Джиллиан, большеглазой и полной жизни.

— Это эскиз для настоящего портрета, — сказал он им. — Когда я закончу, то лично привезу вам в Лондон.

Для Филиппы он сделал миниатюрный портрет Адама в образе викторианского джентльмена, сделанный на слоновой кости и вставленный в брошь. Она сказала только:

— Спасибо, Перегрин, — но глаза сказали другое, когда она попросила его приколоть булавку у горла блузки со шнурками и оборками.

Подарок для Адама был в самой большой коробке: бронзовая статуэтка всадника почти в фут высотой. Адам присвистнул, с явным удовольствием вынимая ее из гнезда из ткани и пенопластовых шариков, потом пригляделся внимательнее и расплылся в улыбке.

— Да ведь это Халид! — воскликнул он удивленно.

— Верно, — ответил Перегрин. — Сделано моим приятелем и скульптором в Лондоне по моим эскизам. Я сделал заказ вскоре после Уркхарта. Надеюсь, вам нравится.

— Нравится? — сказал Адам. — Это великолепно! Огромное вам спасибо.

— И я по-прежнему собираюсь сделать конный этюд, похожий на этюд с вашим отцом и его серым гунтером, о котором мы говорили. Я намеревался закончить его к сегодняшнему дню, но все время что-то происходило.

Адам хмыкнул и, бормоча: «Отговорки, отговорки!», подал Перегрину подарок от него и Филиппы. Это был набор китайских акварельных кистей в изящной лакированной коробке вместе с бронзовыми ступкой и пестиком для размалывания пигментов. Глаза художника сияли от удовольствия, когда он рассматривал все детали.

— Я рада, что вам понравилось, дорогой, — улыбнулась Филиппа, увидев выражение его лица. — Джулиан смогла найти это для нас через одного антиквара, приятеля ее покойного мужа. Мне велено сказать вам, что иероглифы на коробке символизируют счастье

и удачу... которыми, мы надеемся, вы будете наслаждаться всю жизнь.

Поздний завтрак сопровождался шампанским, а потом Перегрин простился, чтобы отправиться на другие празднества.

— Я приглашен к дяде Джулии на рождественский обед, — сказал он Адаму, когда они прощались у дверей. — Меня приглашали переночевать, и Джулия немного недовольна, что я не останусь, но мне по-настоящему хочется поехать на охоту в День Подарков, если погода будет не слишком сырая. Я был бы очень рад, если бы и вы смогли пойти.

— Я как-нибудь ухитрюсь, — ответил Адам, — но, думаю, должен воспользоваться временем, когда дома никого нет, чтобы продолжить поиски. Вы не представляете, насколько отвлекает, когда по всему дому носится подросток... хотя я, конечно, не жалею о ее новообретенном здоровье. В любом случае Джон поедет и присмотрит, чтобы с вами чего не случилось. И я знаю, что Джиллиан и ее родители хотят ехать за охотой на машине. Такого они еще не видели.

Перегрин ухмыльнулся.

— Для меня это тоже ново... или по крайней мере возвращение к забытому старому. Боже, я не охотился с университета.

— Во всяком случае, верхом, — невесело улыбнулся Адам. Перегрин посерьезнел и жестом предложил Адаму пройти за ним до ждущего «морриса».

— Я так понимаю, никакого прогресса? — сказал он.

— Ничего, достойного упоминания. Я работаю над теорией, частично основанной на том, что сказал тогда ночью Скотт, но пока не получил подтверждения этих предположений. К несчастью, в нашем положении приходится ждать, пока противник сделает следующий ход — не та стратегия, которую я обычно рекомендую; когда у меня есть выбор, я предпочитаю превентивные удары. Но я не рискну Охотничьей Ложей в том, что могло бы стать верной смертью, если мы выступим преждевременно, без соответствующей подготовки.

Вздвогнув, Перегрин открыл дверь машины и положил подарок на пассажирское сиденье.

— Ну, я жду сигнала, когда бы вы ни решили, что мы готовы. И, конечно, дам знать, если что-нибудь придет в голову.

На этом они расстались: Перегрин, чтобы попытаться восстановить праздничное настроение, а Адам — играть гостеприимного хозяина. На следующий день, когда Адам простился с охотниками: Перегрин и конюх уехали верхом, а Филиппа и Толбэты на «тойоте» (за рулем был Хэмфри), Адам снова зарылся в книги. Около полудня пронзительный звонок у парадной двери оторвал его от размышлений. Это был Маклеод с бутылкой «Мак-Аллана». Они открыли ее и выпили в честь праздника, сидя в эркере библиотеки с видом на припорошенную снегом лужайку.

— Хотелось бы мне прийти с какими-то новостями, — хмуро сказал Маклеод, поднимая стакан, — но наша добыча, кажется, забила в нору, и, как я ни пытаюсь, не могу напасть на след. По вашему парню, Вемиссу, наконец, подали заявление об исчезновении, но мы пока ни черта не нашли. Довольно интересно, то небольшое, что мы узнали о нем, кажется, указывает на такую же незаметную карьеру, какую мы отмечали у мрачного инспектора Нейпира.

— А что делал он? — спросил Адам. — Мне бы очень хотелось придумать что-то, чтобы арестовать его, пока мы с этим разберемся.

— И вам, и мне, — проворчал Маклеод. — Трудно даже посмотреть ему в глаза, когда мы сталкиваемся в коридоре. Но у меня на него ничего нет — недостаточно даже, чтобы натравить на него МВД.

— Очень жаль.

После краткого обсуждения теории о связи с Гитлером оба встревожились еще больше. Наконец Маклеод допил виски и встал, забрав с дивана шарф и пальто.

— Думаю, мне лучше вернуться, — сказал он хмуро. — Родные Джейн приедут сегодня на обед, и мне надо присутствовать. Вы по-прежнему собираетесь завтра ехать в Мелроуз с

нами?

— Нет, я как раз собирался позвонить вам насчет этого, — сказал Адам, когда они шли к двери. — Я привезу доктора Локхарт — да, моего очаровательного доктора, которая приезжает на дом, — так что мы встретимся там. Как насчет пунша в «Отеле Берта» около шести?

— Звучит восхитительно! — согласился Маклеод. — Вы с ней составите компанию Джейн, пока будет Шествие. Перегрин едет?

— Нет. Когда я спросил его, он сказал что-то о планах с Джулией.

— Ну что ж, это правильно, — ответил Маклеод. — В конце концов он совсем не знал Рэндалла. И я рад, что он проводит время с этой своей девушкой. По-вашему, он собирается на ней жениться?

Адам пожал плечами и улыбнулся.

— Он не упоминал о долгосрочных планах. Думаю, еще слишком рано говорить. Хотя он, конечно, очень отличается от того молодого человека, каким был два месяца назад.

— Да, и вы сыграли в этом превращении весьма заметную роль, — согласился Маклеод. — Вы весьма тонко помогли ему. А та ночь... — Он улыбнулся и довольно кивнул. — Да, это действительно было нечто особенное.

— Теперь от нас требуется только суметь сохранить ему жизнь. — В голосе Адама был оттенок цинизма. — Сейчас не совсем то время, которое я бы выбрал, чтобы ввести его... но ведь нам не часто дают свободу выбора в таких делах, не так ли?

— Нет, но обычно в конце концов мы ухитряемся все уладить. — Маклеод полез было в машину, потом остановился. — Кстати, Адам, не знаю, приходило ли вам в голову, но это дело завтра в Мелроузе могло бы вдохновить противника на следующий ход. Я хочу сказать, там будет... больше сотни масонов в одном месте, многолюдное собрание, где безопасность почти невозможна.

— Это предчувствие? — спросил Адам.

— Нет, просто пришло в голову. Если бы я действительно считал, что что-то случится, то не взял бы Джейн. Но было бы неплохо держать глаза и уши открытыми.

— Я буду помнить об этом, — согласился Адам. Но до конца дня он так и не получил никаких указаний об особенной опасности. Он читал в библиотеке, пока за окном не начало темнеть, и встал, чтобы включить свет, когда по дорожке перед домом проехала «тойота», направляясь к гаражу, чтобы выгрузить замерзших и голодных зрителей. Вскоре и Перегрин с Джоном рысью проехали по дорожке под начинающимся снегопадом; за спиной Перегрина, крепко держа его за талию, сидела розовощекая, запыхавшаяся Джиллиан.

Следующий час был посвящен бурной деятельности: надо было поставить лошадей в стойла, снять грязные высокие сапоги, заманить Джиллиан наверх для весьма необходимой ванны и приготовить горячий чай для взрослых. Мисс Гилкрест приготовила обильный ужин, и они поужинали у рождественской елки, рассевшись в салоне у камина. Перегрин и Джиллиан снова и снова переживали каждую минуту охоты, увлеченно вспоминая подробности, к веселью Толбэтов и снисходительному развлечению Филиппы и Адама. Все рано разошлись по комнатам, но к тому времени Адам устал не меньше, чем если бы охотился сам, и провалился в сон без сновидений почти сразу же, как голова коснулась подушки.

Канун святого Иоанна обещал быть еще пасмурнее, чем вчерашний день, угрожая к ночи принести со стороны Глазго метель. Соответственно Адам повез Толбэтов в аэропорт загодя. Расставание со Стратмурном было и грустным, и счастливым, потому что выздоровевшая Джиллиан возвращалась домой. Перегрин пришел проститься с ней, подарив на прощание акварель, изображающую ее верхом на Поппи, и даже Филиппа была растрогана почти до слез, когда «тойота» отъехала от парадной лестницы.

В аэропорт они приехали вовремя, самолет явно вылетал по расписанию. Толбэты зарегистрировались, он простился с ними и поехал на Блакетт-плейс за Ксименой. Она надела объемный арранский свитер и желто-коричневые вельветовые брюки, крепкие сапоги

и кожаную куртку цвета жженого сахара с воротником из овчины — в высшей степени подходящее дополнение к его плису и полшубку. Они обменялись скромным приветственным поцелуем, когда она встретила его у двери, потом, когда она взяла шарф, шапочку и перчатки, спустились к «тойоте».

— Ну, расскажите мне побольше о Шествии Масонов, — сказала она после обмена ожидаемыми шутками об успехах в больнице и улучшении состояния Ксимены после надлежащего сна, когда они ехали на юг по шоссе А7. Дул порывистый ветер, но снег пока только слегка присыпал те три-четыре дюйма, что уже лежали на земле: достаточно для создания атмосферы, но совершенно никакого неудобства для полноприводной «тойоты».

— Ну, раньше я там никогда не бывал, — ответил Адам, — но по рассказам, будут присутствовать масоны Лож со всего Пограничья. И конечно, сегодня будут из еще более дальних мест. Все собираются в Доме Масонов в Мелроузе, факельное шествие трижды обходит Меркат-Кросс, потом направляется к самому аббатству, где кто-нибудь выступает с патриотической речью. Потом одинокий волынщик играет «Лесные цветы» в память обо всех шотландцах, погибших, защищая Шотландию, и они идут обратно к Меркат-Кросс, где старейший Мастер Лож принимает парад. И все. Все занимает около часа.

— Звучит отлично, — ответила она. — Хотела бы я, чтобы папа мог видеть это. Последнее время пресса довольно плохо отзывалась о Вольных Каменщиках... еще до того, как убили вашего друга.

— Да, действительно. Мой товарищ из Управления полиции — довольно активный масон, и ему приходилось отвечать на множество вопросов журналистов. Сегодня вы встретитесь с ним и его женой.

— Но зачем вообще кому-то нападать на масонов? — спросила она. — Они только творят добро. И, конечно, не причиняют никакого вреда.

— Ну, с этим я бы, конечно, согласился. Один из доводов, выдвигаемых критиками, что Вольные Каменщики используют свои масонские связи на рабочих местах, отдавая масонам преимущество перед немасонами при приеме на работу, продвижении по службе и заключении контрактов. В некоторых случаях это так, поскольку такова человеческая природа, но мои знакомые масоны, те, кто действительно живет масонскими идеалами, говорят, что масонский фактор не учитывался бы, если бы все прочие качества не были бы равны. А тогда, если надо выбирать между незнакомым немасоном и масоном, который по крайней мере поклялся внешне соблюдать некий моральный кодекс добродетели... ну, я не считаю неразумным, что масон получит поддержку скорее, чем немасон.

Она фыркнула.

— Я слышала этот довод в Штатах — обычно от тех, кого не приняли. Хотя они делают очень много добра через свои благотворительные организации и тому подобное. Для некоторых это почти продолжение религии.

— Я склонен согласиться. В сущности, я бы сказал, что в некоторых отношениях Вольные Каменщики помогают заполнить дыры, оставленные организованной религией, — делая вклад в тот «зонтик» резонансов добра, если хотите, создаваемых людьми доброй воли по всей планете, который помогает не дать злу выйти из-под контроля.

— Значит, вы считаете зло материальной силой? — спросила она.

— Да, — ответил он, думая о том, что ощутил в Кэйрнгормских горах. — Хотя, вообще, мне кажется, то, что мы воспринимаем как зло — чаще равнодушие или распутившиеся предрассудки. Это не только то, что мы сделали, но и то, что мы оставили несделанным, как выражается «Символ Веры». Я склонен верить, что большинство людей хотят поступать хорошо.

Он притормозил, когда они свернули на дорогу А6091, следуя указателям на Мелроуз.

— Но сейчас едва ли подходящее время для философских дискуссий о природе зла. Надеюсь, вам понравится эта малая часть шотландского наследия, даже если привел нас сюда печальный повод. Вы уже бывали в Мелроузе?

— Нет, мне все время не хватало времени для путешествий по стране. Я приехала в

июне и с тех пор в основном работала.

— Ну, вам надо приехать сюда снова, когда будет светло, — ответил Адам, проезжая мимо отеля «Уэверли-Касл» к Меркат-сквер. — Эйлдонские холмы — один из чудеснейших районов Пограничья... и, конечно, в радиусе двадцати миль отсюда есть и другие Пограничные аббатства: Драйберг, Джедберг, Келсо. Все они по-своему эффектны, но, должен признаться, я особенно люблю Мелроуз.

Меркат-сквер была скорее длинным треугольником, чем квадратом, вся мощенная, но со стоянкой в центре. Меркат-Кросс был на дальнем конце, в центре круговой развязки, но Адам остановился задолго до Кросса и осторожно втиснул «тойоту» на стоянку рядом со знакомым черным «БМВ» Маклеода перед «Отелем Берта». Ноэль и Джейн уже пили в баре нижнего этажа, и Маклеод приветственно поднял руку, когда вошли Адам и Ксимена, топая, чтобы стряхнуть снег с обуви. На Маклеоде под расстегнутым пальто были фартук и кордон Мастера Каменщика, а на Джейн — твидовое пальто.

— А, вот и вы, — сказал Маклеод, делая знак бармену. — Как раз вовремя для горячего пунша, прежде чем нам придется выйти и снова бросить вызов холоду. А вы, должно быть, бесстрашная доктор Локхарт, которая заштопала нашего своенравного друга, — добавил он, протягивая руку Ксимене.

— Ноэль и Джейн Маклеод, доктор Ксимена Локхарт, — представил Адам, обмениваясь поцелуем с Джейн. — И мы обещали не говорить сегодня на профессиональные темы. Ксимена как раз отделалась от пятидневного дежурства — все Рождество — и только-только перевела дух после того, как сегодня отоспалась.

— Боже мой! — сказала Джейн, пожимая Ксимене руку. — Вы ведете такую же ужасную жизнь, как Ноэль.

Еще минут двадцать они болтали о пустяках, только Маклеод время от времени отвлекался, приветствуя других братьев-масонов и высказывая мнение о порядке шествия или помогая приладить регалии, между делом подсказывая трем спутникам места, откуда лучше смотреть. Но очень скоро он простился и вышел из бара вместе с прочими масонами.

Допив пунш, Адам, Ксимена и Джейн тоже вышли, натягивая шапки и перчатки и застегивая пальто, и направились к месту, дающему хороший обзор, возле Меркат-Кросс. Полицейская машина в бело-голубых цветах Полиции Лотиана и Пограничья остановилась неподалеку у обочины, чтобы обеспечить контроль за толпой. Из-за погоды участников, казалось, было больше, чем зрителей, привлеченных светом факелов перед Домом Масонов на дальнем конце площади, пока оркестр готовился.

Ровно в шесть тридцать процессия двинулась к Меркат-Кросс двумя колоннами: факелonosцы от двадцати лет до девяноста с лишним в самой разнообразной зимней одежде, большинство носили масонские регалии поверх верхней одежды. Процессию возглавлял красивый темноволосый молодой человек в цилиндре и с обнаженным мечом — Привратник, как объяснила Ксимена с видом авторитетного специалиста, — а с двух сторон шествие сопровождали маршалы с длинными белыми жезлами. Оркестр играл веселую маршевую мелодию, в которой Джейн распознала «Веселого каменщика».

Всего было шесть волынщиков и примерно столько же барабанщиков, все явно замерзшие. Марширующие масоны растянулись во всю длину площади, когда голова процессии начала поворачивать по Меркат-Кросс по часовой стрелке; над их головами торжественно горели факелы. Маклеод шел примерно в середине колонны рядом с очень задумчивым Дональдом Кохрейном. Некоторые мужчины носили килты, что, по мнению Ксимены, выглядело очень странно в сочетании с цилиндрами, а на многих были традиционные котелки, часто ассоциируемые с официальной масонской одеждой. Поражало разнообразие фартуков, кордонов и прочих регалий, отражающее традиции буквально дюжины Масонских Лож, и все это образовало калейдоскопический водоворот красок и движения, когда они, в такт волынкам и барабанам, трижды обошли Меркат-Кросс.

Джейн усмехнулась и подхватила Адама и Ксимену под руки, когда Привратник повел процессию с Меркат-Кросс к улице, ведущей к аббатству.

— Теперь побежали к аббатству, — сказала она, — чтобы занять хорошее местечко. Тут всего несколько кварталов. Они не задержатся, так что надо торопиться.

* * *

Когда Адам и две женщины быстро пошли по Эбби-стрит к ярко освещенному аббатству, а последние масоны ушли с площади, мужчина, наблюдавший из тени возле «Отеля Берта», словно ненароком прошел между черным «БМВ» и белой «тойотой», припаркованными перед отелем, и остановился, опершись рукой на внедорожник, словно проверяя что-то на ботинке, потом положил что-то серебристое в снег, наваленный на капот машины, как раз за дворниками ветрового стекла. Цепочку он один раз обмотал вокруг основания самого дворника, так чтобы довольно длинный свободный конец свесился в одно из узких вентиляционных отверстий, прорезанный в этой части капота. То, что было закреплено на цепочке, не сможет соскользнуть и не будет замечено раньше, чем послужит своему назначению.

Он быстро пригнулся, чтобы зачерпнуть пару горстей снега, — и вся работа была прикрыта, а мужчина пошел дальше. Он шел по другой улице, ведущей к аббатству, и резко свернул, когда его уже нельзя было увидеть с площади, зная, что должен, пока не слишком поздно, сообщить соучастнику об изменении плана. Выбор между двумя машинами потребовал от него нескольких минут тяжелых размышлений, ибо у каждой были свои преимущества, но он был уверен, что его окончательный выбор представляет гораздо лучшую мишень, чем избранная предварительно.

Он достиг кованой железной ограды, окружающей аббатство, как раз когда первые ряды процессии масонов исчезали в южном входе аббатства, а остальные растянулись по занесенному снегом кладбищу на южной стороне аббатства. За воротами по-прежнему играл, обозначая шаг, оркестр, но главный волынщик шел в хвосте процессии, с завернутой волынкой под мышкой. Золотой свет факелов отбрасывал длинные, застывшие тени от древних надгробий, легкий снег мерцал на свету и опускался на белокурые волосы мужчины в красивом пальто цвета верблюжьей шерсти, стоявшего у лачуги уборщика возле закрытого сейчас главного входа.

Инспектор Чарльз Нейпир собрался с духом, поплотнее запахнув воротник пальто. Ребурн сначала рассердится, но, Нейпир был уверен, одобрит изменение планов.

Ребурн обернулся на скрип шагов по выпавшему снегу, его глаза расширились от удивления, когда он узнал приближающегося человека.

— Какого черта вы здесь делаете? — прошептал он. — Медальон на месте?

— О, на месте, — сказал Нейпир, дую на руки в перчатках, чтобы согреть их, — но не в аббатстве. Синклер здесь. Я видел, как он вышел из машины на площади. Маклеод тоже здесь, как я и ожидал, но Синклер лучшая мишень.

Ребурн, казалось, не верил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что самовольно изменили цель?

Нейпир не дрогнул, хотя это было трудно перед лицом нарастающего гнева Ребурна.

— Масонов мы можем уничтожить в любое время. А для хорошего удара по Синклеру у нас, боюсь, еще долго не будет случая. Он был бы самым желанным подношением. А без Мастера Охотничья Ложа уберется у нас с дороги на некоторое время — достаточное, чтобы исполнились планы Верховного Мастера.

Казалось, Ребурн охотно придушил бы Нейпира на месте.

— Я очень надеюсь, что мы справимся с этим, мистер Нейпир, — тихо прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Если что-то не получится, нам обоим придется встретиться с гневом Верховного Мастера, но я намерен внести полную ясность, кто виноват.

— Если вы сделаете то, что требуется, с этим ожерельем, — Нейпир указал на торк, выглядывающий из-под шарфа Ребурна, — то я потребую награду, причитающуюся за устранение Синклера. Идемте. Надо взять машину, чтобы мы были наготове, когда он

соберется уезжать.

* * *

В Мелроузском аббатстве последние звуки «Лесных цветов» замерли среди разрушенных стен; снежинки порхали на фоне ослепительного света огней на улице. Процессия масонов уже менее официально поползла из нефа к южному входу и снова по кладбищу, потом из ворот и на этот раз направилась прямо к Меркат-сквер по дороге, выводящей к Дому Масонов.

Адам и женщины снова обогнали их, чтобы занять место получше, срезав часть обратного пути по проулку с молодым констеблем в форме, знакомым Адаму по последнему приезду в Мелроуз. Они вышли из боковой улицы как раз вовремя, чтобы увидеть, как процессия сделала один круг по Меркат-Кросс и направляется к Дому Масонов, хотя Привратник остановился раньше. Потом пары мужчин начали расступаться, образовав проход, по которому прошли Привратник и маршалы с белыми жезлами, пока волынки продолжали играть «Веселого каменщика», а барабаны четко отбивали маршевый ритм. В конце ждали трое старейших среди присутствующих Мастеров — с белыми бакенбардами и в цилиндрах, — самый старший из них опирался на руки двоих помоложе.

Привратник и маршалы отдали салют и пошли обратно по проходу, а масоны по обеим сторонам сняли шляпы и выстроились за ними, так что колонна развернулась сама на себя. Это было замечательное зрелище: при свете факелов, под визг волынок и барабанный бой. Когда Мастера дошли до конца, они прошли под аркой, образованной белыми посохами маршалов, и вошли в дом, а процессия постепенно рассеялась.

— Что ж, Рэндаллу бы понравилось, — сказала Джейн, когда они шли через площадь к поджидающему Маклеоду. — Все было очень мило, хотя, подозреваю, из-за погоды кое-кто не пришел. Тем не менее подобающее воздаяние. Вам понравилось, Ксимена?

— Да, очень, — ответила она. — Я благодарна, что Адам взял меня. Вы и Ноэль поужинаете с нами?

— Спасибо, дорогая, но я собираюсь забрать мужа домой и отключить телефон, — откровенно сказала Джейн. — Сейчас первый за много недель вечер, когда мы предоставлены сами себе, и я намерена использовать это на полную катушку. Адам, даже не думайте свалить на него какой-нибудь новый кризис, или я не буду больше с вами разговаривать!

Адам хмыкнул и обнял Ксимену.

— Обещаю не нарушать вашу плановую ночь супружеского блаженства. А Ноэль знает об этом?

— Думаю, подозревает, — сказала она лукаво.

— Ясно. Тогда вы вряд ли захотите выпить с нами перед отъездом — хотя бы кофе?

— Ну, нет, — категорично сказала Джейн. — У меня в холодильнике ждет бутылка шампанского, и я не хочу, чтобы он заснул на мне. Было очень приятно познакомиться с вами, Ксимена. Надеюсь, еще увидимся.

С этими словами Джейн окликнула мужа и потащила его к черному «БМВ». Маклеод махнул рукой на прощание, увидев, как они идут мимо машин, и пожал плечами, словно говоря, что ситуация ему неподконтрольна, но вид у него был глуповатый, и он не возражал, когда Джейн запихнула его на пассажирское место, а сама села на водительское. Адам тихо смеялся, когда они с Ксименой входили в отель, чтобы найти ресторан.

— Наверное, очень трудно быть женой копа, — сказала она, когда они сели.

— Думаю, они разработали что-нибудь разумно удовлетворительное, — ответил он. — Они женаты почти тридцать лет. О, я вижу, сегодня в меню есть оленина. Искренне рекомендую.

Через час они уплели заслуживающий всяческих похвал ужин, запив его стаканом восхитительно мягкого «Мондави-Каберне», выбранного Ксименой. Когда они вышли к

машине, Адам чувствовал приятную сытость. Ксимена села в машину; он стянул полушубок и бросил на заднее сиденье, прежде чем сесть за руль. Меркат-сквер была уже почти пуста, большинство гуляк-масонов после Шествия разъехались по своим делам.

— Что ж, было очень интересно, — сказала Ксимена, тоже сняв куртку, прежде чем пристегнуться. — И очень милый городок. Думаю, мне бы хотелось как-нибудь вернуться сюда и как следует все разглядеть.

Адам завел двигатель и осторожно вывел «тойоту» на дорогу, направляясь к Дому Масонов. Он не заметил, что за ним по площади ползет черный «мерседес».

— Лучше всего весной, — сказал он. — Надо будет как-нибудь в хорошую погоду устроить пикник... когда бы это ни было в Шотландии, и приехать сюда на вашем «моргане». Или мы могли бы взять какой-нибудь из моих драндулетов.

— Ну хорошо, Адам Синклер! — сказала она. — Я устала от всех этих автонамеков! Сколько у вас машин и каких, что вы относите этот великолепный «бентли» к «драндулетам»?

— Ну, о «рейнджровере», который у меня был, вы знаете. — Он искоса посмотрел на нее и хитро улыбнулся. — А мой управляющий ездит на «лендровере», принадлежащем поместью... но это так, рабочая лошадка. Есть также разные тракторы и тому подобное. Потом есть почтенный «хамблер-эстейт», на котором Хэмфри ездит за покупками...

— Вы что-то скрываете от меня, — сказала она. — У вас есть что-то еще, особенное, о чем вы сознательно избегаете упоминать. Это должна быть какая-то открытая машина. Какая?

— Ну...

Внезапно низкий, предостерегающий рокот грома вторгся в его сознание вместе с ощущением неотвратимой угрозы, смертельной опасности. По-прежнему шел небольшой снег, слегка присыпающий ветровое стекло, и он покосился вперед и включил дворники, когда гром загредел снова. Он внезапно осознал, что над головой собираются черные тучи, хотя еще несколько минут назад небо было чистым. Далеко впереди, на севере, небо на миг озарила лихорадочная вспышка голубой молнии.

В тот же миг он заметил проблеск серебра под снегом, наваленном на капоте машины; дворники шевелили его, но не перемещали. Он крутанул руль вправо-влево, чтобы попытаться сбить медальон, но цепочка явно была на чем-то закреплена... а ощущение зла росло.

— Ксимена, прыгайте! — крикнул Адам, тыкая замок ремня безопасности, но не трогая тормозов. — Вон из машины и бегите как можно дальше! Там бомба!

Слово «бомба» подействовало на нее, как не смогло бы ни одно другое. Он протянул руку, чтобы дернуть за ее дверную ручку, яростно следя за кипящими над ними тучами, но Ксимена уже катапультировалась из открытой двери, крутанувшись, как в боевых искусствах, и оказалась в снегу по другую сторону дороги. Адам рывком распахнул свою дверь и выпрыгнул на ходу, когда снова загредел гром и обжигающая стрела молнии упала с неба, охватив машину уничтожающим взрывом бело-голубой энергии.

Глава 36

Взрыв расколол зимнюю тишину и покачнул землю. «Тойота» разлетелась на части. Упав в канаву в нескольких ярдах за обочиной, Адам закрыл голову руками, когда на снег посыпались искры и осколки стекла. Раздался второй взрыв — топливного бака. Потом он слышал только резкий рев химического пламени и звон в ушах.

Адам, дрожа, поднял голову. Клубы черного дыма поднимались к небу от все еще едущего остова «тойоты», освещенного снизу ослепительным светом горящего бензина.

— Ксимена! — хрипло закричал он. — Ксимена, вы в порядке?

Вместо ответа из кустов на другой стороне дороги с трудом поднялась темноволосая фигура в перепачканном арранском свитере и бросилась к нему, когда машина врезалась в

сугроб и остановилась, все еще пылая ярким пламенем.

— Со мной все о'кей, — выдохнула она, падая рядом с ним. — А вы? Боже, это действительно была бомба? Кому понадобилось подбрасывать бомбу в вашу машину?

— Кому-нибудь, кто хочет моей смерти, — сказал он, морщась от боли в лодыжке. — И, пожалуй, я позволю им думать, что я умер.

Со стороны города уже завывали сирены. Жмурясь из-за яркого света от горящей машины, он огляделся, пытаясь определить, где они находятся. Когда ударила молния, на дороге больше никого не было, но теперь машины собирались с обеих сторон. Он решил, что они, должно быть, где-то недалеко от отеля «Уэверли-Касл». Если повезет, они смогут взять там такси и убраться до того, как кто-нибудь приедет добить их.

«Тойота» еще пылала. Первые несколько машин остановились, из них выскакивали водители и собирались вокруг, осторожно пытаясь подобраться поближе и посмотреть, есть ли кто внутри. Схватив Ксиму за руку и пригнувшись, он нырнул в темноту, направляясь на слабый свет огней за деревьями.

Они вышли к отелю минут через десять и сумели взять такси. «Тойота» еще горела, когда их шофер объехал ее, направляясь в другую сторону от Мелроуза, но машины аварийных служб прибыли и сбивали пламя химикатами. Адам смотрел в заднее стекло такси, пока эта картина не исчезла из виду, а когда они доехали до поворота на А68, велел шоферу вместо поворота на север, к Эдинбургу, повернуть на юг.

— В Ньюкасле есть аэропорт, не так ли? — спросил он.

— Ага, сэр. — Шофер поглядел на них в зеркало заднего обзора. — Хотя это будут крутые деньги. Там, наверное... х-м-м-м, миль 60-70.

— Ста фунтов хватит? — сказал Адам.

— С квитанцией или без? — ответил шофер.

— Без.

— Тогда хватит.

— Поехали.

Начиная дрожать от холода и запоздалого шока, Адам обнял Ксиму и для успокоения, и для тепла, и попытался думать, пока машина мчалась на юг по заснеженному шоссе А68. К счастью, она неплохо чувствовала его настроение — и необходимость не говорить ничего, что мог бы подслушать шофер, — и молчала, хотя он понимал, что ее переполняют вопросы.

Противники снова попытались убить его — на этот раз без предварительной подготовки, ибо не могли знать, что он собирается быть сегодня в Мелроузе, но все равно предприняли попытку. Масштаб атаки предполагал, что первоначально, как и допускал Маклеод, планировался еще один удар по масонам, поскольку все знали, что они соберутся в одном месте на ежегодное празднование Кануна дня святого Иоанна. Но в последний момент кто-то изменил план и вместо этого попытался убить Адама.

Это означало, что они его боятся. И если бы Адам мог привлечь союзников среди других...

К тому времени, как водитель остановился перед зданием аэропорта в Ньюкасле-на-Тайне, было за полночь. Оставив Ксиму ждать в такси, Адам зашел внутрь и выяснил, что на сегодня рейсов больше нет: Ньюкасл совсем не Хитроу и даже не Эдинбург-Тернхаус, — зато узнал расписание на следующее утро. Когда он вернулся в такси, получив деньги в банкомате, то приказал шоферу отвезти их в гостиницу при аэропорте и дал лишние двадцать фунтов.

Администратор за конторкой по крайней мере притворился, будто верит в его рассказ об автомобильной аварии и пропавшем багаже и дал им ключи от номера на двоих на третьем этаже. Когда они оказались в номере за запертой дверью, Ксима с потемневшими от напряжения глазами наконец нарушила молчание.

— Я слышала об очень хитрых планах по завлечению женщин в постель, Адам Синклер, но тебе на самом деле не пришлось бы идти на все эти неприятности, — сказала она, опускаясь в одно из кресел у круглого столика в изножье кровати.

Открыв мини-бар в коридоре к ванной, Адам вытащил банку коки.

— Выпьешь?

— Что-нибудь безалкогольное и недиетическое... Адам, что происходит?

Вытащив вторую коку, он захлопнул дверцу, прихрамывая подошел и сел напротив, не сказав ни слова, пока не вскрыл банку и сделал долгий глоток.

— Это связано с моей полицейской работой. Боюсь, я не имею права вдаваться в подробности. Я понятия не имел, что сегодня дойдет до обострения, иначе не взял бы тебя. Мне очень жаль.

— Ну, ты же не мог знать... И все обошлось. — Она помолчала. — Ирландская Революционная Армия?

— Нет, — сказал он категорически. — Совсем другие террористы. Послушай, мне надо сделать пару телефонных звонков. Почему бы тебе не принять душ и помыться, а я расскажу тебе побольше, когда буду больше знать, ладно?

— Ладно.

Когда дверь ванной закрылась и полилась вода, он взял телефон и набрал номер Маклеода, на случай, если Джейн не выполнила угрозу отключить телефон. Он звонил и звонил, а ответа, как и ожидалось, не было. Потом он позвонил домой. Филиппа уже спала, но мгновенно проснулась, услышав новости.

— Так что я хочу, чтобы завтра ты притворилась несчастной матерью, — сказал он ей, объяснив свой план. — Я не могу дозвониться до Ноэля и рассказать, что произошло, поэтому утром, как только позволят приличия, поезжай к нему в управление, отведи его в сторонку и скажи, что я в безопасности. Звонить туда нельзя из-за агента Рыси в полиции: линию могут прослушивать.

Если ты не сумеешь до него добраться, он узнает обо всем либо от прокатной компании, потому что машина оформлена на его имя, либо из обычного полицейского рапорта о взрыве машины в Мелроузе, — и предположит очевидное. Не знаю, собирался ли Перегрин вернуться домой на ночь, но постарайся передать словечко и ему.

— Понимаю, дорогой, — сказала она. — Я обо всем позабочусь. А пока что ты собираешься делать?

— Вернуться в Эдинбург как можно тише, способом, которого противник, вероятно, не ожидает. Я еще не разработал детали, но могу тебе сказать, что постараюсь быть на Уэверлистейшн завтра вечером. Позвоню кому-нибудь и попрошу известить Ноэля, когда должно начаться празднование Нового года у его брата. Вычти из этого времени два часа, вот тогда-то я и буду на Уэверли. Поняла?

— Конечно, дорогой. Что-нибудь еще?

— Сейчас ничего больше не могу придумать. — Он оглянулся на дверь ванной, где прекратился звук текущей воды. — Мне пора. Скоро из ванной выйдет прекрасная, умная и очень чуткая женщина, которая хочет, чтобы ей многое объяснили.

— О, только не убей настроение, объяснив слишком много, дорогой, — насмешливо сказала Филиппа. .

— Да, мама. Поговорим позже. Я люблю тебя, — добавил он, кладя трубку.

Ксимена вышла через несколько минут в гостиничном махровом халате с монограммой и закрученным полотенцем на голове. Адам подумал, что никогда не встречал женщины, к которой бы его больше тянуло, на всех уровнях, и никогда он не чувствовал себя настолько нерасположенным даже выбраться из кресла.

— Похоже, тебе тоже надо бы воспользоваться душем, — сказала она, снова сядя напротив него и снимая полотенце с волос. — Можешь сказать мне что-нибудь еще, теперь, когда ты позвонил?

— Сначала приму душ, — сказал он, хватаясь за возможность еще немного оттянуть неизбежное, и поднялся на ноги.

Он стоял под горячей водой, пока напряженные мускулы не начали расслабляться, позволяя потоку воды прочистить и разум, и через четверть часа вышел, чувствуя себя почти

человеком. Ночное приключение оставило новые синяки, но, исключая стойкую боль в левой лодыжке и возобновившуюся боль в плече, он легко отделался. Ксисмена сидела на постели, приклонившись к подушке, и смотрела телевизор, но нажала кнопку выключения, как только открылась дверь ванной и похлопала по кровати рядом с собой жестом, не допускающим отказа.

— О'кей, я тут подумала, — сказала она, обезоруживая его прямым взглядом, когда он осторожно присел рядом. — Ты явно не хочешь говорить о том, что произошло сегодня вечером, да и я, пожалуй, не хочу слышать об этом. Но сегодня мы оба едва не погибли — и это было жутко. Так что я бы просто хотела, чтобы ты обнимал меня, пока я не перестану дрожать и уверю себя, что смогу жить с этим знанием, если намерена проводить с тобой много времени. А потом я хочу заняться с тобой любовью — из-за твоего образа жизни, боюсь, у меня может не оказаться другого случая.

Ее самообладание дало трещину, и через мгновение он уже целовал слезы, которые она старалась удержать, — ошеломленный, польщенный и только немного недоверчивый, что для нее это так много значит. Позже, когда он плыл на волне удовлетворения между полным сознанием и сном, он задумался, куда это приведет, — и решил, что, что бы ни произошло, она не пострадает от этой связи.

Когда он наконец уснул, то спал без сновидений, а разбудил его утром шум воды в душе и аромат чашки чая у постели. Через час он с большой неохотой проводил ее на утренний рейс в Эдинбург.

— Я позвоню тебе, как только все это уладится, — пообещал он, когда они прощались в аэропорту. — А пока ты ничего об этом не знаешь.

Она явно ничего не поняла, но, очевидно, доверяла ему достаточно, чтобы не устраивать сцену. Посмотрев, как улетает ее самолет, он подошел к телефону-автомату и набрал рабочий телефон Маклеода. Поговорив ночью с Филиппой, он придумал способ предупредить своего заместителя... если Маклеод уловит неясный намек, который Адам осмелился передать по полицейской линии.

— Инспектора Маклеода, пожалуйста, — сказал он, когда полицейский телефонист снял трубку.

— Маклеод слушает, — произнес через несколько секунд знакомый голос.

— Не реагируйте, — сказал Адам, стараясь вложить в приказ как можно больше силы. — Вы по-прежнему Заместитель.

С этими словами он тихо повесил трубку. Если линию не прослушивают постоянно, этого больше никто не слышал... а если прослушивают, то не поймут, что это означает. Он надеялся, что Маклеод понял. Отодвинув эту проблему на задворки разума, ибо от беспокойства никакого толку не будет, он в ожидании рейса на Глазго занялся просмотром утренних газет, высматривая упоминания о происшествии в Мелроузе накануне вечером.

* * *

Тем временем Маклеод положил трубку своего телефона в некоторой растерянности. Голос был определенно Адама, но вот загадочные слова...

— Доброе утро, инспектор, — сказал Кохрейн, осторожно заглядывая в открытую дверь кабинета. — Слыхали о бомбе в машине и пожаре вчера вечером на дороге из Мелроуза?

Маклеод безучастно поднял голову.

— Что там, Дональд?

— Это в рапортах о происшествиях за ночь. — Он передал Маклеоду пачку факсов. — Наверное, случилось, когда я уехал. Полиция Мелроуза говорит, что это был настоящий взрыв. Они не знают, кто был за рулем, но не похоже, что он выбрался. Антитеррористическая бригада привезла остатки для исследования.

Похолодев, Маклеод пробежал глазами рапорт и, поправив авиационные очки, потрясение устался на описание белой «тойоты-лендкрузера».

— Иисусе Христе, эту машину я арендовал для Адама! — прошептал он.

И, произнеся эти слова, он понял, что означал таинственный телефонный звонок. Адам не погиб во взорванной «тойоте», но хотел, чтобы его считали погибшим. Сняв очки, Маклеод закрыл лицо руками, чтобы спрятать облегчение, вознося беззвучную благодарственную молитву, что Кохрейн понял как внезапный шок от потери.

— Это была машина сэра Адама? — отважился молодой констебль.

— Угу, — дрожащим голосом прошептал Маклеод, по-прежнему не смея поднять глаза из опасения выдать себя. — Дай мне несколько минут, ладно, Дональд? И посмотри, что еще сможешь узнать: куда отвезли машину и так далее.

Через двадцать минут, когда Маклеод сочинил подходящую историю и в душе настроился на роль, которую теперь должен был играть, Кохрейн постучал в дверь и извиняющимся тоном доложил о том, что узнал. Крепко сжав челюсти, Маклеод взял шляпу и пальто и вышел вместе с молодым констеблем, якобы чтобы пойти на полицейскую стоянку, где была взята машина, но равно и для того, чтобы избавиться от пристальных взглядов. Видимо, в отсутствие Дональда, известие распространилось, и по дороге к лифтам Маклеод ощущал, как его провожают взгляды сочувствия и жалости. Они уже подходили к главному входу главного управления полиции, когда он увидел, как у тротуара останавливается темно-синий «бентли» и из него выходит Хэмфри, чтобы открыть пассажирскую дверь.

— О Боже, это мать Адама, — пробормотал он. — Дональд, иди-ка за машиной, ладно?

Когда молодой констебль ушел, явно испытывая облегчение, что избавлен от встречи, которая сейчас произойдет, из «бентли» вышла одетая в черное Филиппа. Позади нее, в тени заднего сиденья Маклеод разглядел ословелого Перегрин Ловэта, одетого в мрачный темный костюм. По выражениям их лиц он не мог судить, знают ли они, что он знает... или даже знают ли они. Неужели они считают, что Адам действительно погиб?

Пока он обдумывал, как подойти к этому деликатному вопросу, учитывая вероятные назойливые взгляды, Филиппа бросилась в его неловкие объятия и, прижавшись лицом к его плечу, пробормотала:

— Не смейте реагировать, Ноэль Маклеод, но он жив и невредим. Он звонил мне вчера ночью из Ньюкасла. Ну, давайте изобразите, что плачете, пока не задохнулись.

Огромное облегчение заставило Маклеода так и сделать, и он на несколько минут сел вместе с ней и Перегрином на заднее сиденье «бентли», чтобы прийти в себя и рассказать им о своем таинственном звонке, пока мрачный Хэмфри закрыл дверь и стоял на страже.

— Так что он хочет, чтобы все было тихо и чтобы вы присмотрели за этими приготовлениями, — сказала Филиппа, объяснив план Адама. — Сможете устроить это?

— Ага, потребуется кое-что сделать, но... ага, все можно устроить.

Когда они проработали оставшиеся подробности, Маклеод вылез из машины, следом за ним вышел Перегрин.

— Нам надо будет поддерживать эту шараду даже перед Дональдом, — сказал он художнику, когда они направлялись к полицейской машине, где ждал Кохрейн. — Я ему полностью доверяю, и со временем он все равно узнает, но, думаю, пока Адам не вернется, чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Что означает, что нам еще надо выдержать осмотр машины. Постараемся поддержать официальную версию с бомбой... что, в известном смысле, и было, если Рысь шарахнула по ней молнией.

Обгоревший корпус на стоянке облегчил поддержание домысла о смерти Адама, ибо, конечно, никто не смог бы выжить в этом аду. Страшный жар изогнул боковые панели, закоптил стекло и даже скрутил тяжелую раму. Внутри все было уничтожено и все еще гнетуще воняло паленой пластмассой и, еще хуже, сожженной животной кожей, даже после ночи под снегом и купания в химикатах, сбивающих пламя... но это явно было не от человеческой плоти, а от сожженных остатков когда-то красивого полушубка и кожаной куртки, едва заметных на том, что осталось от заднего сиденья.

Снаружи машины нашлась еще одна интересная улика. Рассматривая скрученный

капот, Маклеод нашел расплавленные остатки медальона Рыси, настолько почерневшего и перекрученного, что оказалось невозможным сдвинуть его и почти невозможным разобрать, что это такое.

— Знаете, — сказал Кохрейн, подозрительно тыкая в закопченное пятно, — это очень похоже на то, что я нашел в Балморале. Вы не думаете, что в машину тоже ударила молния?

— Не знаю, — устало сказал Маклеод. — Думаю, я предоставлю работать дальше экспертам. У меня на это нет пороха. Поехали обратно в управление. Мне надо сделать несколько звонков.

* * *

Тем временем Адам приземлился в Глазго и теперь занялся собой перед возвращением в Эдинбург. Он чувствовал себя и выглядел довольно неряшливым, по-прежнему во вчерашних грязных плисовых брюках и свитере, да еще и замерзшим, поэтому попросил таксиста отвезти его к магазину, где продаются излишки военного обмундирования. Там он купил камуфляжные брюки, черный свитер с высоким воротом, как у подводника, и анорак цвета хаки, какие носят в спецназе; его сапоги еще были вполне пригодны.

К тому времени, как он добавил к отросшей за сутки щетине черную вязаную шапку, в нем не осталось ничего от элегантного и утонченного сэра Адама Синклера, которого знакомые — и враги — узнавали моментально. Остальную одежду он сложил в пластиковую сумку, надеясь, что налет домашности сделает его вид менее угрожающим. Но даже так люди на улицах старались обходить его, когда он шел на Центральный вокзал Глазго, чтобы подождать поезд до Эдинбурга. Он пришел задолго до отправления поезда, которым собирался ехать, но ему еще надо было позвонить.

* * *

Через несколько часов в кабинете Ноэля Маклеода прозвучал второй за день таинственный телефонный звонок — от человека, которому Адам позвонил раньше.

— Ноэль, старина, рад, что застал тебя, — произнес отрывистый, военный голос на другом конце провода. — Мой брат просил меня сказать, что ты приглашен на обед перед празднованием Нового года в понедельник. Было бы великолепно, если бы ты появился около восьми.

— Да, конечно. Большое спасибо, что сказал, — ответил Маклеод, поглядев на часы: было около шести. — Я не хотел бы пропустить это.

— Тебе будут очень рады, — сказал голос. — Надеюсь, скоро увидимся.

Звонивший отключился, и Маклеод положил трубку, тяжело вздохнул и встал, потянувшись за пальто и шляпой. Перегрин и Кохрейн тоже поднялись и, взяв вещи, неловко вышли за ним из кабинета.

— Джентльмены, по-моему, это был чертовски мерзкий день, и, по-моему, пора по домам, — сказал Маклеод для возможных слушателей. Он закрыл дверь кабинета и запер. — Не знаю, как вы, а я, например, собираюсь как следует напиться.

Только когда все трое исчезли в коридоре, Чарльз Нейпир взял пальто и шляпу и поспешил за ними, сломя голову промчавшись по черной лестнице, пока его добыча ждала лифт. Наблюдать, как Маклеод весь день страдает из-за смерти Синклера, было почти так же приятно, как устранить самого Маклеода, — что Нейпир так же надеялся очень скоро совершить. Он наблюдал из неприметной голубой «мазды», как все трое вышли из главного входа, как Ловэт пошел с Маклеодом, и предпочел следить за ними, а не за Кохрейном, которого считал незначительным.

Он следовал за черным «БМВ» до самой Уэверли-стейшн, остановившись в красной зоне чуть дальше на улице, когда Ловэт вышел из машины и нырнул внутрь. Художник вышел через несколько минут с высоким, темноволосым человеком в одежде армейского

образца, который двигался очень похоже на Адама Синклера... но ведь Синклер погиб.

Или нет? Эта мысль привела Нейпира в панику, ибо, если Синклер не погиб, это означало, что у Нейпира серьезные неприятности. С колотящимся сердцем он ухитрился подобраться поближе в разгар часа пик, чтобы получше разглядеть человека в черной шапке на заднем сиденье «БМВ» — как раз перед тем, как Маклеод неожиданно повернул направо и исчез в потоке машин. Ругаясь, Нейпир стукнул кулаком по рулевому колесу: он никак не мог прорваться через движение и последовать за ними.

Потому что это был Синклер! В этом-то Нейпир был уверен. Он не представлял себе, как Синклер ухитрился выжить при взрыве, но как теперь не имело значения. Горькая реальность была в том, что он сделал это! И доложит ли Нейпир о том, что только что увидел, или нет, когда известие в конце концов дойдет до Верховного Мастера, а дойдет неизбежно, у Нейпира будут неприятности. Нет, гораздо лучше рассказать Ребурну сейчас и попробовать как-то спасти ситуацию. Может быть, он еще сумеет вечером отыскать и Синклера, и Маклеода и убить их, — а заодно и Ловэта!

Вспотев под пальто, Нейпир остановился рядом с телефонной будкой, поставил голубую мигалку на крышу машины и вышел, дрожащими пальцами нащупывая в кармане телефонную карточку и номер телефона, который Ребурн дал ему накануне. Набирая номер, он чувствовал, как пульсирует кровь в ушах. Когда ответил женский голос, он, испустив дрожащий вздох, назвал и попросил Ребурна.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он, услышав в трубке голос Ребурна. — Я... э-э... должен сообщить неприятную новость.

На другом конце провода, в пентхаусе, расположенном в одной из самых фешенебельных частей города, Фрэнсис Ребурн, холодея, выслушал инспектора.

— Ясно. Вы уверены, что это был Синклер?

— Хотел бы я ошибиться, — горько сказал Нейпир.

— О да, — пробормотал Ребурн, лихорадочно думая. — Хорошо. Вы звоните из дома?

— Нет, сэр, из телефона-автомата рядом со станцией.

— Поезжайте домой. Ничего не предпринимайте. Избегайте дальнейших контактов, если вдруг он обнаружится. Их розыгрыш оборачивается к нашей пользе. Выпейте и отдохните. К утру я решу эту шараду.

— Да, сэр. Спасибо, мистер Ребурн.

Когда Нейпир отключился, Ребурн нажал на рычаг телефона, на мгновение задумался, потом набрал номер.

— Ребурн, — сказал он, когда ответил хриплый голос. — Попросите, пожалуйста, мистера Шарфа и мистера Дилени немедленно подъехать на квартиру. Есть задание.

* * *

В ту ночь в маленькой гостинице недалеко от Минто-стрит, которой Маклеод и раньше пользовался как укрытием для находящихся в опасности свидетелей, они с Перегрином выслушали рассказ Адама о том, что произошло прошлой ночью. Потом Адам дал свою оценку ситуации и обрисовал план, в котором со времени разговора с Филиппой появились новые детали.

— Вы правы, — сказал Маклеод, когда Адам закончил, — и, кажется, я знаю, к кому обратиться. Нам нужно изложить это высокопоставленным офицерам полиции, которые одновременно являются масонами и смогут принять эзотерический элемент. Днем, пока мы ждали новостей от вас, я прикинул несколько имен, но не хотел начинать действовать, не поговорив с вами, — просто чтобы убедиться, что все правильно понял. Утром мы сможем выяснить это лично, и все завертится.

Они сумели поспать несколько часов, а на следующее утро направились в Главное управление полиции. Маклеод и Перегрин выглядели довольно прилично, Адам в анорাকে цвета хаки и черной шапочке был похож на переодетого копа. Как раз минуло девять, когда

они въехали на стоянку, где их встретил полисмен, сделавший Маклеоду знак опустить стекло.

— Можете не парковаться, инспектор, — сказал он, наклонившись к Маклеоду. — У нас чрезвычайное происшествие под Форт-Бриджем. Убит офицер полиции... очень грязно, судя по тому, что я слышал. По слухам, похоже на масонскую казнь.

Лицо Маклеода застыло. Адам наклонился поближе, чтобы лучше слышать.

— Известно, кто жертва? — спросил Маклеод.

— Говорят, Чарльз Нейпир.

Что-то пробурчав, Маклеод быстро развернул машину, жестом попросив Адама вытащить из-под сиденья мигалку, и поехал в сторону Фетес-авеню и на Камли-бэнк. Перегрин внутренне приготовился к гонке. Адам поставил и включил мигалку, когда они пронеслись по круговой развязке и дальше по Крэйглейт-роуд, немного замедлив ход перед переездом на Квинсферри-роуд.

— Ну что же, учитывая наши давние подозрения насчет Чарльза Нейпира, не могу сказать, будто я потрясен, — сказал наконец Маклеод, используя преимущество мигалки, чтобы пробиться через перекресток. Он нажал на газ, когда дорога расчистилась, и «БМВ» помчался на запад. — Хотя я бы не пожелал ему такого.

— Думаете, это сделали масоны? — спросил Адам.

— Конечно, нет. Хотя дело все равно плохо: очень убедительная инсценировка. Если все выполнили в традиционном стиле, то жертву привязали между приливом и отливом вчера ночью. Сверх того, я не могу предсказать, как далеко зашли убийцы.

Следующие минут десять он подробно и красочно рассказывал им о наказаниях, предписанных обязательствами, которые берут все масоны во время различных посвящений, если они когда-нибудь предадут Мастерство.

— Не то чтобы эти наказания предназначались для буквального осуществления, — сказал он, сворачивая на развязку к Эдинбург-роуд над дорогой, по которой они только что проехали. — Я всегда считал наказания в основном просто словесными украшениями, подчеркивающими серьезность обетов. Согласен, бывали известные примеры так называемых масонских казней. Но их обычно совершали немасоны — именно потому, что жертва была масоном и должна была почувствовать весь ужас знания подобной смерти.

Он встревоженно посмотрел на Перегрин в зеркало заднего обзора.

— Это, наверное, будет очень жестоко, сынок... даже хуже, чем то, что мы видели в Блэргаури. Постарайтесь вспомнить, что именно он, вероятно, подложил ту бомбу с рысью и почти наверняка пытался убить Адама прошлой ночью. Знаете, мне показалось, будто я видел его в Мелроузе, но я отмел это с порога. Сказал себе: «Что ему масонские дела?»

— Вероятно, Нейпиру приказали подложить медальон, чтобы вызвать удар молнии по аббатству и убить всех масонов, — сказал Адам, — да только он решил, что я — более ценная мишень. Наверное, я должен чувствовать себя польщенным...

Они уже видели впереди Форт-Бридж — железнодорожный, а не многополосный автомобильный мост через Ферт-оф-Форт, который находился немного дальше к западу. Маклеод резко затормозил, входя в последний поворот перед тем, как дорога прошла под мостом, и поехал еще медленнее, когда заметил несколько дюжин полицейских машин, собравшихся на западной стороне. На песке прямо под мостом вдоль берега разбрелись люди; на многих были аноракки с надписью «ПОЛИЦИЯ» на спине. Маклеод тихонько выругался, осторожно пристраивая «БМВ» рядом с большим черным «фордом-гранадой».

— Машина начальника управления, тоже высокопоставленного масона, — пробормотал он, прежде чем вылезти. — Он почти никогда не выезжает на место. И его не было в моем списке. Это может быть очень неприятно.

Крепко сжав губы, Маклеод провел их мимо полицейского кордона на берег, где брезент закрывал все, кроме руки, несомненно, принадлежащей жертве. Среди беспокойно стоявших в стороне был Дональд Кохрейн и, кажется, как ни странно, давал показания сержанту в форме. Когда он увидел приближающегося Маклеода со спутниками, то с некоторым трудом

освободился от разговора и подбежал к ним.

— Я рад, что вы здесь! — тихо сказал он. — А сэр Адам...

— Мы объясним позже, — пробормотал Адам. — Что здесь происходит?

Кохрейн поморщился и с отчаянием посмотрел на Маклеода.

— Инспектор Нейпир, сэр... Тот, кто это сделал, скопировал все классические масонские наказания. Но ведь он даже не был масоном. Он ненавидел нас...

Маклеод выразительно вздохнул, а Адам обменялся встревоженным взглядом с Перегрином.

— Ну, по крайней мере на этот раз хоть не один из наших, — вслух сказал Маклеод. — В некотором отношении это хуже, потому что обвинят именно нас.

— Уже обвиняют, сэр, — пробормотал Кохрейн, оглядываясь на нетерпеливо ждущего сержанта. — Меня спрашивали, как я вчера провел вечер и почему не был в Ложе.

— Тогда иди обратно, парень, и займи их ненадолго, пока мы быстренько поглядим на жертву, — сказал Маклеод, проходя мимо Кохрейна и направляясь к брезенту.

Друзья последовали за ним. Адам внимательно разглядывал людей вокруг, сознавая, что они наблюдают за ними с различными степенями интереса и враждебности. Для Перегринна ситуация оказалась гораздо более напряженной, чем любое из мест преступления, которые он до этого посещал вместе с Адамом и Маклеодом... возможно, потому, что кое-кто смотрел на него с подозрением.

Жертву пока не трогали, хотя судебная бригада давно приехала, поскольку начинался прилив. Как и предсказывал инспектор, тело находилось между границами прилива и отлива, лодыжки и запястья были привязаны к вбитым в песок колышкам. Перегрин поспешно отвел взгляд, когда понял, что этого человека распотрошили. Адам и Маклеод подошли ближе, чтобы взглянуть на лицо жертвы и убедиться, что это действительно Чарльз Нейпир.

Трудно было сказать, какая из ран оказалась смертельной. Глубокий разрез в нижней части живота открывал белесоватый узел внутренностей, кишки были вытащены из раны почти до ног, а горло перерезано от уха до уха. Недоверчивое и мученическое выражение лица предполагало, что перед смертью несчастный точно знал, что с ним происходит, но в разинutom рту виднелся только обрубок языка.

— Иисусе, — прошептал Маклеод, опуская брезент, и, побледнев, отвернулся.

Адам быстро глянул на Перегринна, когда подошла судебная бригада с носилками и мешком для тела. Но художник, хоть и бледный, смотрел на происходящее с напряженным вниманием, видя что-то за пределами доступного, и, надо надеяться, запоминал образы, чтобы позже перенести их на бумагу. Адам уже отметил хмурые взгляды, бросаемые в сторону Маклеода определенно немасонскими сотрудниками, постепенно собиравшимися в кучку на берегу, и, взяв Маклеода за локоть, начал уводить его и Перегринна от трупa.

— Это будет трудно спустить на тормозах, — пробормотал он. — Они разбиваются на два лагеря. Думаю, нам лучше отыскать кого-нибудь из тех масонских начальников широких взглядов, о которых вы упоминали вчера вечером.

— Слишком поздно. Нас уже нашли, — ответил Маклеод, многозначительно глядя мимо Адама на изящного седого человека, спускающегося к ним в окружении полисменов. — Не задавайте бесполезных вопросов и не сопротивляйтесь.

Они спокойно смотрели на приближающихся людей. Их предводитель остановился и посмотрел на Адама и Перегринна, его люди окружили их. Он был одет в штатское, но Адам предполагал, что это, вероятно, начальник управления, рядом с машиной которого они припарковались. Когда Маклеод не отвел взгляда, седой щеголь кивнул ему, стянул перчатку и нетерпеливо похлопал ею по другой руке.

— Старший инспектор Маклеод, — сказал он спокойно; серые глаза были холодны, как зимние воды Ферта у него за спиной. — Брат Маклеод. — На его руке было масонское кольцо. — Надеюсь, вы тут ни при чем.

— Хотелось бы надеяться, сэр, что у вас нет сомнений на этот счет, — ответил Маклеод, не моргнув глазом.

— Мне тоже хотелось бы надеяться. Однако для меня не прошло незамеченным, что, что бы ни происходило с нашими братьями последнее время, вы неизменно оказываетесь поблизости — вы и ваши друзья. Я попрошу вас спокойно пройти с нами, но вполне могу и арестовать, если вы возражаете.

— Мы пойдем спокойно, сэр, — сказал Маклеод.

— Мудрое решение. — Начальник перевел взгляд на Адама. — Сэр Адам Синклер, не так ли? Вчера прошел слух, что вы погибли.

— Я Синклер, — признал Адам. — И я явно не погиб.

— Да. Невольно задумываешься, нет ли связи между фактом, что вы не погибли, и фактом гибели Нейпира. А вы — Ловэт, художник, — продолжал он, перенося внимание на Перегрину.

Перегрин промолчал, только резко дернул подбородком в знак согласия, надеясь, что не выглядит так глупо, как чувствует себя.

— Прекрасно, — сказал начальник управления, взглядом подозревая четверых мужчин в черной одежде специалистов по оружию. — Поедете с этими господами. Увидимся через несколько часов. Инспектор Кроуфорд, пожалуйста, идите с ними.

Просто одетый человек помоложе подошел к ним, когда четверо офицеров вели Маклеода, Адама и Перегрину к закрытому полицейскому фургону, припаркованному на дороге. Через полчаса их быстро провели через черный вход Главного управления полиции в недра здания, где оставили в запертой комнате, которая, с точки зрения Перегрину, слишком уж напоминала камеру.

— Что происходит? Что они сделают с нами? — спросил Перегрин, когда в коридоре лязгнула дверь и воцарилась тишина.

Адам поднес палец к губам и покачал головой, а Маклеод молча указал на крохотные выпуклости в углах комнаты, давая понять, что там спрятаны микрофоны.

— Надо просто подождать, паренек, — сказал инспектор. — Не беспокойтесь. Мы в хороших руках.

Они стали ждать. По очереди подремали, поскольку Адам намекнул, что сон будет слишком дорогим удовольствием, когда все снова придет в движение. Перегрин играл с мыслью сделать набросок того, что он увидел на берегу, но там было что-то, что не хотело быть нарисованным, очень возможно, что сам Ребурн, и на некоторое время художник бросил попытки, чтобы повторить их в менее угрожающей лично ситуации. Около часа человек по фамилии Кроуфорд принес им бутерброды и кофе и по одному сводил в туалет в конце коридора, но дал понять, что ему приказано не разговаривать с ними.

Вскоре после двух начальник управления вернулся с еще одним человеком примерно того же возраста, не полицейским офицером, в котором Маклеод вроде бы признал высокопоставленного эдинбургского масона и одного из старших офицеров Шотландии.

— Пожалуйста, не вставайте, Маклеод, — сказал он, делая им знак сидеть, когда они с начальником управления вошли и поставили кресла напротив них. — Насколько я понимаю, вы знаете, кто я, но предпочитаю не называть имен. Я не буду использовать полицейские или масонские звания, и вы можете просто называть меня «сэр». Согласны?

Когда новоприбывшие сели, «сэр» положил на стол между ними портативный магнитофон. Маклеод переглянулся с Адамом, и тот кивнул ему.

— Согласен... «сэр».

— Спасибо. — Человек включил магнитофон и откинулся на спинку кресла.

— Итак. От внимания наших общих начальников не укрылось, что за последние несколько недель произошли чрезвычайно странные события, сосредоточенные вокруг смертей большого числа наших Собратьев. Довольно интересно, вы и двое ваших товарищей, кажется, всегда в гуще происходящего. Это заставило нас заподозрить, что вы знаете об этих инцидентах гораздо больше, чем до сих пор считали нужным поделить с кем-либо.

Маклеод как-то неловко пошевелился. Братские обеты обязывали его выполнить приказ, но он не был уверен, как много или как мало сказать теперь, когда момент настал.

Адам ожидал чего-то подобного с минуты, когда начальник управления подошел к ним под мостом. Видя, что его Заместитель все еще подыскивает слова, Адам решился вмешаться.

— Простите, если я перебиваю, — сказал он, поглядев на Маклеода, — но, как человек посвященный, я лучше смогу объяснить некоторые аспекты случившегося. Если мы не пришли к вам добровольно ранее, то только потому, что сами еще ищем объяснения. Я ни на миг не претендую на то, что то, что я скажу, прозвучит логично или даже правдоподобно... но надеюсь, что вы и те, кому вы доложите, — он указал на магнитофон, — все-таки отнесутся ко мне терпеливо.

С этими словами он легко положил руки на подлокотники кресла и изящно сплел пальцы. Перегрин заметил у него на руке кольцо; оно зловеще светилось на фоне черного свитера, подчеркивая его властность — хотя бы только в глазах Перегрина.

— Итак. Пресса носилась с предположением о сверхъестественном вмешательстве... а Ноэль старался направить их в другом направлении, поскольку это его работа — на нескольких уровнях. Мне не следует углубляться в подробности, но те, кто избрал ваш Орден, своих врагов, мишенью, сделали это, по крайней мере, частично, из-за природы вашей эзотерической работы по поддержанию Храма — то истинное строение, уничтожить которое стремятся ваши враги.

— О да, — кивнул он, увидев испуг, промелькнувший в глазах слушателей. — Хотя я, не будучи сам масоном, не знаком с сокровенными деталями ваших священных мистерий, но тем не менее знаю, какого рода работой вы занимаетесь. Между тем мои коллеги и я занимаемся подобной работой — не такой же, как ваша, но, несомненно, дополняющей ее. Вот почему мы осознали опасность, нависающую над вами и вашими братьями последние два месяца... опасность, над распознанием и противостоянием которой мы с тех пор работали.

Чувствуя, что полностью завладел вниманием слушателей, он кратко изложил основные элементы того, что он и его товарищи смогли узнать о деятельности Ложи Рыси, подчеркивая, что заряженные медальоны действовали как радиокompас для наведения ударов молнии. Он пропустил только свои собственные предположения о личности Верховного Мастера, несомненно, направляющего Рысь и любые упоминания о самой Охотничьей Ложе. К тому времени, как он закончил рассказ, оба слушателя казались слегка оглушенными.

«Сэр» поглядел на коллег, потом на Адама.

— Как вы и предупреждали, — сказал он, — все это звучит невероятно, но я не чувствую себя компетентным выносить одностороннее решение от имени Братства. С вашего разрешения, мы вернемся как можно быстрее.

С этими словами он выключил магнитофон и встал. Коллеги поспешили открыть дверь, которая с лязгом закрылась за ними.

— Чертовски высокомерно, по моему мнению, — пробормотал Перегрин. — Можно подумать, что мы преступники.

— Расслабьтесь, Перегрин, — ответил Адам. — Все это ново для них. У нас было несколько недель, чтобы постепенно привыкнуть к этой идее. Я, однако, не сомневаюсь, что когда они доставят эту информацию своим начальникам, — он выразительно указал на скрытые микрофоны, — нас выслушает кто-нибудь, кто уполномочен действовать в соответствии с ней.

После этого они опять стали ждать. Около восьми снова принесли бутерброды, потом они снова навели удобства, а потом снова появился начальник управления.

— Мне приказано пригласить вас троих поехать со мной, не задавая вопросов. Мне также приказано уверить вас, что вам не причинят никакого вреда. Кое-кто хочет поговорить с вами.

Все было сказано любезно, но вся ситуация начинала действовать Перегрину на нервы. Он бросил неуверенный взгляд на Адама, но выражение лица старшего товарища было деланно нейтральным. Маклеод, однако, кажется, уловил его тревогу.

— Не беспокойтесь, мистер Ловэт, — бросил он через плечо, беря пальто и шляпу. —

Обещаю, что вас не ждет ничего хуже чашки кофе и небольшой беседы.

Глава 37

Через двадцать минут все трое сидели с завязанными глазами в кузове закрытого фургона, несущегося по неизвестным дорогам. Перегрину несколько успокаивало присутствие Адама и Маклеода по обеим сторонам от него, но он не представлял, куда они едут. За рулем, видимо, был Кроуфорд; четверо одетых в черное вооруженных людей сидели напротив них. Он чувствовал себя очень беспомощным и довольно сильно напуганным, хотя эти люди были вежливы и холодно-невозмутимы. Ему хотелось верить, что опасности нет, — да и Адам, и Маклеод не казались особенно озабоченными, — но все равно нервничал и чувствовал себя неуютно.

Они ехали почти два часа, а за это время в Шотландии можно уехать куда угодно — даже в Англию. Ко времени, когда фургон остановился, Перегрин практически ерзал на сиденье. Было очень утешительно услышать лязг открывающихся задних дверей и внезапно почувствовать дуновение холодного воздуха, хотя он понятия не имел, что будет дальше.

Первым вывели Адама. Потом сильные руки подвели Перегрину к выходу из фургона и помогли спуститься. Под ногами перекатывался гравий. Кто-то развязал повязку на глазах, и он с облегчением вздохнул. Прищурившись из-за ослепительного света фар другой машины, остановившейся позади фургона, он увидел, что они стоят перед каменной лестницей, ведущей к крепкому на вид каменному дому.

Он нащупал в кармане очки и надел их, чтобы лучше видеть. С виду дом походил на викторианский или эдвардианский охотничий домик, окруженный темными хвойными деревьями; он чувствовал острый аромат сосен и чистый запах свежеевыпавшего снега. Где-то за домом, судя по журчанию текущей воды, был ручеек.

Маклеод тяжело соскочил на дорожку рядом с ним — уже без повязки — и успокаивающе поднял большой палец, после чего тоже надел очки. Офицер их эскорта захлопнул двери фургона, потом повел их вверх по припорошенной снегом лестнице.

— Не тревожьтесь, что бы вы ни увидели, — вполголоса сказал ему Адам. — Уверяю вас, я не волнуюсь.

В доме их встретил военного вида человек в ливрее дворецкого, который хладнокровно осмотрел их, тихо обменялся несколькими словами с одним из сопровождающих, потом проводил по длинному коридору и через двойные двери в большую комнату, отделанную деревом и кирпичом, видом и размерами напоминающую охотничий зал.

Дальняя стена была украшена многочисленными оленьими головами и другими охотничьими трофеями, но Перегрин не был расположен восхищаться ими. Он смотрел только на дюжину людей, которые сидели по другую сторону длинного стола, тянувшегося через всю комнату перед большим очагом из серого камня. Все они носили масонские кордоны и фартуки поверх одежды, а трое или четверо даже поверх полицейских мундиров; и один из этих мундиров указывал на очень высокий чин. Главный суперинтендант и Кроуфорд сидели на одном конце, а масоны, которые допрашивали их раньше, на другом. В центре, явно на главном месте, сидел седой человек с пронзительными голубыми глазами, носивший регалии Великого Мастера.

— Досточтимый Мастер, — сказал начальник Маклеода, когда пришедшие остановились, — позвольте представить вам брата Ноэля Маклеода, сэра Адама Синклера и мистера Перегрину Ловэта.

— Спасибо, что пришли, джентльмены, — сказал Мастер. — По-моему, с братом Маклеодом я как-то встречался на собрании Великой Ложи. Сэр Адам, я хорошо знал вашего отца и деда.

Адам слегка наклонил голову, но промолчал. По знаку Мастера двое подчиненных из эдинбургского эскорта принесли стулья и поставили их позади Адама, Маклеода и Перегрину. Четверо мужчин в черном быстро вышли из зала, оставив троих стоять перед

масонским трибуналом. Мастер изящно сложил руки на столе перед собой, но никто не предложил им сесть.

— Джентльмены, я прослушал запись вашего разговора с двумя уважаемыми собратями, — сказал он. — Поскольку вы прибыли по собственной свободной воле, чтобы оказать услугу, то вы для нас желанные гости. Однако, прежде чем мы продолжим, я должен потребовать, чтобы ничто из сказанного здесь не вышло за эти стены — даже сам факт этой встречи. Брат Маклеод уже связан обязательствами хранить молчание, но я должен получить ваши заверения, сэр Адам, и ваши, мистер Ловэт. Поклянетесь ли вы на Книге Священного Закона выполнить это условие?

— Да, — сказал Адам. Перегрин сглотнул.

— Да, — сумел пробормотать он.

По знаку Мастера Кроуфорд достал Библию и по очереди поднес ее Адаму и Перегрину. Когда каждый из них положил руку на нее и повторил за ним требуемую клятву, Мастер жестом предложил им сесть и снова сосредоточил внимание на Адаме.

— А теперь расскажите нам больше об опасности, которую вы ощущаете, и о союзе, который предлагаете, — серьезно сказал он.

Адам повторил основную информацию, которую сообщил предыдущим следователям, потом перешел к обрисовке основной стратегии действия. Когда он закончил, Мастер долго молчал, потом поглядел на Маклеода.

— Вы согласны с тем, что только что сказал сэр Адам?

— Да, сэр, во всех отношениях, — сказал Маклеод. — Он человек благородный и честный, я хорошо знаю его. Он хорошо обрисовал ситуацию.

— Ясно, — сказал Мастер. — Что вы лично, как Мастер Каменщик, рекомендуете в этом деле?

— Досточтимый Мастер, мне, как, наверное, и вам, ясно, что чем скорее мы объединим силы, тем выше наши шансы уничтожить замыслы нашего общего врага, — напрямик сказал Маклеод. — Сэр Адам не новичок в эзотерике. Он знает, что говорит. Поэтому я бы настаивал, чтобы Братство заключило союз с теми, кто состоит у него в подчинении. И далее я бы рекомендовал наделить его властью управлять нашими объединенными силами.

Мастер поднял элегантную седую бровь.

— Весомая поддержка, брат Маклеод. Вы понимаете, что предлагаете?

— Да, почтенный Мастер.

— Ясно. — Мастер перевел взгляд на Адама. — А вы, сэр Адам? Вы готовы, как предлагает брат Маклеод, командовать совместными действиями — ваших и моих людей?

— Если подобное соглашение получит ваше одобрение, сэр, то готов, — сказал Адам.

Их взгляды встретились. Перегрину показалось, что каждый оценивает другого. И он не удивился, когда после долгого внимательного взгляда Мастер первым отвел глаза, явно удовлетворенный тем, что увидел.

— Я склонен принять предложение брата Маклеода — и ваше, — сказал он Адаму, — но мой долг требует, чтобы я упомянул некоторые... трудности, которые еще не преодолены. Вы никогда не думали самому стать масоном?

— Да, думал, — сказал Адам. — Если вы знали моего отца и деда, то также, вероятно, знаете, что они оба охотно поручились бы за меня, если бы я попросил.

— Так почему же вы не просили?

— Требования моей профессии, в сочетании с другими обязательствами, всегда были таковы, что мне не хотелось просить о членстве там, где я не мог бы предложить соразмерной службы, — искренне ответил Адам.

— Достаточно достойная причина, — согласился Мастер. — Но как быть, если вы единственный, способный сослужить службу, которая стоит целой жизни меньшего призвания? Но вы должны попросить, сэр Адам, ибо я не могу.

Адам медленно встал, Маклеод тоже поднялся, сделав, однако, Перегрину знак сидеть.

— Досточтимый Мастер, — спокойно сказал Адам, — без принуждения и добровольно

я прошу оказать мне великую честь, допустив меня в Братство Вольных Каменщиков на том уровне, какой подойдет мне для этой службы.

Перегрин тихо ахнул. Мастер чуть заметно с удовлетворением улыбнулся Адаму и кивнул.

— Согласны ли вы принять обязательства нашего Братства согласно закону и обычаю? — спросил он.

Перегрин внезапно понял, что это не просто обмен любезностями. Вступление Адама в масонское Братство было ключевым фактором, делающим его в глазах Братьев пригодным для главы объединенного командования.

— Исключая обязательства, уже принятые перед иным Трибуналом, согласен, — сказал Адам.

Мастер встал и сделал знак Кроуфорду, потом обратился к широко открывшему глаза Перегрину.

— Боюсь, мистер Ловэт, теперь я должен просить вас покинуть нас, — сказал он тоном благожелательного приказа. — Брат Кроуфорд проводит вас в библиотеку. Ваши товарищи зайдут за вами, когда мы закончим наши дела здесь.

Когда Адам взглядом подтвердил этот приказ, Перегрин, хоть и неохотно, повиновался. Оставшись один в библиотеке, он ждал почти час, беспокоясь и все больше тревожась. В конце концов он услышал за дверью легкие, твердые шаги Адама. Через мгновение масонский опекун Перегрина открыл дверь и впустил Маклеода и самого Адама.

— Раньше, чем вы спросите, — сказал Перегрину последний с кривой улыбкой, — достаточно сказать, что меня приняли в Братство Вольных Каменщиков как Мастера и мне вверены сопутствующие знаки, слова, рукопожатия и пароли. Мастер... а он, кстати говоря, Великий Мастер всей Шотландии и был большим другом моего отца... Мастер сообщил мне, что это называется «посвящение без соблюдения церемонии». Такое, конечно, бывает нечасто, но помогает сберечь время.

Маклеод позволил себе тихо хмыкнуть, увидев выражение лица Перегрина.

— Как только что назначенному специально представителю Великого Мастера, это также дает ему полное право управлять соответственными ресурсами Масонской Общины в добавление к нашим собственным ресурсам, — сказал он.

— А теперь вернемся в каминный зал, — рассмеялся Адам. — Мне достоверно сообщили, что дворецкий, столь внушительно встретивший нас у парадной двери, уже с час назад велел своим подчиненным приготовить для нас горячий ужин, прежде чем мы приступим к серьезному планированию. Да и вообще, бутербродов для того, что нам еще надо сделать сегодня вечером, недостаточно. Теперь, когда мы получили подкрепление, начинается настоящая игра!

* * *

Тем временем Фрэнсис Ребурн пытался объяснить своему начальнику, что именно пошло не так в Мелроузе. Он только что прилетел на вертолете после зачистки хвостов, оставшихся после ликвидации Нейпира, напитанный энергией предсмертных мук Нейпира, и твердо решил не принимать на себя вину за решение инспектора.

— Однако за молнию отвечал ты, — проскрипел Верховный Мастер. — Почему ты не воздержался?

Ребурн, одетый в белое и стоявший на коленях в знак повиновения посреди съезжившегося круга служителей Верховного Мастера, не дрогнул перед гневом старика.

— Возможность совершить то, что планировалось изначально, уже была упущена, — спокойно сказал он. — К тому времени, как Нейпир сообщил мне о том, что сделал, было уже слишком поздно забрать медальон и положить его в аббатстве до ухода масонов. Учитывая изменение обстоятельств, самым целесообразным казалось действовать в соответствии с изменениями, внесенными Нейпиром. Удар по машине Синклера был точным и сильным. Я

не могу объяснить, как он ухитрился вовремя заметить опасность и спастись, но атаковать его вот так, без должной подготовки, придумал не я.

— Впустую, впустую... — пробормотал Верховный Мастер со старческой сварливостью. — Мы могли бы отдать Таранису сотни... а теперь Синклер снова ускользнул от нас...

— Боюсь, может дойти до того, что нам придется ускользать от него, Верховный Мастер, — сказал Ребурн тревожно. — Он промелькнул сегодня утром, как я и ожидал: он, Маклеод и Ловэт. К несчастью, Вольные Каменщики установили наконец связь между этой тройкой и несчастьями, приключившимися со столькими их собратьями за последние недели. Всех троих забрала полиция раньше, чем я смог что-то предпринять. Я надеялся, что их арестовали — это по крайней мере обезвредило бы их на время, — но мои агенты не смогли подтвердить никаких официальных полицейских действий. Очевидно, их ни в чем не обвиняют... потому я считаю, что их схватили скорее масоны, чем полиция. Дальше я копать не посмел.

— Выходит, Вольные Каменщики сейчас слушают то, что может им сказать Синклер, и только вопрос времени, пока он убедит их заключить союз, — подытожил Верховный Мастер. — Ах, хитер Повелитель Охоты!.. Остается думать, не он ли со своими людьми вторгся на прошлой неделе в пределы нашей защиты.

— Мы так и полагали, — ответил Ребурн. — Они вернутся и, вероятно, с подкреплением.

— О да, причем в ближайшие два дня, если они надеются использовать инерцию нарастающей луны, — ответил Верховный Мастер. — Таранис должен быть готов для них — и к приятному жертвоприношению во славу его!

* * *

В ту ночь Адам начал инструктировать новых союзников о дальнейших подробностях формы, в какой желал получить поддержку масонов в грядущей атаке на врага. Мастер решил, что все детали кампании не должны выйти за пределы присутствующих и еще немногих тщательно отобранных участников, хотя взялся организовать общую работу по их поддержке, когда форма будет выбрана. После перерыва на ужин каминный зал превратился в зал военного совета: с расстеленными на одном конце длинного стола картами и составлением списков возможных рекрутов на другом конце. Маклеод был в гуще событий как заместитель Адама, осуществляя связь с масонами, многих из которых знал.

Поскольку у Перегринна не было военной подготовки и почти не было формального эзотерического опыта, он сначала держался на заднем плане, слушая, наблюдая и чувствуя себя пятым колесом в телеге. При первой же возможности он ушел и, устроившись в одной из гостевых комнат, смог наконец нарисовать то, что ощутил под мостом. Результатом стал, как уверил его на следующее утро Маклеод, почти фотографический портрет Фрэнсиса Ребурна — или Тюдора-Джонса, — присутствующего при страшном убийстве Нейпира.

Абсолютный ужас нарисованного подчеркивал, как не смогли бы сделать слова, то, что Адам пытался сказать им о крайней жестокости врагов. Это создало настроение на весь следующий день. К середине утра Перегрин начинал чувствовать себя полноправным участником, хотя не знал, удивляться ли ситуации, которая очень быстро становилась похожа на настоящую военную операцию, или себе, столь легко принимающему происходящее.

— Я вроде как понимаю эзотерический аспект всего этого, — сказал молодой человек Адаму после утреннего совещания, когда они наливали в кружки чай из электрического самовара на дальнем конце зала. — По крайней мере я понимаю, что надо делать... по-моему. Но вы говорите и о физическом нападении на замок. Ваши люди не годятся для этого. Те, у кого есть опыт, слишком стары. А у тех, кто достаточно молод, нет опыта. Это очевидно даже мне.

Адам поставил кружку рядом с телефоном и подтащил стул.

— Не стану с вами спорить, — улыбнулся он, — но я, кажется, знаю человека, который может подсобить.

В ответ на вопросительный взгляд Перегрин Адам взял трубку и набрал номер.

Генерал сэр Гордон Скотт-Браун был приятно удивлен, услышав его голос.

— Адам! — воскликнул он. — Вот нечаянная радость. Я как раз собирался идти в церковь, но еще могу выкроить несколько минут.

— Мне бы хотелось попросить о встрече наедине, — сказал Адам. — На площади.

Небольшая пауза на другом конце провода предполагала, что масонский пароль замечен.

— Ясно. — Тон сэра Гордона изменился. — Хорошо. Когда ты хочешь?

— Как можно быстрее, — сказал Адам. — Я понимаю, что времени мало, но это важно... ради Сына Вдовы.

— Ты настроен очень серьезно... В час дня в замке?

— Гордон, мне не хватает слов благодарности.

— Я рад. Будет, наверное, лучше, если я пошлю за тобой машину, — продолжал сэр Гордон. — Скажем, около полудня?

— Э-э... я не дома. — Адам внезапно вспомнил, что по-прежнему не представляет, где находится: последние двенадцать часов это не имело никакого значения.

— Ну так скажи мне, где ты, и я пришлю машину туда, — сказал сэр Гордон.

Чувствуя себя очень глупо, Адам прикрыл рукой микрофон и поглядел в сторону хозяина дома, который выпускал облака трубочного дыма, склонившись над картой.

— Сэр Невилл, где мы? Я договорился о встрече с Гордоном Скотт-Брауном, и он хочет прислать за мной машину.

— Гордон? — Старик ухмыльнулся и, попыхивая трубкой, подошел и забрал у Адама трубку. — Привет, Гордон. Это Невилл Стивенсон. Да, Синклер у меня. Он расскажет вам, когда увидите. Да. Синклер? Да.

Он несколько раз кивнул, продолжая попыхивать трубкой и иногда усмехаясь.

— Могу послать его с шофером, Гордон, но если вы предпочитаете... Х-м-м-м, да. Служба безопасности. Понимаю. Что ж, если он вам нужен, посылайте своего человека немедленно. Да. Да, я скажу ему.

Он передал трубку Адаму, но разговор уже оборвался.

— Вы слышали, — сказал Стивенсон. — Думаю, его шофер будет здесь к полудню. Попросите Кромарти найти вам чистую одежду и бритву. Вы слишком неряшливы, чтобы звонить генералам, особенно по воскресеньям.

Подавляя нетерпение, Адам положил трубку на рычаг.

— Я так и сделаю, — невозмутимо сказал он, хотя не имел таких намерений. — Но вы не ответили на мой вопрос.

— Х-м-м-м?

— Я могу узнать, где мы находимся, или мне по-прежнему будут завязывать глаза?

Стивенсон прищурился, выпустил клуб дыма, потом широко ухмыльнулся, зажав трубку в зубах.

— Господи, вам еще никто не сказал?

— Нет. А я, откровенно говоря, был слишком занят, чтобы спрашивать.

— Ну, это, конечно, не секрет — теперь, когда вы один из нас.

Когда Стивенсон объяснил, где они находятся, Адам улыбнулся. Они были совсем недалеко от Стратмурна, немного западнее. Вырвавшись от говорливого Стивенсона, он позаботился о бритве и душе, но когда через некоторое время служебная машина генерала унесла его прочь, он по-прежнему носил камуфляж, чтобы подчеркнуть природу своего визита. Прикрепив блокнот к подробной карте, он нацарапал еще несколько заметок, пока машина мчалась по полупустой дороге на юг. Снова пошел снег, погода явно ухудшалась.

Скоро они уже промчались по бульжникам Ройял-Майл, прогрохотали по подъемному мосту мимо охраны в узких штанах из зеленого тартана Хантинг-Стюартов, которая

вытянулась и отдала честь, когда машина проезжала мимо, и, наконец, по гололеду эспланады Эдинбургского замка. Его уже ждал адъютант, чтобы проводить в кабинет сэра Гордона. Когда они остались одни, генерал подошел и сердечно сжал руку Адама масонским рукопожатием, широко улыбнувшись, когда Адам ответил так же.

— Это весьма интересное событие, — сказал сэр Гордон, оглядывая молодого друга с головы до ног. — Позволь мне горячо поздравить тебя. Я бы спросил о подробностях твоего решения вступить в Братство, но, насколько я понял не только по тому, что ты сказал по телефону, но и по твоей нетипичной одежде, что есть более срочные дела.

— Звонок и одежда связаны, — ответил Адам, когда они сели за стол в кабинете сэра Гордона. — Именно поэтому я здесь.

Он объяснил ситуацию, расстелив карту, не пропустив ничего из того, что он уже рассказал Великому Мастеру и совету. Сэр Гордон в полном молчании слушал, когда Адам подчеркнул самые насущные моменты. Под конец рассказа проницательные глаза генерала сверкали военным пониманием того, что предлагал Адам.

— Давай начнем с воздушной разведки: на данный момент это, похоже, самое неотложное, — сказал он, поглядев на часы. — Светлого времени у нас еще пара часов — а для организации все равно требуется время, — но, исключая резкое ухудшение погоды, завтра утром я могу чуть свет поднять в воздух пару вертолетов. Из-за горноспасательных работ и военных маневров у нас в этом районе есть летные средства почти круглый год. — Он посмотрел на Адама и улыбнулся. — ВВС сделали довольно захватывающие фотографии местной природы. Может, даже заметили парочку рысей.

Адам благодарно улыбнулся.

— Спасибо, Гордон. Я знал, что могу рассчитывать на тебя.

— Во всем. Теперь об остальном твоем списке. Я не могу дать тебе армию, — сказал он, скупно улыбнувшись. — Во всяком случае, официально. Но неофициально...

Он отвел глаза, вертя в руках ручку, потом кивнул.

— Да, у меня есть нужный тебе человек. Тебе не надо беспокоиться, что кто-то потом начнет задавать неудобные вопросы. Просто скажи, когда и куда тебе нужно доставить поддержку.

— Вот об этом я хотел тоже спросить тебя, — сказал Адам. — Нам потребуется опорная база в Кэйрнгормских горах для моего штатского контингента. Есть предложения?

— Я уже на шаг опережаю тебя, — сказал сэр Гордон. — Так получилось, что у меня есть доступ к охотничьему домику недалеко от Друмгиша, милях в двадцати от района, о котором ты говоришь. Там даже есть вертолетная площадка. Подойдет?

— Идеально, — сказал Адам. — Ты уверен, что у тебя не будет проблем? Учитывая природу операции, очень важно, чтобы об этом не просочилось ни слова.

— Это относится и к моим парням, — уверил его сэр Гордон, криво усмехнувшись. — Но это безопасно. Считай это моим личным вкладом в это предприятие. Ну, так когда они тебе нужны?

— Завтра в полдень будет не слишком рано? — спросил Адам. — Завтра вечером полнолуние, что полезно на нескольких уровнях.

— Понятно, — сказал генерал. — Это сильно сужает рамки, но мы справимся. — Он сделал пометку в блокноте и продолжал: — Хорошо. Замаскируем завтрашнюю разведку под учения горноспасателей, а что до остального... ну, если повезет, они отработают раньше, чем кто-либо сообразит, что к чему. Кроме того, со следующих выходных у нас уже назначены учения именно в этом районе, — что объяснит приказы, которые мне придется отдать, чтобы скрыть все это.

Он лукаво улыбнулся Адаму.

— Знаешь, то, что завтра полнолуние и канун Нового года, замаскирует и любые фейерверки, которые ты можешь устроить, когда начнешь действовать. Ноэлью это понравится, поскольку именно ему придется объясняться с прессой, если что-то просочится.

Адам улыбнулся.

— Я высоко ценю твой оптимизм, Гордон, — и твою помощь. Если мы сумеем справиться с этим, ты заслужишь львиную долю похвал.

— Не стоит благодарности, мой мальчик, — сказал сэр Гордон. — Мне только хотелось бы самому присутствовать там и помочь лично. А так мы с женой завтра обязаны быть на официальном приеме в честь Нового года... ты же знаешь, чего люди ждут от генералов. Но не бойся, мысленно я буду с вами.

* * *

Адам сделал несколько телефонных звонков из кабинета генерала, а также попросил сэра Гордона сделать один звонок для него после его ухода.

— Ее зовут доктор Ксимена Локхарт, — сказал он, передавая клочок бумаги с относящейся к делу информацией. — У меня нет телефонного номера, но ты сможешь связаться с ней либо в Королевской лечебнице, либо по этому адресу. Не нужно называться; просто скажи, что я попросил тебя позвонить, что я в порядке и позвоню ей, как только смогу — с надеждой поздравить ее с Новым годом.

Адам велел шоферу проехать через Кинросс, чтобы забрать Кристофера, и заглянуть в Стратмурн за вещами, которые по его просьбе приготовила Филиппа.

— Я буду надеяться, что ты все удержишь на астральном уровне, — сказал он ей, целуя на прощание.

— Можешь рассчитывать на меня, дорогой. Я сумела связаться даже с Линдсеем. Доброй охоты!

— Господи, благослови, — пробормотал Адам, садясь рядом с Кристофером, и машина генерала помчалась дальше.

В тот вечер, когда все было готово к раннему отъезду в охотничий домик сэра Гордона, Адам собрал в зале свою масонскую команду и представил Кристофера, который будет управлять работой на предоставленной генералом базе.

— Самый лучший образ, который я могу предложить вам, — сказал им Адам, — это полог или зонтик сверкающего белого света, окружающий и защищающий планету. Его поддерживает и ваша работа в Ложе, пусть вы никогда не признавали этого, и я хочу, чтобы завтра вы сосредоточились именно на этом образе, когда мы нападём на противника. Одновременно, как вы знаете, ваши Собратья по всей Шотландии будут работать над укреплением этого образа в менее специфических условиях, предлагая мир и добрую волю наступающему году. Их работа поможет поддержать то, что мы попытаемся сделать, но главная работа — на нас.

* * *

Они выехали, как и планировалось, на следующее утро на разнообразных «лендроверах», джипах и других полноприводных машинах — всего девять внедорожников, несущих почти сорок человек. Стараясь не выглядеть колонной, они направлялись проселочными дорогами на север к шоссе А9. До домика недалеко от Друмгиша добрались около одиннадцати и стали ждать, жуя бутерброды, приготовленные челядью сэра Невилла, и попивая чай из термосов. Даже в середине дня температура падала, и на ветру было страшно холодно. Расхаживая перед парадным входом домика, Адам пытался не думать о снеге, но не мог не размышлять, не имеет ли противник силы влиять на погоду.

Не успело пробить полдень, как два желтых уэссекских вертолета с окраской Воздушно-морских спасателей опустились со свинцового неба. Долговязый майор САС, выпрыгнувший из второй машины и подбежавший к ним, пригнувшись под замедляющимися лопастями, держал под мышкой большой картонный конверт и, казалось, был хорошо проинструктирован.

— Мне нужен сэр Адам Синклер, — сказал он, приглядываясь к Адаму.

— Я Синклер.

Майор усмехнулся и протянул руку, сопровождая рукопожатие масонским знаком.

— Генерал передает наилучшие пожелания, сэр Адам. Иен Дуарт. Кажется, вы запрашивали несколько разведснимков... и проделать кое-какую работу. Если вы скажете, где нам устроиться, я прикажу своим людям выгружать оборудование.

— Спасибо, майор. Мистер Кроуфорд и мистер Ловэт покажут вашим людям, — сказал Адам, беря конверт. — А пока вы и ваш заместитель присоединитесь ко мне в доме, где мы все посмотрим и посоветуемся.

По знаку Дуарта из вертолетов высыпались еще дюжина спецназовцев и пилоты. Они занялись разгрузкой. Пошел легкий снег. Дуарт и капитан по фамилии Кинсей разложили карты и фотографии в столовой перед Адамом и Маклеодом. Их союзники-масоны набились в гостиную или столпились на улице, наблюдая за приготовлениями спецназовцев.

— Меня предупредили, что фотографии могут быть неясными, поэтому вчера я перерисовал кое-что на кальку со старых обзоров, — сказал Дуарт, накладывая лист ацетата на одну из карт. — Этот снимок был сделан около года назад. Что бы ни затуманивало сегодняшние фотографии, тогда этого не было. Но, как видите, подход к замку защищен вот этими скалами. — Он провел по снимку пальцем. — Если у тех, кто отвечает за это место, есть хоть капля здравого смысла, они расставят людей вдоль этих скал со всем оружием, какое смогут набрать.

Адам согласно кивнул, хотя и не считал, что главной их заботой будет обычное оружие.

— Думаю, то, что нам нужно, находится в этой башне, — указал он. — Сам дом викторианский, что означает, что большая часть всего этого была сделана напоказ, не для реальной обороны. — Он провел пальцем по линии фальшивых навесных бойниц. — Но башня явно старше всего остального. По-моему, толщина стен может быть около двадцати футов.

— Трудно, но не невозможно, — согласился Дуарт. — Вы беспокоитесь о повреждении башни?

— Нет, только о том, чтобы достать того, кто прячется там. Я бы предпочел не сносить все вокруг, пока не пойму, что происходит на самом деле, но не буду привередничать, если дойдет до защиты наших людей.

— Понял. — Майор снова изучил карты, явно утверждая свои планы, потом оценивающе поглядел на Адама и Маклеода.

— Вам следовало бы знать еще одно, — сказал он. — На снимках этого нет, и больше никто, включая меня, этого не видел, но один из моих парней клянется, будто видел на этой площадке перед домом гражданский вертолет. Недди немного с чужинкой... но я ему верю.

— Я тоже, — сказал Адам, глазом не моргнув. — Мы будем помнить об этом.

— Ладно, — ответил Дуарт. — Позвольте мне поговорить со своими людьми, а потом посмотрим, собирается ли погода затруднить нам жизнь.

К двум часам люди Дуарта были готовы, но к половине третьего стало ясно, что вертушки сегодня больше не поднимутся. Подростерявшийся Дуарт переключился на гражданские машины, из которых один из его сержантов выбрал три «лендровера» и джип как дублирующий транспорт. Пока спецназовцы переносили вещи в машины, Кинсей приказал одному из своих людей снабдить Адама, Маклеода и Перегриня зимней камуфляжной формой. В белых комбинезонах, сапогах и парках все трое немедленно смешались с остальной командой и, уже экипированные, ненадолго поднялись с Кристофером в спальню. Там священник причастил их и благословил, после чего проводил вниз. И вскоре после трех в последний день декабря маленькая колонна отправилась под усиливающимся снегом к далеким высотам Кэйрнгормских гор.

Свет быстро угасал к тому времени, когда колонна свернула между камнями-указателями; валил густой снег. Жадно вглядываясь в ветровое стекло, Перегрин, сидевший между Адамом и Маклеодом, уже не понимал, чувствует ли он страх или воодушевление при мысли о предстоящей схватке. В любом случае он был рад, что Адам счел возможным

позволить ему участвовать в этом.

Они проехали до самой ограды, не встретив видимого противодействия. Когда джип остановился у железных ворот, и Дуарт и его сержант вышли, Перегрин внезапно осознал какое-то резкое потрескивание в воздухе, которого не было в их прошлый визит. Он резко подался вперед, светло-карие глаза за стеклами очков сузились, превратившись в щелочки.

— Адам, это...

— Да, — сказал Адам. — Он знает. Но продолжайте предупреждать меня, если что-то заметите. Я не всегда могу предвидеть.

Сержант Дуарта уже занялся забором. За несколько секунд он перерезал ржавый замок и распахнул ворота из рифленого железа, пропуская колонну.

— Вы, конечно, понимаете, — пробормотал Маклеод, когда Дуарт и сержант вернулись в джип, — что это все равно что позвонить у парадной двери?

— Тут уж не поможешь, — пробормотал Адам. — Теперь дороги назад нет.

Машины проехали ворота и начали медленно карабкаться по скользкой, заснеженной дороге, не зажигая фар. Они не встретили физического сопротивления, когда ехали вдоль ручья, но для Адама нависшее напряжение в воздухе было подобно раскатам далекого грома. Он знал, что защитники этого места только выжидают.

Продвигаясь с должной осторожностью, отряд ненадолго остановился на возвышенности, где они трое устраивали рекогносцировку. Дуарт дал сигнал, и позади них остальные машины заглушили двигатели, и из них посыпались люди. Адам и Маклеод, а за ними Перегрин вылезли осторожнее. У Маклеода на шее висел автомат «Н-К МП5», какие носили и спецназовцы, а в плечевой кобуре поверх парки был «Браунинг Хай-Пауэр». Адам с виду казался безоружным, но Перегрин знал, что это не так. У самого Перегрина не было даже этюдника, хотя во внутреннем кармане парки лежали карандаши и блокнот, а под перчаткой, как и остальные, он носил кольцо.

Было уже почти темно: тяжелые чернильные сумерки, едва рассеиваемые усиливающимся светом луны, восходящей за горами на юго-востоке. Снег перестал, но Перегрин не видел звезд. Спецназовцы разбились на четверки: две ушли вперед, Дуарт с третьей вели штатских. Когда передовые четверки растворились на фоне снега, Перегрин пристроился следом за Адамом. Лунный свет становился ярче, и он уже мог разглядеть темный силуэт замка. В некоторых окнах горел свет... с виду не стоило всех хлопот, на которые они пошли.

Группе, с которой они с Адамом шли, оставалось несколько сот ярдов последней, относительно гладкой дороги до внешней стены замка и викторианских ворот, когда Перегрин внезапно словно захлестнула болезненная, тошнотворная волна чистого страха; его чуть не вырвало. Одновременно очередь автоматного огня коротко рывкнула из мрака небольшой долины, разрезанной ручьем, недалеко от основания замка, потом стало тихо. Когда Дуарт и его люди укрылись, Адам оттащил Перегрин и Маклеода на несколько шагов назад. Животный страх тут же отступил. Снова вглядываясь в замок, Перегрин внезапно дернул Адама за рукав.

— Адам, вы видите это? — настойчиво прошептал он.

— Вы о чем?

— Это... на самом деле трудно описать. — Он прищурился, стараясь сделать фокус резче. — По-моему, это одна из тех... дыр в астральном зонтике, о котором вы как-то упоминали. Прямо над замком.

— Дыра? — спросил Адам. — Настоящая дыра?

— Д-да. Хотя она плотнее... словно покрытая или набитая черной марлей или... или тюлем... почти паутиной.

Пока Адам обдумывал эту новую информацию, к ним подбежал Дуарт.

— Впереди все разведано, — сообщил он Адаму. — Вдобавок к огнестрельному оружию дом окружает что-то вроде зоны темноты. Когда мы попытались пробиться, это было все равно что уткнуться в бак с клеем. Можете что-то с этим сделать?

— Да, — ответил Адам. — Прикажите вашим людям замереть.

Когда Дуарт убежал, Адам стянул правую перчатку и сунул в карман. Когда он вытащил руку, в ней был знакомый кинжал, камень в головке эфеса тихо светился, как и камень кольца. Знаком попросив Перегрину и Маклеода освободить ему место, он вынул кинжал из ножен и убрал их в карман, потом поднес клинок к губам, после чего наклонился и начертил на снегу огромную пентаграмму, одним концом нацеленную на замок. Закончив символ, он опустился на колени в середине и склонил голову, прижав клинок ко лбу.

«Творцы Света, дайте силу и наставление тем, кто стремится исполнить Вашу волю, — молча взмолился он, оформляя свое намерение. — О посланники милосердия, защитите нас, дабы проломлены были оплоты Тьмы и Неприятель был повержен перед Наивысшим Светом».

Мертвая тишина, казалось, опустилась только на этот пяточок земли, хотя вокруг продолжалась беспорядочная стрельба. Подняв голову, Адам протянул руки Перегрину и Маклеоду в безмолвном призыве. Перегрин без промедления опустился на колени слева от Адама, а Маклеод — справа. Подражая наставнику, Перегрин склонил голову и закрыл глаза — и без всякой подготовки он был буквально вырван из тела и оказался рядом с Адамом и Маклеодом на астральном уровне.

И они были там не одни. Рядом, в струящихся сапфировых одеяниях их призвания, стояли члены Охотничьей Ложи: Филиппа, Виктория, леди Джулиан, другие, кого Перегрин раньше встречал только в видении посвящения, — и Кристофер, за которым словно тянулись разноцветные нити братской гармонии: приношение Собратьев, оставшихся с ним на опорной базе.

Все сияющее сообщество, казалось, собралось на пороге храма, который Перегрин прежде не видел: величественные колонны и величавые тени. За ними Перегрин ощущал присутствие других умов и сердец, вносящих свой вклад доброй воли — мягкое сияние силы и гармонии.

Высокие двери храма были блестящими и черными, как полированный уголь, их прочерчивали движущиеся вспышки переливчатого зеленого цвета, похожие на плавающую изумрудную крошку. Стоящий впереди Адам протянул руку с кольцом и начертил на двери знак, как в ночь посвящения Перегрину. Он произнес Слово, и двери беззвучно отворились, открыв тяжелые, темно-зеленые драпировки. Из-за них донесся порыв ветра, несущий слабый, но полный жизни запах свежеспаханной земли.

Адам прошел внутрь. За драпировками был величественный зал, огромные колонны которого походили на стволы настоящих деревьев. Владыка этого зала был эбеново-черен, однако зеленый свет, казалось, изливается из него, как вода из родника.

Адам, а за ним и все остальные, опустился на колени и склонил голову.

— Владыка Земли, — сказал Адам. — Как Повелитель Охоты и слуга Света я пришел искать помощи от имени Сыновей Вдовы, тех, кто идет по стопам Строителя Соломонова Храма. Ныне мы и они приготовились к битве против слуг Тени, которые уничтожат Храм, который ты сам повелел им построить во имя Адонаи — да будет благословенно Имя Его.

Но Враг укрывается на земле, хотя сами камни вопиют о справедливости, — продолжал Адам. — Мы молим тебя, разбей их нечестивое святилище и разорви покрывало тьмы, скрывающее их, дабы излился на них очищающий Свет Повелителя Воинств.

Адам склонил голову, молитвенно простирая руки. Перегрин ждал, не смея поднять глаза. Архангел словно обнял Адама мерцающей аурой, и аура все расширялась, простираясь за пределы храма. Захваченного этим приливом силы, Перегрину унесло нахлынувшим ощущением полета души, закончившимся приступом головокружения.

Он открыл глаза. Он снова был в физическом теле, дрожащий и оцепеневший в холодных объятиях зимней ночи. Со следующим вздохом он почувствовал внезапное сотрясение, проходящее через его колени и идущее, казалось, из подземных глубин.

Сотрясение становилось все сильнее, земля словно пошла волнами. Вокруг стоял оглушительный грохот. В тот же миг, когда Перегрин инстинктивно зажал уши руками,

воздух расколол звонкий гул, похожий на преодоление сверхзвуковым самолетом звукового барьера, и земля на мгновение ушла из-под ног.

Глава 38

Толчок — скорее психический, чем физический — сбил Перегрину с ног. Задышавшись, он пытался восстановить равновесие, и в этот миг непрозрачный полог тьмы, укрывающий замок, внезапно осветился мерцающим зеленоватым светом. Тонкие, как волос, нити изумрудного сияния вырвались из земли, вытягиваясь подобно ковру гонимых ветром семян. Усики ветвились и распускались, словно мгновенно наступила весна. Насыщенные силой самой земли, цветущие лозы покрывали тьму, как плющ, карабкающийся по стене сада.

Повсюду раскидывались сияющие виноградные плети, пускали отростки, глубоко вонзая их в материю тьмы. Сеть зеленых огней становилась все гуще, мрак начал трескаться, как обветшавшая каменная кладка, обломки непрозрачной черноты опадали, как куски гниющей скорлупы.

Защитники замка пытались удержать и восстановить защиту. Разбалансированный встречной волной враждебной энергии, Адам почувствовал, что не выдерживает. Снова начал собираться туман, закрывая ночное небо. Дрожа от напряжения, Адам указал кинжалом на замок и безмолвно попросил о поддержке собратьев-масонов. Он почувствовал, как живительная сила вливается в него, но внезапно огромный столб тьмы вырвался из земли, закрыв башню и едва не погубив все, чего они достигли.

Весь дрожа, Адам снова выбросил себя на астральный уровень, пожелав оказаться перед Главнокомандующим небесного воинства. Его немая просьба не осталась незамеченной. Головокружительный скачок — и вот он, покачиваясь, стоит на коленях между Маклеодом и Перегрином. На мгновение закружилась голова; Адам, потеряв равновесие, опустился на четвереньки. Ахнул Перегрин, и Адам поднял голову, глядя на север, куда указывал и Маклеод: в залитом лунным светом небе мерцающие занавеси полярного сияния расступились, открывая небесное воинство, уже изготавившееся к битве.

Блестящие мечи вздымались вокруг благородного стяга, радостно гремела песнь воинов, восседающих на огненных боевых конях, чьи шкуры сияли, как расплавленное золото, и чьи массивные копыта высекали искры из склонов Кэйрнгормских гор. Когда колонна окружила замок, небесные рыцари начали вырубать огромные прорехи в прозрачном веществе, окутавшем башню и скрывавшем ее обитателей. Там, куда изливался очищающий огонь их мечей, тени отступали и съеживались.

Адам, шатаясь, встал и снова направил кинжал на замок, фокусируя всю силу, вложенную Братством в его руки.

* * *

А в замке, в комнате на верхнем этаже башни, Верховный Мастер упал на колени с придушенным воплем. Разрушение психической защиты замка сотрясло башню до основания. Двое ближайших служителей бросились ему на помощь, но он отмахнулся от них дрожащей рукой. В черных глазах горела ярость.

— На это нет времени! — прорычал он. — Мы должны приготовить новую защиту. Победа еще будет за нами!

В комнату без стука ворвался Ребурн. Его худое лицо было в грязи, торк на шее покосился, в застывшем взгляде светлых глаз еще отражалось то, свидетелем чему он стал. Он бросил взгляд на большое кровавое пятно на одеянии Верховного Мастера, потом на тело Вемисса, скорчившееся в луже крови недалеко от места, где лежал на коврике из шкуры черного барана манускрипт.

Запястья Вемисса были связаны за спиной алым шнуром, который также оттянул его голову назад, чтобы жертвенный нож легко мог вскрыть обе яремные вены. Сам нож лежал

ближе к манускрипту — не острый как бритва, скальпель, который Вемисс использовал для своих жертв, а древнее черное оружие, подобное торку. Ребурн ощущал остаточную, почти вещественную энергию смерти Вемисса, но ее было недостаточно, чтобы удержать защиту замка.

— Психическое сотрясение обрушило часть западного крыла, — бесстрастно доложил он, с усилием отводя взгляд от Вемисса. — С этой стороны дом теперь открыт для входа. Я взял из арсенала «узи», расставил своих людей и слуг и приказал удерживать позицию любой ценой, но если на нас физически нападут с той стороны, они не смогут держаться бесконечно.

— Ты должен помочь им, — холодно сказал Верховный Мастер. — Возьми четверых отсюда, чтобы охранять вход в башню. — Он указал на четверых ближайших к двери служителей. — Возвращайся к своим людям. Положи медальон среди руин. Если враги сумеют прорваться, призови молнию и уничтожь их.

Это означало смертный приговор и для своих, и для чужих. Светлые глаза Ребурна сверкнули.

— Верховный Мастер, — промолвил он спокойно, — вы, конечно, понимаете, что требуете самоубийства?

— Только если ты не сумеешь удержать западное крыло, как приказано, — парировал Верховный Мастер. — Пусть это будет стимулом для тебя и твоих людей. А теперь иди! Мне надо заниматься своими делами.

Он отослал его резким взмахом руки.

Ребурн мгновение помедлил; крепко сжатые губы удерживали произнесенные слова. Потом резко повернулся и вышел, пополнение молча последовало за ним.

Чуть слышно бормоча, Верховный Мастер приказал служителям вернуться на места. Теперь, когда четверо ушли с Ребурном, с ним остались всего восемь, но это была элита; они не подведут его.

— Итак, — сказал он, протягивая к ним скрюченные руки. — Мы далеко не побеждены, как вскоре поймут наши противники. Посмотрим, чем ответят Охотники, когда их добыча превратится в невидимого хищника...

* * *

Когда «черная дыра» Перегрин расчистилась и по крайней мере хрупкая заплатка была наложена на полог света на месте трещины — благодаря постоянным усилиям Кристофера и его масонской команды на опорной базе, — спецназовцы Адама смогли взяться за дело, в котором они были лучшими. Небесная рать отступила за мерцающий занавес полярного сияния, и замок был четко виден при свете полной луны.

Двигаясь с быстротой и четкостью профессионалов, Дуарт и его люди начали наступление; Адам, Маклеод и Перегрин осторожно двигались за ними. Западное крыло заметно пострадало при землетрясении и теперь представляло собой наиболее удобную цель для нападения. Склон был не такой крутой, как они боялись, хотя очень мешали валуны и обнажения породы.

Перестрелка продолжалась с обеих сторон их авангарда, но фланговые группы начали методично перебираться через ровное место, пользуясь для укрытия любой тенью и любым обломком. Когда они добрались до стены высотой всего около четырех футов, короткие очереди вражеского огня продолжали поливать карнизы, осыпая скорчившихся под защитой стены людей каменными осколками.

— Это ничего нам не дает, — пробормотал Маклеод, приподнимаясь из укрытия, чтобы дать короткую очередь из автомата — три и три, в подражание солдатам, — в сторону пролома в стене западного крыла.

За тонким воем рикошета последовала ответная вражеская очередь. Бормоча проклятия, Маклеод отступил. Такая перестрелка продолжалась минут десять, потом внезапно огонь со

стороны замка смолк.

Когда затихли последние единичные отголоски, на округу опустилась жуткая тишина. Звуки стрельбы по периметру пошли на убыль, внезапно став далекими и странно приглушенными.

— Что-то происходит, — прошептал Маклеод, поворачивая голову туда-сюда, словно стараясь уловить хоть какой-то звук. — Чувствуете изменение в воздухе?

Адам молча кивнул. Он психически огляделся и неожиданно заметил некое призрачное движение рядом с сугробом за стеной — будто какой-то клыкастый зверь собирался для прыжка. Он закричал, пытаясь предупредить людей, но существо одним движением перемахнуло стену и оказалось среди них.

Один спецназовец закричал и упал на спину, вытянув руки, словно сцепившись с невидимым чудовищем. На груди его появилось несколько кровавых ран, похожих на следы когтей большой кошки. Окружающие его люди в замешательстве отступили, ища врага, но со следующим порывом невидимого движения еще двое с криком упали.

— Берегись! — закричал Маклеод.

Адам уже был на ногах и вскинул перед собой кинжал, когда что-то тяжелое и невидимое обрушилось на него со стены. Горячее звериное дыхание опалило щеки, невидимые клыки щелкали на волосок от лица. Он отшвырнул зверя толчком скрещенных рук и бросился в сторону, а Маклеод, ругаясь, выпустил тройную очередь пуль туда, где должна была быть голова существа.

Раздался оглушительный кошачий вой, и существо повернулось к Маклеоду. Адам воспользовался кратким мгновением передышки, чтобы полностью перенести сознание на астральный уровень. Неожиданно нападающие стали видимыми: огромные рыси с горящими глазами и пушистыми бакенбардами.

— Ноэль, ко мне! — выдохнул он. — Перегрин, используйте глаза души!

Прижавшийся к стене, полуоглушенный Перегрин встрепенулся. Не обращая внимания на панику вокруг, он с трудом выпрямился и прищурился, концентрируясь вне видимого, как научил его наставник.

— Я вижу их! — крикнул он, когда природа нападающих стала ясна. — Что мне делать?

Вместо ответа Адам поднял над головой кинжал и выкрикнул Слово приказа, зазвеневшее, как набатный колокол. Ответом была вспышка сверхъестественного света. На мгновение ослепнув, Перегрин потер глаза костяшками пальцев и обнаружил, что его восприятие полностью перешло на астральный уровень. Когда он бросил взгляд в сторону Адама, у него перехватило дыхание от изумления, ибо наставник совершенно изменился.

Исчезли зимний камуфляж и обтягивающая шапка, которые Адам носил, как и все члены отряда. Теперь он был одет, как средневековый рыцарь: сапфирово-синяя туника прикрывала блестящие в темноте доспехи, кинжал превратился в сверкающий меч с золотым эфесом, на руке в латной рукавице вспыхивало, как вечерняя звезда, кольцо.

Изменился не только Адам. Справа от Адама Перегрин увидел Маклеода, также облаченного в доспехи света.

Он оглядел себя. На нем были такие же доспехи, а на боку висел меч в ножнах.

Не успел Перегрин спросить об этих преобразованиях, как Адам взмахнул мечом и бросился на ближайшую рысь. Когда зверь повернулся, чтобы отразить атаку, Маклеод сошелся с еще двумя.

В мгновение ока замешательство Перегрина сменилось внезапным ослепительным знанием. Не ведая больше ни страха, ни сомнения, он выхватил клинок из ножен и бросился на зверей, напавших на людей Дуарта.

Его первый удар угодил в бок. Рысь повернулась, рыча, припала к земле и бросилась на него; с когтей капал яд. Туника художника превратилась в лохмотья, но кольчуга отразила страшные когти. Он нанес еще один удар, на этот раз по голове, и рассек оскالившуюся морду зверя.

Тот не отскочил, а напал снова, ударив его плечом с яростью разъяренного вепря.

Перегрин упал о землю с такой силой, что из легких выбило воздух. Не успел он подняться, как существо навалилось на него всем весом, придавив клинок к груди, словно пыталось раздавить и задушить его.

Кровь заревела в ушах. Перегрин хрипло закричал. Давление на грудь усиливалось, пока ему не показалось, что сейчас треснут ребра. Шипя в предвкушении торжества, зверь занес огромную переднюю лапу для удара по лицу, потом вдруг изогнулся и отпрянул, молотя когтями по воздуху. Меч Адама ударил его прямо между лопаток.

Завывая и мечась, зверь попытался извернуться и выбить клинок. С застывшим, как маска, лицом Адам крепко держал меч обеими руками, вонзая клинок все глубже. Пытаясь бороться, огромная рысь завизжала, как банши, и рухнула на бок. Через мгновение она зарябила и исчезла.

Перегрин с трудом вздохнул и на миг закрыл глаза. Когда он открыл их, Адам склонился над ним на фоне туманного шотландского неба; обличье рыцаря исчезло.

— Молодец, — прошептал он, потрепав Перегрина по плечу. — Вы хорошо сражались.

— А по-моему, не слишком хорошо, — пробормотал молодой человек. Он с трудом приподнялся на локтях и тревожно огляделся. — Где рыси? Исчезли?

— Угу, все, сколько нас атаковало, — донесся откуда-то из темноты голос Маклеода. — Если повезет, этого хватит, чтобы вынудить их отступить. Вы уже способны двигаться?

Перегрин глубоко вздохнул. Грудь еще болела, но он с облегчением обнаружил, что в остальном невредим.

— Кажется, да. Но не возражал бы, если бы мне помогли встать.

Маклеод усмехнулся и протянул руку. Оказавшись на ногах, Перегрин огляделся и увидел, что на земле лежат несколько человек; один из них был неподвижен. Впереди Дуарт и горстка его людей перегруппировались и снова осторожно двинулись к западному крылу; одна из групп прикрывала их огнем.

Перегрин вздрогнул, когда тихую отрывку автоматов внезапно прервали несколько подряд залпов из дробовиков. Он оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как двое солдат выбили тяжелую дверь и растворились в тени по обеим сторонам, а третий что-то бросил внутрь. Приглушенное «бум» гранаты встряхнуло их даже снаружи, а потом Дуарт и его люди проскочили в остатки двери, стреляя быстрыми очередями, а откуда-то сзади бежали еще солдаты.

* * *

Ребурн с Барклеем и четырьмя служителями охранял вход в башню, когда услышал взрыв в западном крыле. Граната разорвалась достаточно далеко, чтобы у них только зазвенело в ушах, но он понял, что это значит и что прорыв нападающих остается только вопросом времени. Его люди будут хорошо сражаться и скорее умрут, чем сдадутся, однако против этих они не выстоят.

— Синклер привел чертов САС! — горько сказал Барклей, поглаживая висящий на шее «узи». — Я говорил вам утром, что никакие это не горноспасательные учения!

— Да, и я говорил ему, — ответил Ребурн, нервно поглядывая на дальнюю дверь, ведущую из западного крыла. — Ладно, может быть, я еще смогу что-то спасти. Идите и действуйте, как договорились.

Отрывисто кивнув, Барклей исчез в коридоре, который уводил под прямым углом от западного крыла. Служители заволновались, подозревая, что он задумал, но Ребурн знал, что они не посмеют возражать ему — нет, пока он носит торк и заряженный медальон. Приказав им удерживать позицию, Ребурн вскарабкался по винтовой лестнице.

В верхней комнате царил полный беспорядок. Пятеро из восьми оставшихся служителей распростерлись на полу либо мертвые, либо в коме. Те, кто еще сидел прямо, бледные и оцепеневшие, дрожали от напряжения недавних усилий. Сам Верховный Мастер склонился над драгоценным манускриптом, водя скрюченным пальцем по пожелтевшей

странице и что-то ожесточенно бормоча себе под нос.

Как только появился Ребурн, он перестал бормотать и с трудом встал; глаза яростно сверкали на черепообразном лице.

— Ты!.. Что ты здесь делаешь? Почему ты не на своем посту?

Бесстрастно встретив взгляд начальника, Ребурн сказал:

— Западное крыло взято. Синклер и его люди скоро будут здесь. Я подумал, что нужно сообщить вам.

Верховный Мастер тяжело дышал, его лицо исказилось от черного гнева.

— Зачем ты говоришь мне то, что я уже знаю? Что еще ты можешь ответить на вопрос, почему счел возможным не повиноваться моим приказам!

— При всем уважении, Верховный Мастер, — невозмутимо произнес Ребурн, — я не считаю, что Патрон требует от нас принести себя в жертву. Вертолет, стоящий наготове на заднем дворе, пока невредим. Я послал Барклея прогреть двигатели. Мы можем увезти вас в безопасное место.

Лицо Верховного Мастера исказилось.

— Что это за тактика? Битва еще не проиграна!

— Нет, битва уже проиграна, — сказал Ребурн. — Но войну еще можно выиграть, — если мы сейчас уйдем.

— Трус! — проскрипел Верховный Мастер. — Это все твоя вина! Тебе было приказано призвать молнии, а не позволять занять дом. Почему ты не повиновался?

— Потому что это было бы бессмысленной тратой ресурсов, — резко возразил Ребурн, в гнев приблизившись на пару шагов. — Неужели вы не понимаете? Одному Синклеру на пользу, если мы позволим себе отдать жизни. Жертвоприношение — это одно; самоубийство — совсем другое.

Губы Верховного Мастера яростно шевелились, на морщинистых губах выступила пена.

— Предатель! — пронзительно закричал он. — Ты недостойн называться Сыном Тараниса! Верни мне торк!

Ребурн рефлекторно прижал руку к горлу, где охлаждал кожу налитой силой торк. Потом покачал головой.

— Если вы не пойдете, отдайте мне манускрипт, — потребовал он, — и позвольте отвезти его в безопасное место.

Черные глаза Верховного Мастера зажглись диким огнем.

— Так вот что ты планировал все время! Любыми средствами вырвать манускрипт Фюрера у меня из рук! О, ты похож на своего отца! Тот тоже думал, что может сделать это, но ошибался, как и ты!

Он вскинул руку. Стрела черного пламени сорвалась с пальцев и зажгла торк таким всплеском слепящей боли, что Ребурн закричал и отшвырнул его. Торк покатился и упал в лужу крови рядом с безжизненным телом Вемисса. Верховный Мастер бросился за ним и поскользнулся в крови, а Ребурн достал еще неиспользованный медальон и ожесточенно швырнул его в Верховного Мастера, потом быстро опустился и схватил жертвенный нож. Он хотел взять и манускрипт, но Верховный Мастер, уже сжимающий торк в окровавленной руке, закричал, когда обернулся и увидел намерение Ребурна.

Потенциальная угроза подхлестнула Ребурна. Он круто повернулся и побежал.

* * *

Дуарт и пятеро его людей методично прочесывали западное крыло, их продвижение то и дело прерывалось вспышками автоматного огня. Адам завернул за угол и замер.

— Слушайте! Что это за шум?

Маклеод прислушался.

— Похоже, тот вертолет, которого никто не видел. Дуарт! — резко окликнул он. —

Сзади! По-моему, кое-кто из наших птичек хочет упорхнуть!

По знаку Дуарта четверо его людей бросились на шум.

— Идите с ними! — велел Адам, и Маклеод побежал следом. Тем временем Дуарт добрался до цокольного этажа башни. Там они нашли три окровавленных тела в белых балахонах; кто-то явно добрался до них раньше солдат. Дверь, ведущая на темную винтовую лестницу, была распахнута, и Дуарт уже осторожно поднимался по первым ступеням, пока его товарищ проверял трех людей на земле.

— Вот и все, не так ли? — Перегрин, побелев, как снежный камуфляж, смотрел на бойню.

— Почти, — сказал Адам, проскальзывая мимо Перегрина к лестнице. — Я пойду первым.

Винтовая лестница находилась во второй, меньшей башне, пристроенной к первой. Ее слабо освещал лунный свет, льющийся через узкие прорезы окон на каждом витке. По дороге к верхнему этажу они миновали только одну площадку: пустая спальня и темная, с закрытыми ставнями, комната, похожая на библиотеку. Адам и Перегрин ждали на лестнице, пока спецназовцы не объявили ее безопасной, потом все четверо продолжали подъем.

Постепенно лестницу начал заливать желтый свет, и на последнем витке Адам велел Дуарту замедлить ход. Самый воздух на лестнице потемнел от враждебной энергии, но теперь настала пора проявить опыт Адама.

Проскользнув мимо майора САС, Адам осторожно прошел вперед и остановился перед самой верхней площадкой, где желтый газовый свет заливал порог комнаты. Что-то металлическое блестело на полу у порога: вполне ожидаемый медальон Рыси, — и это означало, что по крайней мере один из врагов, несомненно, затаился в комнате.

Адам спокойно обернулся к Перегрину и двум военным, следующим за ними по пятам. Как Охотник он знал, насколько опасен загнанный в угол зверь; как Повелитель Охоты он был обязан поймать зверя с как можно меньшим ущербом для сотоварищей-Охотников и тех, кто находится под их защитой. Дуарт считал, что он защищает Адама и Перегрина; на самом деле именно Адам должен был теперь защищать их всех.

— Дальше я сам. Вы двое возвращайтесь вниз и ждите с мистером Ловэтом.

— Адам... — начал Перегрин.

— Выполняйте, — сказал Адам тоном, не допускающим возражений. — То, что произойдет здесь, — мое дело.

Они отступили с явной неохотой, но не раньше, чем Дуарт вложил в левую руку Адама браунинг, многозначительно сняв с предохранителя. Адам расправил плечи и молча препоручил себя и всех соратников неизбывной защите Света, потом облекся покровом власти, свидетельствующим, что он не только Повелитель Охоты, но и Хранитель Мира. Учитывая деяния обитателей башни, Адам не сомневался, что они смогут увидеть астральную ауру этой власти, а не только его физическую форму. Он теперь знал также и источник и пределы их силы и знал, что в силах противостоять этому.

Он спокойно поднялся по последним трем ступеням и остановился перед дверью.

Его добыча скорчилась посреди кучи алых подушек — лысая, похожая на гнома фигура в струящемся белом одеянии, спереди залитом кровью. Вокруг лежало около дюжины тел. Несколько мертвецов выделяли психические следы выхода в Нематериальный Мир; вероятно, это были те, кто участвовал в атаке рысей.

Но у троих ближайших к нему, в том числе двух женщин, на шеях были затянуты алые узлы — явно совсем недавно. Адам ощущал силу, которую впитал убийца от их добровольной жертвы. Их головы лежали на подушках вокруг него, руки были раскинуты в знак подчинения, но по-настоящему важно было то, что старик держал в руках.

Тощие, искривленные руки прижимали к окровавленной груди пожелтевший лист пергамента. На тонкой шее висел тяжелый торк из метеоритного железа, чернота которого оттенялась темными топазами и выведенными серебром пиктскими символами. Адам раньше мельком видел торк в видениях и теперь отшатнулся от исходящей от него темной стихийной

силы. Ощущая злую мощь, связанную с тем, что написано в манускрипте, Адам наклонился и положил бесполезный здесь пистолет на пол лестничной площадки, потом выпрямился, не отрывая взгляда от своей добычи.

— Ты здесь Верховный Мастер? — сурово спросил он. Яростные черные глаза злобно уставились на него с морщинистого, пепельного лица.

— Я, — прошептал человечек в белом балахоне.

— Тогда властью, данной мне Советом Семи как Повелителю Охоты, приказываю тебе оставить этот пост и сдать артефакты и орудия, ныне находящиеся в твоём распоряжении.

— Как ты смеешь? — Верховный Мастер нетвердо поднялся на ноги, в его шуршащем, как могильный саван, голосе звучала истерика. — Как смеешь ты требовать от меня такого в моем собственном доме? Уступить тебе мою силу? Ну, нет! Нет, пока я еще обладаю средствами самому решать свою судьбу! Вот средоточие моей силы! — Он расхохотался, как безумный, и резко ткнул большим пальцем в торк на груди. — И вот!

Он указал пальцем на медальон с головой рыси, лежащий на полу между ними, раздвинул губы в ухмылке черепа, потом отступил на шаг и воздел обе руки театральным жестом призыва.

Адам быстро переступил порог. Когда воздух в комнате вскипел гулом собирающейся энергии, он медленно наступил на цепь от медальона на полу. Поймав взгляд Верховного Мастера, направил на медальон кинжал и произнес Слово. Клинок, камень в головке эфеса и камень кольца на среднем пальце полыхнули голубым светом — и с внезапным воем темная аура силы в воздухе заколебалась и ослабела, как отключенная динамо-машина.

Ошеломленный Верховный Мастер уставился на Адама, наконец заметив астральную власть за простым физическим присутствием.

— Игра окончена, Верховный Мастер, — спокойно сказал Адам. — Тот, Кому я служу, не позволит мне пострадать от твоих рук. Я знаю источник и меру твоей силы. И снова я требую, чтобы ты положил то, что украл и неправильно использовал, и сдался законной власти Света.

— Ты не смеешь судить меня, — прокричал Верховный Мастер, крепче прижимая манускрипт к груди. — Я всю жизнь собирал то, что лежит здесь. Цель близка. Таранис зовет меня быть его бичом против ничтожных смертных, как дети играющих с тем, что никогда не могут понять. Зачем искать Свет, когда Тьма манит столь сладкой силой? Ты не смеешь судить меня.

— Мое дело не судить, а только привести тебя на суд, — сказал Адам. — Положи манускрипт и торк.

Дрожа, Верховный Мастер покачал головой, его взгляд бешено рыскал по комнате в поисках спасения.

— Они мои! — прошептал он. — Я никогда не отдам их... никогда!

— Ни ты, ни они не покинете эту комнату, — сурово возразил Адам. — Положи манускрипт и торк.

Плечи Верховного Мастера опустились. Мгновение казалось, что он готов сдаться. Старик неловко наклонился, чтобы благоговейно коснуться манускрипта у ног... Затем внезапно распрямился, обхватив торк обеими руками и устремив безумный, пронизывающий взгляд на потолок.

— Ударь, Владыка Таранис! — пронзительно закричал он. — Ударь, Громовержец! Прими слугу твоего и его жертву — смерть врагов твоих!

Раскат грома прокатился над головой, раздался громкий треск. Молнию метнул сам торк. Вскинув руки защитным жестом, Адам схватил астральную силу, находящуюся в его распоряжении, и обернулся ею, как вакуумным колпаком, отражая атаку. С разрушительным грохотом и вспышкой ослепительного света крыша разлетелась, и стрела голубой молнии рассекла прямо и точно, как копье, торк на шее Верховного Мастера.

Все произошло слишком быстро. Адам увидел, как напряженное тело Верховного Мастера поглотила стена бушующего огня; морщинистое лицо старика выражало смесь

исступленного восторга и муки. Таранис взял свое.

Адам, защищая глаза от вспышки, попятился на площадку. С ревом взорвался газовый свет, и весь пол комнаты исчез.

Сила удара отбросила Адама на лестницу. Еще одна, даже более яркая вспышка разорвала воздух, открыв зияющую трещину в пространственной материи неба над башней. Небесный огонь пролился из трещины, очищая комнату пламенем, сметая все на своем пути. В огне, как показалось Адаму, промелькнули их прежние астральные союзники, теперь пешие, наносящие удары направо и налево огненными мечами, разрушая все, чего касались клинки, поднимая их в огне небесного величия — настолько же непохожие на молнию Тараниса, насколько свет солнца не похож на лунный. Волна, поднятая их уходом, подхватила страницы манускрипта, закрутила безумной спиралью пылающие листы.

Потом в последний раз сверкнула молния, и трещина в небе с гулким раскатом сомкнулась.

* * *

Маклеод и его спецназовцы в унылом молчании беспомощно смотрели, как исчезают в ночи огни вертолета. Кинсей, стоящий рядом с Маклеодом, выбросил пустой рожок от автомата и загнал в магазин другой.

— Черт! — пробормотал он под нос.

— Именно, — ответил Маклеод, глядя вслед удаляющимся огням.

Один из сержантов уже говорил по рации, но даже если бы с базы сразу поднялся в воздух боевой вертолет, остановить беглецов это бы уже не успело.

Люди поворачивались, чтобы зайти в дом, когда кипящие тучи в небе вдруг расступились, и колоссальная молния ударила прямо в башню. Толчок швырнул их на землю; они отчаянно пытались прикрыть головы от посыпавшихся дождем обломков.

У подножия башни, когда опустилась тяжелая тишина, Перегрин поднялся и со страхом посмотрел на лестницу. У него за спиной зашевелились Дуарт и его люди, один из них настойчиво пытался связаться со своими товарищами.

— Иисусе, что это было? — пробормотал Дуарт с благоговейным ужасом. — Ловэт, не ходите туда! Башня может рухнуть в любую секунду!

Но Перегрин уже полез вверх, скользя и спотыкаясь на обломках, которых становилось все больше и больше. Он добрался до промежуточной площадки, где всего несколько минут назад они с Адамом ждали, пока Дуарт и его подчиненный проверят библиотеку и спальню. Теперь там, где была библиотека, весь ствол башни разверзся, перед ним были только земля и небо. Перегрин, чувствуя тошноту от страха, посмотрел на то, что осталось от лестницы, — и вскрикнул от облегчения, когда высокая прямая фигура в перепачканном копотью зимнем камуфляже появилась из оседающей пыли и дыма.

— Адам!

Все еще нетвердо держась на ногах, Адам доковылял до площадки и опустился на последнюю ступеньку, одной рукой схватив Перегрин за плечо.

— Я в порядке. И все наверху тоже.

— Но что произошло? Такой колоссальнейший грохот!..

Адам улыбнулся.

— Хозяин башни просил своего темного владыку принять его — и тот принял. Но, по моему, не так, как этот тип надеялся. Нельзя заключить сделку со стихиями. А когда хрупкое равновесие нарушается, те, кому на более высоком уровне назначено устранить дисбаланс, спохватываются и устраивают генеральную уборку.

— Те, кого мы видели раньше? — чуть слышно прошептал Перегрин.

— Другое подразделение той же армии, — хмыкнул Адам. — Пойдите поглядите.

Наверху, когда Перегрин обратил взгляд к небу, он увидел то, что надеялся увидеть раньше: астральный полог, смыкающийся над замком, чтобы закрыть дыру. Сверкающие

нити, созданные Кристофером и Охотниками в Стратмурне, уже заполняли щель, сплетая над дырой новую материю света, делая ее даже крепче прежнего. Их Работу поддерживал более слабый свет доброй воли миллионов людей по всему миру, которые, пусть и не сознавая того, стремились к Свету мириадами путей.

— Ну, фейерверк по крайней мере закончен, — сказал Адам, вставая с помощью Перегрину на ноги. — А пока нам лучше спуститься. Я все-таки врач и могу понадобиться.

Внизу Дуарт собирал своих людей на улице, их медик уже занимался ранеными. Было множество огнестрельных и рваных ран, мало кто остался невредим, однако никто не погиб. Спецназовский майор встал, когда Адам вышел, быстро отсалютовав автоматом, потом подошел и обменялся с ним масонским рукопожатием — два Мастера-Каменщика. Маклеод был недалеко от Адама и Перегрину и тоже приветственно махнул автоматом, когда они повернулись к нему.

— Ребурн? — тихо спросил Адам. Маклеод покачал головой.

— Смылся. Но в следующий раз мы его возьмем.

Издали постепенно приближался гул вертолетов, яркие лучи прожекторов обшаривали темноту. Адам быстро обошел раненых, убеждаясь, что первая помощь уже оказана, потом направился туда, где на заснеженную лужайку садился уэссекский вертолет.

Первым вышел Великий Мастер и, хлопая глазами, уставился на Адама, потом снова перевел взгляд на картину явного опустошения.

— Миссия выполнена, Великий Мастер, — сказал Адам, обмениваясь с ним масонским рукопожатием. — Собратья прекрасно справились со своим делом.

— Но что...

Адам улыбнулся.

— Позже, сэр. Мне еще самому надо разобраться. Братство теперь может отдохнуть и продолжать Работу. Полог восстановлен.

— Все это...

— Знаю, — устало промолвил Адам. Заметив вылезавшего из кабины пилота, он извинился и пошел туда.

— Лейтенант, прошу вас о личном одолжении... Можете подключить меня к телефонной линии через ваше радио?

— Конечно.

— Ну так давайте, — пробормотал Адам с усталой улыбкой, заталкивая пилота обратно в кабину.

Надо было позвонить в Стратмурн и в Эдинбургский замок, а потом поздравить с Новым годом одну заинтригованную леди в Эдинбурге.